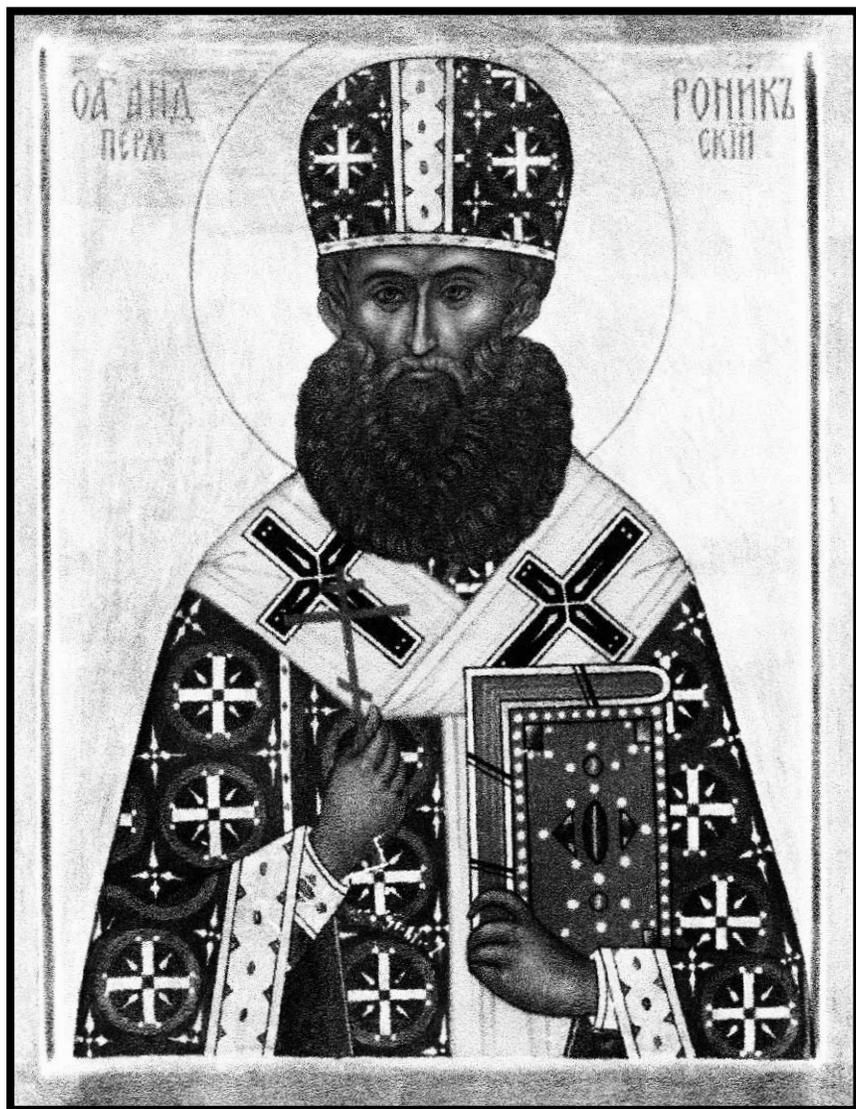

*Духовное наследие
мучеников и исповедников
Русской Православной
Церкви*

∞❖∞
*Духовное наследие
мучеников и исповедников
Русской Православной
Церкви*

**Священномученик
Андроник (Никольский; 1870—1918),
архиепископ Пермский**

ТВОРЕНИЯ

Книга I

Статьи и заметки

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ 2004

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II

*Духовное наследие
мучеников и исповедников Русской Православной Церкви*

Священномученик Андроник (Никольский; 1870–1918), архиепископ Пермский
Творения. Книга I. Статьи и заметки

Издание регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»

ББК 86(Кр)
Ф 15

Редакторы – Галина Новикова,
Николай Новиков

© Региональный общественный Фонд
«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви». 2004

ISBN

© Оформление серии – Новиков Н. М.

Предисловие

Священномученик Андроник относится к категории архиереев-подвижников и евангельски бескомпромиссных продолжателей апостольского дела, вполне воплотивших в своей жизни целостный христианский идеал. Он хорошо знал окружающую его жизнь, знал ее на практике, он сам старался вносить в нее свет христианского учения, и потому описание нравственных и духовных недугов, от которых страдало и страдает до сих пор русское общество, сделано им с исключительной точностью, как духовным врачом, не только издали наблюдавшим больного, но и непосредственно лечившим его, почему и средства, предлагаемые им, бесспорны.

Национальное и религиозное самосознание, как система целостного мировоззрения, только начало обретать форму в России в XX веке, когда было безжалостно погашено безбожной революцией. Можно жить, не особенно отдавая себе отчета в том, для чего и почему мы живем и кто мы такие, но для всякого народа и для всякого человека наступает час, когда необходимость ответить на эти вопросы становится равнозначной вопросу жизни и смерти. Священномученик Андроник, внося свет евангельских идеалов в народную жизнь, сделал попытку ответить на них.

*Игумен Дамаскин (Орловский),
член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
Председатель регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»*

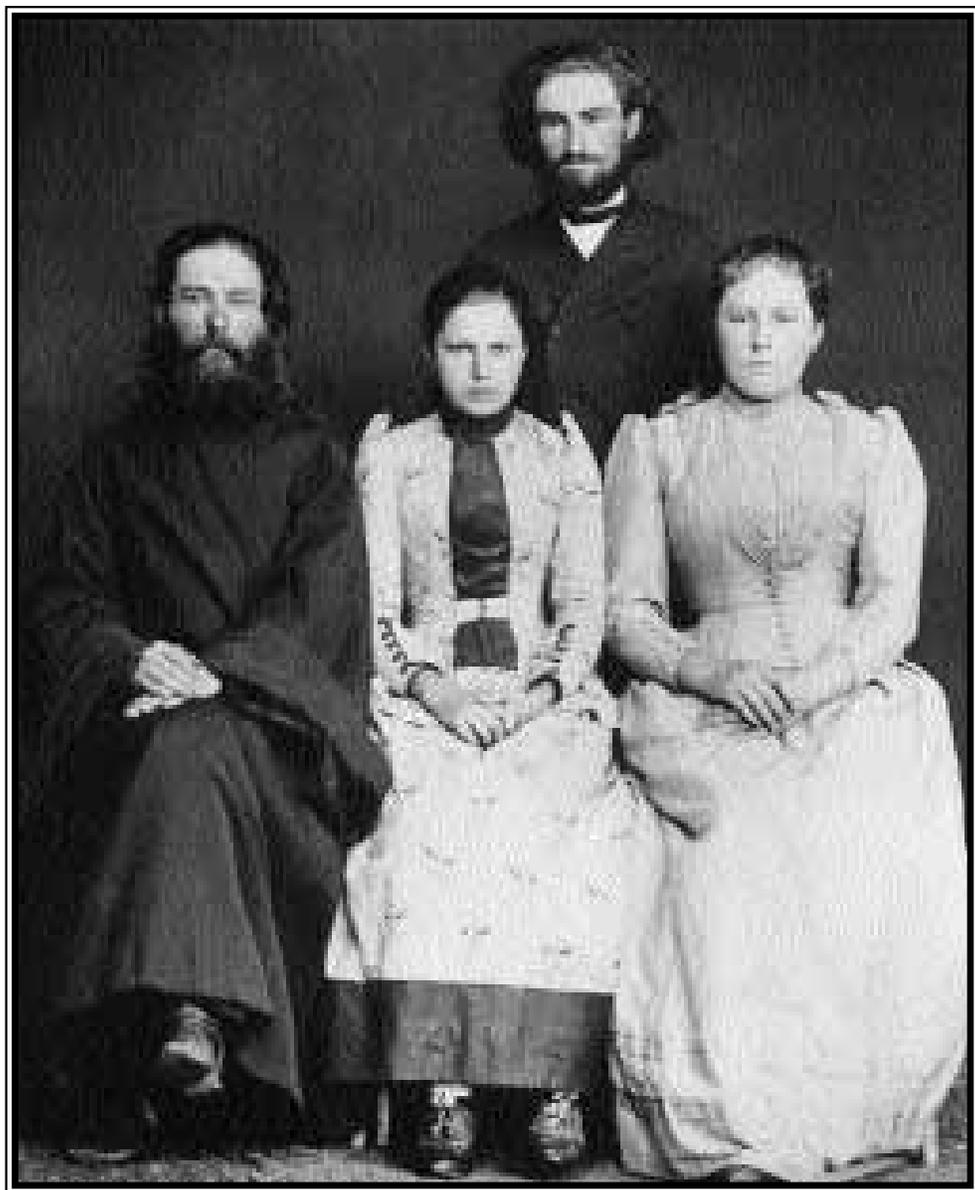

ЖИТИЕ

священномученика Андроника (Никольского), архиепископа Пермского

Священномученик Андроник (в миру Владимир Александрович Никольский) родился 1 августа 1870 года в селе Поводнево Мышкинского уезда Ярославской губернии в семье псаломщика Александра Георгиевича Никольского. Александр Георгиевич стал служить псаломщиком в Преображенском храме села Поводнево с 1867 года, когда ему исполнился двадцать один год. Его отец, Георгий Гаврилович Никольский, был священником села Княжево Мышкинского уезда.

В Поводневе в то время было около сорока домов, в которых проживало примерно двести пятьдесят жителей, а весь приход состоял из восемнадцати деревень, где жило около тысячи прихожан. В 1880 году Владимир Никольский поступил в Угличское Духовное училище, а по окончании его, в 1885 году – в Ярославскую Духовную семинарию. В 1891 году Владимир окончил семинарию по первому разряду и поступил в Московскую Духовную академию. Сразу же по поступлении он изъявил желание принять монашество, случай в те времена нечастый, свидетельствующий о большой решимости и твердости характера юноши. На втором курсе в день своего рождения он был пострижен в монашество с именем Андроник, а 6 августа того же года – рукоположен во иеродиакона.

Владимир Александрович Никольский с отцом, диаконом Александром,
с сестрами Елизаветой и Марией

Во время каникул после окончания 3-го курса иеродиакон Андроник и инспектор академии архимандрит Сергей (Страгородский) были направлены в Самарскую губернию для лечения кумысом. Здесь они впервые стали обсуждать, что из себя представляет миссионерское служение.

В 1895 году иеродиакон Андроник окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия и 22 июля того же года был рукоположен во иеромонаха и назначен помощником инспектора в Кутаисскую Духовную семинарию. Через год иеромонах Андроник был назначен преподавателем, а затем инспектором Александровской миссионерской семинарии. Семинария находилась в местечке Ардон на Северном Кавказе в Осетии. Усердием ее основателей и устроителей она скоро приобрела твердую положительную репутацию среди крестьян-осетин. В 1896 году желающих учиться в ней было во много раз больше, чем она могла принять. Безусловное доверие крестьян к миссионерам, жажда христианского просвещения, повседневное общение с этими простыми людьми на их родине среди цветущих лугов и пастбищ – все это доставляло молодому преподавателю огромную радость. Великое счастье понести труд апостольский среди жаждущего христианского просвещения народа. Здесь обозначилось ясно, что при бескорыстном миссионерском служении простое сердце само отзовется на призыв слова Божия. Общение с крестьянами действовало на молодого пастыря вдохновляюще. Среди детей он сам становился ребенком. И хотелось прожить в этом месте всю жизнь, трудясь на ниве народного просвещения. Он уже готовился ко второму учебному году, когда в сентябре 1897 года получил телеграмму с назначением его миссионером в Японию. Попрощавшись с преподавателями и учениками, отец Андроник выехал в Санкт-Петербург. После улаживания всех формальностей, связанных с назначением, он поехал навестить родных, а затем побывал в Москве и Казани, попрощался с друзьями и знакомыми.

Путешествие в Японию заняло несколько месяцев. Плыли вдвоем с архимандритом Сергием (Страгородским), также назначенным в миссию в Японию. Ехали через Италию, Грецию и Северную Америку.

Архимандрит Антоний (Храповицкий), ректор Московской Духовной академии (в центре), иеромонах Сергей (Страгородский), инспектор академии (слева от него), иеродиакон Андроник (Никольский), крайний справа

На отца Андроника это путешествие произвело огромное впечатление. Везде, где приходилось останавливаться, они посещали древние христианские святыни, катакомбы и гробницы мучеников, молились у мощей святителя Николая Мирликийского, побывали на развалинах древнего Колизея, прославленного множеством замученных в нем христиан. И везде знакомились с современным состоянием христианства, в Италии – католицизма, в Греции – православия. Удивила и поразила их прекрасная постановка преподавания у католиков, и в особенности у иезуитов, и невежество и нищета у греков. Удивило, как много католики трудятся, сколько вкладывают усилий в свои мероприятия, и все это не ради Христа, а ради католической идеи. Поразило несоответствие великих христианских святынь, въяве свидетельствующих о безраздельном служении древних христиан Единому Богу, и современного католического мира, который только по названию еще оставался христианским, все свои усилия полагая на служение и угождение человеку. Активная деятельность проповедников, звучащая в храмах органная и даже оркестровая музыка – все это предпринималось в потворство страстям современного человека, чтобы дать ему почти те же развлечения, что и безбожный мир, но только бесплатно. В проповедях христианство звучало всего лишь как тема, взятая проповедником для того, чтобы показать свои ораторские способности. Проповедники наперебой спешили услужить своей пастве. Таинство исповеди превращалось в средство удержания паствы в лоне католицизма.

Молитва на камнях Колизея, политых мученической кровью, у гробниц первомучеников-христиан, сравнение их жизни с жизнью вокруг и собственной, всегда недостойной, вдохновляли на подвиг, на верность Матери Церкви, пронзительно сияющей среди всеобщего разрушения.

«Все мы, христиане, – писал отец Андроник, вспоминая подвиг мучеников, – должны позаботиться, чтобы общее церковное сознание для всех было изменено и стало как свое, чтобы церковное начало жизни было святым и полным началом для всех нас. И чем крепче и сильнее будем мы сознавать себя живущими в Церкви, тем непобедимее явим-

Иеромонах Андроник (Никольский) и архимандрит Сергей (Страгородский).
Япония. 1898 год

ся для всяких ухищрений сатаны. Вот это дело и есть опять дело крови христиан».

Стоя в катакомбах у гробов мучеников, приникая душой к этим святыням, как было и самому не вдохновиться на подвиг.

«Здесь, на костях мучеников, создалась и окрепла церковная жизнь, – писал он, – здесь, среди скорбей и страданий изгнанников, проявилась вся сила веры Христовой; здесь исповедники веры создали непреодолимую стену и победили гордый мир славной победой духа над плотью... Поучительно проходить по этим местам минувшей сильнейшей скорби для первых исповедников веры Христовой, ничего не имевших за собой, кроме этой самой веры... Чувствуется, что вот отсеки человек самоволие и угождение себе, заботу о себе помимо Бога, поверь и скажи себе раз навсегда: «Бог нам прибежище и сила», скажи так, чтобы навсегда хранить в сердце это слово, – и начнется иная жизнь: жизнь ясная, жизнь хождения по ясным путям Божиим».

Отец Андроник давно уже жил этой верой, положив свое упование в Боге. И упование не посрамляло. Радостью духовной насыщено было для него это время, радостны были встречи с людьми, в особенности с православными, с теми, кто все земное оставил ради Христа, подобно архиепископу Николаю¹, под чье начало отец Андроник поступил, прибыв в Японию. Удивительно ему было видеть среди японской паствы результаты благодатных трудов одного человека. Помощь Божия тут была явная.

По приезде отец Андроник сразу окунулся в миссионерскую деятельность. Со временем он близко познакомился с православными общинами, которые были немногочисленны, но основаны прочно, живя полной христианской жизнью среди многомиллионного народа, поклоняющегося идолам. Японцы поразили его простотой восприятия учения Христова и глубиной веры. Они сами испытали на себе дивные знамения и чудеса, а также исцеления, о которых просили с детской верой, – и получали их. Как непреложному внимали они словам Господним: просите и дастся вам, ищите и обрящете... Они просили и получали, искали и находили. Прожить год среди такого народа, хотя бы и в

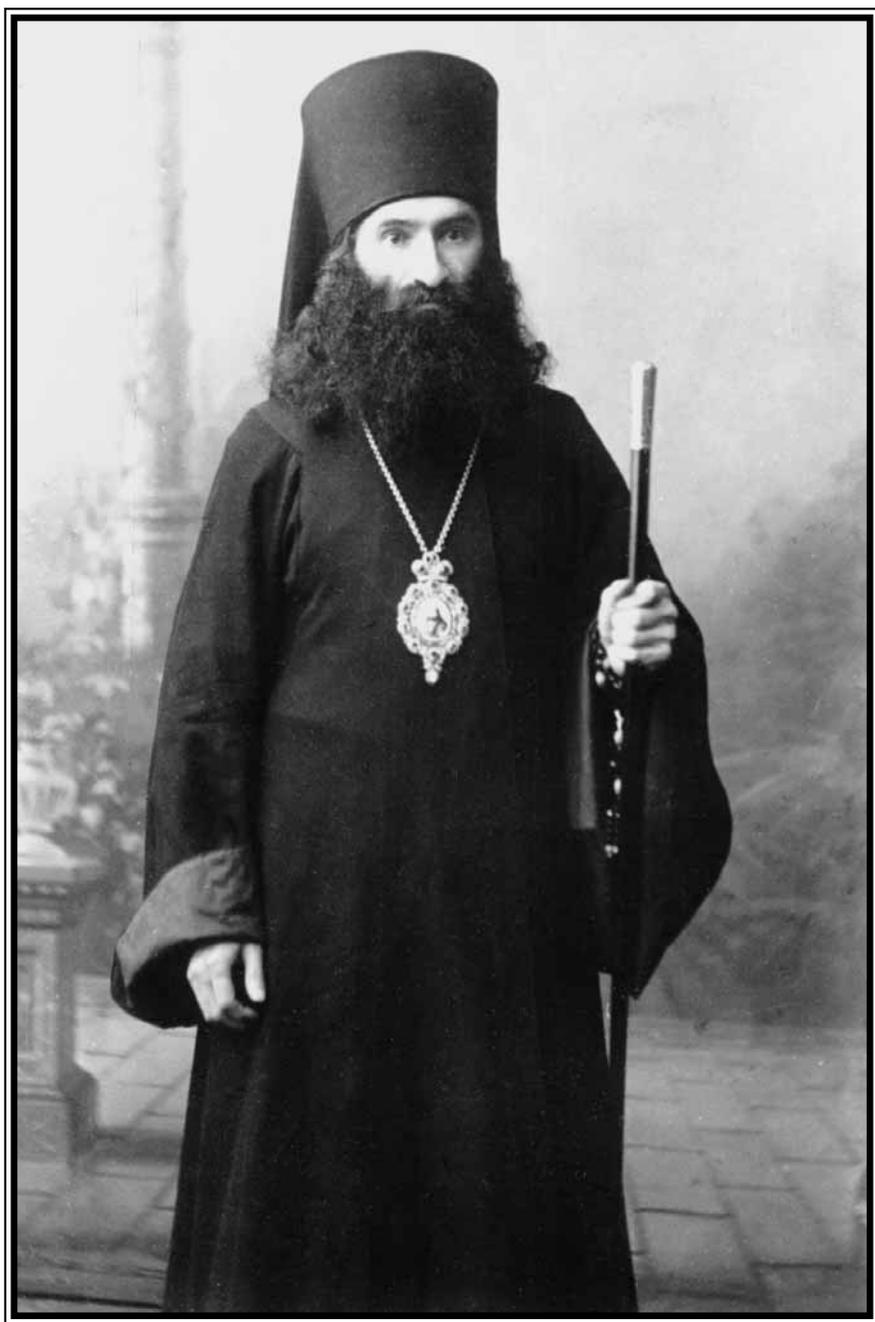

непрестанных трудах, было большим счастьем, и впоследствии он с благодарностью вспоминал время, проведенное в Японии.

Напряженная деятельность привела к расстройству здоровья, и в 1899 году он вернулся в Александровскую Духовную семинарию. 5 марта того же года он был возведен в сан архимандрита и назначен ректором семинарии. 18 октября 1901 года по ходатайству епископа Уфимского Антония (Храповицкого) архимандрит Андроник был назначен ректором Уфимской Духовной семинарии и благочинным монастырей епархии.

5 ноября 1906 года отец Андроник был хиротонисан во епископа Киотского и назначен помощником архиепископа Николая (Касаткина).

Приехав в город Осака, он нашел православную общину в плачевном положении. В храм ходило не более десяти человек, на клиросе читал и пел один псаломщик. Христиане, казалось, были рассеяны и невидимы в этом огромном языческом городе. Продолжаться так дальше не может, решил владыка Андроник, надо самому идти к пастве. И в будние дни каждый вечер с пяти часов он начинал обход домов христиан. В это время люди заканчивали свои работы и были свободны. Епископ знакомился со всей семьей. Расспрашивал, где и при каких обстоятельствах они приняли христианство, кем и когда крещены дети. Если это были некоренные жители, то он расспрашивал, где они жили до переселения, какая причина побудила их переехать на новое место, какую жизнь проводили они на старом месте, исправно ли посещают церковь и так далее. И постепенно владыка уяснял себе всю картину их жизни, всего семейного и хозяйственного уклада, насколько они тверды в вере и как велико их благочестие. Беседа шла за столом, хозяйева подавали чай, и разговор от предметов житейских переходил к предметам религиозным. Темы непринужденной беседы сами давали повод для слова назидания, ободрения, а иногда и обличения, и вразумления. Бывало, что кто-то поплачет, и епископ вместе с ним и поплачет, и посетует. Разговор переходил на историю Церкви. Владыка рассказывал о жизни первых христиан, об их ревности и благочестии. Он рассказы-

Епископ Тихвинский Андроник. 1908 год

вал о святых, о молитве и как нужно молиться, о христианских правилах и обычаях, которые должно соблюдать в жизни. И вместе со своими слушателями радовался и утешался духовной беседой. За два года епископ узнал своих прихожан, их нужды и положение каждого. И постепенно храм наполнился, и уже не один псаломщик пел на клиросе, а большой смешанный хор. И это при том, что в Японии не признаются православные праздники и православным японцам приходится совмещать их с работой.

Но и на этот раз напряженная миссионерская деятельность и неблагоприятный для епископа Андроника климат расстроили его здоровье, и 5 июля 1907 года Святейший Синод предоставил ему отпуск на родину.

В ноябре 1907 года епископ Андроник был назначен временно управлять Холмской епархией в связи с отсутствием архиепископа Холмского Евлогия (Георгиевского), избранного в то время депутатом Государственной Думы.

В 1908 году владыка Андроник был назначен епископом Тихвинским, викарием Новгородской епархии. Административное положение викарного архиерея Русской Церкви в начале XX века было довольно бесправным, в лучшем случае он мог лишь советом влиять на правящего архиерея. Но в то время правящим архиереем Новгородской епархии был архиепископ Гурий (Охотин), которому исполнилось восемьдесят лет, он почти не выходил из дома и с трудом осуществлял административные функции. Таким образом, все дело служения, проповеди, а частично и административного управления легли на плечи владыки Андроника.

Со всегдашней своей ревностью и усердием он взялся за дело. «Свое усердно неустанное служение, – вспоминали новгородцы, – владыка растворял сердечной проповедью, свое высокое положение – близким и простым отношением к православным богомольцам». Упоная только на Бога и всецело привязанный сердцем ко Христу, он не боялся общественного мнения, не смущался и общественным недовольством. Он не стеснялся открыто порицать неистовства светских

зрелищ. Когда в Новгороде была поставлена пьеса Сенкевича «Камо грядеши» и артисты пели на сцене «Хвалите имя Господне», владыка при первом же удобном случае дал отповедь устроителям постановки как богохульникам. Когда в городе был задуман вечер с балетными номерами, сбор от которого должен был пойти на раненых славян, то тут же раздалось мужественное слово епископа против мерзкого совмещения пляски с памятью о кровопролитии. Стараниями владыки в Новгороде были организованы еженедельные религиозно-нравственные чтения, которые посещали сотни людей. Епископ часто и сам бывал на этих чтениях, вел их, давал советы лекторам, своим словом дополнял ту или иную лекцию.

Увидев утомленного паломника, владыка не ленился остановиться и поддержать его словом и давал место для ночлега в своем доме. Видя сектантов, он приглашал их для вразумления к себе домой. Заботясь о городской пастве, он не оставлял без внимания и всей епархии. Сразу же по приезде в Тихвин он принялся за объезд всех церквей, входящих в Тихвинское викариатство. За один только сентябрь он проехал по Крестецкому, Боровичскому и Валдайскому уездам, посетив двадцать два сельских храма, лично знакомясь с людьми, входя в церковные нужды общин и в нужды каждого обращающегося к нему прихожанина. С места ночлега трогались часов в шесть-семь утра, чтобы пораньше поспеть в ближайший приход, и так путешествовали от церкви к церкви, останавливаясь в попутных деревнях. Места здесь глухие и дорога настолько плохая, что его часто предупреждали, что он может и не проехать, но владыка все равно ехал. В каждом селе и деревне, где он останавливался, епископ проповедовал, что ежедневно вместе с беседами занимало не меньше шести часов. Спать в этих поездках приходилось не более шести часов, а весной, с наступлением ранних рассветов, и того меньше. По целым дням приходилось пребывать в физическом напряжении, но владыка любил эти путешествия, обновляющие душу и тело. С каким благоговением встречал его народ «со крестом и хоругвями в своем приходском храме, увлекая с собой и всех детей своих! – вспоминал святитель. – Все набожно крестятся, многие плачут от бла-

гоговейной радости; многие и таясь и открыто просят совета, молитв, готовы тут же исповедать всю свою душу, умоляют принять от них – кто полотенце, кто деньги, кто даже иконку или еще что-либо от святого места принесенное... И все это до глубины души трогает, настраивая ее на благоговейный и торжественный тон от сознания раскрывающегося перед тобою благодатного Царства Божия из глубины смиренного, простого, по видимости грубого, а на деле нежного и мягкого народа русского».

Это – Церковь. Но не весь народ посещает храмы, некоторые забыли, когда и были там. Епископ смотрел на Россию и видел, как угасает дух русского народа, захваченного самыми низменными страстями, и он погружается в безбожие. Владыка писал: «Отсутствие... отпечатка набожности грустно отражается и в жизни народной. Общая теперь жалоба на народное пьянство, на безобразное, даже со смертоубийствами и непременно с драками, проведение деревенских праздников, разгул особенно молодежи, деревенские посиделки, часто толкающие молодежь на беспутство, падение семейных нравов и почтительной покорности младших старшим, тем более родителям, франтовство, бесчестье, озорство и хулиганство, мстительность и жестокость, вероломство и лживость до лжесвидетельства под присягой, что говорит уже об утрате и самой веры, ибо верующий побоится нарушать присягу. Молодое поколение и даже дети растут без всяких положительных и строгих правил жизни: какое-то одичание духовное отпечатлевается и на их лицах. А что с ними будет впоследствии, когда и сама жестокая жизнь наложит на них свой немилосердный отпечаток, особенно если принять в соображение ту погоню за материальным или, лучше сказать, животным довольством, которое сделалось характерным признаком и духом последнего времени, освободившись от духовных высоких начал жизни. Это все более чем безотрадные, зловещие признаки, при виде которых жутко становится за будущее нашей народной жизни».

8 марта 1913 года владыка Андроник был назначен епископом Омским и Павлодарским. Целую неделю перед отъездом епископа Андроника из Новгорода народ во множестве посещал акафисты, которые

владыка служил в разных церквях. 17 марта в зале епархиального дома состоялось прощание с владыкой. Было прочитано множество адресов и приветствий отъезжающему в другую епархию архипастырю. В них отмечалась неутомимость владыки в молитвенном подвиге, его готовность идти навстречу каждому доброму делу, его доступность для всякого ищущего с ним встречи. Отвечая на прочитанные адреса и речи, епископ Андроник сказал, что источником его энергии является сознание того, что каждый архипастырь и пастырь является продолжателем Христова дела, что его самого воодушевляла ревность новгородцев, неутомимых в молитве и беседах о религиозных предметах. А кроме того, – добавил владыка, – совестливым усердным исполнением своего архипастырского долга он спасает и свою душу. Через два дня толпы народа после отслуженного в кафедральном соборе напутственного молебна провожали на вокзал полюбившегося всем архипастыря.

Прибыв в Омск, владыка по своему обыкновению сразу же отправился в поездку по епархии. Путешествуя от села к селу, преодолевая сотни километров, епископ в каждом приходе подробно знакомился с жителями и духовенством. В станице Становой Петропавловского уезда владыка долго беседовал с детьми местной школы, а затем, обратившись ко всему народу, сказал примерно следующее: «Чтобы жить по Божьи, надо знать волю Божию, закон Христов, Его учение, а это можно узнать из святого Евангелия; поэтому необходимо, чтобы Евангелие было у всех, его надо читать, учить, надо помнить, что это слова Самого Господа нашего Иисуса Христа. В дни праздничные и воскресные не хорошо сидеть по домам и предаваться обычной суете и суетолоке. Один день в неделю надо отдавать для Бога, для спасения своей души и приходить в храм Божий для общей усердной молитвы. Чтобы молитва ваша была более воодушевленной, заводите общенародное пение, начинайте с известных вам молитв и постепенно достигните того, что будете петь всю всенощную и литургию. Любите святой храм, пойте все, не сидите в праздники по домам, посещайте церковь Божию, тогда «напитаете душу свою благочестием», как святые угодники. Ведите добрую жизнь, читайте Евангелие и другие добрые книги, например

жития святых, и из них учитесь благочестию. Раньше книги были дороги, их в старину сами переписывали и читали, а теперь и книги дешевы, да усердия к чтению мало. Родители, читайте святые книги и детей к этому приучайте, особенно строго проводите день Божий – праздничный, «как день Господень». Вообще же будьте благочестивы как в праздники, так и в будние дни. Мне известно, что пьянство среди вас не привелось. Это очень хорошо, берегитесь и впредь от него. Весьма похвально ваше намерение устроить новый иконостас. Однако, заботясь о внешнем благоукрашении храма, не забывайте и внутреннего храма – своей души, украшайтесь набожностью и благоговением... Есть благоговейные люди, которые так себя ведут, как будто постоянно видят Бога, носят Его в сердце своем, на лице у них мир и спокойствие. К такому Бог близок, и они близки к Нему. Эти благочестивцы подобны преподобному Серафиму Саровскому и другим угодникам Божиим, проводившим святую жизнь... вместо того чтобы «перемывать косточки другим» своим языком, как это часто бывает, беседуйте о святых, чтобы учиться доброму, а не худому».

В селе Севастопольское Петропавловского уезда владыка стал опрашивать детей. «Школьники отвечали неважно, почему в беседе владыка сказал: “Молитва – не урок, ее надо читать не тогда, когда кто-либо спрашивает, а всегда... Когда ты молишься, то беседуешь с Богом. Как же ты будешь просить Бога о чем-либо, если даже не хочешь знать молитв. Молитва – это первое, самое святое дело”. После ряда наставлений детям владыка обратился к народу: “Родители и все старшие, следите за детьми: пусть они не забывают молиться Богу, пусть знают молитвы – это дело не только школы, но и ваше. Если дети испортятся не по вашей вине, – Господь с вас не взыщет; если же дети будут вами воспитаны плохо, то дадите ответ за них Самому Господу. Легко выпрямить молодое деревце, трудно – дерево старое. Так и детей: как молодое дерево свободно можно погнуть куда угодно, так детям легко дать доброе или плохое направление. В детском возрасте хорошо прививать все доброе. Худо бывает, когда родители и пример худой подают, и не обращают внимания на детей; худо и тогда, если худого приме-

ра родители хотя и не дают, но и доброго тоже не сообщают. Ребята все от вас перенимают, и перенимают очень быстро: они со свежей душой, чистой, не запачканной житейской грязью. Зная это, и учите своих детей, чтобы не стыдно было Господу ответ дать за них... Если бы родители сами молились и любили молитву, то, конечно, и дети научились бы молитве; очевидно, вы и сами полениваетесь, и детей-то забываете. Бойтесь прогневать Бога. Все начинайте и оканчивайте молитвой к Господу и ходите по Его святой воле. Из святого Евангелия вы узнаете, как жить по-Божьи. Вот и читайте святое Евангелие, учитесь закону Божию, а время всегда найдется, если захотите быть истинными христианами. Будете поступать так, тогда и имя “христианин” не будет у вас напрасным, и крест Христов носить будете тоже не напрасно».

В станице Пресногорьковской, «узнав, что казаки не озаботились отводом надлежащих зданий для школ, владыка пристыдил их: “Станица существует давно, а вы, казаки, до сих пор не думаете о том, чтобы детям вашим было удобно учиться. Стыдно, и стыдно вам, казакам, тем более что многие переселенцы опередили вас, – сказал владыка. – Видимся мы с вами нечасто, а и теперь вас собралось маловато. Значит, вообще вы ленитесь посещать храм. Если же вы таковы, то где дети ваши увидят добрый пример? Смотрите, чтобы дети ваши “не пошли еще хуже и не запечатали бы храм”. Крест Христов вы носите, а христианскую жизнь не показываете. Так жить нельзя. Такая жизнь походит на то, как если бы казак надел военные доспехи, а при нападении неприятеля струсил и побежал.

Вы называетесь христианами, а грехи одолевают, и вы малодушествуете, вместо того чтобы благочестием искупить их и к благочестию и детей приучить. В старину добрая мать, едва только ребенок начинает лепетать, вкладывала в его сердце святое, рассказывая ему о житиях святых. А теперь? Теперь дети только и знают то, что учат в школе, да и это, по нерадивости родителей, забывают за лето. У вас, например, две школы, но вы плохо заботитесь о них и детей начинаете учить поздно, даже с двенадцати лет. Какая уж тут забота, где тут говорить об усердии? Кроме этого до меня дошли слухи, что вы не хотите отопли-

вать храм. Если это так будет, то знайте: храм ваш будет закрыт, вы будете приписаны к другому приходу и Господь вам не простит этого – Он тогда накажет вас... Подумайте о том, что жизнь наша начинается в храме в таинстве крещения и здесь же оканчивается, когда нас приносят за молитвой на вечное упокоение”».

В Омске владыка сразу же начал ту созидательную деятельность, которой он был всецело занят на других кафедрах, став помощником для всякого труждающегося в духе Христовом пастыря и грозным для всякого обманщика и лжеца, для пытающегося не трудиться, а лишь подольститься к начальству. Непримирым к духу раболепства, обмана и угодничества перед ним, как перед начальником, но все чаще сталкиваясь с этими отвратительным явлением, владыка в конце концов обратился к духовенству Омской епархии с посланием, в котором писал: «Я желаю слышать и видеть чистую правду, как бы она ни была грустна. Не потерплю одного показывания товара лицом, бумажной деятельности, хвастливого расписывания несуществующих начинаний и дел, и от всякого о том готов выслушать слово правды, чтобы фальшивых людей выводить наружу. Но не потерплю и тех, кто вместо правды принесет ко мне наглую ложь на собрата, оклеветает его в надежде остаться нераскрытым, в предположении оболгать меня видом откровенности, прикрывающей низкое наушничанье. Такого я назову перед всей епархией лжецом, как назову хвастливым лжецом и того, кто обнаружен будет расписывающим и рассказывающим о несуществующих своих заслугах в пастырской деятельности. Того и другого буду строгому взысканию подвергать, вполне ими заслуженному...

Все это прошу духовенство епархии принять во всегдашнее внимание. Несказанно радуюсь всякой вашей инициативе в пастырском деле. Радуюсь, когда кто-либо приводит в исполнение мои указания и предложения или прямые распоряжения. Такого готов и на новые труды всячески воодушевлять и воодушевлять, желая, чтобы он не ослабел в начатом пути. Но противно для меня все, что делается только в угоду мне, а не по долгу пастырства, от радости воспользоваться добрым указанием... Но еще более противно, когда, подделываясь под тон началь-

ства, спешат показать вид, что все веления его они и в жизнь уже проводят, и все так прекрасно и идет, как описано в предложении или распоряжении начальника; противно, когда такая деятельность бывает только на бумаге да на словах, а не на деле. Тем или иным путем это непременно обнаружится, а при обнаружении мною же и доказано будет. Тогда пусть всякий такой показной деятель знает, что он будет заклеимен, как хвастливый лжец, а не пастырь, искренне озабоченный своим делом, хотя и ошибающийся, но посильно и усердно все старающийся сделать, что поспособствует доброму его деланию. Лучше потише и полегче, если нет сил и умения, да пусть все будет на деле, чем крикливые успехи и даже не начатое дело, но умело показанное, как блестящий фейерверк».

В августе 1914 года стало известно, что Святейший Синод переводит епископа Андроника на кафедру в Пермь. Свой отъезд владыка назначил на 15 августа, на день празднования Успения Божией Матери – престольный праздник в омском соборе. В этот день владыка совершил литургию в сослужении епископа Мефодия (Красноперова) и десяти священников. После литургии, молебна и благословения всех молящихся, которые в течение долгого времени подходили к владыке, епископ приехал в архиерейский дом, где его уже ждали губернатор, городские чиновники и духовенство. Первым к нему обратился епископ Мефодий, выразив скорбь о разлуке с архипастырем, при котором в столь краткое время развилась церковная жизнь. Он поблагодарил владыку за все доброе, сделанное им для епархии, и за доброе дружеское отношение к нему лично и в заключение подарил епископу четки.

За время служения епископа Андроника в Омской епархии им было утверждено множество добрых начинаний, некоторые из них могли бы показаться незначительными в другом месте, но для Омского степного края они были очень существенны – как, например, ежегодная, по настоянию и благословию владыки, посадка всеми учащимися деревьев, садов, чтобы сизмальства воспитывать в детях любовь и бережное отношение к природе, которая «всякой былинкой, всяким ручейком, всякой птичкой возвещает нам о Боге, Которым полон весь мир, Им со-

творенный». По инициативе епископа в городе Семипалатинске были устроены краткосрочные педагогические курсы для ста учащихся церковных школ Омской епархии. Благодаря личному участию епископа в Омске были устроены миссионерские курсы, за что были чрезвычайно благодарны пастыри Омской епархии; миссионерское дело было поднято епископом на такую высоту, что религиозно воодушевило все православное население огромного района Западной Сибири. Епископ Андроник периодически устраивал миссионерские курсы для всей епархии, организовывал кружки ревнителей благочестия и сестричества, курсы миссионерские и псаломщицкие. В целях подъема православного церковного настроения и противоборства сектантству владыка выписал из Новгорода святые иконы прославленных угодников Божиих, которые затем неслись с великой торжественностью во многочисленные крестные ходы; причем крестные ходы сопровождались произнесением проповедей, что способствовало просвещению народа и подъему религиозного чувства.

Духовенство епархии, встретив в архипастыре поддержку своим благим начинаниям, воспрянуло духом, почувствовав, что в новом епископе оно обрело мудрого и самоотверженного вождя, готового в любую минуту положить свою душу за вверенную ему паству. Почти единоличными усилиями епископа Андроника были собраны средства на устройство храма иконы Знамения Божией Матери, где на постоянной основе должны были происходить беседы, миссионерские чтения, собрания трезвенников, продажа и распространение книг, листовок и брошюр. Желая удовлетворить запросы интеллигенции, епископ организовал в Омске проведение систематических богословских лекций, привлекая к этому делу образованное духовенство и укрепив его своим личным частым участием. Народ, духовенство и общество охотно откликнулись на это живое дело, и зал богословских чтений был всегда переполнен до тесноты. При Омском епархиальном братстве епископ организовал епархиальное общество трезвости. Для более успешной его деятельности владыка благословил регулярно проводить в епархии торжественные празднества трезвости с крестными ходами, пропове-

дями, раздачей литературы, в которых стали участвовать тысячи людей. Народ с доверием откликнулся на инициативу владыки и сотнями пошел записываться в ряды армии трезвенников.

Один из соратников архиерея от лица всех обратился к епископу Андронику со словом, которое с наибольшей ясностью характеризует их отношение к владыке: «Образ ваш как архипастыря – ревнителя веры и беззаветного труженика, пламенного проповедника и мудрого наставника навсегда останется в нашей душе как идеальный образ носителя апостольских заветов в наши лукавые дни малодушия и отступления, образ, побуждающий нас, слабых, посильно ратовать за веру и Церковь, хранить предания апостолов, ревновать по делу Божьему – святому и вечному».

На это владыка ответил, что в основу всей его деятельности на Омской кафедре была положена «основная истина христианской веры – учение о спасении. Руководствуясь ею, он и вел корабль Омской церкви к тихой пристани через все невзгоды и бури житейского моря... Многие из духовенства были недовольны его кипучей деятельностью, тяготились его призывом к неустанной работе, некоторые даже доходили до зложелательства в отношении к нему, некоторые даже не пришли проститься с ним, тая на него злобу». Обо всех таковых владыка сказал, что ни на кого не гневается и просит не гневаться и на него.

В XX веке на Пермскую кафедру взошел подвижник и архипастырь-миссионер, подобный святому Стефану Пермскому. Его жизнь была образцом древнего благочестия. Это был подвижник, молитвенник и нестяжатель, всякое материальное благополучие и богатство вменявший ни во что. После его мученической кончины большевики пришли с обыском в его дом, рассчитывая найти скрытые сокровища, но нашли всего лишь несколько рублей. Все средства владыка жертвовал на помощь беднякам. Одевался он просто, никогда не носил шелковых ряс; и хотя был награжден многими орденами, но наград никогда не надевал. Святитель был ревностным исполнителем иноческих правил и церковных обрядов. Он строго постился: в постные дни питался одними овощами, в скромные – обходился малым количеством пищи,

Епископ Пермский Андроник и настоятель Белогорского монастыря
архимандрит Варлаам (Коноплев)

Храм Воздвижения Животворящего Креста Господня в Белогорском монастыре.
В центре епископ Пермский Андроник, слева от него епископ Соликамский
Феофан (Ильменский), справа настоятель монастыря
архимандрит Варлаам (Коноплев). 1917 год

а в последние дни Страстной седмицы употреблял в пищу только профору и чай. Накануне дня, когда ему должно было совершать литургию, владыка почти не спал, всю ночь простаивая на молитве.

Многokrратно епископ объезжал храмы епархии; совершая поездки, брал с собой только протодиакона, ключаря и двух иподиаконов. Архиерейской каретой никогда не пользовался, лошади архиерейские были отданы собору, на них соборное духовенство ездило по требам. В будни владыка служил в крестовой церкви и тогда надевал простую священническую ризу и малый омофор.

При епископе Андронике в Перми была построена церковь во имя преподобного Сергия Радонежского для военнослужащих Троицко-Сергиевского полка и закончено строительство великолепного соборного храма в Белогорском монастыре.

Время служения святителя стало временем расцвета духовной жизни в Пермской епархии; устраивались лекции, беседы, собрания духовенства и мирян; в аудитории при Стефановской часовне начались занятия миссионерского и народно-певческого кружков; составилаcя хорошая библиотека, из которой желающим выдавались книги на дом; во всех храмах города служились акафисты, после которых проводились беседы. Пермь отличалась в то время прекрасными проповедниками, в подготовке которых епископ много потрудился.

При одном из храмов было организовано попечительство о бедных, оно имело свою столовую, где обеды давались по самой дешевой цене всем желающим, а нуждающимся, по запискам попечительства, бесплатно. При свечном заводе и на подворье Белогорского монастыря открылись книжные лавки. При храме училища слепых и в женском монастыре были устроены детские приюты. Воскресенская церковь содержала за свой счет богадельню, в которой жило около пятидесяти человек. При кафедральном соборе организовалось общество хоругвеносцев, насчитывавшее несколько десятков человек, а в 1917 году была создана дружина по охране собора и архиерейского дома.

Владыка высоко ценил духовную культуру русского народа, тот духовно-нравственный идеал, который был им выстрадан в течение тыся-

челетия и который для многих к началу XX столетия стал блекнуть и теряться. Желая поделиться своим богатым духовным опытом, владыка издал книгу «Письма архиерея к иереям». Книга быстро разошлась, и он переиздал ее, дополнив новыми главами. В этой книге епископ писал: «Для всякого внимательного к народной жизни наблюдателя с несомненностью очевидна особенность народной русской культуры. Наша народная культура есть исключительно культура духа. Во всем укладе жизни, в обычаях, в душевных исканиях, в народном и даже литературном творчестве непременно есть искание нравственной ценности жизни, отношение к ней именно с этой стороны. Все прочее, чисто внешнее, имеет уже второстепенный и попутный смысл и значение, обусловливаемое нравственными основами, как это и должно быть всюду и всегда... Для нее (культуры. – *И. Д.*) и самая жизнь не имеет ценности без ценностей духа, без ценностей нравственных. Только с нравственной стороны расценивается и самая жизнь человека со всеми его поступками и намерениями. Не будет этих нравственных оснований – не будет смысла и в самых высоких и полезных делах человека».

Но, обращая взглядом от высокого идеала, от того, что имело еще живое проявление в душах людей, с грустью владыка наблюдал современную религиозную жизнь, характерную исключительно внешним благочестием. «Сплошь и рядом при расспросах как взрослых, так и малых, – отмечал он, – приходится видеть, что именующиеся христианами не знают не только утренних и вечерних молитв, но и самых общеупотребительных и простых. Очевидно, и не молятся исправно, а в семье молиться не учат и молитвам не учат. В школах кой-каким молитвам научат. Но не влагают, очевидно, потребности молиться, не воспитывают святого чувства молитвы как приближения нашего к Богу, как нашей с Ним беседы. Без этого же самого главного одно заучивание молитв для ответа ровно ничего не значит, и молитвы улетучиваются немедленно после оставления учащимися самой школы только лишь на летние месяцы. Очевидно, у самих родителей нет уже вовсе никакой заботы о том – молятся или нет их дети. Они и сами не научили тому детей своих, да и не наблюдают за тем, соблюдают ли строго то, чему их

в школе научили... Одинаковое незнание народом и житий святых замечается, не знают даже жития своего святого и даже дня памяти его. Следовательно, даже к своему святому не имеют никакого личного отношения, кроме того, что именем его называются. И это даже у учившихся в школе. Очевидно, от современного поколения далеки все высокие примеры христианской добродетельной жизни, которые без слов способны научить тому же...

На житиях святых да на прологах и воспитывались старинные русские люди, и даже не по книжкам, а со слов других. Рассказы о святых были самыми любимыми рассказами, захватывавшими все внимание слушателей и отпечатлевавшими слышанное глубоко в душах слушателей. Люди привыкали в своих размышлениях ходить по примерам святых и даже как бы в их близком присутствии... К глубокому сожалению, теперь такого примерного научения христианству и христианской жизни на житиях святых нет, а потому нет и того святого воодушевления, которое может дать всякий светлый пример действительной добродетели. Веры своей не знают, закона христианского отчетливо не представляют, светлых образцов веры и добродетели не испытывают. И редко-редко кто сумел бы вразумительно, ясно и отчетливо рассказать свою веру вопрошающему о ней. И это при всеобщей почти грамотности, при общедоступности дешевого книжного рынка, при всяких полезных книгоиздательствах! Невольно напрашивается смущающий вопрос: да что же в таких людях и христианского осталось? Даже по внешним-то приемам и обычаям иногда трудно узнать христианина. Ибо многие креститься не умеют как должно, отмахиваясь рукой вместо истового крестного знамения. Не знают православного обычая принятия благословения Божия от священника или архиерея, – отвыкли и от этого. Следовательно, верующим сердцем не понимают истинного значения и силы крестного знамения, которым, как Крестом Христовым, демонов прогоняем от себя; не понимают и силы благословения священнического, которым благословение Божие призывается. Что же после этого говорить о духовной жизни, о благодати Божией и о прочих таинствах нашей веры спасительной?»

Пастырям Пермской епархии епископ настоятельно советовал не ограничиваться богослужением в храме, но служить и в поселках, «чтобы все имели возможность помолиться. Смотри по местным условиям, можно в одном поселке совершить с вечера бдение, а в селе с утра другое бдение и обедню. Вечером же съездить в другой поселок и совершить там вечерню или акафист с беседою... Конечно, все это нужно заблаговременно наметить, оповестить население, чтобы все знали и готовились». Он советовал приходским священникам завести в храмах общенародное пение. Начать со всем известных молитв и кончить тем, чтобы все богослужение вместе с канонархом исполнялось самими прихожанами. «Таким путем и в жизнь пойдут церковные песнопения, в старину заполнявшие жизнь народную; и теперь они вытеснят собою все грязные, расплотившиеся в народе, песни мирские, научат и благоговению в самом поведении». Он советовал пастырям не ограничиваться проповедью за литургией, но проповедовать и за другими богослужениями, «хоть краткое слово назидания от Евангелия предлагать молящимся, питать их душу хлебом Божиим. Кроме того, непременно нужны внебогослужebные чтения и беседы в храме, в школе... На них уместно и следует завести пение хоровое и общенародное. Тут будет и чтение от божественного, и рассказ из жизни святых или из истории поучительной. На сих чтениях удобно может исполняться и самая катехизация народа».

Большое значение епископ придавал кружкам ревнителей благочестия. «Несомненно, во всяком приходе, даже в самом распропагандированном, найдется много таких, которые скучают и скорбят о всем нехорошем в жизни. Вот с них-то и пусть священник начнет дело церковной миссии. Пусть он соберет около себя таких ревнителей благочестия, христианского научения и книжного доброго чтения. Из них можно составить постепенно как бы миссионерский кружок или кружок ревнителей. Собирая их по временам вместе, беседовать о вере и жизни, читать Слово Божие и о божественном, возбуждать в них самих ревность о том, чтобы и других привлечь к своему содружеству, научать их – как действовать на других и на кого именно с какой стороны и что предла-

гать другим ко вниманию, чтобы возбудить жажду духовной жизни».

На своем личном миссионерском опыте он убедился, своими глазами видел, сколь велико и положительно влияние разного рода паломничеств и экскурсий. «Кончились полевые работы у крестьян, – вспоминал владыка, – и поднимается деревня в путь из разных концов Японии. Путешествуют и одиночно, но больше партиями, для удобства и дешевизны. И крестьяне, и крестьянки, и старые, и малые посетят все достопримечательности в том или другом городе или округе страны, побывают у всех своих заветных языческих мест и храмов, все высмотрят, все заметят, чему можно поучиться у других, и домой возвращаются довольные путешествием, богатые воспоминаниями и впечатлениями, приносят с собой или редкости, или полезные вещи и т. п.». В бытность своего служения в Новгородской епархии епископ видел, какую великую пользу могут принести паломничества и крестные ходы ко святыням. «Влияние на народ таких народных торжественных богомолений весьма велико и несомненно. Особенно если такие богомоления устраиваются вовремя, с предварительной подготовкой, с личным воодушевлением священника. Нужно пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вызвать народ на это. Засуха, ненастье затяжное, мор скота, червь напал на хлеб и т. п. – все это дает священнику повод обратиться к душе своих прихожан, чтобы возбудить в них дух сокрушения, искание Божьего заступления, желание молиться Ему или Его угодникам. Концом этого и будет нарочитое богомоление, поднятие икон в деревне, крестный ход вокруг села или на поле и т. п. Тут и место проповеди, и общенародному пению, и обещание на трезвость, и усердие на общее доброе дело и т. п. Вовремя устроенное, все это будет иметь весьма важное значение и надолго сохранится с благоговением в народной памяти. Такое же значение имеют и путешествия по святым местам. Издревле это было весьма воспитывающим средством на Святой Руси. К народным святыням нес наш народ и горе, и радость. У народных же святынь он заполучал и выносил в жизнь все высокое и святое».

Владыка понимал, что не социальные, экономические или политические реформы грядут в мир, а новое язычество. И это «новое языче-

ство в разных самых благовидных и культурных формах посягает на самые основы веры в Христа Спаса. Оно стремится заменить собою христианскую закваску жизни христианских народов. Для сего оно с особым расчетом покровительствует временно всякому иному исповеданию, всякому сектантству, всякой иной вере, только бы в России развалить господствующее православие... в уверенности, что после того ему со всеми иными верованиями и толками и считаться уже не придется... Время пришло такое, что уже нельзя благодушно выжидать, что придет миссионер и своими беседами всех уговорит остаться в православии. Нет, пусть всякий священник на месте сам постарается все прежде сделать для христианского просвещения пасомых, для наставления их на жизнь по Евангелию, для уврачевания ослабевших в исполнении христианского долга, для вразумления смущаемых и уклоняющихся от Церкви, а следовательно, и от Христа Жизнодавца».

Епископ много способствовал народному просвещению и миссионерской деятельности. В губернии было много старообрядцев, и в конце концов стали возникать единоверческие приходы. Причем по причине недостатка пастырей многие приходы подолгу оставались без священников. Стараниями епископа в Перми были учреждены пастырские курсы специально для подготовки единоверческих священнослужителей. Обучение заканчивалось торжественным богослужением. Литургию в единоверческом храме совершал по служебнику XVI века сам епископ.

Пермская епархия была одной из немногих, где архиерей и некоторые пастыри, особенно из числа миссионеров, с тревогой смотрели на стремительное распространение нового безбожия, на этот раз под видом научного социализма и марксизма. Причем учение это поначалу явлено было народу внешней, даже весьма благообразной стороной, как бы заимствованной из христианства, толкующей о справедливости; внутри же полное отрицания всех нравственных ценностей, яда морального анархизма, оно смертельно поражало душу всякого вверившегося ему. На просторы мировой истории вышла новая секта безбожников, обладавшая динамичностью и энергией древних еретических

сект, сотрясавших христианский мир в течение столетий и нередко и ранее захватывавших государственную власть. В 1916 году в Пермской епархии были созданы миссионерские курсы по обличению неверия и социализма, проводившиеся под руководством пермского епархиального миссионера Андрея Гавриловича Куляшева. Курсы знакомили слушателей со средствами борьбы с неверием, которое уже не ограничивалось «интеллигентным» населением городов, но широко разливалось по селам и деревням среди крестьян. Слушателям сообщались сведения о современном состоянии неверия за границей и в России с научной постановкой вопросов о Боге, мире и человеке, причем особенное внимание обращалось на те положения в вопросах веры, которые оспаривались современными безбожниками.

На занятиях слушатели проводили миссионерские беседы с богомольцами, произносили по праздникам и воскресным дням в храмах проповеди, которые затем служили предметом разбора на лекциях.

Во все время служения в Перми епископа Андроника за каждой воскресной и праздничной обедней всегда говорилось две проповеди. Первую говорил епископ после Евангелия, вторую – после литургии кто-нибудь из священников по назначению; проповеди говорились не с амвона, а с архиерейской кафедры.

Наблюдая почти всеобщее государственно-правовое невежество и упадок веры в России, владыка считал, что невозможен переход от монархии к иной форме правления без разрушения российской государственности, однако это не мешало ему говорить Императору правду, архиерейски высказывая свои соображения по тому или иному вопросу. Епископ резко отрицательно относился к Григорию Распутину, тот знал это и боялся владыку. Проезжая из Петербурга в Тобольск, Григорий обыкновенно останавливался на два дня в Перми. Ходил в собор, но становился подальше от архиерейской кафедры, рядом с церковным старостой, около конторки, тогда как при предшественнике Андроника епископе Палладию стоял всегда впереди у правого клироса. В 1916 году владыка ездил в ставку Верховного Главнокомандующего с депутатией от Пермской губернии. Находившийся ранее в Пер-

ми Троицко-Сергиевский пехотный полк получил в этом году название «Пермский», и пермяки поднесли полку новое знамя. После торжественной церемонии пермская депутация была принята Государем. На другой день епископ Андроник служил литургию в походной церкви при штабе главнокомандующего в присутствии Государя и офицеров ставки. Когда Государь приложился ко кресту, владыка попросил у него позволения поговорить с ним наедине. Государь согласился и пригласил его в здание штаба. Во время свидания епископ стал увещевать Государя, говоря ему, что Григорий Распутин личность недостойная, что о нем много говорят грязного, нехорошего и близость его к царской семье порождает множество сплетен и компрометирует Государя.

Молча выслушал Государь святителя и, когда тот кончил, встал с кресла и позвонил в колокольчик.

– Граф, проводите владыку! – сказал Государь вошедшему министру Двора графу Фредериксу. И сам пошел к выходу. В дверях он обернулся и сказал:

– До свидания, владыка, советую вам не верить всякому вздору.

Император был задет этим выговором. Но святитель не мог не сказать того, в чем был убежден, ища не своей выгоды, а пользы Государя и народа. Ответ Государя и невозможность откровенного разговора с ним были весьма прискорбны для него.

В отличие от многих архиереев и пастырей, равнодушно смотревших на жизнь современного им государства, епископ считал это равнодушие пастырей к политической жизни страны предосудительным, причину его видел в лени и нежелании потрудиться и вникнуть в существо происходящих событий. Уж кто-кто, а пастырь обязан видеть и знать действительность многогранно, понимать ее духовный смысл и уметь ясно и неразладно с Христовой правдой и сердцем человеческим растолковать его своей пастве – хотя бы для того, чтобы оградить ее от губительных для души лжеучений. Уж кому и видеть окружающее ясно, как не пастырю, в чьем сердце зажжен благодатный свет всепросвещающего учения Христова, перед умом которого нелицеприятное евангельское мерило. Политики часто бывают похожи на слепцов, увлекающих других слепцов в яму. И пастырь обязан наставить свою па-

ству, пробудить в сердце приходящих к Христу жажду истинного просвещения, которое милосердием Христовым и заступничеством Матери Божией не даст погибнуть ни в этой жизни, ни в будущей.

Владыку уже давно удивляло в нарождающемся в России думском парламентаризме почти полное отсутствие созидательного начала, безудержное буйство разрушающих государственных основы страстей. «В конституционных странах, – писал он, – главная энергия идет у всех и каждого на партийную борьбу... Забывается все – вера, Отечество, семья, дело – лишь бы восторжествовала партия, которой кто принадлежит. Лишь только за три года этой конституционной встряски ведь не узнать нашу страну – и к худшему, а не к лучшему: и вера, и нравы ослабели и оскудели до того, что безбожное, бесстыдное распутство, пьянство, попрошайничество сделались поразительными по своей очевидности и откровенности, не говоря... о грабежах, разбоях... Вся эта партийная и выборная агитация – это сплошной угар, которому люди предаются всецело, забывая все прочее.

Дело веры² заброшено настолько, что даже в вероисповедную комиссию² были выбраны, кроме неверующих и маловерующих, евреи, поляки и мусульмане. И это в стране, где господствующее население русское, православное и верующее?!»

Все годы мировой войны епископ принимал деятельное участие в жизни народа. С октября 1915 года пермский лазарет стал заполняться прибывающими в город ранеными. Владыка сам посещал их. Он предписал ввести во всех монастырях Пермской епархии «неусыпаемое круглосуточное чтение акафистов Господу, Божией Матери и святым»; благословил после прочтения акафиста прочитывать молитву о даровании победы и молитву об упокоении воинов, отдавших свою жизнь за веру, царя и Отечество. Он благословил всем женским монастырям епархии выделить по два человека для сбора пожертвований по селам и деревням на нужды воинов, на содержание лазаретов и на пасхальные подарки.

Для того чтобы пробудить спящих, просветить невежественных и обратиться к народу со словом увещания, владыка использовал любую возможность. Печалило архипастыря, что к событиям русской истории

многие стали совершенно равнодушны. И он устраивал крестные ходы не только в дни церковных праздников, но и в дни памятных исторических событий. По его благословию десятки тысяч православных со множеством крестных ходов собирались в монастырь на Белой Горе в память избавления от пугачевских разбойников.

Ему было прискорбно, что значительные исторические события народ воспринимает как малозначащие. То, чем другие народы восхищались бы, сделали бы предметом национальной гордости, поминали бы ежегодно, что придает национальной культуре историческую форму, – всем этим мы совершенно пренебрегаем, и у нас никогда не находится достаточного числа образованных и толковых людей, чтобы ясно объяснить наше прошлое. «На этой масленичной неделе, – писал епископ, обращаясь к пермской пастве, – в пятницу исполняется годовщина великого дня освобождения от крепостной зависимости блаженной памяти царем Освободителем и мучеником Александром II. Между тем, к сожалению, освобожденные и их дети и внуки не помнят должным порядком этого великого дела милости царской... Благодарности благоговейной не проявляют... Пусть все храмы полны будут молящимися. В Перми и особый храм в память освобождения крестьян есть – это Воскресенская церковь. Там в этот день будет совершено торжественное богослужение. Вместо гулянья бестолкового на морозе да вознесем в храмах молитвы и благодарения ко Господу Богу...»

Произошла Февральская революция. Сведения о совершившемся государственном перевороте и отречении Императора Николая II от престола достигли Перми 3 марта. В тот же день поздно вечером в архиерейском доме по предложению епископа Андроника состоялось совещание высших начальников города. Владыка на этом совещании напомнил, что Русская Православная Церковь на протяжении всей истории была хранительницей и защитницей порядка и теперь она не может остаться равнодушной зрительницей происходящих бедствий и должна возвысить свой голос в защиту порядка, который немислим без самодержавного государя. Владыка зачитал проект написанного им обращения к православным людям и предложил присутствующим вы-

сказаться насчет целесообразности подобного обращения. Присутствующие одобрили его. Перед тем как разойтись, ректор Пермской Духовной семинарии архимандрит Матфей (Померанцев) с горечью упрекнул вице-губернатора: «Если бы господа губернаторы покрепче расправлялись с крамольниками, у нас все было бы в порядке». На это вице-губернатор парировал: «А вы, духовные, должно быть, плохо молились». Отец Матфей попытался на это что-то сказать, но владыка взял его за плечо и тихо сказал: «Помолчи, Матфей!.. Действительно, плохо мы молились».

5 марта в Спасо-Преображенском кафедральном соборе при огромном стечении народа на литургии после чтения Евангелия епископ сказал: «... Что же нам делать среди этих тяжких испытаний? Народ осиротел... смута будет продолжаться и может расстроить многое; да не воспользуется враг этим нашим расстройством и да не сделает свое коварное дело, намеченное им за много лет раньше...

Писал я дерзновенно свои слезницы два месяца назад к нашей высшей духовной власти; охарактеризовав всю тяжесть переживаемого момента и уверенно, безбоязненно указывая на угрожавшую нам опасность, я умолял войти в Совет Министров, в Государственную Думу, в Государственный Совет и к самому Царю, умолял прекратить эти увеселения, этот пир во время чумы, чтобы начата была беспощадная борьба с ложью, бездеятельностью, неправдою, злоупотреблениями, изменою, дабы не разверзлись на нас небеса Божьего гнева за эту пляску в крови братской. Люди пляшут, смеются, купаясь в этой крови, радуясь, как брызжет она, сверкая на солнце в своих каплях. Ведь это преступление пред братскою кровью нашей многострадальной армии. Но на это свое моление я не получил и ответа; вероятно, только улыбнулись на него, как на пустую затею не в меру ревнующего человека, видящего опасность там, где нет ее. И доулыбались... а мы довели себя до такого тяжкого состояния. Вот горе и плач... и неведомо, когда прекратятся они.

И вот еще мое последнее слово о том, о чем я так часто взывал ко всем. Мы тяжело согрешили, отступили от Бога. Покаемся. Оставим это

бесстыдство. Сейчас время благоприятное, пост идет, да обратятся все как один к Господу Богу, дабы Он увидел, что признаем мы себя греховными пред Ним. Отечество в опасности, оно потрясено, близко к гибели. Только один Всемогущий Бог может извести нас из этого тяжкого положения, и только Он один может спасти и устроить порядок, дать силу духа и извести людей мудрых и сильных, которые бы наш корабль народный смело и верно провели к тихой пристани, перedaвши нам Россию полною духовных и вещественных благ.

Молю всех вас, передайте от меня слышанное всем близким и соседям вашим, воодушевляйте друг друга, в спокойствии подчиняясь Господу Богу, дабы всем нам собраться воедино. Ты же, Милосердный Господи Боже наш, ведь это Ты в древности из рассеяния собрал русский народ и устроил нашу Родину, освободив ее от ига татарского. Это Ты во время лихолетья триста лет тому назад восставил Россию в крепости, изведя мужей мудрых и сильных на дело спасения Отечества. Ты, Господи, тогда из разрухи извел Русскую землю, поставил над нами царем боярина Михаила Феодоровича. Это Ты сто лет назад, когда Наполеон уже сидел в сердце России, в Москве, тогда Ты же из огня и пламени спас Россию, изгнав самих супостатов. И нас, Боже, возведи в силу и славу, когда увидишь наше покаяние, когда люди, как дети, прострут к Тебе руки, имея Тебя своим помощником и покровителем... Ты, Господи Боже, возврати нас к Себе, объедини и примири всех нас, да все едиными устами, как один человек, восхвалят Тя. Вонми молитве нашей. Изведи нам мужа благодатного, да приведет нас к полному единству и покою, да не посмеется враг нашей взаимной распре. Да поверят в Тебя все русские люди, да не погибнет немощный брат наш. Знаем, Господи, Ты не дашь нам вместо хлеба камень и вместо рыбы змею. От Тебя мы все примем и понесем с терпением. Так молитесь Господу сами, учите так молиться детей и других к тому призывайте. Устремляйтесь не в театры и кинематографы, а в церковь Божию; здесь припадите к Владычице мира, да со всеми святыми умолит Она о нас разгневанного Господа, и Господь Бог призрит на наше это моление и проявит к нам Свое всепрощение и милость. Тогда минует разруха

жизни, минует опасность для Отечества, и Господь, как нашим предкам, изведет нам мужа мудра и добра...»

В марте 1917 года Пермский исполнительный комитет отправил телеграмму обер-прокурору Святейшего Синода с требованием уволить епископа Андроника от управления епархией, «как опасного для общественной безопасности и как препятствующего духовенству в его праве соорганизоваться».

Узнав об этом, епископ отправил обер-прокурору протест. Он писал: «Моя опасная для общественной безопасности деятельность, очевидно, заключается... в том, что, лично присутствуя на мною же открытых собраниях града-пермского и мотовилихинского духовенства и давая всем возможность высказаться, однако считаю нужным обнаруживать задор и неосновательность некоторых ораторов, очевидно и поспешивших пожаловаться о том комитету, а вероятнее всего – самому совету рабочих и солдатских депутатов, всем заправляющему по указке немецких и еврейских провокаторов, как и по всей России. Теперь же я разрешил духовенству собираться и обсуждать все волнующие их вопросы без моего личного присутствия, с докладом мне о предметах предстоящих суждений и о самих состоявшихся суждениях, протоколы которых представляются мне на прочтение. Теперь об одном только посожалею: если будут несуразные выступления на собраниях, то духовенство само себя унизит в глазах паствы, ждущей именно от своих духовных отцов поддержки и ободрения среди тяжких событий времени, угрожающих полную анархию... Докладывая о сем, в случае возникновения вопроса о моем увольнении на покой, прошу Вас не отказать в назначении строгого и всестороннего суда моей опасной деятельности, чтобы не давать дела в руки террора, хотя бы и признано было за лучшее уволить меня на покой».

Митрополиту Московскому Тихону, будущему патриарху, владыка писал: «Чем ближе присматриваюсь к растущей подлости, тем больше решаюсь отрясти прах от ног и уйти на покой...»

В Предсоборном Совете представляю и Вас. Но не верю я ни в какие съезды и собрания – так испошлились люди... Тяжко видеть разру-

ху Церкви и Отечества. Уже не близок ли и последний противник Христа?...»

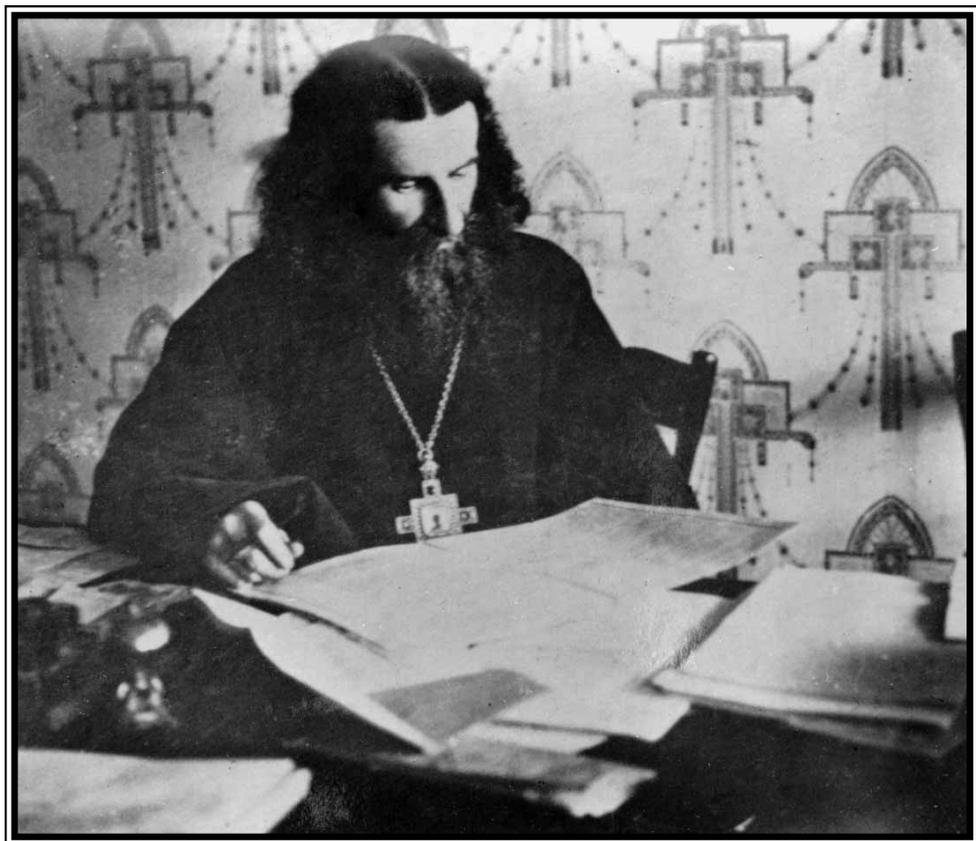
Вскоре начал работу Поместный Собор, и епископ уехал в Москву. На Соборе был избран Священный Синод из шести человек, а на случай кончины членов Синода было избрано шесть заместителей, и среди них епископ Андроник. На Соборе он вошел в состав издательского отдела и был одним из энергичнейших его деятелей. «Огонь пылающий» – звали его на Поместном Соборе. Всё большие трудности возникали у издательского отдела после захвата власти большевиками и захвата ими всех типографий. Епископ делал все возможное, чтобы документы Собора и послания продолжали печататься. Голосу Поместного Собора он придавал огромное значение.

В декабре 1917 года владыка был в Перми. То, что он увидел в епархии, весьма опечалило его, и он обратился к пастве с воззванием, которое просил читать не только в храмах, но и при всяком удобном случае: «...Волна не только государственной разрухи, но и безбожно-антихристианского восстания на Церковь Божию докатилась и до нашей пермской земли. Развратившие народ враги Церкви теперь толкают ее же сынов – православных христиан ругаться над Церковью, над верой и над священством... Посему от скорби великой и туги сердца своего объявляю всем православным христианам, еще не забывшим, что они православные: пусть все знают, что всех, посягающих на церковное имущество, всех, насилие и надругательство причиняющих духовенству, – всех таковых предаю строгому суду Всевидящего Бога, Который лучше всякого начальства знает, кто в чем виноват, и рассудит таковых по Своей правде. А правда эта вот такая: в одной епархии жители одной деревни выкосили у соседней женской обители покос и высушили, поехали домой с сеном; но каково же им было увидеть, что деревня их пылает в огне; они сами сознались, что это Господь их наказывает за монастырский покос; поворотили они своих лошадей и все сено привезли в монастырь. Не боящиеся начальства и закона человеческого пусть убоятся этого суда Божия... Дорогие братья, православные христиане! Или еще мало вам, что идет разбой и грабеж всюду среди бела дня? Что

происходит страшная братоубийственная бойня в земле нашей, расхищаемой со всех сторон русскими же людьми? Умоляю всякого русского, кто еще хоть малость сохранил веру в Бога и любовь к многострадальной и погибающей Родине, умоляю всякого встать на защиту Церкви и России. Собирайтесь, православные, по приходам около храмов ваших под руководством ваших отцов духовных и прочих благомыслящих людей. А вы, отцы духовные, заклинаю вас вашей иерейской клятвой пред Богом, – встаньте истинными, добрыми и ревностными руководителями своих духовных пасомых христиан. Собирайте их, учите, воодушевляйте на правое дело стояния за веру и Отчизну родимую».

В январе 1918 года епископ обратился с нарочитым посланием к пастырям Пермской епархии: «...Отцы и братие! Тяжко было доселе всем в России. Но уже настал час еще большей и страшной тяготы, решающий судьбу нашего Отечества. Уже открывается почти явное гонение на святую нашу веру. Уже выкрикивают отщепенцы от веры, что надо отобрать церкви и монастыри и обратить их в театры и подобное. По меньшей мере – посягают отобрать церковное имущество и драгоценности – святые жертвы отцов и дедов наших. Предполагать отсюда можно и еще худшие посягновения на Святую Церковь. Время страшное, время если не антихристово, то весьма предшествующее ему по своим признакам. А мы будем бездействовать?! Да не будет сего осуждения на нас... Будем строго помнить, что на страже народа Божия мы поставлены и должны будем ответ дать за всякую погибшую овцу. Если мы не явимся руководителями народной совести в такое страшное время, как теперь, то мы окажемся совершенно не имеющими никакого смысла и назначения для народа. Бог всем нам на помощь. Но вместе с тем поставьте себе в непрременную обязанность пастырскую озаботиться безотлагательной организацией прихода, хотя бы в лице тех благомыслящих, какие найдутся во всяком приходе и на которых вы можете опираться во всяком добром деле. Помните, об образовании кружков и братств ревнителей я вам писал с самого начала моего вступления на Пермскую кафедру. Если бы вы меня тогда послушали,

Архиепископ Пермский Андроник

то во всяком приходе было бы готовое зерно возрождающегося твердого благочестия, а может быть, через такие кружки собрался бы весь приход. Но не многие этот мой совет исполнили. Вот и дожили мы до полной разрухи нашей жизни, в которой не находим нигде поддержки...»

После краткого пребывания в Перми епископ вернулся в Москву. 12 апреля 1918 года он был возведен в сан архиепископа.

С февраля, после опубликования декрета об отделении Церкви от государства, открылась широкая дорога бесчинствам большевиков. Закрывались храмы, отбирались и ограблялись духовные учебные заведения, в некоторых храмах были устроены танцевальные залы.

В феврале большевики совершили нападение на женский монастырь и подворье Белогорского монастыря. Были зверски убиты. Начались расстрелы защитников православия.

Не дожидаясь приезда архиепископа, пермское духовенство приняло решение собраться в аудитории при часовне святого Стефана для составления протеста против насилия над верой. Сразу же после этого несколько священников были арестованы. С насмешками их вели в тюрьму. Один из арестованных предложил дорогой петь церковные песнопения, но красноармейцы закричали:

– Иди, иди, долговолосый, пока цел, а запоешь – живо отправимся на тот свет!

В тюрьме их продержали ночь, у некоторых взяли подписку, что они не будут организовывать крестные ходы и не будут агитировать против советской власти. Некоторые священники на следующий день были освобождены, другие оставлены в качестве заложников.

Архиепископу сообщили в Москву обо всем происшедшем, но он смог прибыть в Пермь только 15 апреля. Сразу по приезде владыка стал готовить духовенство и народ к предстоящему 9 мая крестному ходу с проповедями в разных частях города.

29 апреля у архиепископа был произведен обыск. Во время обыска один из обыскивающих, Гилев, спросил его:

– Кого вы в своих посланиях разумеете под разбойниками?

Святитель ответил:

– Всех, кто захватывает церковное достояние, пожертвованное Господу Богу; так я верую.

– Значит, этим воззванием вы призвали темные массы к вооруженному сопротивлению советской власти?

– Читайте документ, – ответил владыка, – о чем он говорит. Моя вера и церковные законы повелевают мне стоять на страже веры, Церкви Христовой и ее достояния. Если этого не буду исполнять, то я перестаяю быть не только архиереем, но и христианином. Посему вы можете меня сейчас же повесить, но я вам гроша церковного не выдам, вы через труп мой пойдете и захватите, а живой я вам ничего церковного не дам. Так я сам верую и поступаю, призываю и православный народ даже до смерти стоять за веру, Церковь и церковное достояние; к этому и буду призывать – это мой долг архиерейский.

На следующий день архиепископ отправил в Пермский исполком письмо. «Поставленный на страже охранения всего верующего народа и церковного имущества от расхищения и захвата и пребывая в полном согласии с верующим полуторамиллионным народом епархии, – писал он, – заявляю исполнительному комитету: примите безотлагательные меры к прекращению подобных посягновений на свободу Церкви и на церковное достояние; примите меры против грозного по своим возможным последствиям оскорбления верующего народа через обыски, незаконные штрафы, контрибуции и аресты священноцерковнослужителей. Против подобных проявлений насилия я не имею физической силы, но вынужден буду прибегнуть к самым решительным в моем распоряжении мерам иного, духовного порядка, и тогда будете поставлены в неизбежную необходимость иметь дело с самим возглавляемым и представляемым мною верующим народом».

Местные газеты начали печатать клевету о владыке, предчувствовалось, что власти вскоре его арестуют; близкие уговаривали его скрыться, но архиепископ ответил, что до тех пор, пока он стоит на страже веры и Церкви Христовой, он готов ко всему, готов принять смерть за Христа, но паствы не оставит.

Ожидая ареста, вверив свою судьбу Промыслу Божию, владыка был безмятежен, ежедневно исповедовался и приобщался Святых Тайн, и светлое настроение не покидало его. Со всеми он был обходителен и ласков. На случай ареста он оставил следующее распоряжение: «Арестованный рабоче-крестьянским правительством, запрещаю священноцерковнослужителям города Перми и Мотовилихи совершение богослужений, кроме напутствия умирающих и крещения младенцев».

9 мая состоялся торжественный общегородской крестный ход во главе со святителем. В нем участвовали тысячи людей. Развевались многочисленные хоругви, всем народом пелись пасхальные ирмосы, священники призывали к объединению верующих у креста распятого Христа. Это было подлинное торжество православия. Архиепископ, напутствуя расходящиеся по своим храмам приходские крестные ходы, говорил, что враги христианства восстали на Церковь Христову, а в Церкви – наши устои, сохраняющие от развала и уничтожения нашу нацию. Враги Церкви посягают на церковное имущество, собранное в течение веков верующим народом, и он, преемственно получивши власть «вязать и решать грехи людские», данную Христом апостолам, отлучает от Церкви посягающих на храм Господень, доколе они не исправятся. А если ему и смерть придется принять, то он готов умереть.

За всеми церковными службами он обличал новоявленные советские власти за алчность, за бесстыдный обман народа, за все то незаконное и нравственную гибель, которые они принесли России. Тысячи людей, даже совершенно неверующих, шли послушать мужественное слово святителя. Сразу же после захвата власти большевиками разлились по России потоки лжи и вымыслов, но сердце человеческое искало правды, и, желая слышать ее, многие люди шли в храм.

В ответ на декрет о национализации церковного имущества, осуществление которого вылилось в грабежи церквей, архиепископ в своей проповеди с амвона, обращаясь к прятавшимся среди верующих агентам власти, сказал:

– Идите и передайте вашим главарям, что к дверям храмов и ризниц они подойдут, только перешагнув через мой труп, а при мне и гроша ломаного церковного не получают.

Через два дня после крестного хода архиепископ писал патриарху Тихону: «Что-то ужасное назревает всюду и у нас. Я пока на свободе, но, вероятно, скоро буду арестован. Признаки полной анархии. На случай ареста оставлю распоряжение о закрытии всех града-пермских церквей. Пусть считаются с самим народом... Да хранит Вас Бог! Благодарю Вас за пожалование сана архиепископа. На отосланные мною открытки многим архиереям ответа не получил ни одного. А надо нам знать друг о друге...»

Епархиальная жизнь шла своим чередом, но происходившее в государстве уже касалось каждого прихода, каждого храма. Один из благочинных прислал донесение владыке о том, «что в ночь на 5 мая перед звоном к пасхальной заутрене в селе Григорьевском крестьянин этого села Николай Гуляев произвел выстрел из старинной пушки с целью, как он сам выразился, «подстрелить Христа». Пушку разорвало, убило на месте бывшего с ним рядом молодого парня, а самому Гуляеву оторвало ногу. Он был отвезен в пермскую больницу, где через двое суток умер в страшных мучениях». Как отмечалось в донесении, «Гуляев в церковь никогда не ходил, христианского долга исповеди и таинства причащения не исполнял».

На этом сообщении владыка написал: «Так страшно идти против Бога, против Церкви и благодатного священства! Да образумятся все ослепленные дьяволом ругатели святой веры нашей и да обратятся в смирении и раскаянии к Милостивому Богу. Все же искренно верующие да примиряют с Богом ругателей веры нашей. Отпечатать в «Епархиальных Ведомостях» для непременно оповещения всех христиан».

14 июня власти приказали архиепископу явиться для ответа на вопросы обвинения. Народ, узнав об этом, стал скапливаться на соборной площади. Приказ пришлось отменить, и, чтобы народ совершенно успокоить, владыке прислали допросный лист на дом. Он ответил на все вопросы, и власти для успокоения населения города ответили многочисленным депутациям (одна из них была мусульманская), что они совершенно удовлетворены ответами владыки. Люди, доверившись заверениям властей, расходились и успокаивали других.

Власти обвиняли святителя в том, что он: 1) отлучал от Церкви всех, кто посягал на церковное имущество, и отпечатал о том воззвание в количестве 550 экземпляров; 2) призывал православных к защите церквей и монастырей и отпечатал этот призыв в 550 экземплярах; 3) разослал эти воззвания по благочинным Пермской епархии; 4) «не довольствуясь произведенным у него обыском... позволил себе 30 апреля сего года послать отношение губернскому исполнительному комитету... в котором указывает на якобы незаконные действия чрезвычайного комитета, а также местного исполнительного комитета»; 5) «26 мая сего года с амвона кафедрального собора после чтения Евангелия о пяти прокаженных говорил проповедь явно контрреволюционного содержания, в которой, между прочим, заметил, что русское государство за грехи наказано Богом; наказанием же является существующая власть, которая под видом свободы, равенства вводит насилие, притеснения и гонения».

Власти постановили: «Привлечь архиепископа Андроника к ответу в качестве обвиняемого... обвиняя в том, что он... 1) изданным декретами... не подчинился, 2) ...организовал сопротивление темных несознательных масс населения... 3) старался противодействовать существующей власти...»

В ответной объяснительной записке архиепископ Андроник писал: «Мои воззвания составлены в полном согласии и даже во исполнение постановлений о сем Всероссийского Церковного Собора, в своем составе представляющего в числе трех четвертей всех членов мирян со всей России. Следовательно, суд надо мною есть суд над Всероссийским Церковным Собором и над всем церковным народом. А посему осуждающие меня, Церковный Собор и верующий народ оказываются в противоречии и во вражде со всем верующим народом. Таковые, если они православные христиане, должны знать, что по 121 правилу Церковного Номоканона они суть “анафема и да изгнаны будут из Церкви, отлучены бо суть от Святой Троицы и посланы будут во Иудино место”.

Сказанное мною поучение в кафедральном соборе в Неделю о расслабленном в действительности несколько разнится от записи агента сыска. Сказавши, что евангельский расслабленный это вся Россия, весь русский народ, у которого за богохульство и клятвопреступничество отнял Господь разум и волю, и уподобивши его, народ, древним строителям Вавилонской башни против Божьего о них промысления и за это переставшим, вместо объединения, даже понимать друг друга и потому разошедшимся во вражде и злобе в разные стороны мира, я говорил: “И ныне захотели люди без Бога и даже из вражды на Бога устроить рай на земле, в котором все были бы одинаково счастливы и блаженны. Но об этом безбожном рае теперь уже не может быть двух мнений: слишком тошно в нем живет. Прежде наших предупреждений об этом рае не слушали, считая их мракобесными, отсталыми, нас же за это называя врагами народа, призывали и рассчитываться как с такими. А теперь уже без наших слов, уговора все на самом деле познали все горькие сладости райской жизни без Бога, чтобы подобно прародителям – Адаму и Еве, за богоборчество изгнанным из рая Божия, горько оплакивать свое лишение и все переживаемые беды. К довершению всего теперь нам в этом раю угрожает уже и голодная смерть, ибо уже у нас нет хлеба и мы обречены на голод. Но не смейте просить этого самого хлеба. Если вы, не желая умирать с голода, и малым детям своим запросите хлеба, то вас обвинят провокаторами, саботажниками, контрреволюционерами, а с такими расчет всем известный... Но смотрите, как и ныне смешал Господь языки современных строителей безбожного рая. Святые слова и начала жизни объявлены теперь людьми – равенство и братство всех без Бога. Но вместо того на деле видим лишь отчаянную злобу, сатанинскую вражду и братоубийство под флагом свободы. Все уже знают гнусный обман и подмену, но парализованы, как у расслабленного, силы и воля, и ничего не могут поделать для разоблачения обмана, для уврачевания жизни. Ежедневно православные крестьяне и отдельно, и группами жалуются мне на кучки насильников по селам, отбирающих уже народную собственность – причтовые дома, запрещающих крестить детей, венчать и погребать в церкви.

Архиепископ Пермский Андроник

Это при объявленной свободе совести и верований! Какое глумление темных, несознательных и одураченных людей. Но духовно парализованные люди ничего не могут поделать с таким наглым глумлением насильников. Так богоотступники и клятвопреступники сами в себе наказываются, чтобы на деле познали, как можно жить без Бога и против Бога. Скажу прямо: то, что теперь мы переживаем как порядки новой жизни народной, это грандиознейшая контрреволюция. Искренно желая полного возрождения народной жизни, желаю, чтобы это совершилось не путем внешнего переворота, а путем внутреннего переворота, путем глубокого возрождения души народной. А для сего горячо желаю, чтобы господствующий теперь режим и еще поцарствовал некоторое время. Захотели люди рай на земле устроить без Бога, так пусть в полноте и избытке наслаждаются его бесчисленными благами, пусть до самого дна выпьют всю сладость современного безбожного райского блаженства, чтобы потом все сознательно проклинали на всех перекрестках это отчаянное безбожие. И когда люди дойдут до этого сознания, когда в один дух раскаются перед Богом, тогда Господь и возвратит всему народу разум и волю. Тогда-то и познают истинное равенство и братство всех свободных перед Богом. И теперь уже есть начало раскаяния, но пока еще слабого и не общенародного характера. А должно оно быть таким же общим, каково было народное безумие год тому назад. К этому и ведет всех нас Господь; и, кажется, приведет наконец тем голодом и мором, что уже начались почти по всей России и скоро, вероятно, сделаются единственной властью над жизнью и смертью человечества. И вижу своим мысленным взором, каются все безумствующие теперь и в ослеплении разрушающие родную жизнь. Вижу, как они в полном отрезвлении будут припадать к оплеванному ими теперь подножию креста Христова с воплем о помощи Божественной. Вижу, как все образованные, развратившие темный народ, толкнувшие его на безбожие и бунт, но теперь смирившиеся переживаемыми скорбями воодушевятся на святую народную работу пред Богом, неся сюда свой высокий разум и богатые духовные силы. Да возвратятся же к нам от Бога разум и сила, как к исцеленному евангельскому расслабленному.

Да соберется русская народная душа к Богу, чтобы сбросить ей с себя весь дурман нашего времени и осмысленно идти к жизни... “В проповеди я не “призываю народ обратиться подобно расслабленному (а не прокаженному, как ошибочно сказано в копии постановления) к Богу, чтобы все возвратилось к старому”. Напротив, я указываю, что богоотступничество наше в старом и привело нас к современной разрухе в безбожном раю, где так трудно всем живется среди общей злобы и вражды до братоубийства. Посему и призываю народ обратиться к Богу в покаянии и утверждаю, что только тогда, у Бога, и сознают все себя на деле, а не на словах равными и братьями, как свободные чада Божии. Для суда надо мною... необходимо... отменить декрет от 22 января сего года о свободе совести, узаконяющий мою личную свободу “исповедовать любую религию”. До тех же пор я буду даже до смерти исполнять законы и правила исповедуемой мною религии православной. К тому же твердому даже до смерти стоянию за веру, за Церковь и за церковное достояние призываю и буду призывать свою паству – верующий народ. Это мой архипастырский долг, повелевающий мне бесстрашно ставить выше всего волю Божию и закон Церкви. И всегда буду поступать так, как поступали арестуемые гонителями святые апостолы. Об апостолах же Петре и Иоанне в книге Деяний святых апостолов... рассказывается, что тогдашние власти, “призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: “Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога. Мы не можем не говорить того, что видели и слышали”. Они же, пригрозивши, отпустили их, не находя возможности наказать их, по причине народа”, то есть боясь народа...

Никакого “активного сопротивления темных несознательных масс населения противодействовать распоряжению рабоче-крестьянского правительства” я не организовывал... Мой долг не расшатывать, а укреплять веру в народе. Это я делал и делаю, и буду делать, пока Господь удерживает меня на страже церковной. Кроме того, считаю недопустимым оскорблением верующего народа, когда следственная комиссия революционного трибунала народного суда называет этот руководи-

мый мною верующий народ “темными несознательными массами населения”. Громко заявляю и заявлю на суде свой решительный протест против такого тяжкого оскорбления верующего народа со стороны именующих себя представителями народной власти. Помимо всего прочего, таковые представители власти, если не лично, то через агентов своего сыска, всегда могут убедиться, что меня слушают и от меня слышимое принимают к руководству и исполнению верующие всех сословий и всякого образования. К моему архиерейскому голосу прислушивающиеся верующие люди, несомненно, в делах веры и Церкви просвещены гораздо более не только всех “сознательных товарищей”, восстающих на Церковь, но и агентов сыска, не могущих различить евангельского чтения о расслабленном от евангельского чтения о десяти прокаженных...

Вторично во всеуслышание народного суда протестую против нетерпимо оскорбительного наименования верующего народа “несознательными слоями населения”, утверждаю, что, ни одного слова никогда не сказавши не только о “возврате старого строя”, но и о самом этом “старом строе”, я по долгу архиерейства стоял и стою и буду до смерти стоять на страже веры возглавляемого и руководимого мною верующего народа, состоящего из лиц и самых просвещенных, и мало просвещенных.

Посему не благословлял, не благословляю и никогда никого не благословлю унижать святую веру и Святую Церковь или расточать церковное достояние – свободную жертву только верующего, а не всякого народа. Жертва такого верующего народа или отдельных людей, как жертва Богу, составляет неотъемлемое достояние всей Церкви, то есть самого верующего народа. Посему открыто объявлял, объявляю и буду объявлять и народному суду в услышание всего народа объявлю, что все завладевающие храмами Божиими или захватывающие что-либо церковное и священное для мирского употребления и объявляющие то достоянием и неверующего народа, по непреложным и божественным правилам церковным, отлучаются от Церкви и надежды на вечное спасение, осуждаются на вечную погибель и вчиняются, идеже червь не умирает и огонь не угасает».

14 июня губисполком получил прошение исполнительного Комитета Союза Пермской епархии разрешить архиепископу Андронику выезд в Москву по делам Союза. Власти отказали. В ЧК собрались представители властей и решили арестовать архиепископа и немедленно расстрелять³. Обсуждали, как произвести арест. Постановили объявить город на военном положении и привести в состояние боевой готовности все имеющиеся войска. Начальнику конной городской милиции приказали поставить по два конных милиционера против окон всех городских церковных сторожек на тот случай, если кто-нибудь из звонарей захочет подняться на колокольню; если звонарь не послушается приказа, велено было стрелять. Для ареста святителя было поднято до полутора тысяч войск.

Далеко за полночь 17 июня отряд чекистов подошел к собору. Выставили вокруг соборной площади караулы, приготовили лошадей, ждал кучер. Условились, что как только Жужгов выведет архиепископа, тут же подадут пролетку, чтобы как можно быстрее увезти святителя из города.

В темноте отряд подошел к архиерейскому дому, наружная дверь была заперта, чекисты быстро сорвали ее и вошли внутрь. Другая дверь. На стук вышел привратник.

– Где живет Андроник?

– Наверху.

Вооруженного конвоира оставили у наружных дверей, а Малков, Иванченко и Жужгов поднялись наверх в покои владыки. Владыка вместе с двумя священниками бодрствовал.

– Который из вас архиепископ Андроник? – спросил предводитель.

– Это я, – спокойно ответил святитель.

Ворвавшиеся объявили, что им надо произвести обыск. С соборной колокольни раздался набат и понесся над площадью; но тут же несколькими выстрелами звон был прекращен. Владыке приказали немедленно спускаться вниз. В рясе, с панагией на груди, в клобуке, с посохом в руке вышел святитель к ожидавшей его пролетке. Жужгов сел

рядом с архипастырем, кто-то из чекистов взгромоздился на козлы, и пролетка быстро покатила в сторону Мотовилихи. Оставшиеся чекисты арестовали находившихся в доме священников.

Заехав во двор мотовилихинской милиции, решили поменять лошадей. На это время владыку поместили в канцелярии. Позвонил Мясников и просил отложить расстрел архиепископа до его приезда. Между тем начало рассветать, по улицам скоро должно было начаться движение, и ехать дальше убийцы побоялись. Приехавший Мясников заявил, что расстрел решено отменить. Владыка не поверил.

– Я знаю, что меня расстреляют, – уверенно сказал он.

При наступлении дня архиепископа завели в помещение бани и приставили к дверям конвоира с приказом никого не впускать. Жужгов предложил:

– Вы, может быть, хотите супа?

Суп был сварен на милицейской кухне – мясной. Архиепископ отказался. Тогда Жужгов принес хлеба и молока, а сам уехал в Пермь узнать, почему решили не расстреливать. Ему не терпелось как можно скорее казнить святителя – он опасался, как бы кто не отменил приговор. В ЧК снова созвали совещание и подтвердили расстрел.

Тем временем в городе узнали, что архиепископ и бывшие с ним священники арестованы и владыка находится в Мотовилихе. Перед зданием милиции стал собираться народ, требуя освобождения архипастыря. Жужгов приказал разойтись, но люди не расходились, и тогда он сказал:

– Им нужен Андроник, посадите их с Андроником.

Были арестованы две женщины, остальных разогнали. Вскоре стало известно, что священники городских церквей и Мотовилихи отказались служить. Жужгов пришел к архиепископу узнать причину. Владыка сказал:

– У нас постановлено, что если кого-нибудь из священнослужителей арестуют, то мы все служить не будем.

Вечером 18 июня в мотовилихинскую милицию снова прибыл Мясников. Жужгов отдал распоряжение готовить лошадей, чтобы вез-

ти архиепископа на расстрел. Но Мясников стал противиться расстрелу владыки; Жужгов спорил. Тогда Мясников настоял, чтобы узника увезли в Пермскую ЧК. Здесь снова спорили о судьбе святителя; наконец Мясников согласился, но ночь была уже на исходе, и расстрел пришлось отложить.

Этой ночью власти арестовали тринадцать священников и диакона. В ЧК с них потребовали расписку, что они обязуются никогда не вести агитацию против советской власти и молчать по поводу ареста архиепископа Андроника.

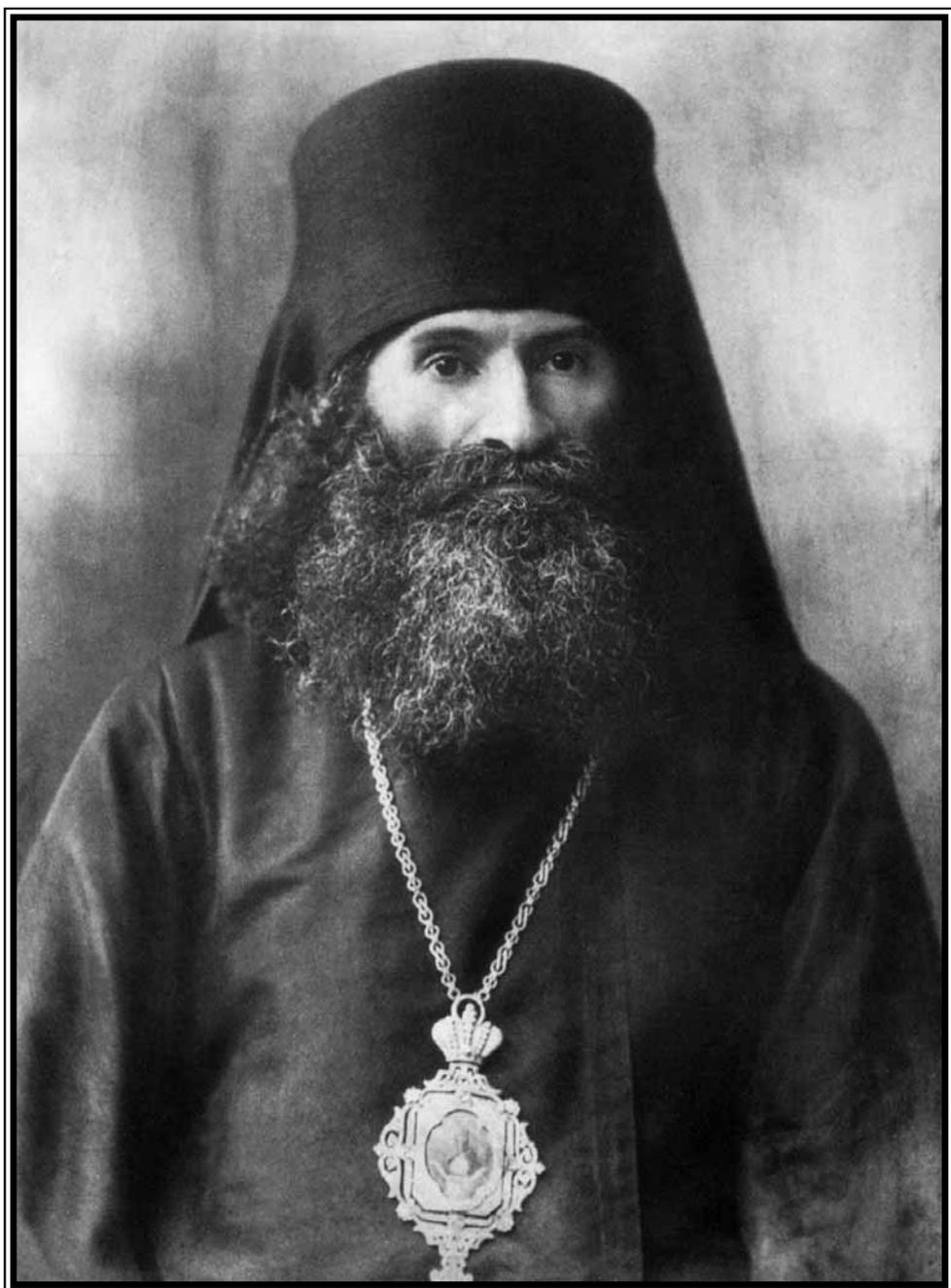
Весь день 19 июня архиепископ провел в камере Пермской ЧК. Палачи уже сами начинали бояться святителя и, опасаясь его влияния на стражу, подобрали таких конвоиров, которые находили удовольствие в издевательствах и насмешках над ним. Так прошел день. Власти уже решили участь святителя, но объявить ему об этом боялись. Вечером председатель Пермской ЧК Малков, зная интерес одного из своих приятелей к личности архиепископа, пригласил его присутствовать при допросе.

Архиепископ Андроник молча занял кресло у письменного стола. Он долго не отвечал ни на один вопрос, а потом, будто решившись на что-то, снял панагию, завернул ее в большой шелковый лиловый платок, положил перед собой на письменный стол и, обращаясь к присутствующим, сказал примерно так:

– Мы враги открытые, примирения между нами не может быть. Если бы не был я архипастырем и была необходимость решать вашу участь, то я, приняв грех на себя, приказал бы вас повесить немедленно. Больше нам разговаривать не о чем.

Сказав это, он неспешно развернул платок, надел панагию, спокойно поправил ее на груди и, весь погрузившись в молитву, не проронил более ни слова.

Расстреливать святителя поехали чекисты Уваров, Платунов и трое латышей. В первом часу ночи 20 июня Уваров въехал во двор ЧК и велел выводить архипастыря. В простой рясе, в клобуке, с панагией на груди, с посохом в руке вышел святитель. Из подвала выбежал

Владыка Андроник

Жужгов и попросил Платунова, чтобы и его взяли присутствовать «на похоронах Андроника». Платунов велел ему сесть рядом с архиепископом в фаэтон. И они поехали. Дорогой святитель добродушно заметил, что ему в мотовилихинской милиции было лучше сидеть, по крайней мере, там над ним не смеялись.

В ответ Жужгов злобно потребовал:

– Снимите постановление о забастовке.

Архиепископ ответил:

– Нет, не сниму, я знаю, что вы меня везете расстреливать.

Ехали по Сибирскому тракту, миновали пятую версту и повернули налево к лесу. Проехав сажен сто, остановили лошадей⁵. Жужгов отвязал от пролетки лопаты, одну протянул архипастырю и велел копать могилу. По немощи святитель копал медленно, и палачи ему помогали. Когда закончили, Жужгов приказал:

– Давай ложись.

Но могила оказалась коротка, святитель подрыл в ногах, лег второй раз, но и тогда она оказалась короткой, и он снова копал, удлиняя ее. Наконец, когда могила была закончена, владыка попросил помолиться. Палачи разрешили. Архиепископ молился минут десять, затем повернулся ко всем четверем сторонам, – благословляя ли, молясь ли за всю пермскую паству, – палачи того понять не могли, и сказал:

– Я готов.

– Я расстреливать не буду, а живым буду закапывать, пока не снимешь постановления, – сказал Жужгов.

Архиепископ ответил, что никогда не сделает этого. И палачи стали забрасывать его землей. Жужгов несколько раз выстрелил. Тело святителя было неподвижно. Платунов выстрелил еще два раза. Жужгов один раз – в голову, и начали закапывать.

После казни палачи поделили оставшиеся от архипастыря вещи: чугунные часы, панагию и позолоченную цепочку.

Незадолго перед арестом архиепископа один священник обратился к нему с просьбой о вразумлении: «Как спасти паству от губящих ее

волков и самому не впасть в уныние от озверения в народе и предстоящего поругания святынь?»

Владыка ответил: «Поверьте, отче, все это безбожие и разбой есть вражеское наваждение, скверный налет на русскую добрую и богобоязненную душу. За клятвопреступничество отнял Бог у народа разум и волю, пока не раскаются... а когда раскаются, то сначала постепенно, а потом целиком прозрят все духовно, почувствуют и силу и как Илья Муромец – сбросят тот ужас, который окутал страну нашу. Вот и будем своим твердым, ясным, уверенным словом раскрывать людям правильное отношение к жизни и прежде всего к покаянию, после которого все от Бога нам возвратится с лихвою... Может быть, меня на свете не будет, но не покидает меня надежда и уверенность, что Россия воскреснет со своим возвращением к Богу. Ободряйте всех и примиряйте озлобленных с жизнью, вливайте в них начала светлой жизни по Евангелию Христа. Наше дело – собирать стадо Христово, организовать живые церковно-народные силы по приходам, чтобы разочаровавшиеся во всяких партиях люди здесь, в Церкви, и среди верующих нашли живую пристань и добрый покой. Воскреснет душа народная – воскреснет и тело ее – наша здоровая государственность. Да помогает Вам Премудрый Господь. Просите и молитесь о призывающем Божие благословение грешном архиепископе Андронике».

Игумен Дамаскин (Орловский)

Источники:

- Православный собеседник. 1899. Февраль. С. 250–253; Июль–август. С. 175; Сентябрь. С. 312.
- Прибавление к церковным ведомостям. 1906. № 43. С. 2858; № 45. С. 2947.
- Омские епархиальные ведомости. 1913. № 7. С. 6–9; № 20. С. 19–20; № 22. С. 40–41; № 23. С. 39–40; 1914. № 4. С. 1–3; № 17. С. 37.
- Известия Казанской епархии. 1913. № 11. С. 375.
- Русский паломник. 1913. № 26. С. 415.
- Голос Церкви. 1913. Январь. С. 35–36.
- Голос долга. 1914. № 10, № 11.
- Епископ Андроник. «Станем добре, станем со страхом, вонмем». Письма архиерея к иереем. Пермь, 1915.
- Пермские губернские ведомости. 1916. № 36. С. 4; № 38. С. 1.
- Приходской листок. Петроград, 1916. 11 ноября.
- Пермские епархиальные ведомости. 1918. № 15–17. С. 1–3; 1919. № 1, № 2.
- Известия Пермского губисполкома. № 114–118.
- Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 15, 16.
- Забайкальские епархиальные ведомости. 1919. № 5, № 6.
- Н. Г. Аристов. Пермские архиереи (1800–1918 гг.). 1964, рукопись.
- В. Ф. Сивков. Пережитое. Пермь, 1968.
- Вечерняя Пермь. 1990. 4 апреля, 29 сентября, 11 ноября.
- Любовью побеждая страх. Составитель В. Королев. Фрязино, 1998. С. 5–64.
- РГИА. Ф. 831, оп. 1, ед. хр. 86, л. 8–11.
- ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-1780. Т. 16, т. 17.

Миссионерский путь в Японию⁶

Путь до Константинополя*

Сентября 3 числа минувшего 1898 года исполнилось ровно год, как получена была телеграмма о назначении архимандрита С. и меня миссионерами в Японию. До Японии по дороге мы видели отчасти и Старый, и Новый Свет, то есть Европу и Америку; кое-что там наблюдали, читали и слышали; интересного в наших наблюдениях немало. Поэтому находим не лишним поделиться и с нашими читателями теми впечатлениями, какие мы вынесли из своего далекого, хотя и очень скорого путешествия. В дороге я тщательно вел дневник и теперь постараюсь только перепечатать его, по возможности в самой объективной форме.

Итак, я еду в Японию, на Дальний Восток, чтобы там, при помощи Божией, потрудиться в деле распространения Света Христова Евангелия среди язычников-буддистов и синтоистов. Вспоминается теперь все, что постепенно привело меня к этому концу. Признаюсь, в семинарии я, кажется, ничего не знал о нашей Японской миссии:

* Все тексты первого тома публикуются без стилистической правки, по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением особенностей авторского правописания.

такова уж наша судьба, что наши семинаристы редко знают деятельность своей Церкви, а поэтому и выходят из семинарии редко с широким и светлым церковным сознанием. Узнал я о православии в Японии и о преосвященном Николае, тамошнем апостоле, уже в академии, где во время моего поступления в академию (Московскую) жизнь церковная была ключом около ее ректора. Отчасти и я сделался некоторым звеном в этой жизни, принимая участие в широко заведенной церковности академической. В продолжение первых двух лет я ходил как кандидат монашества, ибо я уже заявил свое желание быть монахом и выжидал времени, как мне то будет разрешено начальством. Перед самым началом занятий на третьем курсе, 1-го августа, я был пострижен в монашество. Как раз в это время возвратился из Японии бывший там отец С. С ним я почему-то весьма скоро близко сошелся, и мы многое и о многом рассуждали. Он многое рассказывал о Японии. Но разговоры эти были для меня тогда только как бы предметом любознательности, ибо тогда я весь был занят предстоящим и только что совершившимся пострижением в монашество. Да и после долго эти разговоры служили для меня только воодушевляющим средством вообще к деятельной церковной жизни. Для меня тогда самую сердечную мечтою была жизнь наших духовно-учебных заведений. По поводу разговоров о Японии я размышлял: вот люди трудятся самоотверженно и целую жизнь для чужой страны, исполняя слово Христово; нам ли не стараться для своего-то народа? Нужно душу свою положить, чтобы наши духовные воспитанники выходили из школы людьми с высокими пастырскими и вообще церковными стремлениями, чтобы они действительно являлись светочами в мире, а не погрязали в его тьме разных веяний и умствований.

Прошел год, и мы с отцом С. (он тогда был инспектором Московской академии), как больные, оказались в Самарской губернии на кумысе. Отец С. постоянно с некоторым сожалением говорил о Япо-

нии и все толковал о возвращении туда. Признаюсь, я тогда ему отговаривал это: если уж возвратился, так зачем в другой раз ехать туда, разве здесь дела мало? Да не переделаешь, за что ни возьмись, да и людей-то на все не хватит. На кумысе между прочим мы занялись чтением писем отца С. из путешествия до Японии и из Японии к родственникам. Эти письма читал покойный архиепископ Владимир Казанский и советовал непременно отпечатать их как весьма интересные. С целью приготовить их окончательно для печати мы и читали их. Во время чтения часто и поднимались споры относительно возвращения отца С. в Японию. Однажды это было так серьезно, что мы едва не поссорились. Но удивительное дело, после этих споров я в душе решил, что отцу С. лучше возвратиться туда, иначе он здесь заскучает, мучаясь совестью, что оставил святое Божие дело. А если он туда поедет, то и я с ним вместе туда же непременно. Так я и решил в душе, хотя твердо предполагал, что отца С. не отпустят вторично из России, как человека весьма нужного, а значит, и мне там не бывать, ибо один я не поехал бы. С такими мыслями мы и возвратились в академию. Осенью отца С., как большого, назначили настоятелем нашей посольской церкви в Афинах. Я писал кандидатское сочинение и мечты о Японии не оставлял, хотя держал ее под великим сомнением. О Японии мы часто переписывались с отцом С. Когда я окончил курс, нам в Японию ехать не пришлось, нас непустили. Я год прожил в Кутаиси, а отец С. – в Афинах, и часто опять переписывались о Японии. Между прочим, помню я ему писал: «Если Богу угодно, чтобы мы были в Японии, так это непременно так и будет, и обстоятельства так сложатся, и поэтому будем спокойны. А мне сдается, что мы непременно там будем». И по истечении того года наши мечты тоже не сбылись: мне пришлось перебираться в Ардон, на Северном Кавказе, в Александровскую Миссионерскую Духовную семинарию, а отец С. остался в Афинах. В Ардоне я с любовью предался семинарскому делу. Семинария там имеет значение рассадника Православия

и просвещения на всю Осетию. Преданный делу и мудрый ее основатель архимандрит И. так прекрасно поставил семинарское дело, что теперь, через 10 лет от основания, семинария совершенно изменила все лицо земли осетинской. Из семинарии выходят прекрасные учителя и священники, с ревностью насаждающие слово истины. И теперь бедные осетины, прежде не имевшие понятия ни о школе, ни о Церкви, теперь сами на последние гроши заводят школы, платят жалованье учителям, стараются строить храмы; отпадавшие от Церкви в магометанство или просто ослабевшие постепенно возвращаются. Вообще, Ардонская семинария явилась действительно светом для Осетии, какую цель и имели при основании ее. Я с любовью преданся этому делу: весной разъезжал и по школам, теперь уже многочисленным, и на деле видел жажду и усердие осетин к возродившемуся церковному делу. Приятно было видеть этих горных вояк, постепенно из дикарей превращающихся в мирных граждан, приятно было видеть их любовь и усердие к храму и школе, на которые они тратят все свои силы. По местам в горах на своих плечах они перетаскивали громадные бревна, так как дорог нет, кроме как для пешехода или для одной лошади верховой. Между тем в течение года (от октября до сентября) я узнал подробно и на месте все дело Осетии и полюбил ее душевно. Никуда бы я не желал оттуда уходить или быть переведенным. Неожиданно в июле месяце я получил из С.-Петербурга письмо от отца С. о том, что он решил ехать в Японию и в Святейшем Синоде указал на меня как на могущего ехать с ним туда же. Но меня не хотели убирать из Ардона. По этому поводу отец С. и спрашивал меня, как я мыслю теперь о поездке в Японию. Большую скорбь доставило мне это письмо. Подумал, поволновался я и, предполагая, что, может быть, и действительно меня из Ардона не уберут, а также и то, что в конце концов все будет по воле Божией, написал отцу С., что мое намерение остается по-прежнему, хотя я теперь совсем не желал бы оставлять Ардон, ибо он мне стал родным. Я

знал, что ректор семинарии архимандрит И. не согласится на мой уход из Ардона, поэтому, чтобы не поставить его в неловкое положение, да и располагая на волю Божию, я и не советовался с ним. После этого я так и оставался спокоен, что все пойдет по-старому; я спокойно подготавливался к приезду учеников, потом начались переэкзаменовки и приемные экзамены, пришлось много волноваться, так как новичков понаехало почти втрое больше, чем можно принять в семинарию, а ребята все хорошие, отпускать совсем бы не хотелось назад; с немалыми затруднениями нам пришлось принять сколько можно больше, чтобы иметь большое количество потом деятелей для Осетии. И как раз после этого – телеграмма о моем назначении в Японию. Признаюсь, это меня в такую печаль ввело, что я плакал, и весьма рад бы был, если бы сего не случилось, чтобы мне по-прежнему оставаться в Ардоне. И ректору архимандриту И. не хотелось меня отпускать; приняты были некоторые меры к тому, чтобы мне оставаться в Ардоне, но все уже было решено, и я должен был покинуть Ардон. Съездил я в последний раз в горы на освящение школы и, провожаемый напутствиями и пожеланиями, 21 сентября выехал из Ардона в С.-Петербург. Грустно мне было расставаться с Ардоном, но это-то и вложило мне мысль, что не так живи, как хочется, а как Бог велит, что по возможности не имей никаких конечных, хотя бы и благородных привязанностей, ибо всякая привязанность уже по самому своему имени есть ограниченность и несвобода духа, а ведь к этой именно свободе духа мы и должны всячески стремиться; напротив, делай всякое данное тебе дело, высокое или среднее, и даже по видимости унижительное, как самое свое задушевное дело, ибо оно есть только поручение свыше для единой истинной цели всего мира, а не самоцель. «И увидел Бог, сотворивши мир, что все весьма прекрасно», именно потому, что всякая вещь, сотворенная прекрасно, исполняет назначенное ей дело, почему весь миропорядок в такой прекрасной гармонии. Вот к этой-то преданности воле Божией и мы

должны стремиться. На этом я постепенно и успокоился. Помогите мне, Господи, дело проповеди в Японии делать именно как Твое поручение. А признаюсь, теперь я даже с некоторым трепетом и трусостью еду в Японию: волнуясь за то, как я возьмусь за такое великое, многостороннее и широкоцерковное дело, не имея за собой ничего, кроме некоторого желания трудиться с добрым намерением и на добро всем, по слову Божию. Трепетно предстать и пред лицом Преосвященного Николая Японского, этого великого апостола нового времени, из ничего восставившего большое дело (за 37 лет его пребывания в Японии насчитывается православных 20–23 тысячи приблизительно, причем главным образом трудился он один, ибо другие миссионеры возвращались обратно).

После Ардона я был в С.-Петербурге, потом у родных, затем в Москве и в Казани, чтобы проститься с родными и знакомыми, может быть надолго, а с некоторыми и навсегда. Проездом был в Киеве, осмотрел с великим наслаждением тамошние святыни и достопримечательности, был в пещерах, наслаждался лаврским пением и, получивши благословение у владыки митрополита, на курьерском поезде отправился в Одессу. Там я остановился в гостинице «Империял», справил дела по багажу, купил билет на пароход до Афин, куда отцу С. нужно было заехать, чтобы сделать дело и захватить свои вещи. Долго я проискал контору Русского общества пароходства и торговли, ибо никто почти не мог толком разъяснить, где именно она. По заграничному паспорту меня приняли за курьера и взяли только за продовольствие. Измучившись сильно, я сходил в баню, потом отдохнул немного и пошел ко бдению в собор (суббота 25 октября). В последний раз я стоял среди русского народа в храме Божием; весьма было утешительно видеть сильную веру и усердие русских к делу Церкви. Народу в соборе было весьма много, полон собор, и все публика чистая; молятся весьма хорошо, сосредоточенно, после службы почти все с благоговением целовали иконы и выходили чинно, без

шума и не торопясь. Пение хорошее, резонанс прекрасный, везде слышно и чтение. Собор весьма большой и очень хороший, в виде базилики, весь открытый посередине, с тремя престолами. Храм усердно был освещен свечами от теплого сердца русского человека, не умеющего молиться без дара или Богу, или бедному во имя Божие. Утром с 6-ти часов я ходил туда же к ранней литургии. Несмотря на ранний час, народ валил туда толпами и набралось почти полно; просфоры на поминовение приносили до «Верую»; после обедни общий молебен; «Херувимскую» и «Достойно» пели киевско-лаврскую с некоторыми сокращениями. Вся служба прошла очень стройно; жаль только, что батюшка все время должен был вынимать просфоры, пусть бы для этого приходил другой священник соборный, чтобы служащий мог служить литургию, как предстоящий пред Богом за народ. Ведь эта забота о вынимании просфор может привести к тому, что в богослужении пастырь утратит всякое воодушевление и для молящихся у него не найдется много духовной силы на утешение и ободрение. Ведь великую тайну спасения всех нужно и совершать именно как тайну благодати, а поэтому самому совершителю ее нужно почувствовать это, войти в дух священнодействия как можно глубже, чтобы престол был действительно небом – седалищем Царя славы, а священник – ходатаем за народ. Но едва ли это возможно при указанной хлопотливости о внешнем.

Отец архимандрит С. приехал на час позже расписания, и если бы наш пароход отошел как раз по расписанию, то пришлось бы отцу С. остаться в Одессе, а мне за границу ехать одному. Наш пароход «Император Николай II» замечательно большой (по этой линии – до Александрии), чистый и изящный, с большими удобствами. Командир, обрусевший немец, весьма любезный. От нечего делать долго я смотрел, как в разных местах и над разными грузами без усталости работала лебедка. С трудом загоняли в пароход стадо баранов и быков, причем последних с опасной борьбой и усилиями; бедные живот-

ные, должно быть, чувствуют, что не на радость загоняют их в это страшное, хотя и красивое стойло: упирались, ревели, бились, остервенели до того, что глаза как будто вылететь хотят; их перепутывали веревками, напускали одного на другого, надеясь измучить их взаимной борьбой и потом усмиренных втащить на пароход; иногда быки становились до того свирепыми, что силились перервать веревки, и тогда была бы беда всем их усмирителям, которые спешили забраться кто куда может; и все-таки пришлось в конце концов быков связать и на брезенте лебедкой поднять на пароход.

По незнанию я своего паспорта не предъявил предварительно, но жандарм отрыл меня и перед самым уже отходом парохода попросил у меня, стараясь быть как можно деликатнее в обращении, мой паспорт на отметку. Жандармы тщательно выходили и высмотрели весь пароход, залезли даже в самый внутренний трюм к овцам и только после этого отпустили пароход (в 12-м часу дня, на час позже расписания).

В 1-м классе пассажиров от 15–20 человек только. Беседа больше о пароходных делах, но как-то не вяжется, все почему-то держат себя натянуто, стараясь как будто быть людьми великосветскими и важными. Почти все пассажиры только до Константинополя. 26 октября весь день погода стояла прекрасная: до вечера была приятная прогулка по морю. Ночью была небольшая качка и небо уже заволокло тучами. А к Константинополю стал моросить дождь. Вся красота вида Босфора и проч. пропала. Отчасти видна панорама громоздящихся одна на другую высоких построек почти с самого моря, кругом траурная скромная растительность, наводящая больше меланхолию и негу, которую так любят все народы Востока. Но при ясной погоде действительно прекрасный вид представляет Босфор: постоянная смена разнообразных и причудливых картин природы, окрашенных в разные цвета и тени. В Босфоре засели на мель, так как красный бак снесло в сторону и фарватер поэтому изменился, боковой ветер

еще более накренил пароход на мель, и поэтому повертелись тут долго. На берегу в крепости всполошились турки, так как мы против самой их стражи принялись измерять глубину и узнавать грунт дна, но потом, заметивши пущенную пароходом ужасную муть, успокоились и убрались в свои конуры, тем более, что и дождь лил порядочный.

В Константинополе на якорь встали в 4 часа вечера 27 октября, как раз против самой Святой Софии. Скоро и стемнело, так что любоваться долго туманным видом не пришлось. Приходившие на пароход афонские монахи с подворья завтра утром обещали прислать своего проводника Лазаря, чтобы мне с ним побывать в Святой Софии и послать телеграмму от отца С. в Афины. Ночью спал плохо: дул всюду ветер и было холодно, открыли верхние окна, а тепла не прибыло, так как машина не работала. В 7 часов я уже был готов, но Лазарь явился только в половине 10-го часа. С ним от набережной мы долго шли или, лучше сказать, бежали по узким грязным улицам азиатской части города; везде спят и валяются грязные и рваные собаки, которыми так богат Константинополь; везде поразительная грязь и вонь; везде теснота и толчок, причем пешие нисколько не беспокоятся, когда им кричат проезжие. Все оглушительно кричат и лопочут и вообще ведут себя более провинциально, а не так, как следовало бы в большом, да еще столичном городе. На меня встречные турки смотрели с любопытством, как на нового человека: на мне была манчестерская камилавка, а греческое духовенство и афонские монахи носят суконные камилавки, кверху расширенные. Извозчики безжалостно запрашивают: за час езды запросил 2 меджида (3 р. 20 к.), а согласился на один меджид.

При входе в Софию турок тотчас же вынес две изношенные подошвы, именуемые туфлями, и протянул руку, в которую я и вложил 2 чирека (74 коп.). Предо мной открылась Святая София во всем ее древнем величии, хотя и запачканном магометанами. Вся она откры-

та со всех сторон: где ни стоять, всюду виден весь внутренний храм. Она есть как бы громадный величественный свод небесный, покрывающий все видимое пространство; и все это так легко и свободно висит над вашей головою. По местам обозначаются запачканные изображения Христа, креста Христова и т. п., – время все-таки постепенно сглаживает все, что непрочно в природе, какова вся турецкая пачкотня по христианской мозаике, с целью изгладить всякий след ненавистного магометанам христианства. Но нет: как помалу проявляются христианские изображения и знаки, так проявится и истинное назначение сего дивного сооружения мудрого царя Юстиниана. Будет некогда день, и Царь-град снова будет осенен знаменем Креста, а знак заходящей и ущербающей луны действительно зайдет, чтобы дать место истинному свету. Это сознают и сами турки: при взятии Софии ярые мусульмане хотели уничтожить в ней всякий след христианства, хотели стереть всю чудную мозаику, но тогдашний мудрый султан запретил, говоря: все равно придет время и опять, может быть, София будет не в наших руках, а перейдет опять к христианам, пусть же все это остается как памятник христианской древности. Он велел только закрасить все христианское и обратить христианский храм Премудрости Божией в мечеть. И теперешние турки как будто сознают свое временное обладание Софией: они нисколько не заботятся о ее чистоте как о месте, которое все-таки от них отойдет скоро ли долго ли. Внутри теперь все пусто, никаких особенных украшений нет, по полу постланы грязные и рваные ковры. В разных углах слышны молитвы магометан, исправляющих полдневный намаз. И замечательно чудный храм: из одного конца его слышно в другом, хотя богомольцы и не громко говорят свои молитвы. Удивительно, почему у нас в России не выстроят ничего подобного Святой Софии в архитектурном смысле, а непременно всякий храм загромождают множеством колонн да переплетов, почему в них и не видно и не слышно ничего. Нельзя сказать, что теперь архитекторы

не могут построить ничего подобного: ведь у турок все мечети почти построены и строятся в таком же роде. А турки, хоть и обратили Святую Софию в мечеть, а все-таки смотрят на нее как на чужое строение и поэтому, чтобы затмить ее, рядом выстроили другую подобную ей мечеть, которая со стороны Мраморного моря и закрывает Софию. Но зато эта мечеть даже по внешнему виду не имеет величия Святой Софии: на ней все нагромождено да налеплено по мелочам, обличающим подражание, а не создание мудрого строителя; в Софии и внутри и снаружи все важно и величественно, что сразу показывает широту взмаха умелой руки с тонким пониманием высокого дела.

Итак, мы теперь уже далеко от России и плывем в странах чужих и к народу иному, неизвестному. В последний раз в Одессе я молился среди дорогого мне народа Русского. В последний раз и надолго, а может быть, и навсегда я насмотрелся на широкое море веры, которою богат наш народ. Достаточно малого внимания к его духовным нуждам, и наш народ богато проявит всю силу своей церковности. Недаром он вышел победителем из всех постигавших его невзгод во всю тысячелетнюю известную всему миру историю. Вера православная спасла его, но и сама она, как бы закалившись в этих бедах, сложилась в целый характер народной жизни русской. Ни у одного народа его религия не сделалась как бы свойством самого народа, а народ Русский действительно впитал в себя свое православие, которое стало духом его жизни. Деятелем спящим пришел враг нашего спасения и в лице западничаствующих разных радетелей народных, утративших прочную почву для себя, посеивает разные плевелы; и нужно сказать, что он имел в своем деле успех, создавши разные секты и расколы на Руси. Но вот сам народ наш, этот богатырь по природе, просыпается и начинает стряхивать с себя всех непрошенных радетелей, снова дерзновенно восстает прежний строгий православный строй жизни, а разные новшества мало-помалу идут во тьму и неизве-

стность, где им и место. Мало того, со всех сторон народы, утрачивающие всякую устойчивость в своем быте, с упованием посматривают опять-таки на сего же богатыря – русский народ и ждут от него себе духовной помощи и просвещения, не поддельного, а прочного, основанного на вечных и самобытных началах откровения. Дай Бог, чтобы наш народ действительно сумел явиться светом для всего мира, чтобы он был мудрым и сильным проповедником истины Божией для жаждущих ее, чтобы постепенно все пришло к Единому Пастырю в одно стадо. С сердечною любовью оставляя я это дорогое мне Отечество и горячо желал того, чтобы Бог помог нам и иному народу возвестить устои жизни русской, чтобы и сей народ усвоил дух православия и помощью Божией сделался таким же православным во всех отношениях, как его сосед.

Путь от Константинополя до Афин

В 3 часа дня 28 октября снялись с якоря в Константинополе и под некоторой качкой идем до Смирны, но по дороге за полночь должны еще остановиться в Дарданеллах, чтобы принять оттуда солдат, и в Митилене.

Октября 29. В Дарданеллах не останавливались, так как при сильном ветре турецкие солдаты боялись пострадать от качки и на пароход не выходили. Перед Митиленой не успели еще остановиться, как на пароход уже вскарабкались каким-то образом туземцы греки, цепляясь за все как обезьяны и наперебой затаскивая к себе в лодки пассажиров и их пожитки. Поднялся невообразимый крик на разных странных языках, среди которых не слышно было, вероятно, только русского; все кричали на разные лады, стараясь как можно перекричать друг друга и захватить к себе пассажиров; слышны были

крики как бы погибающих и отчаянными воплями молящих о помощи. С вещами и пассажирами лодочники обращались совершенно одинаково, перебрасывая и переталкивая все, как чурки. Вот девчонку-турчанку лодочник быстро одной рукой схватил с лестницы из толпы, она закричала и запищала, очевидно испугавшись, что висит над водой, а там внизу все спорят и кричат; тогда он и совсем забрал ее к себе под мышку и потом, как мячик, перебросил в лодку; та еще пуще заревела, одна оказавшись в корме и с ужасом посматривая, как вздымались волны и поднимали одну лодку выше другой, причем казалось, что вот-вот сейчас одна лодка влетит в другую и все раздавит под водой. Вот другой с дикими на выкате глазами лодочник, по виду больше похожий на горного разбойника, схватил с лестницы турчанку за пояс, а потом за ногу и живо перебросил ее к плачущей девчонке, которая успокоилась и уже весело смеялась, чувствуя себя не одной, а, может быть, снова оказавшись рядом со своей матерью, хотя и среди страшной сутолоки чужих и сердитых людей. Вот с парохода носильщик бросил целую связку всяких одеял и тюфяков, но вместо лодки прямо-таки угодил в море; брошенное вытаскивают с ругательствами и проклятиями бросившему и выколачивают воду: хороша будет на ночь постеля несчастному путнику. Вот, цепляясь за разные гвоздки и гайки, едва выдающиеся на стенках парохода, сюда взобрался еще лодочник и, от усилий при подъеме как бы ошалевший, набрасывается на всякого, как сумасшедший, с трудом выкидывая изо рта какие-то членораздельные звуки, – подумаешь ругательства, а вероятно, приглашает в лодку, чтобы доставить на берег в приятную гостиницу. Но вот с берега возвратился помощник капитана парохода и получил разрешение встать на якорь; трапы опустили, суматоха тут еще больше поднялась: буквально скакали и бросались один через другого, по-видимому нисколько не опасаясь столкнуть соседа или от него быть столкнутым и полететь в бурное море, может быть, навсегда, вместо того чтобы попасть на берег, как будто па-

роход вот-вот уйдет опять в море. И это обыкновенное дело – сесть в лодку – вышло целым скандалом. Только и слышны крики и взвизги, причем вся эта разношерстная толпа все-таки понимает свой своего. Вот один пассажир, бросивший свой багаж с парохода в лодку, сам попал в другую и, заметивши свою ошибку, указывает лодочнику на ту лодку, но хозяин не пускает, а может быть, и уверяет, что-де не беспокойся, все равно довезу, а добро не пропадет, ведь мы знаем друг друга, хоть кричим один на другого; пассажир покричал, да и поехал на берег. С ветреной стороны трап стали поднимать; бывший в это время на трапе и перекрикивавшийся с хозяином или с лодочником носильщик вдруг стал припрыгивать на приподнимавшемся трапе, сначала он хотел было браниться, потому что глаза его приняли еще более свирепый вид, а потом заметил на пароходе смотревшую в его сторону голову помощника капитана и сам поскакал торопливо наверх, припрыгивая, с опасностью незаметно слететь в воду. И долго еще потом продолжалась эта суматоха крика, возни, брани и проч. В Митилене мы стояли от 10 до 12 часов дня 29 октября. Городок красивенький, тянется панорамой домов, высящихся один над другим по горам и горушкам среди стройной и навевающей меланхолию восточной растительности. Вдали на горе виднеется хорошая православная греческая церковь.

В Смирну нужно было поспеть до заката солнца, иначе не пустят, по мусульманскому обычаю. Мы пришли как раз перед закатом солнца, около 5-ти часов. При остановке та же самая безалаберная осада лодочников, что и в Митилене. Смирна большой и очень красивый город. На горе виднеется памятник на месте мученической кончины св. Поликарпа Смирнского. В другой стороне видны прекрасные греческие храмы с высокими куполами и даже колокольнями. По сторонам возвышаются покрытые разнообразною растительностью горы. По городу ходит конка, слышны свистки железной дороги. На рейде стоят два броненосца: белый прекрасный американец, появившийся

здесь, вероятно, после того, как в армянскую резню турки кстати избили здесь и американских миссионеров (за что, не знаю), и серый немец, кажется «Августа», первый выпаливший в критян в последнюю греко-турецкую войну. Стоят и грязные турецкие броненосцы, – вероятно, без всякой службы, да и без людей, как подобает турецкому флоту, по крайней мере, на этих броненосцах не заметно никакой жизни.

Октября 30. От самой середины Черного моря очень холодно, дует холодный и все усиливающийся ветер. Есть и качка порядочная, но я пока не ощущаю ее скверного действия: что-то будет дальше? Сегодня утром погода по-прежнему холодная и ветреная, на берег неприятно было сходить, и я только с парохода полюбовался на Смирну. В 2 часа дня снялись с якоря и идем прямо до Пирея, нужно было остановиться в Хиосе, но оттуда даже сигнал был, что по случаю разгулявшегося ветра сообщения с берегом не может быть. С 10 час. вечера ветер разгулялся с такой силой, что наш пароход, очень большой сравнительно, качало и кидало во все стороны. Разгуливая по палубе, невольно приходилось приседать к полу, так как пароход принимал положение валяющегося с одного бока на другой, так что трудно было устоять на своем месте, а если потерять равновесие, то и в воду можно угодить. Я пошел в каюту, разделся и лег в постель, но имел неосторожность закутаться одеялом: желудок скоро согрелся, и качка начала было на меня действовать худо; я поторопился освободиться от одеяла и скоро спокойно заснул и проспал до 7 часов.

Октября 31. Оправившись после сна, поспешил на палубу освежиться и полюбоваться здешними видами. Холод как будто еще усилился, а горы кругом покрылись даже снегом. Скоро издали открылись Пирей и Афины, виднелись Акрополь и гора св. Георгия. Перед Пиреем нас нагнал египетский пароход, который из Константинополя должен был выйти позже нас и прямым рейсом прийти в Пирей раньше нас и уже уйти оттуда еще вчера вечером; оказывается,

после нашего выхода из Константинополя поднялся такой страшный ветер и снег, что тот пароход не смел даже и с якоря сняться и вышел уже на 16 часов позже. Ночью его качало сильнее нас, ибо он много меньше нашего парохода. Чтобы войти на стоянку в гавань, пароход наш должен был сделать крутой поворот, что потребовало много времени, так как поворачиваться очень тесно. Не успели еще якоря бросить, как масса греческих лодок напали на пароход, как голодное воронье, крича на всякие лады, так что шум поднялся гораздо больший, чем в Митилене. Через посольского комиссионера Анжело мы без всякого таможенного осмотра получили свой багаж. Машина от Пирея до Афин ходит через полчаса. До вокзала прошли пешком и постоянно видели то полунагих беглецов полуразрушенной Фессалии, которую турки во время схватки с греками разнесли совершенно и опустошили, то полуодетых солдат-добровольцев, которых теперь выпустили из армии на произвол судьбы. Очень грустно смотреть на тех и других. Их положение хуже, чем французов, бежавших из Москвы в 12-ом году: последние бежали из неприятельской страны, а эти бродят по своей родине и даже по столице, и никому до них дела нет; когда они только еще шли на войну, тогда все греки, особенно столичные, провожали их с пением и ликами и т. п. овациями, а теперь, разбитых, никто и куском хлеба накормить не хочет. Понятно, что всей этой голой и голодной бродячей команде ничего не оставалось, как пуститься в грабеж, и они действительно разносили целые магазины и т. п. и даже почему-то недавно разносили порядком бельгийское посольство.

На полях между Пиреем и Афинами видны несчастные греческие войска, проделывающие школу военного искусства, очевидно на деле научившись, как опасно иметь дело с вооруженным врагом, не запасшись против него ни оружием, ни военным искусством, ни средствами и т. п. Но теперь уже поздно, теперь, греки, пора бы вам помириться и не гордиться, а лучше делать самим свое дело внут-

ренного упорядочения... Нет, они еще и теперь говорят, что все-таки победят турок, только вот прежде вышли не совсем готовыми.

Афины – городок небольшой, красивый; церковей видно порядочно, хотя, большею частию, церкви небольшие; улицы узкие и грязные. Нравы самые восточные: все идут и кричат, а некоторые даже поют, как будто у себя в саду. Около 11 часов утра мы были с отцом архимандритом С. в квартире посольского священника; квартира нанятая, не очень большая и не совсем благоустроенная. В комнатах ужасный холод; поторопились поставить две печки, отопляемые коксом, и помаленьку набрали тепла, скоро, впрочем, исчезающего. А без печек совсем закоченели, зуб на зуб не попадал. Вечером отец Сергей был у посланника, и тот пригласил его и меня на воскресенье к завтраку. В 7 час. вечера мы оба были у митрополита Прокопия, кончившего курс в нашей Московской Духовной академии. Нас тотчас же угостили, по восточному обычаю, глико (варенье, вода, вино и опять вода). Владыка одет в черную греческую рясу, на голове греческая камилавка с расширяющеюся верхушкой, под камилавку забраны волосы. Он очень бодрый, большого роста, на вид приятный, не заметно в нем греческого коварства и лукавства; очень любезно он с нами побеседовал, между прочим, о своем плане завести здесь семинарию наподобие наших. А под конец спросил отца Сергия: а как теперь думают в России о Греции, как относительно субсидий? Отец Сергей сказал, что теперь, кажется, поворот в пользу греков, газеты и журналы толкуют в этом духе, собирают разные пожертвования в пользу пострадавших и т. п. Немало удивило меня, когда владыка во время разговора преспокойно закурил, у нас в России это немислимо, а на Востоке табак – общая забава и привычка. Около 8 часов мы вышли от митрополита и услышали звон, похожий на наш русский набат; отец С. объяснил, что завтра там, где звонят, праздник св. Космы и Дамиана, и поэтому всю ночь будут звонить, и всякий проходящий может звонить сколько ему захочется. Погода, кажется,

переменяется на тепло: все стихло и становится тепленько, хотя днем и порошил легкий снежок. Мы прогулялись по нескольким кварталам и возвратились домой. По улицам всюду толчется народ. Всюду горит электричество. Здания все красивые, из горного камня.

Ноября 2-го мы с отцом С. служили литургию в посольской церкви. Поют стройно и красиво, но очень сокращают службу (бдение один час с четвертью). Утешительно то, что все члены посольства обязательно бывают в церкви. Церковь очень хорошая – в миниатюре Святая София. Только напрасно устроены три маленьких престола вместо одного просторного. Живопись старинная, очень хорошая, хотя не лишена некоторых ошибок: например, св. Мученик Павел изображен в виде настоящего грека. Богомольцев набралось довольно порядочно. Был и посланник, человек пожилой и очень благочестивый; после литургии мы были у него на завтраке, очень любезен и предупредителен.

С 3-го ноября погода установилась замечательно прекрасная: солнце не жжет, а как бы убаюкивает своими мягкими теплыми лучами, окружающие горы и весь воздух преисполнены самыми мягкими отливами цветов, получается впечатление как бы от мягкого зеленого бархата. Легко и приятно дышится здесь.

Ноября 4–5 числа мы ходили по разным достопримечательностям Афин. Забрались на Акрополь, представляющий из себя высокую гору, заваленную разного рода развалинами и остатками памятников старины. Видели остатки самых древнейших построек еще простого вида, потом остатки пелагических построек, воздвигнутых из громадных горных, почти необделанных каменных глыб и брусев. Но вот и прекрасные остатки уже классических построек. Отделка замечательно роскошная, чистая и правильно размеренная. Например, если между двумя параллельными провести к ним множество перпендикуляров, то середина всего этого ряда будет казаться непременно как бы выпуклою; вот во избежание этой ошибки глаза

древние строители греки при устройении колоннад укорачивали средние колонны, почему некоторой кажущейся неправильности у них никогда и не заметно. На самой вершине Акрополя – остатки прекрасного и большого древнего храма, который был и языческим, и христианским, и мечетью, и костелом, потому что разные народы и верования побывали здесь. А теперь он стоит как памятник древнего величия, полуразрушенный и полуразрушившийся, отчасти окруженный некоторым вниманием археологов. Все постройки из прекрасного здешнего мрамора. Удивительно, как тогда могли на прекрасные высокие составные мраморные колонны поднимать такие же толстые, длинные, чисто обтесанные балки, которые и теперь видны в целом их виде. По соседству – маленький музей, в котором собраны разные остатки колонок, фигур, статуй и резьбы. Вот, например, группа, изображающая вестников о Марафонской победе: поразительно тонкая работа, представляется, как бы самая тонкая одежда надета и развевается в разных складках на бегущих, до того тонкая, что как бы виднеется самое тело, поразительно искусно. Фигуры большею частию раскрашены, и почему-то глаза делали в косом виде, так, например, как у японцев. С Акрополя открывается прекрасный вид на город и окрестности. Вдали виднеется мягкая зеленая шапочка, это – масличная роща, в разных местах высятся и опускаются горы и холмы с мягкими на солнце переливами красок и цветов. Так бы и смотрел все вдаль и вдаль. На горе св. Георгия виднеется монастырь его. Уютное для спасающихся местечко, не скоро к ним попасть можно. А от Ареопага, в котором св. апостол Павел проповедовал и привел к вере св. Дионисия Ареопагита, Дамарь и некоторых других, от него почти и следов не осталось никаких, кроме выдающихся из земли камней на его месте. Он ниже описанного Акрополя. Заходили в панораму, изображающую осаду Парижа немцами в 70 году; это большое здание, где в картине изображена вся эта история. Впечатление получается очень сильное: все представляется живым, пред глазами происходящим.

Заходили и на стадии восстановленных недавно олимпийских игр, при открытии которых были даже члены Синода. И как радовались тогда греки, что восстанавливается будто бы блестящая пора их истории! И вообще они большое усердие прилагают к восстановлению всего языческого, а о христианских памятниках и не думают, даже место первой проповеди о Христе – Ареопаг, в котором проповедовал апостол Павел, в совершенной неизвестности и презрении завален всяким мусором. Но вот и плод сего восстановления язычества: поражение от турок. Вот и наука на предки⁷. И теперь греки помаленьку действительно начинают приходить в себя: кроме военных упражнений и пальбы из пушек, которые будто бы во время войны оказались наполненными землей вместо пороха, теперь тщательно обсуждают и дело государственного управления, проверяя и просматривая дела и деятелей и изыскивая исхода в беде. Мало того, новый военный министр Смоленский решил завести полковых священников и проповедников, чтобы насадить чисто церковную и чистую жизнь в войсках. Давно бы нужно додуматься до этого. Дошло дело до того, что даже маленькие ребята хулили все святое. А про общее-то настроение народное нечего и говорить: оно сплошь светское и западническое, только еще в худшем смысле, чем на Западе, ибо там это свое, а здесь перенятое из подражания. Поэтому здесь все европейское только наружу: парламент, в котором только лично считаются и играют в постоянные мелкие, а не государственные партии; презрительное отношение к православным храмам, в которых устраивают народные собрания по гражданским делам и выборы; есть академия наук без академиков; чистота и порядок культуры в разных изобретениях и усовершенствованиях при сплошной грязи улиц. Как и все восточные народы, греки ужасно любят форсить, скрывая под форсом неопрятность, которую-де никто не видит. Все страшно интересуются политикой, и везде встречаются особые кофейни, постоянно переполненные читателями газет, горячо спорящими по пово-

ду газетных известий. И утром, и вечером, и днем городские сады и бульвары всегда переполнены гуляющими, которые в конце концов даже засыпают на лавочках тут. Впечатление такое, что как будто весь город наполнен дачниками, собравшимися с разных сторон отдохнуть в приятном афинском климате после трудов праведных и вот на отдыхе наслаждающимися и развлекающимися прогулкой и пустой беседой о политике. Еще деэписатель⁸ сказал, что афиняне только тем и заняты, как бы узнать что-нибудь новое.

Были на кладбище. Прекрасные мраморные памятники, но большею частию в языческом вкусе; на некоторых нет даже и маленького знака креста, вместо него на некоторых изображены разные масонские знаки; на одном изображена фигура прекрасной женщины (портрет умершей), но совсем не в целомудренном виде, притом спиной сидящей к церкви, а лицом с улыбкой, приветствующей входящих на кладбище; на некоторых изображен ангел, по-видимому удручаемый печалию, хотя следовало бы изобразить его в молитвенном положении. В церкви пели вечерню. По здешнему обычаю, царские ворота были открыты; поют два псалта по очереди и очень осмысленно, не торопясь; устав тщательно исполняют, верно соединяя октоих с минеей. Вся служба идет не торопясь. Священник внятно говорит ектении, а псалт говорком ему отвечает тенором, а в это время стоящий позади батюшка басом ему подтягивает, не произнося ни одного слова. Священник, говоря «мир всем», не оборачивался к народу, а в полуоборот благословил, на отпусте он истово все время крестился. Хотя и будничное богослужение, а оно мне очень понравилось своею истовостью; особенно истово все исполнял один пожилой псалт, одетый в светское: он пел и читал выразительно, как будто сам глубоко чувствуя все читаемое. Исполняли все стихиры и богородичны без пропусков. Видели могилу недавно (в 1896 году) умершего афинского митрополита Германа, замечательного самоотверженного и неутомимого труженика в деле упорядочения здешней церков-

ной жизни. Земляки его построили прекрасный склеп, в который через три года переложат его останки. Этот святитель умер ударом от переутомления. А трудился он весьма много над преобразованием здешних порядков: духовенство совершенно необразованно и менее церковно, чем его паства, проповеди никакой нет, даже архиереи почти совсем необразованные, за некоторыми исключениями. Чего же ожидать от них для Церкви Божией, если при непросвещенности-то и отсутствие духа церковности? Покойный Герман устал, трудясь на этом поприще совсем один. У его преемника митрополита Прокопия есть намерение завести семинарию наподобие наших русских, но кто же здесь-то будет заведовать этим делом, которое должно быть закваскою всего дальнейшего? Во главе теперешней семинарии здесь стоит живущий на покое митрополит Пентаполийский⁹; на одном публичном чтении он говорил, между прочим, следующее: «Благий Промысел Божий так устроил, что в конце ветхозаветной истории эллинизм исполнил всю вселенную своим могуществом и влиянием, потом явилось христианство, эллинизм и принял его в свой дух, объединил и распространил, как сам охвативший ранее весь мир; поэтому если бы не было эллинизма, то, кто знает, может быть, и до сих пор христианство не имело бы такого широкого распространения, оставаясь простой иудейской сектой?» На это один студент университета (медик) ему заметил публично: «Мне думается, что дело было наоборот: эллинизм, охвативший все, отживал свое время, как утративший дух, и вот христианство вложило свою настоящую новую силу в эту некогда всех объединившую форму культуры и явилось новой невиданной дотоле силой жизни, исполняя собой все и всех».

Хорошо то, что здесь семинаристы ходят в духовном платье, даже в рясе и камилавке, но без надлежащего руководства и наставления и это не помогает: они спокойно и даже вольно всюду разгуливают, не кланяясь ни одному духовному лицу, кажется представляя себя

ужасными джентльменами. В порядках много заметно хорошего, видно, что старый широкий и глубокий церковный дух греческий есть и теперь; но при современном европейничании греков все это хорошее ужасно загрязнено. А ведь Греция была просветительницей всего Востока и нас русских. А теперь что сделали с нею ее прогрессисты? Грустно смотреть. Молодых богословов, монахов и светских, посылают в немецкие и иные европейские университеты, а в Россию и не думают, свысока на нее посматривая, как на отставшую от света народность, привязавшуюся к своему православию, тогда как нужно-де стоять выше всяких предрассудков и идти по пути прогресса. При этом нужно заметить, что греки-духовенство постоянно жалуются, что им жить нечем, что поэтому у них такое невежество и непорядки в Церкви. А умер один такой жалобщик на свою бедность, так и оказалось, что своему брату священнику оставил громадный капитал.

Ноября 7-го встретили преемника здесь отцу архимандриту Сергию. Он прежде был с отцом Сергием в Японии, но возвратился оттуда, вероятно соскучившись по родине. Вот это сильное искушение для нас миссионеров, бороться с ним иногда бывает и не совсем под силу. А впрочем, везде земля Господня: если и возвратиться придется на родину, нужно, забывши заднее, спокойно и твердо простираться в переднее¹⁰, не полагаясь на себя и ища помощи свыше.

Ноября 8-го служили оба архимандрита и я; за литургией был в алтаре архиепископ Халкидский Евгений. Когда кадят ему или кланяются, то он только приподнимает к груди благословляющую руку и двигает пальцами, вместо всей руки. Вечером мимо квартиры проходила погребальная процессия, – должно быть, погребали богача или важного человека, потому что шли три архиерея (один в мантии, епитрахили и омофоре, а два без мантии), один архимандрит в клобуке (здесь, вместо митры, архимандрит от прочего духовенства только клобуком и отличается, а остальные все ходят в камилавках) и много священников, стройно в два ряда, все в самых белых легких облачениях.

Путь от Афин до Рима, через Бар-траг

Ноября 9-го был в афинском соборе – за литургией, но, к сожалению, подошел только во время трисвятого. У греков утренняя вместе с литургией; после славословия тотчас же и благословение на литургию. Певчие поют на хорах; напевы все партесные, какие мы слышим постоянно в России; но они их выводят бесконечно замысловатыми руладами. Служили два священника, причем стояли оба перед престолом, а не сбоку один, как у нас; да и престол имеет продолговатую форму, так что служащим так и удобнее стоять. После чтения апостола один из батюшек, кажется стоявший налево, благословил диакона на чтение Евангелия, сам вышел на амвон и стал к народу лицом; а диакон пошел на кафедру, устроенную для этого посреди церкви, у левого столба, высоко-высоко; внизу против кафедры встали два мальчика со свечами, одетые в белые стихари. И во все время чтения Евангелия (левый) батюшка без камилавки стоял на амвоне лицом к народу, а правый батюшка в камилавке оставался перед престолом. (Служebníки у греков лежат на престоле.) Диакон тщательно и красиво, даже и для меня русского, выводил на греческий лад Евангелие о гадаринском бесноватом, с разными красивыми переливами в голосе на одном каком-либо слове или слоге. Народ заметно подошел к кафедре и с особым интересом и удовольствием слушал свое церковное греческое чтение. И как только диакон свое чтение закончил, народу добрая половина вышла из церкви, как бы прослушавши все для них интересное. Это живо напомнило нашу Москву, где тоже многие приходят в церковь послушать или паремии, или апостол и Евангелие, громогласно читаемые диаконом или псаломщиком; и там тоже после чтения многие из церкви уходят. Различие

только то, что здесь диакон, да и все почти, служат тенором, и тенор самый, так сказать, церковный и народный голос, а у нас в России любят громкий бас.

Передавши священнику Евангелие и о чем-то с ним поговоривши, диакон, став под самым амвоном, вместо обычных нескольких ектений сказал только несколько (до трех) прошений, а хор пропел «Господи, помилуй» по однажды три раза и, по возгласе священника, запел: «Иже херувимы». Во время херувимской кадил правый священник; на народе он несколько раз показивал очень долго, а потом, не обращаясь лицом к алтарю, как у нас, сбоку покадил на иконы Спасителя и Божьей Матери и пошел в алтарь. По окончании каждения правый священник, приложившись к антиминсу и престолу, вышел на амвон и трижды благословил народ крестообразно по архиерейски обеими руками, левый только однажды и одной рукой, а диакон только поклонился. Во время входа диакон возгласил, кажется, «всех вас православных христиан да помянет Господь...»; старший священник поминал, кажется, как поминает архиерей, а впрочем, не уверен, только что-то очень долго; а младшему священнику, стоявшему с копьем в руках, так ничего и не пришлось говорить. Обычное после входа благословение диакону, кажется, хотел возложить младший священник, но потом подоспел старший, что-то поговорил с младшим, помотали друг на друга головами, грозно посмотрели и закончили свои переговоры, но благословил диакона уже старший. Диакон вышел из алтаря и стал на второй ступеньке амвона, а царские врата, после его выхода из них, затворил, к великому моему удивлению и смущению, какой-то фронт в пиджаке и сорочке, и при этом не сбоку как-нибудь затворял, а прямо-таки стал посредине врат и захлопнул. А до этого времени с начала службы царские врата были отворены.

Символ веры и молитву Господню **прочитал** псалт. Возгласы почему-то больше говорил второй священник. Он же, через отворен-

ные тем пиджачником царские врата вышедши на амвон, говорил и возглас: «благодать Господа нашего Иисуса Христа», в начале его крестообразно благословил дары воздухом и им же потом весь народ; потом в вполуоборот на правую сторону возгласил: «горе имеим сердца» – и затем, совсем обратившись на правую сторону: «благодарим Господа» – и ушел в алтарь вместе с диаконом, доселе стоявшим под амвоном направо с приподнятым орарем. Хор пропел только «Достойно и праведно есть» без дальнейших слов. Читая молитву: «Еще приносим Ти словесную службу, и просим и молим...», священник сделал поклон пред престолом, что и правильно, так как этою молитвою и испрашиваем благодать Святого Духа на дары; а слов: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего... Сердце чисто созижди... Не отвержи мене от лица Твоего...» – этих слов греки не произносят. По освящении даров священник долго кадил на них. Возгласы: «Во первых помяни, Господи» и далее до ектении говорил уже первый священник, а второй в это время всем, стоявшим в алтаре, и духовным и светским, раздавал антидор, предварительно крестообразно обративши его над освященными дарами. Всякий раз на возглас: «мир всем» – царские врата отворялись наполовину. Завесы совсем не употребляют. Дьякон и входил, и выходил царскими вратами, сам отворяя их и из церкви, если они затворены. После причащения в алтаре первый священник уже разоблачился, как будто ему и делать теперь уже нечего, и спокойно в одном белом подризнике разгуливал по алтарю. Народ, прослушавши какой-то концерт запричастный, отчасти повалил вон из церкви, а отчасти пошел толпой к алтарю; я с радостью предположил, что все, вероятно, проповедь подходят слушать, но нет: некоторые целовали иконы, а некоторые подошли, чтобы получить антидор. В общем, тут поднялся такой шум, что дьякон ектению: «Прости приимше», а священник молитву: «Благословляяй благословящая Тя, Господи» проговорил наскоро и больше для себя. По окончании заамвонной молитвы, которую священник про-

изнес, стоя на амвоне пред иконой Спасителя, он, не оборачиваясь, тихонько благословил народ и ушел в алтарь. Хор, пропевши «Буди имя Господне», уже ничего потом не пел. А священник, кажется, в одном подризнике (хорошо не припомню) раздавал всем подошедшим антидор. Так конца литургии я и не слышал, ибо шум еще более увеличился и священник уже ничего не говорил, кроме каких-то слов при раздаче антидора, может быть, как у нас: «щедр и милостив Господь», а может быть, это и был отпуст и все прочее.

Но каково же было мое смущение, когда я увидел, что все мужчины, получивши антидор, тут же надевают шляпы и идут вон или еще продолжают в таком виде разгуливать и разговаривать между собою! Теперь-де уже окончилось Божье дело и церковь как будто перестала быть храмом Божиим, следовательно, и шапку на голову, ибо без шапки не просвещенно, не благородно. Да и вообще надо заметить, что хотя народу в храме все время было очень много, но все они стоят да посматривают вверх или по сторонам храма, как будто по новостям в чужом месте осматривают все. Самое богослужение греческое мне очень понравилось: много в нем хороших простых обычаев, весьма осмысленных. Только что описанное, например, богослужение по своим действиям есть самая простая беседа с Богом и от Бога обращение к богомольцам с пожеланием им благодати Святого Духа; особенной вычурности и деланности в обрядах, которыми отличается, например, богослужение католическое, здесь нет; здесь, напротив, действия представляются самыми простыми и естественными. В этом отношении наше русское богослужение немного удалилось от своей простоты; например, непроницаемые царские врата представляют как бы нарочную преграду между алтарем и народом, почему и все возгласы исключительно к народу, как бы слово от Бога, произносятся чрез эту преграду. Конечно, бывает, что самая простота в обрядах и действиях становится искусственной, как, например, в богослужении протестантском, где все представляется чем-то придуман-

ным, почему получается впечатление как бы от детской игры, когда дети представляют себя большими: серьезности, глубины и возвышенности обряда незаметно. Этого нет в чинопоследованиях греческих: тут, напротив, все, при своей простоте, возвышенно и глубоко-серьезно, незаметно никакой деланности; напротив, весь смысл богослужения как бы естественно вылился в этом обряде. Жаль только, что и это греки сумели как-то загрязнить: священнодействующие за богослужением ведут себя уж очень просто, по-домашнему, постоянно зачем-то оборачиваются к народу, переговариваются и т. п.; даже сами греки говорят, что у них не проходит ни одного богослужения, чтобы служащие между собою не побранились. В этом отношении здешнее богослужение и церковная жизнь мне много напоминает нашу Грузию: то же небрежное, совершенно запросто, обращение со всем священным, спутанность и бестолковость в делах, необразованность духовенства и положительное религиозное невежество паствы и неуважение ее к духовенству, потерявшему в ее глазах почтение, грязь в местах священных, погоня за наживой и т. п. Да, силен дух антихриста в современной жизни; это он все нам преподносит пилюли под разными видами; стараемся ли мы дать им противоядие?

Собор очень красивый и обширный, в виде базилики. Живописные иконы очень хорошие; в алтаре на стенах написаны разные изображения святых, а в главной апсиде в куполе изображение Божией Матери – Нерушимой Стены; в храмовом куполе – образ благословляющего Спасителя, все – прекрасно. В западной части храма налево – гробница Цареградского патриарха Григория V, повешенного турками на воротах патриархии в Константинополе. Вечный ему покой от Бога за его верное мученичество. В соборе я видел какого-то в пиджаке и прочем светском, но с длинными волосами, как у нашего духовенства; он важно расхаживал по храму; по словам отца Сергия, это – псаломщик; здесь некоторые из псаломщиков, соединяя старые обычаи с новыми нарядами, вот так и ходят. Странно. Весьма жалею,

что не попал к утрени и не познакомился со всем строем греческого богослужения.

Ноября 11-го. После долгих колебаний – по какому пути теперь отправиться до Японии и на каких пароходах, мы решили ехать через Америку: отец архимандрит С. путь через Индию уже видел, так что для него он уже не представляет интереса; по его «Письмам с Дальнего Востока» и я немного знаком с теми местами; мы и решили воспользоваться случаем, какого в другой раз, может быть, и не будет, – осмотреть Рим и познакомиться с католичеством, хоть отчасти; посмотреть и на Новый Свет – чем он живет, тем более, что Япония переполнена американскими миссионерами. Руководителем на дорогу взяли мы себе компанию Кука с сыном, взявшего за всю дорогу в 1-ом классе, с продовольствием, по 775 рублей золотом; нас будут везде встречать и провожать агенты Кука.

Ноября 11-го, во вторник, мы с отцом архимандритом С. отслужили литургию, после которой отец архимандрит А. для нас совершил напутственный молебен, а потом отец диакон попросил сняться на его ручной фотографии – на память. В 12 час. дня провожаемые большой компанией уважающих отца Сергия и отчасти моих новых знакомых сели на поезд и в 7-ом часу вечера были в **Патрасе**, где нужно было сесть на пароход до Бриндиза в Италии. Удивительно богата афинская равнина и вообще вся эта местность: сплошь тянутся масличные рощи, виноградники и разные фруктовые сады; весьма тучная равнина. Прекрасные виды кругом на горы и долины; местами море, на берегу которого все время тянется железная дорога, так прекрасно высматривает, что как будто просится на фотографию. Греческая железная дорога, сравнительно с нашими, весьма неудобна: вагоны узкие, в каждом купе по четыре человека, причем можно только сидеть, а о сне нечего и думать; уборных тоже не полагается; на станциях поезд долго не стоит. Еще за одну станцию до Патраса наш поезд заполонила целая масса носильщиков и агентов разных

компаний туристических и гостиниц, и все они предлагали свои услуги. Нашли мы Кука, но вместе с ним нас встретил еще наш консул грек, и повели они в гостиницу, где в прекрасном номере мы оправились и подчистились, а потом нас пригласили откусать. В 1-м часу нас посадили на пароход «Сциллу» главной итальянской пароходной компании, и почти сразу же снялись с якоря. Пароход старого типа, очень узкий и небольшой, если будет качка, то покачаемся сильно. Прогулявшись немного по палубе, мы легли спать.

Ноября 12-го в 8 час. утра мы были в **Корфу**, тогда как по расписанию предположено было доехать сюда только в половине 12-го часа. После завтрака в 10 час. мы гуляли по городу. Удивительно прекрасное местечко. Это сплошь сад из маслин, апельсинов, бананов и других растений; растут громадные кактусы, цветут разные прекрасные цветы; воздух пропитан какими-то пахучими пряностями. Говорят, здесь климат почти круглый год ровный: жара и холод своевременно умеряются и теплым поясом, и близостью моря, и богатством растительности. Благоприятное местечко. На конце города на маленьком морском островке, близ берега, небольшой женский монастырь; а на другом островке – храм. Против него на другом берегу – дворец австрийской императрицы на прекрасном месте, как бы совершенно утопающий среди богатой растительности. По городу весьма много церквей, хотя и маленьких. Заезжали в храм, где покоятся мощи святого Спиридона Тримифунтского, но рака открывается только 4–5 раз в год: в дни памяти Святого и в дни памяти об избавлении от разных общественных бедствий. Храм устроен несколько в католическом духе: алтарь отделяется от храма несколькими колоннами; царские врата – одна дверь, которая во время богослужения, вероятно, отворяется, по греческому обычаю; живопись отчасти в итальянском духе. Оказывается, этот храм – частная собственность фамилии Булгарис. Постоянно приходят богомольцы. Поднимались на старую крепость, устроенную в былые времена венециан-

цами; на верху ее теперь маяк, а в самой крепости казармы; с маяка прекрасный вид на весь город и окрестности. Город не маленький, но построен весьма тесно, так как строился между стенами, следы которых еще и теперь весьма сохранились; поэтому дома очень высокие, отчего по улицам (узким) какой-то мрак. На верху одной высокой горы в подзорную трубу мы рассмотрели монастырь, простым глазом совсем невидимый. Вот куда забрались святые подвижники. Заходили в Королевский дворец, расположенный среди прекрасного сада; герани, за которыми у нас в России так ухаживают в домах и теплицах, здесь свободно растут как обычное садовое растение. В одной из комнат дворца – замечательная картина мученической кончины патриарха Григория V. Дворец небольшой, в виде круга. В нем, кажется, давно никто не живал. В 5-ом часу снялись с якоря. На обед вышел еще молодой итальянец, а на завтраке были только мы двое да капитан. Отец архимандрит С. со своим маленьким запасом итальянских слов вступал было в разговор с капитаном, но тот коротко отвечал и потом молчал все время. Очевидно, только и провозя случайных пассажиров, подобных нам невегласов по-итальянски, он и сам привык молчать. Всю ночь был сильный ветер. В 1-ом часу ночи пришли в Бриндиз в Италии; спали на пароходе до 5 часов, а потом прошли в таможню, где нас скоро отпустили, слегка посмотревши по нашему указанию; только спрашивали – не везем ли табаку, чаю. Очевидно, о багаже судят по человеку.

Ноября 13-го. На вокзале к нам привязался кто-то в форме, говоря, что вещи он занесет в регистр, как багаж, если не дадим ему 2 франка. Чтобы наделить нищего, мы дали. Удивительное попрошайство! И он при всех не стыдится так поступать; очевидно, это здесь совсем дело обычное и никто этим не соблазняется. После нам рассказывали, что действительно здесь везде ужасное обирательство, и только поддаться этому, то кругом оберут. Говорят, иногда заходит в квартиру человек и настоятельно требует такой-то суммы денег под угрозой убить и т. п.

В девятом часу утра приехали в **Бари** и там остановились, чтобы поклониться мощам святителя Николая Чудотворца, почивающим здесь в одном католическом храме. Улицы в городе узкие и грязные, хотя город и довольно большой; везде толпы любопытствующих праздношатаев с длинными трубками в зубах, причем все почти курят нечто вроде турецкой махорки. Итальянцы большею частию бреются, должно быть желая казаться молодыми; но все зачем-то носят длинные усы. И все такие сердитые, как будто и говорить не хотят, если не дать хоть сантим (меньше копейки).

Собор святого Николая представляет из себя большую базилику с колоннами из прекрасного мрамора; верхний храм очень высокий, с многочисленными боковыми престолами, как приделами к главному. На потолке и на стенах главной апсиды – живопись рококо, не совсем хорошая. Главный алтарь отделен от храма четырьмя колоннами, напоминающими наш иконостас, как преграду. Над колоннами большой резной крест. Рядом с главным алтарем в левом приделе совершали заупокойную мессу; патер и прислуживавшие диаконы и, должно быть, иподиаконы или псаломщики были в черных облачениях. Под аккомпанемент органа кто-то на мотив, напоминающий оперетки, выводил какую-то молитву или песнь. По временам что-то читали диаконы и чтец. Диаконы у престола же ведут себя весьма легкомысленно и небрежно, даже пересмеиваются с богомольцами и клириками. У католиков настоящих диаконов нет, а те же патеры в богослужении прислуживают служащему, надевая только иное облачение. Боковые престолы расположены по стенам, правой и левой, а главный, значительно отступя от передней стены, на возвышенном месте посредине храма, под самым главным куполом. Спустились в крипту, где и почивают мощи святого Николая; там множество народа, так как два патера одновременно на двух престолах совершали тайные мессы. В храме совершается только одна месса с пением и игрою ежедневно, а остальные тайны. Оказывается, у

католиков всякий патер ежедневно должен причащаться: хороший обычай, только бы содержать его на высоте. На престоле, под которым почивают мощи, совершал мессу старенький седой патер; он причастил облатками двух женщин, на коленях стоявших перед решеткой. Все проходившие против престола немного приседали, изображая тем свой поклон благоговения к святыне. Когда в боковом приделе патер уже кончал свою мессу, там собралось множество других патеров, и принялись они что-то петь и читать сообща и поодиночке; потом встал один помоложе и прочитал как будто житие или историю какую. (Патеры носят сверх подрясника белые накидки с кружевными обшивками.) Когда и на престоле святого Николая патер окончил свою мессу, нас пригласили за решетку только двоих, да еще проникла какая-то дама. Пришел довольно нечисто обритый патер старичок, надел нечто вроде епитрахили. Опустился перед ракой на колени и что-то читал по письменной книжке, а псаломщик что-то кратко отвечивал. Уж не присоединение ли к папе читает старичок? – подумал я: ведь здесь же принимала унию и Черногорская Княгиня. Кто их, католиков, разберет, ведь им достаточно для огласки и того, чтобы прочитать молитву и сказать, что присоединили к папе; присоединенным не будешь, а они накричать могут по этому поводу. Ведь у них, например, крещение, по словам самих патеров, нередко так совершается: попалась навстречу патеру женщина язычница с мальчиком; он остановился, поговорил немного, погладил мальчика по голове, а сам в это время попрыскал из имеющегося постоянно в кармане флакона святой водою – и крещение совершено, для папы приобретена новая овца; как она ведет себя, это не важно, а она есть. Я невольно старался сделать вид не принимающего никакого участия в этой молитве патера. Потом патер ключом отворил дверцу под престолом, опустил в отверстие (с медный пятак) свечку на цепочке и там внизу засветил другую свечку. Мы преклонились под престол и могли только отчасти рассмотреть останки святы-

теля. Патер опустил в серебряную чашку свечку, которою засветил прежде свечку над мощами, и подал в этой чашке нам отпить жидкости, говоря, что это миро, истекающее от мощей. Преклонялись под престол потом и другие, но их патер толкал бесцеремонно ногой, чтобы скорее вылезали. Потом повели нас в ризницу, где сидело множество патеров, весело разговаривавших и пересмеивавшихся (это рядом с престолами); там дали книгу – записать свои имена; а сопровождавший нас итальянец, знающий несколько русских ломаных слов, сказал нам: давай ему рупь, поп. Очевидно, здесь все избалованы подачками от туристов, особенно от русских. Не то в Афинах: там всюду свободно пускают, как бы даже гордясь своею стариною, которую всем хочется видеть; денег из самолюбия никто не берет. Из собора святого Николая прошли мы пообедать в гостиницу, а оттуда пешком до вокзала; около нас нередко собирались толпы ребят, да и взрослые посматривали, – очевидно, наши рясы приводили их в недоумение.

На пути от станции Фоджия с нашим паровиком стряслась какая-то беда и он, жалобно посвиставши, остановился, а кондуктор с дочкой (!), посвистывая, пошел обратно на станцию за 6–7 верст за паровозом, который и дотащил нас до следующей станции, а оттуда другой паровик повел далее, и все пошло благополучно.

Достопримечательности Рима

Ноября 14-го в 7 часов утра мы были в Риме в квартире настоятеля здешней нашей посольской церкви отца архимандрита К., недавно приехавшего сюда. Здесь со вчерашнего вечера льет дождь и сделалось довольно холодно; а мы все время ехали при прекрасной погоде. Литургию стояли в посольской церкви, помещающейся в са-

мом посольстве. Церковь маленькая, темная и небогатая; диакон ходит в светском платье, хотя, кажется, особенной необходимости этого здесь и не видно; певчие итальянцы – католики, поют плохо. У отца архимандрита К. есть мысль со временем выстроить здесь настоящий собор, чтобы в центре католичества хоть по внешности сделать известным православие; он, конечно, постарается завести и прекрасных певчих и все богослужение заведет как следует.

Около часу дня мы отправились в **собор святого апостола Павла**, за город; проводником у нас был услужливый псаломщик посольской церкви, все здесь прекрасно в городе знающий и свободно говорящий по-итальянски. Со внешней стороны собор поражает своим величием и чистотой и имеет весьма высокую колокольню, наподобие наших русских. Внутри – это прекрасная длинная базилика, колоннами разделенная вдоль на пять кораблей. На горнем месте – престол папы, а потом, много отступя, посредине главного нефа, престол над гробом святого апостола Павла, причем папа во время служения обращается лицом к народу. Внизу еще престол. Окружающая престолы решетка уставлена множеством горящих лампад. Колонны и два боковых престола из прекрасного малахита, пожертвованного нашим Императором Николаем I. За то и католики в куполе храма святого апостола Петра написали, что Император Николай I удостоил взойти в купол собора. Алтарь от храма отделяется помостом, решеткой и колоннами. Отделка всего собора и всех его украшений, конечно, прекрасная. В куполе, в главной апсиде, и отчасти в храме – прекрасная старинная византийская мозаика. По бокам вверху изображены все епископы римского престола: начиная с апостола Петра и кончая нынешним Львом XIII; осталось и еще мест десять для таких изображений будущих пап. Не помню хорошо, у Лина или Анаклета, вообще у какого-то из первых пап, глаза сделаны вставные из каких-то драгоценных камней, поэтому издали кажутся как бы живыми, сверкающими. На стеклах окон прежде были написаны изобра-

жения разных святых, но во время взрыва на соседнем пороховом складе стекла были почти все побиты. У подножия главного алтаря – две громадные прекрасные мраморные статуи апостолов Петра и Павла. Своды в соборе богато украшены золотом. Весь собор блестит богатством и дивен величием. Он больше нашего Исаакия, только, может быть, ниже его. На западе за собором внешний его громадный портик только еще делается. На правой стороне от собора – галерея, остаток от старой базилики; тут же большие монастырские корпуса.

Ездили на **место мученической кончины апостола**. Это от собора очень далеко. Там теперь монастырь траппистов – молчальников. В соборе, средней величины, бьют три ключа: они будто бы выступили с тех пор, как отрубленная глава святого апостола Павла трижды подпрыгивала по земле; ключи и открылись на местах, где голова касалась земли. Тут же – остаток колонны, к которой был привязан Иисус Христос после суда. А под храмом – тесная пещера, в которую был заключен апостол Павел пред казнью. Этот собор, довольно чистый и благоукрашенный, вероятно, назначен для богомольцев приходящих. А рядом другой – совсем простой по отделке собор для монахов; в нем нет никаких украшений, даже потолка нет, а прямо видна крыша, на стенах никаких изображений. Собор весьма большой. Жизнь монахи проводят самую простую; они сами исполняют здесь все работы монастыря по послушанию, причем все молчат; говорить может только приставленный к приему богомольцев брат. Трапеза не обильна, хотя ежедневно дается по одной с четвертью – по одной с половиной бутылочке белого итальянского вина на брата. По устройству трапеза буквально как в наших монастырях: посредине – кафедра для чтения житий, за трапезой по звонку старшего и все прочее. Спальная комната общая, но каждому в ней по отдельной камере; в католических монастырях днем все живут и занимаются делами вместе в общих помещениях, и только на ночь всяк остается

один сам с собой. Все ложатся в 7 часов, а в 2 часа встают на молитву и прочие послушания; есть и будильщик брат. Были и в комнате общих собраний братии на совет; там занимались двое какими-то бумажными делами, накинувши на голову свои шлыки, похожие на наши башлыки; при нашем приходе они даже не повернулись посмотреть – что за люди вошли. В монастыре кругом замечательная тишина, по словам отца архимандрита С. напоминающая буддийские монастыри в Японии. В монастырь приходили парами и толпами, должно быть, католические семинаристы или студентики и подолгу молились в храме, стоя на коленях, облокотясь на скамейки; а иные, может быть, приходили и на свидания с братьями или на совет. И по дороге нам много попадалось их. Это мне весьма напомнило доброе время жизни в академии, когда и мы с отцом И. А. и другими ходили в скиты на богомолье или на совет к старцам. Было ужасно холодно и сыро; мы зашли в монастырскую лавку и купили по алюминиевому жетону, на котором изображено усечение главы апостола Павла; а монах предложил свое обычное для посетителей угощение – по рюмке ликеру монастырского производства; ликер оказался весьма крепким, хотя рюмочки самые маленькие.

Оттуда направились в **храм Младенца Иисуса**, где находится богато украшенная статуя Младенца Иисуса, пред которой в известные дни совершают разные церемонии богослужебные. Храм прекрасный и поместительный, только темноватый. По соседству всходили на Тарпейскую скалу, с которой некогда сбрасывали осужденных на смерть. Заходили в храм Богородицы, известный под именем *Sopra Minerva*; храм по архитектуре уже переходный к готическому, и колонны не поодиночке, а группами, престолов тоже много, и все у стены. Заметим вообще, что главный престол ставится посредине теперь только в базиликах, которые все папские; на этом престоле только папа и совершает мессу или тот, кому он даст на то особую буллу.

Зашли в **храм Иезуитов**, как раз во время проповеди перед вечерним богослужением. Там один батюшка говорил проповедь, стоя на высокой кафедре посредине церкви с правой стороны. Голос старческий, слабый, но весьма внятнй; говорит не торопясь, отдельно, ясно и с большим воодушевлением, только очень много жестикулирует, размахивая руками, топя ногами, взмахивая рясой, бегая по кафедре и т. п.; замечательно много актерства в приемах, желая казаться как можно более утонченным в манерах и свободным. Народу в храме кругом кафедры набралось весьма много, все, конечно, сидят на стульях и весьма внимательно слушают всякое слово, по-видимому, воодушевленного проповедника, да еще старика. Народ больше чистый, но много и простых; очевидно, жажда слушать слово Божие есть у всех здесь, и есть ей богатое удовлетворение. Католики не дремлют и стараются всячески воздействовать на народ, чтобы собирать и держать его у себя. И народ у них действительно в руках: он слушает своих наставников, как вестников воли Божией. Положим, они глубоко заблуждаются и всех держат в своей ереси, искажающей весь смысл христианской жизни, как жизни в Церкви, возглавляемой и облагодатствованной Христом. Напротив, весь строй папства таков, что у них нет Церкви, а есть только папа да его сподручники, властно спасающие или отвергающие покорных или непокорных своих овец. Поэтому католики, образно выражаясь, привыкли бессознательно следовать за своим пастором, держась за его рясу, в уверенности, что он непременно приведет в рай, хотя бы и тяжкий грешник был кто, ибо у папы много преизбыточествующей благодати на всякие грехи и на всяких грешников, подчиняющихся ему. И эта система так здесь проникла в самую природу католиков, что папа и его сподручники действительно держат все в своей власти и авторитет их в народе весьма высок. При нас, например, в соборе святого Николая в Бари католичка дама, только прикоснувшись своей рукой руки патера, поцеловала потом тот палец своей руки, которым

прикасалась, очевидно, в убеждении, что она уже получила таким образом благословение. Этот собор Иисуса, весьма обширный и украшенный, двумя рядами колонн разделен на три корабля: средний и два боковых. Теперь он почему-то декорирован красною материею – должно быть, будет или был какой-нибудь праздник; престол светло освещен множеством свечей в виде венца до потолка – должно быть, скоро начнется богослужение. Но мы за весь день так устали и проголодались, что, надеясь быть за богослужением в другой раз, на этот раз не остались в соборе. Проповеди, конечно, понять не могли, хотя отец архимандрит С. и понимает несколько итальянский язык. Это был первый случай, когда мы хоть немного увидели и церковную жизнь папства.

Ноября 15-го утром мы отправились в **собор святого апостола Петра**. Перед собором громадная чистая площадь, обнесенная железною решеткою; на площади бьют сильные фонтаны; по бокам идут различные постройки и дворцы, в общем известные под именем Ватикана. Среди соседних больших построек собор святого Петра с внешней стороны не производит впечатления чего-то особенно громадного и величественного, тем более, что его громадный на самом деле купол закрывается громадным и фигуристым главным портиком. Но внутри действительно такое богатство и величие, что зараз даже не охватишь: глаза как-то разбегаются, теряешься, на что смотреть и чему удивляться; да и сам среди этой громады как бы исчезаешь, потому что кажешься себе таким незаметным среди такого величественного храма. Действительно, собор представляет нечто необъятное для глаза. Как и во всех базиликах, главный престол в нем находится посредине храма; под ним устроена крипта, в которой показывают части мощей апостолов Петра и Павла и будто бы остатки гробниц их. Кругом горит множество лампад. В самом переди, на месте папского престола, алтарь, над которым возвышается великолепно украшенный балдахин, внутри которого будто бы седа-

лице апостола Петра, заделанное в золото. А для папы устраивают между этими двумя престолами на ступеньках особое возвышенное седалище; на нем сидя, он недавно принимал пилигримов. Недалеко от главного престола, направо, бронзовая статуя сидящего апостола Петра с жезлом в руках и сиянием на голове; все проходящие мимо непременно целуют его правую ногу, отчего она заметно высветлилась. Собор внутри кругом украшен замечательной работы мраморными статуями разных пап.

На левой стороне от главного престола, на выступе в стене, временный папский гроб, в который кладут тело умершего папы, пока не сделают настоящего гроба: гроб мраморный и очень высоко от полу. Собор такой громадный, что Цареградская София меньше половины площади главного срединного нефа корабля. На полу собора отмечено пропорциональное отношение его величины к величине других замечательных в свете христианских храмов; все они высматривают перед ним малютками. Главный купол, мозаично украшенный, весь открыт и по своей величине представляется как будто широким сводом небесным, а разгуливающие там люди кажутся какими-то маленькими-маленькими карликами. Забирались и мы туда: так высоко, что оттуда даже страшно смотреть вниз. Забирались даже на внешний портик купола под самое его верхнее яблоко; оттуда видно даже море на большое пространство. Еще выше подниматься в самое яблоко не захотелось: высоко, ноги устали, да и народу нужно много переждать, пока все туда партиями войдут и выйдут. Крыша собора плоская и образует громадную площадь, оттуда открывается хороший вид на весь город и далеко на окрестности. Фигуры разных апостолов на главном фасаде портика, снизу представляющиеся маленькими, на самом деле громадные. Престолов в соборе, конечно, весьма много, и на многих совершаются тайные мессы. У католиков на одном престоле можно совершать в один день несколько месс; бывает даже, что два патера на одном алтаре с разных его сторон совер-

шают каждый свою мессу, обратясь друг к другу лицом. Народу в соборе очень много, но среди них много и не богомольцев, а простых зрителей. Приходят разные патеры и семинаристы, встают на колени перед престолами и подолгу молятся. Вообще семинаристы часто заходят в храм именно для молитвы. Форма платья по покрою у них у всех одинаковая, но различается по цвету разных частей: есть совершенно черные, совсем красные, синие, с синими полосками на черных капюшонах, с красными полосками на черных поясах и т.п.; платье похоже на наши подрысники, только с капюшоном; у всех черные пуховые шляпы. Поодиночке семинаристов не видно. Над главным входным портиком в соборе – окно, из которого папа прежде благословлял народ в Пасху, но после того, как Рим отняли у него, он рассердился и этой благодати не подает прежде святому городу.

Из собора прошли в папский музей, богатый разными коллекциями; здесь много подлинных классических произведений искусства – например, Лаокоон, Аполлон Бельведерский и др. Всех отделов мы не успели осмотреть, так как пробило 2 часа, когда всех посетителей попросили о выходе. Вероятно, еще успеем зайти в другой раз и осмотреть вместе с картинной папской галереей. Направо перед собором – **Ватикан**, дворец папы и двора его. Ватикан не производит впечатления чего-то особенно величественного, может быть, и потому, что он как-то сдавлен окружающими его строениями. А на самом деле в нем насчитывают подавляющее количество комнат, и конечно не маленьких. За дворцом – прекрасный сад, в котором летняя резиденция папы. Говорят, иногда можно видеть в саду папу гуляющим; он будто бы очень любит ловить сетками птиц. Приятное удовольствие и забава. Самый Ватикан производит впечатление какого-то мрачного замка; впрочем, и все здесь в Риме имеет мрачный вид, как будто все развалины восстановленные; да и действительных развалин можно много встретить на всяком шагу.

Отправились в **Пантеон** – громадный храм круглой формы, совершенно открытый и светлый; купол без всяких украшений; да и во-

обще в храме не заметно никакого великолепия в украшении, в нем так все просто. Говорят, папы, рассердившись на город по отнятии его из их власти, все, что было дорогого и прекрасного в этом храме, сняли, а он будто бы был прежде весьма великолепен и благоукрашен. Теперь ведь здесь погребен император Виктор Эммануил, при котором и случилось освобождение Рима от власти папы: как же папам не сердиться за это и на самый храм, в котором покоится тело ненавистного им человека? И этот величественный и, по устройству, прекрасный храм производит впечатление именно чего-то или недоконченного или же после лишенного всяких украшений. Прежде это был языческий пантеон – храм всех богов, а со времени христианства он стал храмом во имя всех святых. Прекрасная замена одного бессмысленного посвящения храма чуждым божественной власти многочисленным богам посвящением целому сонму святых, окружающих славный престол Единого Царя неба и земли Господа Славы.

Недалеко отсюда прошли на древнеримский **форум**. Там видели откопанные развалины старины Рима классической поры его языческого существования. От базилики Юлия сохранилась только часть колонн. Много лучше сохранился храм Весты: тут ясно указывают и место жертвоприношений, и обитание весталок и т.п. Из многочисленных дворцов всего лучше сохранились дворцы Нерона. Они представляют из себя цельные остовы старинных дворцов этого императора. Здания тянутся на большое пространство и очень высоки; вероятно, прежде они представляли из себя действительно нечто очень величественное и внушительное: с обычным или чему-либо подобному равным не помирилась бы душа гордого Нерона. Походили мы по форуму, погадали – как это все там происходило в старину, помечтали над судьбами истории. Да... на этом самом месте созидалась длинная, сложная и бурная история Рима; здесь люди действовали, думали, спорили, мечтали. И вот их руками Бог воздвиг славный Рим, обладателя вселенной, чтобы на нем же показать и всю суету че-

ловеческих земных начинаний. Рим, кроме стремления к славе и расширению своей власти до концов земли, кроме этого горделивого стремления, не имел ничего высшего. И вот он, до небес вознесшийся, но оказавшийся без прочного основания, пал и оставил после себя только груды развалин, как свидетельство непрочности всего земного. Но на месте Рима языческого возник новый Рим – христианский, разросшийся на крови тех самых отверженных гордым древним Римом христиан, которые не находили себе и места среди него, а должны были, как странники и скитальцы, укрываться под землей.

Неподалеку от форума видны остатки трех апсид базилики царя Константина, когда он был еще язычником; она – образец остальных здешних базилик. Сохранились три передние апсиды, полукруглые, с куполами; здание было, очевидно, величественное, судя по громадным остаткам его.

Ноября 16-го мы ходили в **церковь святой Марии Маджиоре**, то есть большей. Там застали мессу. Совершал ее патер в прекрасном красном, шитом золотом, облачении; ему прислуживал диакон, у которого через левое плечо под правую руку перекинута широкая бархатная полоса, тоже вышитая золотом, это – орарь; перед престолом под ступеньками стоял еще патер, у которого сверх священнического облачения была накинута как бы наша короткая фелонь, а на спине было большое вышитое золотом сияние. Этот патер иногда тоже подходил к престолу и принимал участие в разных действиях богослужения; а большею частью он стоял внизу, покрытый воздухом, который потом отложил. Во время причащения главный патер, священнодействовавший, положил свои руки на плечи этого патера, а сей как бы ему возложил таким же образом свои руки и потом пошел то же сделал с патером, стоявшим первым в стасидии, а тот своему соседу, и так пошло кругом: должно быть, лобзание мира, как наше: «Христос посреде нас». Пел хор, вероятно, ватиканских кастратов, так как иногда слышны были дисканты совсем не детского горла и

грудь. Но пели хорошо. Органа не было. Говорят, Папа Лев XIII вообще старается вывести орган из церковного употребления и вместо того заводит пение, восстанавливая древние напевы. Это и хорошо. После мессы все с пением и светильниками пошли в ризницу вместе со священнодействовавшими; главный патер нес в руках сосуды для таинства. Народу во все время богослужения в соборе было весьма много, может быть, и потому особенно, что было воскресенье; нам пришлось стоять очень тесно, чтобы хоть сколько-нибудь быть поближе к священнодействовавшим и видеть все обряды. Вдали от родины, где теперь храмы переполнены всюду усердными русским богомольцами, нам приятно было видеть и здесь эту жажду человечества вообще к общению с Богом. Даже здесь в Италии, как ни стараются унижить католичество в противовес его прежнему величию, как ни стараются поэтому омирщить итальянцев, религиозный дух сам по себе остается всегда мощною силою, если его стараются хоть сколько-нибудь удовлетворить. Придут ли когда-нибудь во двор Истинного и Единого Пастыря Христова и эти овцы, заковавшие себя в узы папства?

Отсюда пошли в **церковь святого Пуденцианы**; она на том самом месте, где некогда стоял дом сенатора Пуда, у которого некоторое время проживал апостол Павел. На левой стороне здесь показывают престол с доской под ним, на которой апостол Павел совершал Евхаристию во время своего пребывания в доме Пуда. Недалеко от этого престола показывают колодезь, в котором сложены кости многочисленных здешних мучеников.

Недалеко отсюда – **церковь святой Пракседы**; при входе в нее налево в стене мраморная доска, на которой молилась и спала ночью святая. Здесь сохранилась также верхняя часть колонны, к которой был привязан Христос во дворе Пилата. Нижняя ее часть в монастыре трапистов, в храме трех источников, на месте усечения главы апостола Павла.

Наконец-то мы добрались по порядку и до знаменитого **Латеранского собора** святого Иоанна Предтечи. Это самый древний и теперь первый папский собор; перед ним и собор апостола Петра считается вторым папским. Рядом с ним и древний папский дворец, теперь имеющий вид какого-то архива: мрачное здание. Собор – базилика в виде креста, с двумя рядами колонн, за которыми по бокам множество престолов. Главный престол посредине на возвышении; в нем, будто бы, стол, на котором апостол Петр совершал Евхаристию; а над престолом в навесе, говорят, скрыты главы апостолов Петра и Павла, но их только раз в году показывают богомольцам. На этом престоле, как и на всех главных в базиликах, священнодействует только папа. Впереди этого престола, в главной апсиде тоже престол и за ним папский трон, а кругом множество мест для духовенства. Купол этой апсиды покрыт прекрасною древнею византийскою мозаикою, даже с тогдашними христианскими символами; мозаика блещет золотом... Налево от главного престола – алтарь святого причащения; вверху его в устроенном над престолом балдахине, по словам католиков, заделан тот стол, на котором Иисус Христос совершил Тайную Вечерю в сионской горнице. На стене над престолом очень хорошее изображение Вознесения Господня. А по сторонам – многочисленные картины из истории времен папства: на одной картине, между прочим, изображены какие-то во фраках, подносящие папе хартию и смиренно преклоняющиеся пред ним; это, может быть, для наглядного представления светской власти и господства папы всем входящим в храм.

Собор своим богатством и величием на меня произвел более сильное впечатление, чем собор апостола Петра: в нем все построено и отделано рельефно, величественно, неподкупно-важно, прекрасно и вместе с тем как будто просто. Именно здесь незаметно особенной вычурности в украшениях и отделке, незаметно стремления бить на эффект, что так проглядывает во всех деталях собора апосто-

ла Петра. Здесь нет и той (по моему мнению, безобразной) роскоши, какая в последнем; там все фигуры носят какой-то чувственный отпечаток: заметно позднейшее, мелочное и больше чувственное искусство, а не то старинное солидное искусство и в живописи и в ваянии, каким отличается собор святого Иоанна Предтечи, как бы являющий всю строгость и возвышенность этого последнего. А впрочем, может быть, такое впечатление и от того, что собор Латеранский много меньше собора апостола Петра, так что в нем скорее и легче можно разобраться. Народу в соборе было очень много. Шла торжественная месса, которую совершал епископ с двумя патерами и диаконом. Жаль только, что мы пришли только к концу мессы, к причащению, а начала мессы не видали; а интересно бы посмотреть на епископское богослужение. Облачение епископа прекрасное, шитое золотом, но от священнического мало отличается; на нем длинная мантия, которую придерживает иподиакон, как и у наших епископов. Есть и митра из парчи в виде скуфьи, надетой поперек головы, раздвояющаяся кверху. При благословении народа епископ брал в левую руку жезл, закругленно загнутый вверху. Для епископа около престола сбоку стоял трон-кресло. Пел прекрасный хор кастратов; мотивы все итальянские с разными переливами и вибрацией; но иногда неприятно поражала слух визгливость мужских голосов. Орган не играл совсем. За богослужением присутствовали четыре епископа, все в пурпурного цвета шапочках.

После причащения служащий епископ сел на свой трон; с него сняли верхнюю ризу, надели длинную фиолетовую мантию, по краям широкой полосой шитую золотом, а поверх ее накинули белую фелоньку с золотым большим сиянием на спине. Епископ взял остензорий, в виде нашего напрестольного ковчега или дарохранительницы, с крестом; в нем вложены облатки Святых Даров. Держа остензорий приподнятым против своего лица, епископ, поддерживаемый служащими священниками, понес его от престола; над ним несли на

четырёх шестах широкий балдахин, приподнятый очень высоко, предносили свечи, кадила, рипиды; впереди его шли патеры и епископы в два длинные ряда, держа в руках по три большие свечи пучком. Еще впереди шли прислужники, тоже в особых белых одеяниях, несли несколько крестов с распятием и рельефным, и живописным, и без оногo, а только с гвоздями и надписью, высокую хоругвь, подсвечники, какую-то булаву, два как будто зонта на длинных шестах и какую-то круглую фигуру, может быть изображение папского герба, к нему привязан маленький колокольчик, в который дорогой и ударили изредка. В процессии участвовали многочисленные монахи-капуцины, францисканцы и другие, всякий в своей форме. Впереди шел большой хор кастратов с неумолкающим пением; особенно неприятно было смотреть на них вблизи – этих толстых певцов с неестественными дискантами. Вся эта пышная процессия тихо и стройно вышла в правый корабль храма и завернула, обошедши все колонны, в средний корабль; а в это время епископ с дарами только еще опускался с верхних ступенек от главного престола; можно вообразить, какая длинная процессия и сколько в ней участвовавших. Потом все они подошли к алтарю, где причащались и расположились в стройном порядке полукругом перед престолом. А народ по дороге подпевал и падал на колени перед предносимыми дарами. Епископ, поддерживаемый священниками, поднялся к престолу и поставил на нем в особенную подставку остензорий с дарами, после чего все опустились на колени и что-то долго перекликаясь пели; кажется, диакон или священник, а может быть и епископ (хорошо не разобрал), поминал имена разных святых, а народ прибавлял: *ora pro nobis*; а потом: *quaeretur Domino*, то есть: святой, молись о нас, Господу молимся и т.д. Попевши так очень долго, все служащие пошли в ризницу разоблачаться. Вся эта процессия прошла с большой помпой и пышностью, бьющими в глаза; внимание сильно приковывается и как-то невольно все забывается, следишь за движением и за всем этим таинственным обрядом; невольно и незаметно и у меня как-то

появилось некоторое серьезное внимание и даже благоговение к совершающемуся перед глазами. Но каково же было мое удивление, когда я заметил, что на лицах проходивших патеров процессии отражается как бы некоторая недоверчивая насмешка над всей этой причудливой процедурой! Впрочем, может быть, это для них уж очень привычное дело?.. Но верующий народ, в умилении падавший и молитвенно взывавший во время процессии, еще долго оставался в молитве перед престолом святого причащения, а некоторые прошли постоять еще тайную мессу в одном из боковых престолов. Епископ и патеры, разоблачившись, возвратились к престолу и долго молились перед ним; а потом остался только один. Теперь они попеременно все время будут стоять перед престолом на молитве в продолжение скольких-то суток.

Прошли мы во внешний дворик, где много разных старинных статуй. Есть здесь еще мраморная доска, поддерживаемая четырьмя мраморными колоннами; подходя под нее, будто бы можно судить о росте Иисуса Христа; отец архимандрит С. оказался ниже на ладонь предполагаемого роста Христа, я еще много ниже. Заходили в крещальню святого Иоанна Предтечи, устроенную еще царем Константином. Здесь вся живопись и мозаика старинные византийские. Кругом много церквей и престолов; в одном в стене хранится *oleum sanctum*, то есть святое миро.

Участвовавшие в процессии монахи францисканцы одеты в коричневые кафтаны с опущенными на спину капюшонами; головы их острижены венчиком, а маковка обрита. Капуцины в таких же костюмах, очень серьезны по лицу и, кажется, искренны. Они напоминают наших монахов в простых монастырях. Бороды они не бреют.

Да, Латеран прекрасен и величествен. От него веет стариной и торжественностью неподдельной.

Отсюда мы прошли на **святую лестницу**, по которой Иисус Христос восходил во дворец Пилата. Она папой Пием (кажется, IX) перенесена была из Иерусалима и обложена досками; по ней, в виде

особенного подвига для прощения грехов, благочестивые восходят на коленях, не торопясь, на каждой ступеньке читают соответственные молитвы; прочитавши молитву, целуют мраморную лестницу через отверстия в досках. Наверху в конце лестницы – закрытая церковь, называемая святой святых; а направо – другая церковь, называемая *Via dolorosa*, то есть путь страданий, названная так от этой лестницы, по которой Христос восходил на страдания. На стенах этой церкви изображены разные моменты несения креста Христом; останавливаясь перед каждой картиной, благочестивые читают соответствующую молитву и тоже, постепенно, как бы восходя по пути Христовых страданий, получают индульгенцию. Налево – капелла, называемая привилегированною, так как в ней по особой булле папы совершается особенная очистительная месса, ради которой отпускаются грехи и души умерших освобождаются из чистилища. При нас стояла католичка, очень прилично одетая дама, и, не оглядываясь на нас, перед каждой иконой крестного пути читала по книжке молитвы. А по лестнице передвигались в разных местах ее богомольцы: одни, добираясь уже до самого конца, а другие, очевидно не столь сильные в духовной жизни, с половины спускаясь обратно.

В газете мы прочитали объявление, что в храме святого Карла на Корсо сегодня будет проповедь и торжественное вечернее богослужение. Мы поспешили воспользоваться этим случаем увидеть еще раз церковное католическое собрание. В храме ровно с половины 4-го часа до без четверти 5-ти часов патер Параскандалос говорил проповедь, во время которой ужасно жестикулировал, размахивал руками, топал ногами, бегая по кафедре и присаживаясь на стул; кричал ужасно сильно, иногда поднимаясь до весьма высоких нот, точь-в-точь как актеры на сцене читают патетические монологи; потом, как бы поуставши, бросался на стул, посидевши молча и как бы отдохнувши, снова принимался за проповедь. Вообще, действовал весьма размеренно и вычурно, как бы на сцене перед публикой. Народу было

полный собор, и слушали замечательно внимательно; многие, очевидно, только для проповеди и приходили, потому что тотчас же после нее и ушли. А в это время престол постепенно украшался блистательным светом на канделябрах от множества свечей; над престолом была зажжена как бы высокая дуга из канделябров, к которым были подвешены стеклянные многогранники, еще больше придававшие всему освещению силы. На самом престоле горело множество свечей на высоких подсвечниках. Стены были украшены ярко-красными и темно-красными занавесами. Все было блистательно, особенно при вечернем освещении. После окончания проповеди из ризницы вышли епископ и два патера. Епископ поднялся к престолу, открыл киворий с дарами и благословил вечернее богослужение. Сначала запели кастраты хором, за ними постепенно заиграл орган: *Кυριε ελεησον* и *Χριστε ελεησον*, а потом, после этого краткого вступления, запели разные кантаты: «ангел Божий, возьми грехи мира», *stabat Mater* и другие; слушать приятно, но только не в храме: молитвы никакой не возбуждают такое пение, а, напротив, расстраивают ее, отвлекая приятными мотивами. По временам и народ что-то подхватывал и под аккомпанемент органа, без участия хора заключал стих, и очень стройно. Только молодое поколение уже не пело, а с любопытством посматривало на поющих, очевидно уже несколько отвыкая от участия в церковных торжествах. По временам епископ что-то почитывал, но его совсем не слышно было. В середине всего священнодействия он окадил престол.

Все это продолжалось очень долго. А в заключение последнюю кантату «*Benedicamus*» запел и хор, самыми сильными голосами, и орган, и, наконец, сверху на западе храма совершенно неожиданно весьма громко подхватили трубачи. Получилось нечто совершенно захватывающее, весь храм наполнился какими-то мощными и энергичными звуками, все загремело и после самого сильного удара сразу стихло, точно оборвалось. Нечто поразительное. Получилось потря-

сающее впечатление от этого стихийного сильного рева, но совсем не дикого, а именно мощного. А епископ взял остензорий с дарами и медленно благословил народ, сразу павший на землю, поставил остензорий на место, надел митру и с патерами удалился в ризницу. Итак, в храме Божиим, назначенном для прославления имени Божия, для молитвы, как беседы с Богом, дано было совсем даровое (впрочем, тут же и на храм собирали, проходя с сумочками на длинных палках с подвешенными колокольчиками) оперное увеселение публики, битком набившей собор. Эффекта, восторга, чувства – много, хоть отбавляй, а религиозного чувства, молитвы – нисколько. Все сильно бьет в глаза и во все, теребит за нервы, а сердца по-Божьему не трогает, ибо все совершенно земное, звуки и манеры совсем низкочувственные. И таково все богослужение и церковная жизнь у католиков: говорит ли патер проповедь, он старается расчувствовать, но не вложить и не воспитать спасительное настроение в верующем; священнодействует ли – поражает то же чувство, чтобы все остальное затмить, задавить, чтобы потом верующий уж, так сказать, бессознательно шел, к чему его зовут. Словом, во всем проглядывает характер папства с его стремлением господствовать всюду и над всем, а не настоящая жизнь, незаметно развивающаяся, подобно жизни семени, возрастающего постепенно в целый колос. Все это палка, господствование над верующими, от которого удалялся и других предостерегал апостол Павел. Даже на исповеди патер отпускает грехи кающемуся тем, что прикасается к нему длинной палкой, которую имеет в своей исповедалине; а без этого и грехи не разрешены раскаявшемуся в них, даже, может быть, со слезами.

Ноября 17-го мы поехали за город в **катакомбы св. Каллиста** или мученицы Цецилии, мощи которой здесь найдены были. Катакомбы представляют как бы целый весьма большой город; они разделены на шесть этажей, со множеством улиц, переулков и кубикулов. Есть проходы шириной аршина в два с половиной, а есть и такие,

что едва только можно пройти тесно. Стены высоко-высоко изрыты печурами, в которые полагали тела умерших и закрывали плотно мраморными досками. Мощи мучеников большею частью полагались в особых обширных помещениях; там над их гробами и совершались литургии. В общем такие помещения очень сходны с современным расположением католических храмов: обыкновенно одна гробница, вероятно, особенно почитаемого святого – против входа, две или больше – по сторонам направо и налево, смотря по величине крипты. На стенах и в куполах местами очень хорошо сохранилась старинная символическая и лицевая живопись; много разных надписей, очевидно очень памятных и содержательных для первых христиан: тут и имена разных почивших или мучеников, тут и выписки из Святого Писания, тут и исторические заметки и т.п. В одной крипте сохранились целые остовы костей двух умерших; теперь они в гробнице под стеклами. Очень часто заметны тайные лестницы и выходы из комнат в боковые ходы; очевидно, по ним рассчитывали скрываться незаметно в случае крайней опасности. Некоторые гробницы и кубиклы очень разукрашены разной резьбой по прекрасному мрамору, – должно быть, в них лежали мощи какого-нибудь уважаемого мученика. В пещерах и печурах и вообще много видно костей умерших; но не заметно нисколько какого-либо тяжелого запаха, – напротив, как будто благовонным курением, самым тонким, пахнет всюду. Да и неудивительно: ведь тут жили и погребены люди, всецело предавшие себя Христу, а некоторые и пострадали за Него; на них явно почила владычественная благодать Христова, ее они носили в себе и, ею руководимые, не боялись никаких пыток и мучений, ибо жизнь их была сокрыта в Боге.

Первая после спуска широкая церковь зовется папскою, так как там погребено двенадцать римских пап. Проводник ходит в темных катакомбах, как в своей квартире, прекрасно изучил все улицы и переулки. Там не сыро. По всем катакомбам проведено газовое освеще-

ние, которое не знаю когда зажигается. Мы ходили со свечками, потом сгоревшими до конца, так что приходилось держаться за проводника и не отставать от него ни на шаг. Обошли три этажа катакомб. Рядом ниже катакомбы святого Севастиана, но туда мы уже не спустились, так как устройство их одинаковое с обойденными нами. Итого всего в катакомбах шесть этажей. Под храмом святого Севастиана некоторое время лежали тела апостолов Петра и Павла. В самом храме монахи трапписты показывают на камне стопы Иисуса Христа, явившегося апостолу Петру, уходившему из Рима от гонения и спросившему Христа: «*Quo vadis, Domine*», или «камо грядеши, Господи?»

Исполненные священных воспоминаний побродили мы по этим святым местам: здесь на костях мучеников создалась и окрепла церковная жизнь; здесь среди скорбей и страданий изгнанников проявилась вся сила веры Христовой; здесь исповедники веры создали непреоборимую стену и победили гордый мир славною победою духа над плотью. После минувшей беды или скорби поучительно бывает вспомнить в спокойное время эту минувшую скорбь, мужественно перенесенную без уныния и ропота; поучительно потому, что так познается сила духа, исполненного совершенного терпения. Так, бесконечно более поучительно проходить по этим местам минувшей сильнейшей скорби для первых исповедников веры Христовой, ничего не имевших за собой, кроме этой самой веры: сильно чувствуется именно здесь в катакомбах несокрушимая сила дела Христова, дела Сына Божия; незаметно и сам проникаешься силой веры, хочется верить всецело, так, чтобы всецело отдаться Богу и, невзирая ни на что, смело и бодро идти верой к Богу. Чувствуется, что вот отсеки человек самоволие и угождение себе, заботу о себе помимо Бога, поверь и скажи себе раз навсегда: «Бог нам прибежище и сила», скажи так, чтобы навсегда хранить в сердце это слово, и начнется иная жизнь, жизнь ясная, жизнь хождения по ясным путям Божиим. Тогда все становится для человека ясным, как Божий день: ибо конец все-

го для него в Боге, к Нему и нужно направляться, чтобы быть Ему своим и Его познавать как своего Бога, как носимого в сердце владыку.

Возвращаясь от катакомб, были в **храме святого Креста** у доминиканцев; там показывают в верхнем храме большую часть древа Креста Господня, гвоздь от Креста и часть надписи, причем на ней и римские, и греческие буквы идут в обратном порядке (по-еврейски); это что-то странно. На память купили гвоздь и снимок надписи. Под престолом за стеклом лежат останки мученика Феодора; сохранились будто бы его кости, завернутые в одежде, а голова приделана, так что перед вами лежит как бы сам святой мученик. И зачем это? Если Бог не благоволил сохранить всего тела мученика, как сохранил других мучеников, то зачем мы будем создавать ему искусственный образ? Для молитвы эта подделка не поможет, а скорее повредит своей искусственностью; истинно верующий даже усомнится в действительности и самых костей святого, видя такое странное их добавление. Ведь христиане получают по вере сильную помощь от простого прикосновения только к костям мучеников или вообще святых; а к такому добавлению никто, вероятно, с верой не прикоснется, а скорее только с некоторым любопытством на него посмотрит. Отсюда заезжали на минутку опять в Латеранский собор; на заднем его портике видели прекрасную из белого мрамора статую царя Константина Великого, который изображен совсем молодым и женственным, каким я его никогда не представлял; на голове – веночек из цветов; когда устроена эта статуя, не знаю.

Заезжали на развалины **терм** Каракаллы; это громадные старинные бани, занимающие громадное пространство и имеющие высоту, как теперешние четырех- и пятиэтажные здания; они разделены на множество громадных комнат или зал; в общем все они разделялись на горячие, теплые и холодные; есть и отдельные небольшие ванны и купальни. Печь, по-видимому, была одна громадная, от нее в стенах

проведены всюду нагреватели; все устроено разумно и основательно. Стены были обложены прекрасным мрамором, пол мозаичный, местами и теперь еще мозаика сохранилась прекрасно. Кругом была роскошь. При входе устроены были весьма просторные игорные и гимнастические залы.

Видели и **колумбарии**: это в виде большого сарая каменного; по стенам наделано сплошь множество печур с горшочками, в которые и вкладывали пепел от сожженных трупов умерших. Недалеко от них заходили в подземный грот, в котором и ставились гробницы императоров; там – гробница Сципиона; но далеко внутрь мы не заходили, так как расположение других гротов одинаковое с гротом гробницы Сципиона.

По дороге осмотрели **храм святого Архидиакона Стефана**. Он совершенно круглый, как пантеон, только в половину, вероятно ниже его и меньше несколько. В середине престол, чего в пантеоне нет. Он со всех сторон обнесен колоннами, на которых положена сень над престолом. Но это не главный престол; по обычаю католиков, главный престол – у стены, над ним в апсиде – прекрасная мозаика от VII века. Кругом на стенах нарисованы изображения разных страданий мучеников. Хотя некоторые картины и представляют простую мазню какого-то вольного художника, но производят ужасающее впечатление. В общем все они – сплошная кровь, сплошные терзания и сожжения; зрителя невольно объемлет ужас. Очевидно, строители храма были любители сильных ощущений и желали других пронять как следует. Под главным престолом покоятся мощи святых мучеников Прима и Фелициана. На стене висит шапочка и герб какого-то кардинала: знак, что это храм сего кардинала. В притворе – престол, на котором восседал папа Григорий Великий; престол из белого мрамора, в виде большого кресла; теперь на него уже никто не садится.

Заезжали в **Колизей**, в котором замучены тысячи христиан разными способами. Колизей – громадное круглое здание, сверху от-

крытое; говорят, он вмещал в себе до 100 тысяч зрителей. Ложи для зрителей восходят уступами весьма высоко, а может быть, восходили и еще выше, да верхушка отвалилась. Говорят, какой-то Император хотел исправить разрушившуюся стену Колизея. Дело это, должно быть, весьма рискованное, так что никто из вольных рабочих не взялся за него. Тогда предложили одному из заключенных в тюрьме, какому-то тяжкому преступнику, обещая, в случае исполнения поручения, совершенно освободить его из заключения. Тот действительно сумел дело исправить как следует и уже приводил его к концу, как вдруг однажды слетел с самого верха стены и, конечно, расшибся; так, бедный, и не получил свободы. И теперь эта стена видна как возобновлявшаяся после, но так и торчит недоконченная. Внутри Колизея находится громадная площадь для сцены. Под полом сцены глубоко, и по сторонам ее, в нижнем этаже стен, устроены громадные помещения для борцов и стойла для разных животных. Под Колизеем шли прежде, и теперь еще сохранившиеся, подземные ходы, соединявшие его с Мамертинскою страшною темницей и другими городскими тюрьмами. Вот здесь-то и происходили раздирающие душу картины разных мучений христиан, при созерцании которых радовались и императоры и римляне. Невольно вспомнилось описание этих мучений, представленное Мицкевичем в его романе «*Quo vadis?*» И сколько тут пролито невинной и святой христианской крови только ради увеселения пресыщенных всякими удовольствиями римлян! Но смех их превратился в плач: они ведь потому и забавлялись мучениями христиан, что утратили чувствительность к удовольствиям иного рода, изжили всякое содержание, а потому уж сами себя привели к концу, и Рим пал.

Теперь эта открытая борьба света со тьмою уже прошла. Теперь редко открытые гонения на христианскую веру со стороны неверующих. Враг понял, что так бороться для него же невыгодно. И вот он ухищряется побороть христианство иными, тайными средствами и

путями. Он всюду расставил свои антихристианские сети, всячески и даже под благовидными предложениями смущает и совращает верных чад Божиих, призванных к святине; и многие-многие гибнут, не разумея пути Господня. И теперь нам надлежит бороться, как и всегда было это, против того же гонения на веру, только в другом виде, а поэтому и сопротивление должно быть иное. Первые христиане за веру не устрашались и смерти и охотно шли на нее, чтобы сохранить свое драгоценное достояние, ибо живот их был сокрыт со Христом в Боге. Мы теперь должны стараться как можно глубже закладывать в себя семя истинной веры, чтобы она была в нас живой и действенной, чтобы весь строй нашей жизни противостоял всяким ухищрениям диавольским. Все мы, христиане, должны позаботиться, чтобы общее церковное сознание для всех было уяснено и стало как свое, чтобы церковное начало жизни было светлым и полным началом для всех нас. И чем крепче и яснее будем мы сознавать себя живущими в Церкви, тем непобедимее явимся для всяких ухищрений сатаны. Вот это дело и есть опять дело крови христиан. Теперь прежде всего, как и всегда, руководители общества христиан являются как ангелы своих церквей, нося их в своих сердцах, заботясь и со скорбью перед Богом постоянно моля за них, от своего полного любви и веры Христовой духа, вливая в каждого своего пасомого все богатство спасения. В этом-то смысле святой Тайновидец апостол Иоанн и отождествляет церкви с их предстоятелями, указывая на ту крепкую духовную связь, какая в хорошем или худом отношении непременно существует между ними. А сколько для этого нужно потрудиться, чтобы действительно носить паству в своем сердце и являться за нее ходатаем пред престолом Божиим? Сколько нужно скорби и волнения, сколько труда и самоограничения, чтобы учение сделать действительным достоянием пасомых? Это действительно дело крови и скорби всех и каждого, начиная с пастырей и до последнего верующего, сознательно относящегося к вопросам Церкви. Но чем больше

вложено духовных усилий именно для этой цели, тем прочнее будет самое дело, тем выше будет рог православных, тем непобедимее мы будем для всяких нападений вражеских. «Семя, если не умрет, то не оживет» – это ободряющий закон жизни навсегда.

В прошлый раз нам не пришлось осмотреть **храм Иисуса** (иезуитов), потому что пришли во время проповеди, когда собор был наполнен народом. Сегодня мы и зашли в другой раз. Храм очень роскошный и богатый, но не искусный и не изящный: все в нем как-то аляповато, грубо, вычурно, отчасти напоминает купца-строителя или жертвователя храма. Он по-прежнему декорирован; очевидно, праздник продолжается или еще приближается. Храм очень обширный, продолговатый, с двумя рядами колонн по бокам. На левой стороне под престолом гробница основателя ордена иезуитов – Игнатия Лойолы. Престол роскошный, из лаписа-лазури; из него же над престолом устроен балдахин в виде громадного глобуса. Над престолом, за картиной молящегося Игнатия, находится его прекрасная (говорят) статуя, открываемая только в его праздник. В некоторых исповедальнях исповедницы через решетки нашептывают свои грехи скрытому патеру; по местам исповедуют свои грешки и семинаристки: патер в знак разрешения грехов раскаявшемуся непременно прикасается потом к исповеднику длинной палкой, – вероятно, вместо всякой другой неперменной индульгенции. И сколько раз мы ни заходили в храмы здесь, постоянно видали исповедующихся, много ли мало ли. Очевидно, патеры крепко держат своих пасомых в руках. А ведь это – Рим, город большой и бойкий; и, однако, светские барыни считают своим долгом непременно исповедоваться. К сожалению, не приходилось почти совсем видеть исповедников мужчин. Да ведь и вообще, кажется, в руках патеров больше женщины, чем мужчины; говорят, что мужчины, и особенно служащие на государственной службе, здесь все против папы и за настоящий государственный порядок вещей; а женщины, и отчасти неслужилый класс, – все на

стороне папы и против отнявшего у него власть правительства; будто бы эта рознь здесь весьма заметна даже в семейной жизни.

Отсюда прошли в **Мамертинскую темницу**, над которой и в которой теперь храмы. Она состояла из двух этажей; верхняя обширная соединялась небольшим отверстием с нижней, или внутренней, темницей; через это отверстие и сажали туда преступников, а также подавали им и пищу. Высота внутренней темницы, вероятно, аршина 2,5, а окружность – аршина 1,5. Туда и сажали тяжких преступников, – каковыми, между прочим, оказались и апостолы Петр и Павел, – привязывая их к столбу цепью. Там, по молитве апостола Петра, из полу вышел источник, водой из которого он и окрестил уверовавших стражников, потом замученных. Темница соединялась тайными подземными ходами с сенатом, из которого и по решению которого сюда и засаживали преступников, а также с Колизеем, в который высылали их на борьбу со зверями, то есть на смерть. Вот эта самая нижняя темница и есть та внутренняя темница, о которой упоминает писатель жития, говоря: «и всади их во внутреннюю темницу». Можно себе представить, что это была за темница и какая пытка была для заключенных в ней: туда спускали заключенных сколько только могло поместиться, там они все лежали кучей, там же должны были справляться и со всеми своими естественными нуждами. Сообщения с воздухом никакого, кроме небольшого отверстия в потолке; но ведь верхняя темница тоже была переполнена виновными, заключенными тоже в безвыходное положение и разобщенными со светом Божиим. Многие умирали здесь, не вынеся такой пытки, до мучений в Колизее и тем еще более заражали воздух. Вот какие ужасы претерпевали святые мученики. И, однако, все они не теряли духа и бодрыми потом выходили на мучения, переходя ими от временной к истинной жизни с Богом. Самая эта ужасная темница была свидетельницей многих чудес и обращений к вере или заключенных за иные вины преступников, или самих стражей, совершенно свободных

граждан. Да, действительно, только живя силою Христовой и могли твердо перенести все эти напасти святые мученики. Невольно задумаешься над силой их духа, ни перед чем не остановившегося и не поколебавшегося в исповедании веры. Очевидно, Христос был для них самою их жизнью, так же ясною, как ясно для человека то, что он живет, пока не разлучился от тела.

Ноября 18-го. С утра отправились за город и видели **храм апостола Петра «в веригах»**, которые и показывают под престолом в ковчегце, и храм на Яникульском холме, то есть на месте распятия Апостола; во двореике этого храма показывают и место самого распятия, над которым теперь нечто вроде часовни, из-под которой берут песок; взяли и мы. В первом храме в главной апсиде прекрасная мозаичная икона святого Севастиана мученика. Яникульский холм занимает очень высокое положение над городом, который с него виден прекрасно; там разведен новый сквер, украшенный статуэтками разных новейших государственных уже деятелей и знаменитостей.

Оттуда проехали в **храм священномученика Климента**. Верхний его этаж – образец древних базилик. Храм очень высокий и длинный, но не особенно широкий; двумя рядами колонн разделен на три корабля, из которых в срединном устроена особая мраморная преграда (аршина 1,5 высотой), – вероятно, для каноников собора, так как там устроены амвоны для чтения апостола и Евангелия с обоих боков впереди, а по сторонам стасидии; эта преграда перенесена из нижней древнейшей базилики. На возвышении, приблизительно в 3–4 ступеньки, совершенно отдельно от храма, как в наших церквах, – главный алтарь, под которым почивают мощи святых Климента Римского и Игнатия Богоносца, как свидетельствует надпись на престоле; преграды между алтарем и храмом нет; в апсиде на четырех ступеньках – кафедра епископа, а направо и налево – места для священников. В куполе апсиды – прекрасно сохранившаяся древняя мозаика; изображены Христос и по сторонам Богородица и апостолы.

Старинная живопись – совершенно византийская. Этот храм производит впечатление отчасти оставленного и забытого: не заметно в нем никакого благолепия, а напротив – как-то пусто всюду, даже посетителей не заметно; и храм бывает открыт только в известные часы дня. Должно быть, и папы не особенно дорожат этой редкостью и стариной – памятником одного из первых своих предшественников. Спускались мы и вниз; там остатки самой древней базилики, она совершенно темная и весьма сырая, везде сочится и струится вода; должно быть, от времени вся постройка углубилась в землю, как стоящая в сыром месте. Длина ее кажется одинаковой с верхней базиликой, но на самом деле значительно больше. Колоннами она была разделена на пять кораблей; но от колонн теперь видны только остатки, заделанные в стенах, устроенных сводами. Алтарь здесь, очевидно, был устроен так же, как вверху. По местам можно разобрать ясные остатки старинной фресковой живописи. Направо на стене изображение Святых Кирилла и Мефодия; почти у самой иконы указывают и гроб святого Кирилла, а где его мощи – неизвестно. Недалеко от этого места по восточной стене спуск в нижний храм, еще языческий, в котором святой Климент и предавался разным мистериям, еще будучи язычником; теперь проникнуть туда уже совершенно нельзя, так как этот храм совершенно залит водой, в отверстие даже слышно, как каплет вода с потолка. Все это место и постройка были собственностью Климента.

Отсюда проехали в **храм** святой мученицы **Цецилии**, мраморная фигура которой устроена над главным престолом; святая изображена лежащею умершею, должно быть, после мучений; а направо в особом притворе указывают баню в доме святой, где она и была замучена. Храм устроен на родовой земле святой Цецилии и на месте ее кончины.

Недалеко отсюда храм, известный под именем «*Vosca del veritate*»; в нем все устроено так же, как в храме святого Климента. Те-

перь он возобновляется и заставлен лесами. По стенам кругом видна фресковая живопись, есть совсем византийские иконы, какие и у нас теперь в употреблении. Что сделают с древними украшениями при возобновлении, не знаю. Собор очень обширен.

Свое название этот храм получил от древнего на его месте языческого храма, от которого в теперешнем храме сохранились колонны. В притворе указывают каменное круглое, в размер большого мельничного жернова, изображение лица, вероятно, какого-нибудь бога, с открытыми глазами и ртом; в древности для окончательного решения спора или суда над преступником обвиняемых приводили к этой фигуре и заставляли вложить ей в рот свою руку: верили, что если вложит лжец, то вернуть обратно не сможет, а справедливый не потерпит никакого вреда. Вероятно, крепко натолковали жрецы это суеверие, так что едва ли какой лжец осмеливался на такую последнюю меру; так это верование и осталось ни разу не опровергнутым. А может быть, и лжецы безнаказанными оставались именно благодаря этой модели.

Сегодня еще раз были в **Ватикане**, чтобы осмотреть все остальные его достопримечательности. Осмотрели славную всюду Сикстинскую капеллу, которая славится прекрасными картинами разных художников первоклассных, особенно Микеланджело. Капелла – крестовый храм папы, в котором он и совершает обычно свою мессу. Она представляет из себя длинный, но не очень широкий храм, посередине поперек зачем-то разделенный железной высокой решеткой; по бокам устроен помост в одну ступеньку, для чего – не знаю. Престол в ней один, у восточной стены. Высокий храм весь расписан сплошь разными картинами. Над престолом во всю стену – картина Страшного Суда, а в куполе история мироздания – картины Микеланджело. На мой взгляд, картины не соответствуют духу христианства. Христианское художество должно отображать в себе весь смысл или самый дух христианства; важно, чтобы всякая художест-

венная картина воспроизводила соответствующее духу христианской Церкви и зрителей возвышала до истинно духовных чувствований и представлений. Вот этого-то, на мой взгляд, и нет в знаменитой Сикстинской капелле. Картина Страшного Суда – это изображение борьбы каких-то страшных титанов: все святые и прочие люди какие-то великаны, обнаженные и толстые титаны, ничего духовного не являющие в своем виде; это – не подвижники веры, поработившие плоть духу, а, напротив, усердные гимнастеры и борцы, как бы гордящиеся основательностью и мощностью своего тела, прекрасно развитыми мускулами; на лицах их не написано никакой силы веры или силы духа; напротив, лица их дышат самоуверенностью силачей, которым ничего не стоит раздавить кого угодно. Господь изображен в виде какого-то исполненного физической силы охранителя общественного порядка, а не в виде Превышемирного Духа – мудрого Управителя всей вселенной. Местами современники художника указывали в картине Страшного Суда изображения разных современных ему папских деятелей; но так как некоторые из сих слуг непогрешимого папы были изображены далеко не на почетном месте, то многие оскорбились, узнавши себя, и автор картины за это серьезно поплатился. В общем вся картина представляет нечто совсем неуместное в храме, – самая обычная картина Страшного Суда, какую можно видеть в наших соборах, гораздо осмысленнее и более содержательна в сравнении с этой фантазией прославленного художника. Картина мироздания лучше и осмысленнее. Но в общем вся капелла ничего святого не внушает. И, однако, все с великим удовольствием подробно всматриваются в каждую черточку картин капеллы, с благоговением поднимая голову и выражая удовольствие охами и ахами, – вероятно, больше потому, что уж очень прославился этот самый Микеланджело.

По соседству заходили в Ватиканскую картинную галерею; она не многосложна и не богата картинами; есть и хорошие картины, но

христианского в большинстве их мало заметно. Есть, впрочем, картины, перед которыми, вероятно, невольно всякий остановится: так они внушительны. Вот, например, картины мучений католических миссионеров в Китае, Японии, Африке и т.п. Вероятно, смотря на них, католические семинаристы невольно и сами проникаются желанием или намерением подражать подвигам этих страдальцев в деле проповеди о Христе.

Всякие средства, думалось мне, нужно употреблять к тому, чтобы пробуждать в юношах идеальные стремления, чтобы они помнили не только цель – прекрасное окончание курса, а главным образом то, что после того им нужно иметь настоящее дело в руках и делать его как следует, ибо и дело это не простое, а церковное, единственно важное. Средств для этого множество, только бы иметь усердие пользоваться ими. Важно одно, чтобы всячески вводить питомцев наших духовных школ в круг церковной жизни, чтобы они знали, что делается в Церкви и в мире Божиим, в каком положении интересы Церкви занимают теперь мир, с которым им придется знаться, что нужно им самим иметь у себя в запасе для успешного и возвышенного, а не теплохладного или мечтательного делания. У нас теперь всякий год появляется множество и книг и журналов, обсуждающих именно дела настоящей церковной жизни; вот и важно, чтобы руководящие воспитанием и обучением вводили питомцев в известность всего этого, насколько это полезно будет для них, стараясь приподнять в них пастырский дух, желание и воодушевление служить Церкви и спасению ближних. Вот что мне думалось пред этими поразительными картинами в папской картинной галерее, пред которыми по временам останавливались и засматривались проходившие семинаристы.

Поднимались на гору и прокатились по парку на **Пинче**; парк очень обширный и прекрасный: множество деревьев, дающих большую тень, цветы издают прекрасный запах и украшают сад, в разных

местах устроены пруды, в одном из которых важно плавают солидные черные лебеди, местами бьют фонтаны, расставлены разные колонны и статуи со статуэтками. Очень приятное местечко. Недаром здесь гуляет множество католических семинаристов. Они разодеты в разные формы, по народностям; между прочим, кажется, венгерцы – в совершенно красном платье. Все они такие жизнерадостные и здоровые ребята; одни усердно учат уроки, другие беседуют.

Да, большая армия у папы; и притом это все люди, ничем большею частию не связанные, потому что большею частию это сироты бесприютные; и потом они остаются свободными и от семьи, и от всяких других стеснений, поступая в полное распоряжение папы. Недаром католиков везде можно видеть как проповедников папства. Они и в Америке, и в Японии, и в Китае, и в Корее, и в Австралии, и в Африке и проч. Везде они уже посеяли семена католицизма. Действуют они не без усердия и в Европе. И это они для схизмы такое старание проявляют, уловляя искупленные Христом души в сети папизма, устранившего Христа. А ведь мы, православные, обладаем самую вселенскою истиною, как она вложена Христом в Его Церковь: уже ли ей и суждено ради нас грешных оставаться в неизвестности? Ведь прежде всего именно к нам-то и относится завет Христа: «шедше, научите вся языки», ибо только мы и сохраняем Его слово, вся, елика Он заповеда нам, верующим в Него. И мир самый просыпается и открывает глаза; всюду понимают обдергающий мрак заблуждений; и вот с разных сторон стучат народы в двери православия, ища от него ответа на занимающие их вопросы и сомнения: протестанты и старокатолики ищут единения с православием, несториане умоляют о том же и просят себе просвещения, мир языческий среди нас самих просит света Христова (в Сибири и других местах). Но мы ли пробудили их в этом отношении? Возвещали ли мы свое богатство? Не сами ли они, напротив, додумываются до истины и самостоятельно нападают на настоящий след ее? В самое последнее время и в ка-

толичестве идет разложение, сознают там многие его ложность; но от одной лжи впадают в большую ложь: множество патеров переходят из католичества в протестантство. Такой оборот принимает это дело именно потому, что на Западе весьма и весьма многие, даже подавляющее большинство, не знают ничего о православии, кроме старинного поверия, что это схизма и застывшая форма, лишенная жизни. Да и нужно сознаться, что трудно им и знать истину нашу, если мы сами ни словом не обмолвились о ней...

Но... я уже совсем в сторону ушел от Рима и от Пинче, переполненного жизнерадостными католическими семинаристами, может быть, нашими будущими яркими противниками. И вспомнились мне тут мои ардонские ученики, все ребята хорошие, с желанием трудиться в деле просвещения Осетии светом Христовым.

От Пинче проехали в монастырь **Капуцинов**. Монастырь очень большой, и главный собор в нем очень обширный. Все монахи ходят в коричневых подрясниках, бороды не бреют. У них прежде был такой обычай, что мертвых через три года после смерти выкапывали из земли и кости их складывали в особые помещения; мы и видели теперь до пяти комнат, наполненных, в порядке наложенными, костями человеческими; стены разукрашены вензелями из тех же костей; есть и остовы человеческие из костей, в виде скелетов, причем некоторые одеты в капуцинское платье и т.п., как будто живые стоят на стенах. В храме под одним боковым престолом на правой стороне лежат мощи святого Криспина (одного из Барберинов, основателей монастыря): целое тело, не сгнившее будто бы, одето в одежду капуцинов; «только лицо немного подведено красками и мастиками, так как немного поиспортилось», объяснил показывавший это монах. Дивно. Но зачем все подобное у католиков только напоказ, как картинка довольно затейливая, а не для назидания и молитвы. И положили бы это тело так, как полагаются наши святые мощи; нет, они убрали его за стекло, придали ему некоторую причудливую позу, сочли

нужным восполнить и то, чего Бог не сохранил, и любопытствующим показывают это на удивление.

Ходили еще в **катакомбы святой Агнессы**. Вверху – прекрасная старинная базилика, очень обширная; она много ниже уровня земли; на горнем месте – седалище для епископа, а по сторонам – для священников. Здесь собралось порядочно желающих побывать в катакомбах, но теперь там была уже другая партия, выхода которой мы и ожидали. Катакомбы небольшие: этажа в три; да они и невысоки и узки, сравнительно с катакомбами святого Каллиста. Внутри катакомб видели пещеру, в которой найдены были мощи святой Агнессы; гроб ее мраморный сохранился и теперь, только от верхней крышки остались небольшие куски, один из которых и я стащил, хотя вверху на таковых лиходеев и прибито папское проклятие; потом постараюсь написать на этом камне какую-нибудь икону. В катакомбах довольно сыровато; должно быть, почва места вообще здесь сыровата. Но замечательно приятный какой-то воздух в катакомбах; ощущаешь какое-то особенное тонкое благовоние, особенно заметное, когда выходишь наружу. Это – кровь мучеников за Христа. С нами ходили как зрители два патера, два-три семинариста и несколько светских. Походили мы в катакомбах большой толпой всего только минут десять, потому что скоро обошли все катакомбы. Эти катакомбы далеко за стеной города, но и тут теперь новые городские постройки, переполненные лавками да гостиницами.

По дороге видели погребальную процессию: впереди шли какие-то в красных подрясниках и капюшонах с такими же башлыками, совсем закрывающими лицо, так что видны только глаза; это, должно быть, какая-нибудь погребальная компания, вроде наших факельщиков; за ними шли, кажется, семинаристы в синих и черных одеяниях, а может быть, монахи какого-нибудь монастыря, хорошо не понял; и наконец – патеры, один из которых в епитрахили с крестом в руках. Все они что-то пели гнусаво и очень странно, не дружным хо-

ром, а каким-то завыванием. Позади всей этой процессии несли гроб покойника. В церкви народ как бы замер на месте от такой печальной процессии. А некоторые около церкви переговаривались, как будто в недоумении: и не решаясь уйти отсюда, и страшась этого странствования за гробом.

Ноября 19-го опять заезжали в **собор святого Петра**. Теперь собор произвел на нас еще худшее впечатление при более спокойном рассмотрении его. Кругом – громадные статуи разных пап в странных позах: как будто все они проповедают со свойственными католикам жестикуляциями; при них, как символы их добродетелей, еще более как будто рисующиеся пред публикой, разные ангелы и женщины. Кругом все так пестро и режет глаза, что не получается никакого впечатления великолепия и изящества собора, а, напротив, некоторой грубости и неизящества. Преобладающий красный мрамор производит резкое впечатление. Храму Петра при его поразительном богатстве, пред которым невольно приходится удивляться всякому, недостает именно изящества и возвышенности в замысле и в исполнении этого замысла. Цельного впечатления от него, как именно от христианского храма, не получается. Храм есть место молитвы, как беседы души с Богом; сюда человек приходит затем, чтобы в беседе с Богом найти здесь благодатную тишину и мир душе своей; здесь душа должна восходить к Богу и Бога низводить к себе. К этому должно руководить и богослужение, и вся внешняя обстановка храма. Самое искусство должно содействовать этому возвышению духа к Богу. Необходимо, чтобы в прекрасном создании рук человеческих, исполненном высоты и гармонии во всех своих частях, отображающем все лучшее в мире и в человеке, в изящном и возвышенном по исполнению над всем чувственным храме вещественном, – человек мог восходить в храм превышемирный, к престолу нерукотворному, на котором восседает Царь Славы. А в храме святого Петра, напротив, тот же самый мир, только в некотором отвлечении или обособлении от всего другого и, следовательно, еще более выпуклый и бросаю-

шийся в глаза. Что же может быть здесь благодатного для души? Как она может здесь восходить в мир иной, к Богу, если здесь все еще более привязывает и привлекает ее к этому миру? Ибо ведь здесь все так прекрасно, так прекрасно... вот так же, как и в жизни. Поэтому все здесь земно. Чувствуется, что путь ко спасению у католиков не есть путь постепенного восхождения ко Христу, Начальнику и Совершителю спасения, тесным путем борьбы с собой, постоянного самоограничения, а есть хождение тем же путем мирского покоя: к этому и музыка, и пение, и артистическая проповедь (так что, пожалуй, можно и в оперу не ходить), и индульгенции, для которых ежедневно особые привилегированные мессы, и формальное отбывание дела духовной молитвы обязательным посещением хоть тихой краткой мессы, в которой ничего не понять, да и не слышно ни слова, потому что это – тайная месса. А внешность и внутренняя отделка храмов, преисполненных блеска и величий, разных вычурных фигур, тоже имеет, по-видимому, своею единственной целью поразить величием.

Да и сами католики прямо объявляют себя не только проповедниками веры, но и разносителями культуры по некультурным народностям. В прямое подтверждение этого, забегая немного, всего на четыре дня, вперед, скажу о соборе Парижской Богоматери. Там на видном месте над кружкой вывешено воззвание, приглашающее пожертвовать на католических миссионеров, разносящих по всему языческому миру веру и «цивилизацию». На распространение веры-то просвещенные по последней моде французы едва ли жертвуют, а вот как уверили, что и на разнесение их культуры, тут, конечно, кое-кто и расщедрится, по возванию убедившись, что миссионеры не фанатики веры, не бредни какие-нибудь возвещают миру, а самую настоящую культуру просвещенного человечества, приобщая и дикарей к нему.

Вообще, что касается дела, то в этом отношении католики молодцы. Они крепко держат в своих руках всю свою паству, и она им в

большинстве случаев послушна. У нас в России светская молодежь часто стыдится выказать религиозность; а в католических храмах тамошняя молодежь идет даже со своими молитвенниками и на коленях вычитывают положенные молитвы, на глазах у всех идут к духовнику на исповедь и причастие, набиваются толпами на проповедь и т.п. Ежедневно у католиков бывает по церквам звон в 12 час. дня, и тогда все должны прочесть молитву Господню, пока звонят; в 7,5 час. вечера – звон на молитву «Богородице Дево, радуйся»; в 9 час. вечера – звон на вечернюю молитву перед сном; бывает звон и утром, вероятно на утренние молитвы. Пусть не все это исполняют, но говорят (не католики), что все-таки этого строго держатся среди католиков. Или вот – епископ благословляет народ, и весь он преклоняется на землю. А сколько у них подготавливается деятелей на духовной ниве? Везде по городу только и видишь, что ходят патеры или семинаристы. Последние никогда не ходят поодиночке, а непременно партиями или по двое; это, конечно, в видах воспитательных, чтобы могли друг за другом следить и удерживать от проступков. В этом заключается известная иезуитская система фискальства, введенная в правило семинарий.

В католицизме все имеет определенную цель, ибо все делается по определенному плану, а не ощупью: в общей системе никакой молодец не должен быть на свой образец, а все должно идти к одной общей цели, ибо Церковь есть тело Христово, а мы порознь – члены. Как приятно видеть патера, идущего по городу с одним или несколькими семинаристами и просто, но душевно с ними беседующего: он не боится ни фамильярности в отношениях к ученикам, ибо держит себя авторитетно, ни чрезвычайной напыщенности, ибо является им как бы отец или только авторитетный руководитель, ставящий их интересы своею целью. Конечно, в семье не без урода, но в общем у них и в последствиях сбивчивости не бывает; у них и выходят люди закаленные, с крепкой волей. И в семинаристах их незаметно воль-

ности, а, напротив, выдержанность и вместе с тем живость молодежи. Я с удовольствием засматривался на эти толпы семинаристов католических, особенно на Пинче, но и с трепетом: ведь это наши будущие враги, ведь их теперь уже патеры воспитывают в этой мысли, и воспитывают рьяно, не жалея красок и сил. И нужно заметить, что семинарист и по выходе из семинарии не забыт и не оставлен сам себе; напротив, он известен, получает не случайное место для дела, а соответствующее ему, и после не забыт в руководительстве, ибо вся система католическая проникнута строго единством плана. Это большой разумный пчельник, если можно так сказать. И что, если бы нам иметь такое богатство деятелей, строго во всех отношениях намеченные планы, вытекающие из одного главного начала дела, ясно всеми сознаваемого, иметь бы и подобное им материальное богатство для дела, – что бы мы могли сделать всюду и во всех отношениях? Ведь паписты, как они ни ревностны и ни многочисленны на строго во всех отношениях определенном деле, все-таки трудятся только для себя самих, то есть для своей системы папства, а не для чего-либо высшего и единственно самоценного. Ведь в существе дела это совершенно царство от мира сего, даже самым осязательным образом отразившее на себе все главные черты земного царства. Да ведь, несомненно, и самый сравнительный успех католичества в деле есть только плод этих внешних мер, всего богатства и лиц и сил, какими располагает вообще католичество. Если всюду разослать вещателей, всюду понастроить разных благотворительных учреждений, вообще как можно шире раскинуть сети совершенно человеческих мероприятий, то само собой дело станет всюду известным и распространится. Но это дело настолько же чисто человеческое, как и всякое самое обычное дело филантропии или подобного характера предприятие. Успех еще совсем не свидетельствует о внутренней силе самого дела, а только о богатстве и разнообразии средств его. Поэтому и успех католичества внешний, количественный, силы его не являющий.

Как старается всюду папа подавить великое дело православия: и на Востоке, и в самом нашем Отечестве, и на Западе, и в языческих странах, а ничего не может поделывать. Да и не сможет никаким образом, пока сам не одумается и не возвратится, откуда ниспал, если и для него еще возможно это. А уж все, кажется, благоприятствует его успеху: у нас и деятелей немного, и деятели не такого рода, как паписты, и иных средств мы не имеем, как их имеет папа; и, однако, православию стоит прочно и даже растет на удивление врагам его. Дело в том, что православие есть истина, есть ничем не запятнанное слово Христово, то слово, о котором Он сказал апостолам: слушай вас Мене слушает; веруй в Мя, верует в посланного Мя Отца. А с этим словом никто считаться не сможет, оно само за себя постоит, ибо Христос сказал: Се, Аз с вами до скончания века. Аминь (Мф. 28, 20). Как в Ветхом Завете Бог Сам охранял истинное семя веры и среди самого вероломного народа иудейского, так и всегда Он Сам есть единственный Строитель Своего дела, а деятели – только слуги Его, как говорит апостол Павел. И поэтому, как бы ни трудились люди, какими бы богатыми средствами ни располагали для дела, если оно не Божие дело, оно не преуспеет как следует, не возымеет истинной силы, хотя бы и имело видимый и поразительный успех. И, однако, смотря на эту громадную армию, какую располагает папа, невольно возникает желание: что ж бы мы могли сделать для православия, если бы имели такие же человеческие средства? Ведь мы только и обладаем истиною, которая сама за себя говорит и засвидетельствована целой историей Церкви православной; а если бы к этому прибавить и нашу собственную энергию и самоотвержение, то как бы еще более процвело это дело? Ведь и в первые времена христианства – как богато действовала благодать Божия? Однако как трудились посланные Христом апостолы и все христиане для дела Церкви? Не покладая рук, забывши все, созидали дело веры, и потому даже среди тяжких внешних гонений не только уцелели, а и вышли славными победите-

лями всего мира, на них ополчившегося. То было первое время, когда силами и чудесами нужно было доказать и явить христианство; теперь самая история уже говорит за него. Тех изумительных чудес мы уже не должны просить от Бога, чтобы не искушать Его своим маловерием. Но теперь само христианство является силой; оно само за себя говорит и в отдельных лицах, и в целых народах, им руководящихся. Поэтому внешние мероприятия в деле православия только будут являть эту самую его внутреннюю силу, проявляя вонне то, что в нем есть. У каждого христианина глубоко в сердце должны лежать постоянно слова Христа: «Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою». Вот какие мысли наваял мне собор святого Петра и вообще впечатление от Рима!

От собора святого Петра мы заходили еще в древний храм, построенный в одной из зал Диоклетиана; и думал ли когда-нибудь об этом злой враг христианства? Вот бы он воспылил гневом-то! Храм очень большой и светлый, устроен в виде креста и имеет громадный купол, очень внушительный, как свод небесный. В этом храме недавно венчали итальянского наследника; папа весьма рассердился за это и на патера, и на храм, почему теперь этот собор и причислен к придворному ведомству.

По дороге некоторые патеры нам почему-то кланялись весьма любезно, может быть ошибаясь в одежде, так как наши широкие шляпы весьма похожи на их; а может быть, это патеры из французов, которые теперь полюбили все русское; а может быть, и по другим причинам и побуждениям.

У отца К. (настоятеля посольской нашей церкви) познакомились с С. Д. Сазоновым, секретарем нашей миссии при папе. Очень образованный человек, весьма интересуется всем церковным и прекрасно все это понимает; папскую курию знает превосходно до многих мелочей. О папе говорит, что он весьма бодрый старик, ревност-

но и до сих пор вершит все дела; слухи о его нездоровье напрасны. Оказывается, кардиналы не все в высших степенях иерархии: кардиналом может быть диакон и даже совсем светский, и, однако, при богослужении даже он сидит на своем престоле пред жертвенником, и этот же светский кардинал управляет непременно собором каким-нибудь, начальствует над епископами. Он даже может быть папой, если бы его выбрали. Странное смешение церковных степеней. Кажется Сазонов, а может быть и другой кто, рассказывал интересную особенность закулисной жизни папской курии. При старости всякого папы, конечно, все кардиналы гадают, кто будет папой. Конечно, всякому хочется быть им и всяк про себя думает: а кто знает, может быть, и меня изберут? И чем же я хуже такого-то? И вот многие кардиналы начинают неожиданно заболеть. Говорят, это верный признак, что сей кардинал хочет быть папой. Все при выборах рассчитывают так: это больной, долго не проживет, скоро уступит нам место, да и делами мы будем ворочать за его болезнь. Такого именно больного выбрали в папу 22 года тому назад, а он живет до сих пор, да и многих еще может быть переживет, надеющихся на его смерть, а тех, которые рассчитывали при выборах на его близкую смерть, он давно пережил. Это настоящий папа Лев XIII.

Вот и весь Рим, насколько я успел в это короткое время познакомиться с ним. Конечно, это все внешняя сторона Рима и католичества. Нам и хотелось как-нибудь проникнуть во внутреннюю жизнь его, познакомиться поподробнее с его порядками и учреждениями, узнать, например, жизнь и дело семинарий и академий католических, посмотреть на жизнь монастырей и на деятельность в разных орденах, присмотреться к делу знаменитого другого папы – Пропаванды, поляка Ледоховского, и т.п., но временем достаточным мы не располагали. Пришлось ограничиться только тем, что видели. Все-таки весьма приятно и то, что удалось рассмотреть кое-что в Риме. Уж одно то хорошо, что пришлось побывать в Риме, в этом святом городе,

залитом кровию бесчисленных святых мучеников. Ведь главным образом здесь и создалась Церковь на крови мучеников. Да познает же он опять силу Христову, создавшую его прочно, и да отвратится от заместившего Христа Бога простого папы, да проявит дела первые и наследует славу у Бога.

Погода стояла нехорошая, да нам и некогда бы было наслаждаться ею за беготней по городу.

Путь от Рима до Японии

Ноября 19-го. Поблагодарили мы отца К-та за радушное гостеприимство и, провожаемые им и близкими к нему, в 10 часов вечера на поезде выехали из Рима в Париж.

Целый следующий день пришлось нам ехать по Италии. Страна и до Рима, и здесь очень возделанная: земля везде разработана, удобрена, упорядочена. И, очевидно, итальянцы весьма любят ухаживать за землей кормилицей своей: так у них вся она хорошо и красиво распланирована и обработана, что любо-дорого местами посмотреть. Пред глазами мелькают красивые то масличные рощи, то виноградники, то фруктовые сады, то хлебные поля, то огороды и т.п. Почти незаметно свободного местечка, где бы рука человека не приложила своего дела. И все это рассыпано то на равнинах, приютившихся среди холмов, то на самых этих причудливых и разнообразных по форме и высоте холмах; местами проглядывают высокие Апеннинские горы, теперь уже побелевшие: вид их на солнце от этого еще красивее, они как бы переливаются в разных цветах и красках, местами то повышаясь к небу, то, напротив, понижаясь и переходя в ущелья или широкие долины. То и дело виднеются с железной дороги белые церкви католические, имеющие вид каких-то стороже-

вых постов, потому что близ них редко заметно большое селение, а большею частию кругом расстилаются мелкие хуторки и поселки. Особенно богата храмами южная Италия до Рима, а до Бари – еще больше: там ими заполнено все поле зрения. Очень отрадно смотреть на такую картину: видно, что здесь силен был дух христианства, а в каком он состоянии теперь, это не нам судить: при поверхностном взгляде на страну едва ли можно сделать об этом правильное суждение.

Ноября 20-го. Границу к Франции переезжали как бы среди северной нашей среднерусской зимы: кругом снег, сердитый мороз, так что под ногами хрустит, и все прочее зимнее. К вечеру дувший ветер прекратился и погода сделалась весьма приятная, настоящая наша зимняя свежая, с яркими звездами на небе. Поднимались высоко в горы, а по сторонам виднелись и очень высокие горы, напоминающие наш Кавказ зимой.

В Модане был небольшой перерыв в движении: всех пассажиров попросили выйти из вагонов и без них вещи быстро перетащили в таможеню; там мы открыли свои чемоданы и показали свои вещи, но нас скоро отпустили как только проезжающих чрез Францию, а не едущих туда на жительство. А потом обратно без нас же все вещи перетащили в вагон, не перепутавши его с другим вагоном, как это водится большею частию. Всю Францию до Парижа пришлось ехать ночью и ранним утром, так что ничего не видали по дороге. В вагоне пришлось ехать с тремя англичанами, кажется военными в отпуску. Народ очень добродушный, спокойно предоставляли нам в вагоне всякое преимущество и сами весьма теснились, хотя и мы не особенно ширились. Один на ночевку расположился на полу так, что непременно приходилось через него перешагнуть, чтобы попасть в уборную, у порога которой он и лежал; и он спокойно переносил такое поругание своей персоны: в дороге, мол, все терпи; а в заключение на утро отец архимандрит Сергей неосторожно даже просыпал

на него зубной порошок: бедный англичанин только вскочил и потопился убраться, как бы даже извиняясь или по крайней мере стесняясь, что, мол, улегся на таком неудобном для всех месте.

Ноября 21-го утром приехали в **Париж**, взяли какой-то крытый и приличный рыдван и поехали в Гранд-Отель, как близкую к конторе Кука гостиницу; гостиница – целый город; нас высоко подняли машиной, ею же перетащили вещи; и пока мы снимали верхнее платье и т.п., приходит служка и подает от извозчика счет еще почти на столько же, сколько мы должны заплатить до гостиницы; за что? мы вот сколько должны заплатить. А это за то, что вот извозчик столько-то минут простоял и не получил по счету. Вот так прием. Пришлось заплатить: не спорить же с ним с первого шага. А за номер и за чай пришлось заплатить 15 франков: вперед наука – в Гранд-Отеле не останавливаться, а где-нибудь поскромнее. А потом ходили мы недалеко от отеля в ресторан закусить, и там пришлось сильно поплатиться карманом. Что ж делать: все равно кругом ничего не знаем, куда лучше идти. У Кука устроили мы себе путь до Нью-Йорка на самом быстром и большом пароходе американской линии.

Позабывшись о дальнейшем путешествии, отправились в **собор Парижской Богоматери**. Храм строго готического стиля, очень большой и продолговатый; множеством колонн собор разделен на три корабля; главный отделен низкой железной решеткой и сплошь уставлен стульями. Придельных престолов множество, и часть их поставлена уже у передней стены, а не так, как в Риме, – все по бокам. Окна высокие и узкие с разноцветными темными стеклами, так что и весь собор имеет мрачный вид, как будто созданный для привыкших молиться где-нибудь в темном уголку, а не в единении со всеми. Наверху – громадный орган. В церкви кроме постоянного сторожа никого не было, и, хотя был еще только 12-й час, все богослужение уже окончилось; это не то что в Риме, где всегда во всяком храме есть народ, а мессы продолжают попеременно до полдня. Здесь на

стене мы и прочитали то объявление, о котором я писал выше: собирают пожертвования на католических миссионеров, разносящих по разным странам и народам веру и цивилизацию, а, вероятно, больше последнюю, как говорит отец архимандрит С. в своих «Письмах с Дальнего Востока». А другое объявление гласит следующую важную для католиков радость: этому собору в разное время папами присвоены три привилегированные алтаря, то есть такие, на которых совершается жертва удовлетворения за всякие грехи живых и умерших, непременно сообщающая индульгенцию или снисхождение.

На нас парижане везде с любопытством и изумлением засматривались, конечно удивляясь нашим широким и длинным рясам, да и длинным волосам; но мы уже привыкли теперь к таким изумляющимся и расхаживали совершенно спокойно. А на вокзале какой-то прилично одетый господин снял нам почтительно шляпу; только второпях не разобрали мы, может быть, и русский, здесь проживающий, или тоже проезжает только Парижем, а может быть, и настоящий француз изъявил почтение из симпатии к русским. Города мы так и не видали, кроме того, что посмотрели по сторонам из кареты: шумный город, но погода была пасмурная, так что все казалось каким-то кислым. В 7-ом часу вечера на поезде выехали из Гавра и, вероятно, часов около 10 были там и сели на небольшой пароход до Соутемптона в Англии. Ночью хорошо поспали, а утром ноября 22-го сошли в таможную; там скоро осмотрели наши вещи без задержек, а извозчик отвез в гостиницу, где нас по билету Кука угостили самой легкой закуской.

Так Англии мы и не видали, кроме этого одного города, покрытого густою мглою дыма и тумана. И такова самая Англия – вся в тумане.

Часу в 1-ом наш пароход «Сан-Луи» отвалил от пристани. Пароход наш самый большой – 11 тыс. тонн, и самый быстроходный – может делать по 20 узлов в час. Сначала от Соутемптона долго шли

очень медленно, – должно быть, были сравнительно мелкие места, да и суда разные попадались или навстречу, или стоящими на якоре. Погода была долго очень туманная, а потом туман пропал и до вечера было очень хорошо, и качки не было, так что путешествие началось приятно. Но на другой день (воскресенье) с утра началась мучительная килевая качка, и погода установилась только ноября 27-го. Пассажиры почти все перестрадали, верхняя палуба превратилась в какую-то походную больницу: везде на раздвижных креслах кутались и охали, а некоторые и более существенно страдали от морской болезни. Я страдал воскресенье – вторник (ноября 23–25), и страдал весьма сильно: рвота, потеря аппетита, уныние, апатия, потеря всякой энергии; ни за что не хочется взяться, да и не делается, не думается, и все как будто из рук валится; книгу начнешь читать, ничего не выходит путного, внимания не хватает, да и устаешь еще больше, так и бросаешь; ни на кого бы и не смотрел: ужасная тоска и мука. Об одном только и думаешь: да скоро ли конец-то путешествию? да и зачем здесь именно поехали? Как будто и конца ничему не предвидится совсем. Я все время лежал, спал, ел самую малость и так находил покой, качка не так делалась чувствительною; а как поднимешься с койки, так опять все кругом и пошло; под конец с удовольствием начал истреблять кисловатые апельсины, которые мне всякий раз щедро из столовой приносил слуга. И отец архимандрит С., долго храбрившийся, наконец не выдержал, и, когда я уже стал вставать помаленьку, он слег. Ноября 25-го вечером качка немного поутихла, а у нас хватило энергии хорошо подзакусить после голодовки, даже выпили американского шампанского для подкрепления (и противное же это шампанское, какая-то горечь). На другой день я совершенно встал и вот два дня хожу, нисколько не страдая от качки, хотя она и есть еще; очевидно, полезно в качку основательно вылежаться, и тогда она не действует скверно. Как-то будет дальше на Великом Океане? Ведь там придется целых 19 суток, а может быть и более того, идти до Япо-

нии. Отец С. теперь даже при самой уже незначительной качке чувствует себя не совсем спокойно, именно потому, что не вылежался вначале, как я, а все перемогался.

Пароход наш сначала пошел весьма хорошо: в первый день прошли 439 миль (в сутки), во второй – только 382, а в третий – всего только 284, так как во время страшной качки винт обнажался поверх волн, да и носом зачерпывали на быстром ходу. По утишении качки в четвертый день прошли 439 миль, сегодня, в пятый день, – 478, всего пройдено 2022, а остается еще 1032 мили. Не уверены, попадем ли мы в Нью-Йорк так, чтобы взять билеты у Кука до Японии, поспеть на поезд и попасть на пароходе в Сан-Франциско; а если не попадем, то плохо: места на пароходе Куком уже, конечно, закуплены на нас, так что нам придется поплатиться карманом. А в воскресенье у Кука контора, несомненно, заперта. Если пойдем исправно, как теперь, то надеемся еще поспеть как следует. А и сильная же была качка: волны вздымались точно горы над пароходом, и этот великан валился ими как щепка. Иногда была опасность, что вот-вот сейчас свалишься с койки на пол; а однажды во сне я даже и полетел уже, так что проснулся и ухватился за плечики койки.

Пассажиров на пароходе очень много, хотя далеко не полно: да ведь и пароход-то громадный – в 4–5 этажей; пассажиры все американцы и англичане, русского слова не слышим совсем. Народ очень добродушный и вежливый, хотя попросту: иной ходит-ходит по палубе, да вдруг и заговорит, даже со мной, думая, что я непременно говорю по-английски; приходится отделяваться краткими: о, yes и no; а иногда кой-что и поймешь. Но говорят они как будто проглатывают слова, зубами совсем не действуют, а как-то шамкают губами, как будто у них совсем и зубных звуков нет; говорят очень быстро, а произношение слова и его написание различаются так, что буквально можно сказать: если написано – Иван, прочитай – Василий, и будет правильно. Между собой они все очень попросту и согласно, все друг с

другом разговаривают, расхаживают как свои или как участники одного веселого собрания семейного. Но вместе с тем замечательно соблюдают этикет: к обеду непременно надевают все лучшее платье и вообще запросто являются только к утреннему чаю и завтраку, а обед для них нечто священное в семейном кружку. И нужно сказать, кушают все они очень основательно: обязательно три раза в день; по составу блюд это буквально три обеда очень основательных; преобладает мясо в разных видах и зелень; вина истребляют не особенно много. Ко всем трем собраниям в столовую вместо звонка раздается пронзительный звук трех трубачей. На нас они сначала с изумлением посматривали. Когда я в первый день только что сел на пароход и расхаживал по палубе, то все обратили на меня внимание и даже нарочно многие старались пройти мимо меня, нередко с разными улыбками, а потом постепенно привыкли и смотрят как на своих людей. Народ все такой рослый, видный, здоровый, как мужчины, так и женщины; очевидно, о физическом воспитании заботятся не мало. Почти все усиленно читают книжки, большею частию исторические романы или описания Америки. Привязанности к своей стране у них заметно очень много. И библиотека переполнена все больше книгами из американской жизни.

В воскресенье в 10,5 часов утра всех созвали в кают-компанию на богослужение; там посредине было поставлено кресло для управляющего богослужением, каковым оказался один из команды парохода; перед ним столик был украшен громадными двумя флагами: национальным североамериканским и пароходным; по столам кругом было разложено для каждого по две книжки: одна – духовные гимны, другая – молитвы; управитель богослужения сначала объявил гимн, и все запели его под аккомпанемент фортепиано (на нем же потом играют из удовольствия разные песни); пели все дружно; напевы весьма меланхолические, напоминающие напевы наших сектантских гимнов; по окончании гимна управитель прочитал молитву, после ко-

торой все, ему вторя, прочитали молитву – исповедания грехов, а потом начались антифоны: управитель читал одни стихи антифонных псалмов, а слушатели – другие. Но, к сожалению, качка помешала мне прослушать все до конца. По словам отца архимандрита С., они дальше прочитали Символ веры – и без *filioque*, и разные молитвы. Тем дело и кончилось. Так американцы обязательно воскресный день освещают молитвой и даже в путешествии не оставляют этого правила. Почти все пассажиры участвовали в богослужении, за исключением страдавших от качки, но некоторые и из этих заявили. Пусть это своего рода сектантское собрание; а ведь у нас ничего подобного и в помине нет. Можно сказать, на пароходе была все отборная публика, образованная и с положением в обществе. А у нас подобная им братия ведь стыдится и в праздник-то заглянуть в храм Божий или вообще всюду и перед всеми являться исповедником веры в Бога. Считают отсталостью и достоянием только попов да монахов, да еще простого народа все то, что составляет церковность, да и народу-то стараются внушить так называемые здравые понятия, добиваясь даже того, чтобы вместо храмов Божиих были так называемые народные театры. А оказывается, этот модный свет, на который у нас привыкли смотреть как на учителя и на пример всего просвещенного, опять-таки ушел от нас вперед, а мы со своими передовыми статьями, с последними словами, якобы новейшей, науки остались опять позади. В современном мире, вероятно, никакая иная страна не считается такой либеральной и устрояющейся по началам разума, как Америка, а на деле она-то и оказывается консервативной страной, религию и религиозное воспитание народа ставящей на самом первом месте и для этого не жалеющей и денег, и людей.

Еще давно-давно покойный Грибоедов осмеял старинное русское, тогда еще наивное, рабство перед Западом; и все это знают, и все смеются над осмеиваемыми писателем, а, однако, все еще больше рабствуют перед тем же Западом, да так, что даже и замечать не

хотят, как сам Запад идет к нам, разуверившись в себе. На том же самом пароходе, да и потом в Америке, мы видели, с каким интересом сами американцы присматриваются ко всему чисто русскому; наши писатели, характеризующие именно настоящую русскую жизнь, быт и уклад ее, народный дух, выразившийся в одном слове «православные», как называет сам себя наш народ, – писатели, знакомящие с народом нашим, как Достоевский, Тургенев и др., здесь весьма известны и переведены на английский язык; о них и их взглядах здесь толкуют и с серьезным вниманием, и сочувствием; недавний роман Сенкевича «Quo vadis?» тоже переведен и нарасхват читается всеми: его мы видели и на пароходе, и на железной дороге, и в нишах книжных магазинов и т.п. Все это именно свидетельствует о том, что этот просвещенный Новый Свет ищет истинного просвещения именно от нас, видя только у нас действительно прочные устои жизни, основывающиеся не на зыбких песчаных бреднях, а на превышемирных началах Божественной истины, возвещенной Христом и глубоко воспринятой нашим народом в самый дух, так что поистине православие у нас сделалось народной верой, отличительной и главной чертой самого народного характера. Это православие, его духовную силу, превосходящую и исполняющую все, мы и должны всячески раскрывать и возвещать всем, чтобы уподобиться мудрым евангельским слугам, получившим таланты и увеличившим их.

Погода несколько раз менялась с холодной на теплую и обратно; но в общем пасмурно: то туман непроглядный и притом какой-то стеной – начинается и оканчивается вдруг, а не постепенно, то снег, то дождь. Ветер все время не переставал, а только иногда немного утихал в своей силе. Постоянно приходилось гулять по сырой палубе. И сам весь мокрый от дождя или от мелкой водянистой пыли, поднимаемой ветром; все липнет, так как вода соленая. Все пассажиры или лежат, или ходят уныло и скучливо: иных качка донимает, иным погода неприятна и т.п. Качка не щадила почти никого: вот, например,

по палубе расхаживает весьма бравый и бодрый американец; сначала он ходил такой веселый, а потом и этого молодца свалило, да так, что он уже потом при самых незначительных волнах все жаловался нам, что тошно ему; подивились мы на него: уж тебе-де и стыдно бы, пожалуй, поддаваться такой мелочи. Что будешь делать? Но замечательно: едва только появились признаки уменьшения качки, как все больные сразу как бы ожили, на лицах засветилась надежда, как у настоящего выздоравливающего больного. Ноября 27-го погода изменилась к лучшему; ночь была лунная, прекрасная, и ветер сравнительно очень утих; утро тоже было прекрасное, солнечное; пароход идет прекрасно. Под влиянием всего этого невольно как-то ожили и мы и весело гуляли по палубе и вечером поздно, и днем. С отцом архимандритом Сергием делимся впечатлениями или воспоминаниями из пережитого, строим разные предположения и планы о новом нам деле в Японии, беседуем о Преосвященном Николае Японском; отец архимандрит С. характеризует мне его личность и характер и дает советы, как с ним жить и работать. Благослови, Боже!

Ноября 28-го. Полдни. Мы торжествуем: в 24 часа 45 мин. пароход прошел самое большее, сколько может, – 510 миль, остается еще 522 мили. Это ход замечательный, почти равный ходу поезда, верст 35 в час. Если Бог даст все благополучно и сегодня, то завтра успеем в Нью-Йорк в 6 час. вечера на поезд в Сан-Франциско. Спасибо капитану, подогнал машину ловко и сильно наверстал недочет прежних дней; при настоящем хорошем ходе этого парохода мы в Нью-Йорке сегодня должны быть; могли бы, значит, многое и там осмотреть. Но это самое *бы* и мешает, поэтому и гадать не стоит. За обедом все с некоторою гордостью посматривали на капитана: вот-де какой у нас хват есть. Между прочим, капитан держит себя просто и нисколько не выделяется из пассажиров даже по месту за столом, а спокойно садится среди них где придется.

Наша публика совсем ожила: даже некоторые слабонервные дамы, все еще не решавшиеся считать себя здоровыми, воспрянули и с

бодрым духом появились в столовой. Все радостны, как будто накануне светлого праздника: почуяли пристанище и родной очаг. Только что одолевавшая всех скука и тоска миновала, и началась прежняя веселая жизнь свободных туристов со всеми ее забавами и удовольствиями, какие возможны на пароходе.

Сейчас около 9-ти час. вечера – составляют концерт по особой на пароходе же отпечатанной программе и в нетерпении аплодисментами вызывают из-за кулис на сцену новоиспеченных артистов, почему-то медлящих своим выходом. Задняя стена кают-компания разукрашена флагами. На концерте читали, пели, рассказывали и чувствовали себя очень весело. А в конце одна из участниц концерта, член общества какого-то, обошла всю публику и сбирала деньги в пользу сирот матросов; сбор, оказывается, был весьма прекрасный. Как отзывчивы американцы на всякое доброе дело. Нередко в Америке вместо разных театров устраивают чтения о проповеди христианства среди язычников; слушателей собирается полная зала, сбор бывает большой; очевидно, и общество сочувствует тому, что делают всюду рассеянные американские миссионеры и миссионерки в разных видах.

Ноября 29-го. В сутки прошли 506 миль, остается очень мало. В 11 час. дня показался маячный остров, а отсюда будто бы, то есть от времени обозначения острова, – три часа до входа в гавань. У нас от сердца отлегло, да и все воодушевились. Американцы, завидя землю, так и прильнули к борту: как они привязаны к своей стране. Скоро приняли к себе лоцмана, который за проводы и встречу парохода будто бы всякий раз получает 230 долларов. Потом пристали на маленьком пароходике таможенные чиновники. А тут же и почтовый пароходик передал прямо на наш пароход почту для пассажиров: все занялись чтением свежей корреспонденции, уже заранее предвкусывая общение со своими близкими. Таможенные чиновники в столовой уселись на разных концах столов, а пассажиры по очереди под-

ходили к ним и, как на духу, рассказывали, что у них в багаже сомнительного для таможни. Чиновники сомнительные вещи обозначали в своих списках и отпускали пассажира. Мы показали свои паспорта, пропуск на мир для Японской Церкви и ушли опять наверх.

Но вот и Нью-Йорк в дымке или просто в дыму. Сначала налево от парохода – статуя свободы; статуя громадная, но в дыму плохо видны ее черты; американцы на нее с каким-то упованием посматривали. А потом и самый город. Это нечто величественное, поразительное и вавилонское: громадные постройки с широкими замашками, здания до 20 и более этажей, но не широки и не продолговаты. Христианские храмы, которых здесь видно довольно много, тоже нечто высящееся под небеса, хотя больше своими тонкими шпилями. Общий вид замечательного города весьма напоминает картину «Пир Валтасара», на которой сквозь дым проглядывают громадные вавилонские постройки; и как раз эти постройки напоминают сейчас видимые нью-йоркские постройки. Хотя город и в дыму от множества фабрик и пароходов, шныряющих в гавани, но пассажиры американцы так и впились в него своими глазами. Тут они и нас не забыли: некоторые подходили и объясняли нам разные места и постройки в своем родном городе, стараясь как бы похвастать всем хорошим, что у них есть, и удивить проезжающих. Один любитель постарался исподтишка несколько раз запечатлеть наши физиономии на своей ручной фотографии и, вероятно, не преминет потом пустить карикатурой в какой-нибудь газете, так как мы для них в своем плане некоторое изумление. Пароход входит у пристани в некоторого рода док. Там, конечно, все заполнено встречающими; друг друга узнают, перекликаются, перемигиваются, машут руками, шляпами, а некоторые даже стараются завести разговор с встречающими и, конечно, в поднявшемся ужасном шуме друг друга несколько не понимают. Иногда один не замечает другого, тот долго кричит и машет по его адресу, стараясь всячески выставить свое лицо, и вот наконец добился

своего: и встречающий увидал и просиял, как будто весь смысл жизни его заметить приехавшего своего приятеля. А есть и такие, которых никто не встречает. Наконец, пароход окончательно остановился; с пристани сверху сбросили громадные сходни, и все полезли, конечно, наперебой, чтобы поскорее облобызаться с встречающими; там поднялся и писк, и крик, и все прочее.

Пристань представляет из себя громадный сарай, кругом размеченный большими буквами; сначала я недоумевал, что означают эти буквы. А оказывается, по этим буквам носильщики без нас и перетаскивали багаж, и разложили как следует, так как и на наших вещах приклеены начальные буквы наших имен, а для светских – фамилий. По мере того, как у пассажира багаж был перенесен, чиновник не особенно внимательно осматривал его, справляясь с прежней записью о сомнительных вещах. Только вышло недоумение о святом мире, которое мы постарались запечатать печатью нашего посольства в Афинах, получили оттуда и бумагу официальную на свободный пропуск без вскрытия ящика со святым миром. Но практический янка не удовлетворился этим и непременно хотел распечатать, а на бумаге приписать об этом. Делать нечего, ящик раскрыли, а там оловянный сосуд с миром, и тоже за церковной печатью от Московской синодальной ризницы; отец архимандрит С. объяснил ему, что это печать церковная и там вещество для церковного употребления освященное и раскрывать мы не имеем права. Вероятно, янка сообразил, что не должно быть в сосуде вещества на большую сумму, а может быть, понял и слова, что вещество, освященное для церковного употребления, и успокоился. Пока я закрывал свой багаж после осмотра, ко мне подошел какой-то американец и что-то мне начал лопотать скоро и много; услышал я, что он меня называет по имени, а себя Куком, и сообразил, что это, значит, агент Кука нас встречает здесь: предупредительно и любезно; он показывает мне и длинную о нас телеграмму, должно быть из Парижа, о том, что мы двое едем в Японию,

что нам нужно помочь и т.п. Основательно: даже кабелем послали такую длинную телеграмму. Я при помощи своего скудного запаса английских слов постарался объяснить ему, что нам хочется сегодня же в 6 час. вечера выехать в Сан-Франциско, спрашивал – поспеем ли, так как мы еще не имеем железнодорожных билетов. Он успокоил меня и потом что-то еще мне толковал, спрашивал о какой-то бумаге, я этого никак не мог понять, а отца архимандрита С. пока тут не было, он возился со своим багажом. Каково же было мое удивление, когда в эту трудную минуту подошел ко мне какой-то черный господин и заговорил прекрасно по-русски. Он, вероятно, малоросс по виду, говорит, что вот уже 15 лет, как не разговаривал по-русски, но еще помнит. Но с ним не пришлось долго беседовать: кто он такой и как здесь оказался. Я объяснил ему, а он Куку, что мне нужно; оказывается, Кук спрашивал у меня какого-либо удостоверения, что мы действительно едем под руководством его; но тут подошел отец архимандрит С., и все дело уяснилось как следует. В 4 часа вечера мы были свободны от таможни и проехали в контору Кука, там получили билеты и поехали на вокзал; только когда отец архимандрит С. выходил в контору из кареты, то кто-то свистнул по его адресу. До вокзала пришлось ехать далеко-далеко, да и извозчик вез как настоящая кляча; приехали как раз к поезду, только успели сесть; багаж замечательно быстро приняли и нам выдали моментально медные ярлыки с номерами на вещах.

Виденный нами город чистотою и опрятностью похвалиться не может. Всюду бегают и суетится народ, всюду разъезжают машины и конки электрические, которые здесь и по земле, и над землей на особых высоких помостах, и под землей в туннелях под городом. Кругом все электричество и пар, как будто здесь простой силе и делать ничего не осталось. Внутренней жизни Нью-Йорка так мы и не видали, а здесь, говорят, много интересного в жизни: есть какое-то общество братьев, давших обет монашества в виде испытания на шесть лет, и

если выдержат, то навсегда, или наоборот. Есть и другие многочисленные братства и общины с разными чисто нравственными целями. По дороге я видел группу каких-то монашенок, наряд их очень напоминает наших монахинь; это, кажется, тоже сестры какого-то протестантского особого братства. Вот и все, что можно было заметить здесь. Нью-Йорк – это большой Вавилон, как будто гордящийся своей славой и выражающий ее и в своих громаздящихся постройках; все американцы весьма ревнуют о славе и известности своего Отечества, всячески стараются показать его всем посторонним. Как бы не достигнуть ему участи подобного ему гордого древнего Вавилона. Но у американцев при этом весьма высоко стоят и вопросы чисто духовные: говоривший с нами на пароходе, оказывается, читал наших классиков: Достоевского, Толстого, Тургенева и др., да и вообще они там весьма известны и в ходу, равно как нарасхват везде и новый роман Сенкевича «Камо грядеши?».

Здесьняя железная дорога классов не имеет, пассажиры не различаются, всякому дается в вагоне определенное место. Но кроме обычных вагонов есть спальные; на длинное путешествие через всю Америку мы и взяли себе там по месту и заплатили по 20,5 долларов, или около 40 рублей, за место. И спальные места неудобны: трудно взлезть, а если взлезешь, то скоро не слезешь, при этом какой номер отмечен на билете, на том непременно и лежи, хотя бы остальные места и свободны были совсем; поэтому нередко приходится оказываться несколько в курьезном положении к лежащим в одном отделении вверху или внизу пассажиру или пассажирке. Да и вообще все заграничные железные дороги по удобствам с нашими не могут сравниться, хотя проезд в них и весьма дорог. За 40 рублей у нас проедешь всю Россию в 1-ом классе на отдельном спальном месте в курьерских поездах с буфетами и прочими удобствами; а здесь это только за спальное место, а за вагон-то особая дорогая плата. Половину дороги с нами шел Dining car, то есть буфет и столовая, там 1 доллар

роскошный обед; это по ценности американского доллара очень дешево. А потом мы питались или хорошими, но быстрыми обедами на станциях за 75 центов, или разными консервами в маленьком вагонном буфете. Поездная прислуга – негры, очень услужливая. С нами в вагоне ехало очень мало пассажиров. Ночью во всяком селении кругом поезда видно было электричество: очевидно, и в провинции простой силе не осталось места. Локомотивы здесь свистков, кажется, совсем не дают, а вместо этого перед каждой станцией, на станции и после нее долго звонят в колокол, перевертываемый на стержне над паровиком; звон ужасно назойливый и скучный, за душу хватающий, и это на всякой станции, и всякий паровик, а их там без конца бегают постоянно. Рядом идут две линии, а иногда и три, и притом совершенно разных компаний. Конкуренция сильная.

Ноября 30-го в воскресенье в 9 час. вечера приехали в Чикаго, там пересадка на другую железную дорогу; пришлось далеко проехать по городу, но ночью ничего невозможно было разобрать, хотя и горят всюду электрические солнца и лампочки, так как все-таки кругом тень, а в тени все теряется и неизвестное плохо различается; очевидно, что громадные здания разных видов; тоже всюду шныряют железные дороги и электрические конки, и тоже и на земле, и под землей, и над землей; вероятно, и стон и грохот здесь постоянные; да и темно на улицах от этих сплошных мостов для машин. В 10,5 часов оттуда выехали.

Декабря 4-го в четверг в 9 час. 45 мин. утра приехали в Сан-Франциско. Все путешествие от Нью-Йорка до Сан-Франциско, таким образом, равняется 4,5 суткам и 3 часам. Прежде мы как-то просмотрели в указателях, что пароход от Сан-Франциско уходит не в пятницу, а в субботу, и поэтому поторопились. Тогда бы нам можно было остановиться еще на день и в Чикаго. По дороге к Чикаго утром часов в семь поезд нарочно для путешественников минут на пять остановился у водопада Ниагара, бурливо падающего внизу от поезда. Общий

вид – нечто захватывающее: вода в разных местах водопада скатывается в пропасть с весьма большой высоты и поднимает сильную водянистую пыль, как будто внизу вода кипит и от нее идет большой пар; еще раньше этого падения вода с ревом и стремительно перебегает и перекачивается на пути через разные камни и пороги и, как бы сердясь на неуместных встречных, разбегается от них в стороны и раздробляется на множество истоков, так что малых водопадов получается несколько; весь разлив реки перед водопадом занимает весьма широкое пространство. Изобретательные янки, конечно, не преминули воспользоваться даровой и громадной силой водопада и эксплуатируют ее весьма разнообразно: кругом и много далее построены громадные заводы и фабрики, задержанная вода местами бьет вверх причудливыми и величественными фонтанами и т.п. Все это место очень красивое: то долина широкая, то гора, покрытая зеленью и деревьями, вдали виднеются еще более высокие горы, по местам разбросаны фермы, поселки, фабрики, кругом разнообразие и порядок. Самый поезд идет как будто в лесу, растений очень много. До Чикаго вообще природа живая и зеленая; здесь даже очень тепло. А потом стали постепенно подниматься в горы, и природа изменилась. Все пошло наподобие нашей средней России: кругом холмы и пригорки, середина – степь широкая, только, кажется, бесплодная; постепенно начались холода и перешли в настоящую нашу снежную и суровую зиму. Картинки совсем наши родные. Да и вообще природа здесь весьма напоминает нашу Россию: всюду разбросаны села и деревни, и постройки почти такого же рода, как наши, только несомненно чище и достаточные; в селе непременно храм, а иногда и несколько: очевидно, жители разных сект. И что особенно интересно: все они, конечно, избегают всяких внешних знаков христианства, и поэтому у них никогда не увидишь или редко заметишь величественные победные символы христианства – кресты; только над храмами виднеются какие-то знаки креста в виде высоко выставленных и вер-

тящихся от ветра флюгеров. Не вертятся ли и сами исповедники этого христианства самоизмышленного, как вертятся подобные флюгера от всякого ветра. Да, так оно и есть. Влаясь всяким ветром учения и своих измышлений, понасоздавали протестанты множество сект и сами не знают, как в них разобраться; и секты без конца возникают до самых последних дней. И будут еще больше делиться, являя свою неосновательность, пока их интерес к России и вообще к Востоку не закончится познанием и смиренным принятием истины Православия.

Всюду заметна весьма предприимчивая промышленность: по одному и тому же пути зараз идет несколько линий железных дорог разных компаний; всякая линия, следовательно, сама себя должна зарекомендовать, чтобы оправдать и окупить себя, поэтому здесь, например, быстрота хода поезда больше, чем наших поездов, а несчастий железнодорожных гораздо меньше, хотя уж, если случится такое несчастье, то бывает ужасное. Порядки здесь весьма просты и верны: например, багаж принимают, пока стоит поезд, один навешивает на него медные номера, дубликаты выдает пассажиру, другой же с его же слов выставляет цифры в регистровую книгу, третий тут же уносит в поезд, и все готово в одну секунду; платы за багаж никакой нет до 250 фунтов на билет, но зато в вагон кроме ручной сумки ничего нельзя взять. Почта там принимается почти во всякой лавке и дешево, а оттуда доставляют в почтовое управление; и, однако, при такой простоте почти не случается разных почтовых бед; напротив, иногда почта отыскивает адресата при таких трудностях для этого, когда у нас, пожалуй, письма-то давно бы и след простыл. Американец умеет уделать все основательно, хотя бы это было и очень дорого, ибо знает прекрасно, что дешевое в конце концов выходит самым дорогим; поэтому у него дом весь железный или даже стальной и высокий, так что он один представляет из себя буквально целый город со всем, что нужно для живущих там. Телега – настоящая телега, громад-

ная, так что ее везут четыре лошади, но увезут больше, чем поодиночке, и скорее, так как идут за одну нагрузку и один конец, и поэтому меньше тратится времени; телега здоровая, так что ей, вероятно, и износу не будет; лошадь здоровая, мощная, рослая; все опрятно и в порядке и т.п., хотя и дорого по нашим ценам, но это в конце концов непременно окажется дешевле дешевого.

Однако и американец имеет много дешевого, только он умеет хорошо сообразить, где нужно сделать как можно дешевле, а где не жалеть никаких денег; где безразлично, иметь ли дешевое или дорогое, там и американец скуп; например, для телеграфа безразлично: белые фарфоровые или стеклянные зеленые стаканчики на столбах; но зеленые, конечно, дешевле, и поэтому на телеграфных столбах в Америке всюду только они и видны, и белых совсем нет; но зато чаще встречаются железные столбы при богатстве и леса в Америке: это дороже, но прочнее. Пароход чем больше рейсов сделает на бойком месте, тем больше выгоды, поэтому американец не жалеет и сил и денег, строит быстроходные пароходы, идущие по 20 узлов в час, и жжет массу каменного угля, чтобы не сокращать ходу и тем угодить пассажирам. А для удобств последних опять-таки денег не жалеют, потому что пассажир охотнее поедет, конечно, там, где соблюдают его интересы; значит, и это выгода, хотя бы пришлось на это временно и затратить много. Деньги там, как в коммерческой стране, очень дешевы: доллар размером в наш рубль стоит два рубля; очень мелкой разменной монеты нет; всякий пустяк на наши деньги стоит весьма дорого, таким образом, а на ихние – дешево. Но дикость нравов все-таки поразительная: в поезде ехали китайцы в своем наряде национальном и, конечно, с неизменными косами; и вот всюду за ними толпы зевак ходили и насмешливо смотрели, а нередко даже снегом бросали, и это не ребята, а взрослые; насмешливо местами посматривали и на нас, но пока до насмешек делом еще не доходило. Так и проглядывают кулачные нравы американцев при всей их цивилизован-

ности, сложившиеся в их жизни исторически. Видна страна грубо-практическая, не познающая ничего иного, если это ей невыгодно, или только бесполезно, или даже просто только смешно.

Проезжали и по стране индейцев, но там их почти и не видно; кое-где в дикой и болотистой степи заметишь шалаш или стадо лошадей, или самого индейца; он весь какой-то пришибленный, волосы висят на лицо, одет отчасти в какое-то европейское рубище и потому кажется еще более смешным и жалким. Коварные американцы всех их отсюда выводят, и от них скоро и следа не останется. И несмотря на это, американцы хвастают своим мирным завоеванием страны. Да это еще хуже оружия: это ведь постоянное истребление нации, как бы вытравление ее, выживание всякими средствами. Отняли у индейцев лучшие пастбища, самое насущное достояние индейца, лишили лучшей рыбной ловли и т.п., прогнали их в дикую и бесплодную степь; поневоле индейцы вымирают и уничтожаются. А неграми янки, кажется, и теперь потихоньку торгуют у себя в стране.

Вся дорога до Сан-Франциско есть подъем на Кордильеры и спуск с них; местами поднимались на высоту 7 тысяч футов: порядочно. Однако поезд идет быстро. Один раз наш поезд со многими другими поездами перевезли через широкую реку. А в другом месте, говорят, вместо того, чтобы перевозить поезд на пароходе, устроили туннель под рекой.

Декабря 4-го в четверг утром в 9 час. 45 мин. пристали к Сан-Франциско. Около пристани стояли какие-то в форменных картузах и что-то кричали, к чему-то нас приглашая; мы предположили, что это обычные агенты от разных гостиниц или туристических контор и прошли мимо их, а, оказывается, это извозчики предлагали свои услуги; на улицах не оказалось ни одного извозчика, да их здесь и нет, кроме как в особых конторах, так что нужно заранее заказывать себе экипаж. Да они здесь и не нужны на самом-то деле: всюду электрическая конка постоянно бегает и в гору, и с горы. Пришлось с планом

города в руках тащиться пешком, неся ящик со святым миром, две коробки и зонтик, да еще в длинных драповых рясах чуть не на летней погоде, постоянно озираясь кругом и посматривая на угол улицы или номер дома. И нужно сказать, на нас не особенно дико и насмешливо здесь смотрели, хотя в другом месте не преминули бы осмеять нас или по крайней мере позевать на нас, как на интересных иностранцев; может быть, впрочем, все были заняты делами или торопились на дела, так как час был самый бойкий в этом отношении. Напротив, один любезный американец, очевидно, догадался, что мы нуждаемся в указании, и спросил, чего мы ищем? Мы по дороге решили зайти в контору пароходной компании по Великому Океану – купить билет. Американец любезно провел нас в эту самую контору, до которой мы немного не дошли. Очень услужливо и предупредительно. Получили мы билеты и опять пошли по горам, на которых раскинут город. Здания все деревянные, так как после недавнего страшного землетрясения, наделавшего много беды, боятся строить высокие каменные постройки, и только теперь начинают воздвигать железные или стальные громады; все окрашено в краску серого цвета, так как светлое марко от постоянного здесь фабричного дыма и пыли. Хотя конки здесь постоянно пробегают, но мы решили сесть на вагон, только когда оказались на улице, прямо ведущей на Powell Street, на которой наша русская православная церковь, где живет Преосвященный Николай Алеутский и Аляскинский, к которому мы и направлялись.

Преосвященный встретил нас весьма радушно и обрадовался нашему приходу. Да ведь и не удивительно: здесь он почти один; может быть, иногда и побеседовать от души бывает не с кем среди совсем чужих людей. Он тотчас же распорядился и послал на пристань за нашими вещами, а сам быстро повел нас по своей миссии, живо разговаривая с нами, как бы радуясь случаю наговориться с удовольствием. Архиерейский дом небольшой: наверху три небольших комнатки

для владыки, там же несколько комнат для одиноких членов миссии – монахов, псаломщиков и для прислуги; внизу – приемная и общая столовая, там же и комната правления миссии; все очень небольших размеров. А другая половина здания – церковь, построенная прежде бывшим здесь Преосвященным Владимиром, ныне Оренбургским. Иконостас какой-то стрельчатый, мелкий, в каком-то китайском вкусе; все красно и пестро. Стены вверху расписаны разными картинами двенадцатых и других праздников или святых, но почему-то не в порядке, а вперемежку, а в одном месте зачем-то написан собор Василия Блаженного в Москве, а рядом святой Георгий Победоносец с двуглавым русским орлом под ним. Живопись очень хорошая. На хорах видны две фигуры херувимов; прежде они стояли в алтаре у престола. Стекла в некоторых окнах разноцветные с разными церковными изображениями, а прежде даже и все окна были таковы, почему в храме был таинственный полумрак. Церковь небольшая, весьма чистая.

Преосвященный Николай все время с нами разговаривал и много порассказал из здешней жизни и церковной, и американской вообще. С сердечною болью поведал он, как ему отказали в отпуске денег на Аляскинскую школу в память митрополита Иннокентия. А между тем средства нужны: там нет ни семинарии, ничего подобного, а без местных образованных деятелей для Церкви дело трудно может развиваться вперед; тем более теперь нужда там в деятелях, что открываются отовсюду разные запросы, которые непременно нужно удовлетворить: от унии присоединяются целые приходы; значит, можно бы это дело и еще расширить, если бы были деятели, способные к тому, из местных сил. Трудно миссии и от самих американцев с их коммерческими стремлениями. На все они налагают громадную пошлину, да еще норовят как-нибудь устроить это со штрафом за что-либо; постоянно приходится обращаться или к президенту, или к конгрессу, и только после ходатайств разных инстанций, как бы из

милости, сделают уступку, которая, однако, все-таки весьма полезна миссии при ее скудости в средствах. А пошлина громадная; например, с Нижегородской выставки Государь Император пожертвовал для миссии два колокола в одну из американских церквей, а за них требуют пошлины более 900 долларов, то есть около 2000 руб. А денег нет. И янки весьма изобретательны в своих доходах; например, церковные вещи по их таможенным законам могут быть свободными от пошлины; получена была дароносица, – пришлось таможенных чиновников привести в алтарь и объяснить, что, действительно, полученная вещь – дароносица и употребляется только в храме, да еще на престоле; и тогда не поверили, а сочли ее за какие-то лампочки и взяли-таки пошлину. А над бедными калошами и другими православными янки положительно издеваются: заставляют их работать самым упорным трудом с 5 час. утра до 10 час. вечера и даже по воскресеньям тащат на работу, хотя воскресенье – обязательный отдых по всей Америке; такой случай был даже при самом Преосвященном Николае, когда из-за службы несчастных погнали на работу. И бедные должны идти, чтобы не остаться без куска хлеба. И тут приходится ходатайствовать перед упрямыми янками, которые, конечно, с трудом верят таким проделкам своих братьев.

А католики, исконные враги православия, тоже не зевают. В одном поселке русины застроили церковь, да денег не хватило на достройку; они и заложили ее на время одному богачу и, кажется, даже жиду; католики сообразили удобный случай и решили непременно приобрести этот вексель, чтобы таким образом православный храм был в их руках; и они в этом совсем было успели, так что только после немалых проволочек удалось освободить храм из их рук: православные бедные русины позаложили последние свои прибитки и заплатили-таки за церковь, чтобы не быть во власти и посмеянии у католиков. Мало того, католики даже толпу стараются вооружить против православных. В одном приходе, недавно присоединившемся от

унии, они подкупили праздношатающихся, и те напали было на Преосвященного Николая, когда он направлялся от повозки в церковь служить литургию; тут подавали было ему какую-то бумагу, но он отказался принять ее, так как теперь не время; в толпе какой-то шум стоял, все волновались, а это, оказывается, и готовилось нападение. Но православные это знали и заранее плотно оцепили дорогу, по которой владыка проходил. А после, когда владыка был уже в церкви, на улице, оказывается, поднялась настоящая рукопашная, и дело окончилось не совсем без крови. В другом месте толпа напала на наших миссионерских священников, одетых в обыкновенное платье наше духовное; они там были с требами церковными; толпа напала и едва их не разорвала; и все это по проискам католиков. А тут еще англикане ухищряются всячески оправдать свою иерархию как каноническую и всеми силами ищут единения с православными; они, например, заывают Преосвященного Николая к себе на торжественное богослужение и устраивают так, чтобы он причастился с ихним епископом, чтобы потом провозгласить это в свою пользу; являются и сами с той же целью, чтобы причаститься в нашем храме, но Преосвященный все это заблаговременно отклоняет.

У православных русин, калош и других, кроме славян, благочестия очень много, и благочестия самого непосредственного, живого, при всей бедности и зависимости от американских кулаков просвещенных; а славяне, по словам владыки, пропавшая драхма: им или на все наплевать, или же идут в масонство, и повлиять на них никак нельзя. Преосвященный Николай писал к покойному Сербскому митрополиту Михаилу, чтобы он повлиял на своих сородичей в этом смысле; к сожалению, и митрополит ответил на это, что и у них в Сербии молодые люди идут в масонство. При нас было погребение одного серба; так как все американцы непременно записаны в погребальные братства и под условием штрафа обязательно должны быть на погребении своего братчика, то и сюда собрались все сербы. По

виду это совершенные прощельги, которым все равно; ни один, кроме самых близких родственников, не перекрестился и не воздал последнего целования умершему. Здесь сербы почти ничем не занимаются, а в церковь пришли такими франтами и важными особами, что и не подступайся. Как везде, и здесь они же напутали и в приходской жизни: они ушли со своего православного кладбища на католическое, и из этого возникла целая история. Так, разные беды у владыки.

Но вот какую отрадную вещь он поведал нам; американцы теперь православием интересуются и присматриваются к нему; нередки и совопросники об этом перед владыкой. Между прочим, одна мисс (фамилию забыл), очень интересующаяся православием, взяла на себя труд перевести на английский язык почти весь круг богослужебных книг наших; эта феноменальная женщина самоотверженно предалась изучению трудного языка русского и еще более трудного славянского и достигла блестящих результатов: по-русски говорит как русская, по-славянски понимает вполне, устав церковный и все относящееся к богослужению изучила превосходно. Она перевела какую-то часть богослужения и через Преосвященного Николая представила в Святейший Синод на рассмотрение: нам, говорит, американцам, интересно иметь в руках книгу, чтобы понимать весь ход вашего православного богослужения. К сожалению, нашли перевод неправильным, так как автор его не знает греческого подлинника. Преосвященный Николай посоветовал ей заняться изучением и греческого языка; она стала учиться и теперь уже прекрасно объясняется по-гречески; и снова принялась за перевод, чтобы, сверивши с греческим подлинником, исправить прежний перевод свой. Дай Бог, чтобы ее дело удалось: это может весьма много помочь единению протестантов с православием. Ведь наше богослужение поистине есть самая восторженная и возвышенная беседа Церкви с Богом; тут самая жизнь Церкви раскрывается как нельзя более ясно и возвышенно.

Америка – страна новая, без всяких старых традиций, и потому здесь всего можно вдоволь встретить – и хорошего и худого; на открывающиеся запросы жизнь сама бьет ключом. Здесь, например, действительно дикость нравов при всей цивилизованности американцев, что видно уже и из предыдущего; здесь ужасный практицизм и долларизм, почему даже герб Калифорнии – орел с двумя большими золотинками в когтях; здесь семейной жизни совсем почти нет и всяк живет свободно сам по себе, разводы постоянные; а общественная школа для девочек и мальчиков – общая, действует весьма развращающе; здесь полное религиозное безразличие к разным исповеданиям и верованиям и т.п. Но зато много самого горячего и высокого идеализма. Знающих русский язык мы встретили здесь, и в Нью-Йорке, и в поезде, и в Сан-Франциско, и всюду, а это показывает живую предприимчивость и любознательность американцев. Инициатива у них самая живая: быстро устроили импровизированный концерт на пароходе и собрали массу денег в пользу несчастных. Преосвященный Николай раз как-то побеседовал о том, что мелкая американская пресса весьма развращает детей; и вот вдруг в одно прекрасное время дамы составили бумагу за тысячью подписей о том, чтобы обуздать печать, и представили эту бумагу на благословение к Преосвященному Николаю, а потом к другим епископам. И вообще всякое доброе дело у них весьма скоро находит живой отклик в обществе. На распространение христианства они не жалеют денег, и миссионеры по всему свету разбрелись. Есть разные общества с разными благотворительными, просветительными и другими благими целями. Есть братство молодых людей, заботящихся о воспитании молодого поколения в любви к христианскому учению. И члены этого братства оставляют все и идут со своею миссией на край света. Так целый день и побеседовали с владыкой.

Декабря 5-го немного походили и поехали по городу: на нас заглядывались, но не совсем дико и никаких дикостей и насмешек не

допускали; да ведь обычно Преосвященный Николай здесь тоже ходит по городу в рясе. Были в павильоне, висящем над морем, отсюда можно смотреть на морских котиков, из-за которых так спорят державы. Я их представлял маленькими, а, оказывается, они с самую большую собаку и даже больше того: длинные, жирные, черные и сырые, вместо ног какие-то плавники-щупальцы, так что котик, влезая на скалу, цепляется ими; голова кошачья, клыки здоровые, так что с таким зверем, вероятно, трудно иметь дело в его области – в воде; они выбрались на каменную скалу и враспяжку лежат или ползают, а некоторые играют между собою, в воду бросаются издали, кричат весьма жалобно, как будто им страшно тяжело от какой боли. Не очень симпатичные звери. Они большим стадом тут плавают или лежат на скале. Их здесь не бьют, а сохраняют как забаву для публики.

Вечером служили бдение: Преосвященный, отец архимандрит С., я и два священника миссии; диакона совсем нет за недостатком средств. За литургией ектении говорили все по очереди – по-славянски, по-гречески и по-английски; Евангелие владыка прочитал по-славянски, отец архимандрит С. – по-гречески и отец С., миссионер, – по-английски; апостол – по-славянски и гречески. Народу на Николин день набралось порядочно, так как было тезоименитство Государя Императора. На великом входе владыка поминал и Преосвященного Николая Японского, которого назвал Японским архиепископом; поминал его и вообще на ектениях и даже на многолетии, на котором прибавил и нас – «его сотрудников». После литургии у владыки набралось множество гостей поздравителей. Но они скоро ушли, и мы второпях наскоро пообедали, так как пароход уходил в 1 час дня в Йокохаму. Преосвященный надавал нам разных богослужебных книг, переведенных на английский язык, а кроме того Доктрину Православной Церкви и свои проповеди, пожелал нам всякого блага и задушевно проводил нас. Вообще он весьма задушевно принял нас и отнесся к нам весьма сердечно и внимательно, чисто по-отечески.

Весьма мы рады, что и причаститься Бог привел нам в дороге, ведь мы литургии уже не служили от 11 ноября, от дня выезда из Афин.

Путь от Америки до Японии

Провожаемые любезными молодыми членами миссии, мы отправились на пароход. Наш пароход «Citu o Peking» далеко не большой, сравнительно с прежним пароходом до Америки; он имеет немного кают для чистой публики и палубу для остальных пассажиров; содержится, как видно, бедно и не совсем опрятно; прислуга и матросы все китайцы с косами; из всей прислуги только один японец одет по-европейски и, должно быть, считается чем-то вроде начальства над остальными. Ход парохода далеко не быстрый: в первые сутки прошли 394 мили, во вторые – 331, в третьи – 327, в четвертые – 327; до Гонолулу – 2089 миль, там остановка, а оттуда до Японии 3399 или по другому пути 3445 миль. В Гонолулу придем как раз на Рождество Христово по новому стилю; но весьма сомнительно, чтобы на свое Рождество Христово мы попали в Токио.

С вечера декабря 6-го поднялась вдруг большая качка, в то время как мы были на палубе и, пользуясь тишиной и отсутствием публики, отправляли там всенощное бдение под воскресный день. Пришлось прекратить службу, спуститься в каюту, лечь на койку. В каюте все летало и каталось из угла в угол, того и гляди слетишь с койки; пришлось пострадать опять несколько дней, не пивши, не евши, кроме самой малости овсянки, которая будто бы помогает в такое время, и кисловатых апельсинов. Да так все время до Гонолулу погода была переменчивая: то утихнет, то опять закружит и закачает. В воздухе весьма тепло, как у нас летом, но не душливо и не жарко; теперь мы уже, вероятно, под 28 градусом, а спустимся у Гонолулу до 20 градуса.

Декабря 11-го прошли 320 миль. Погода прекрасная, в полдень даже немного жарко становится, потому что спускаемся все ниже и ниже. В 3,5 часа дня недалеко от парохода видели громадного кита, только он мало выходил наружу, а потом, заметив наш пароход, скоро и совсем скрылся. Часов в 5 вечера капитан вдруг дал тревожный звон в часовой колокол, а потом пароход тревожно и жалобно засвистел. Вся команда побежала к своим местам: кто схватил топор, кто забрался в шлюпку и т.п., кто забрал кишку пожарной трубы и принялся поливать из нее на мокрое море; это была ложная тревога. Скоро все утихло, и капитан важно и посмеиваясь расхаживал среди пассажиров: вот-де все-таки и забава среди безлюдного океана. Вечером залюбовались прекрасной картиной заката южного тропического солнца: чудная игра сменяющихся нежных многочисленных цветов, чудесная и причудливая смена картин на небе и в облаках, приятный голубой отсвет морской воды – все это действительно настоящее упоительное и умиряющее душу заглядение. Недаром святые подвижники, строгие к себе до ригоризма, однако большею частью поселялись в местах хотя и пустынных, но красивых: сама окружающая природа содействовала им постоянно возноситься мыслию к невидимому Богу и, созерцая красоту природы, познавать всемогущество Творца.

Капитан обещает быть в Гонолулу в 3 часа дня в субботу 13-го декабря, где придется забрать каменного угля до Японии. А так как по случаю Рождества Христова работать не будут, то, говорит, вероятно, придется простоять дня два. Притом угрожает, что там ни днем ни ночью не будет покоя от комаров. Печально. Значит, мы на свое Рождество Христово в Токио не поспеем.

Оказывается, наш пароход в чистой его половине почти и везет одних только миссионеров в разных их видах. Старичок, Mr. Taylor, едет в Китай; по исповеданию он методист, а может быть, и иной секты. Сорок лет уже он пробыл миссионером в Китае, и он именно на-

чал там самое миссионерское дело; о нем говорят как о человеке сильной веры, ею только и руководящемся. Он уже довольно сед стал на своем трудном деле; росту низкого, лицо весьма спокойное, видно, что человек поработал душевно очень много и достиг уравновешенности сердечной; глаза вдумчивые и пристальные; ходит он в длинном старомодном сюртуке и черной шляпе круглой; роскоши никакой ни в чем не заметно. Оказывается, и теперь он же заведует всеми протестантскими миссионерами в Китае, управляя даже епископами: все дело, как им созданное, и теперь в его опытных руках. С ним едет какая-то старушка, должно быть жена, лицо постоянно какое-то слащавое, как будто ходит и мечтает перед Богом, по привычке сектантов. Около них еще такая же старушка, только еще слащавее, как будто блаженная улыбка застыла у нее на устах, и так ей, должно быть, приятно. С ними же пожилая девица, строгого, должно быть, характера, судя по лицу, но строгого к себе; взгляд весьма энергичный и самостоятельный. И еще довольно молодая девица, – оказывается, доктор-хирург. Это все в разных видах миссионерки, сотрудники Mr. Taylor'a; все они едут в Китай и там в разных местах и на разных служениях будут трудиться в деле распространения христианства и помощи язычникам. К этой же партии принадлежит чета молодых: мужа и жены; муж, кажется, едет учителем куда-то и тоже причастен к миссионерскому делу.

Еще едет молодой человек, студент – член общества молодых людей для воспитания современного молодого поколения человечества в христианских истинах. Очень симпатичный юноша. Он едет в Японию и там будет учителем в одной школе этого общества для японцев. Прочитали мы устав их союза и несколько книжек их журнала, весьма роскошно и содержательно издающегося. Первое условие для всякого, вступающего в их общество, – признание себя евангельским христианином и обещание насаждать и в себе и в других чистоту и святость нравов. Из списка членов видно, что их уже мно-

го в разных государствах. В журнале прочитали речь одного почетного секретаря их союза, который говорит: «Союз молодых людей с самыми чистыми и идеальными стремлениями все растет и растет быстро; всюду студенты присоединяются к нему в разных странах, объявляя себя прежде всего евангельскими христианами, и расходятся в разные страны или учителями, преследуя при этом цели своего союза, или миссионерами к язычникам». Нужно сказать, что среди современного безверного века, воспитавшегося на позитивизме и дарвинизме, одно уже открытое объявление себя христианином, да еще евангельским, есть некоторого рода подвиг, исповедничество, требующее сильного духа и энергии убежденного человека.

Как видно, с нами едет компания довольно светлых людей. С ними еще один молодой китаец, только что окончивший курс в Америке и теперь возвращающийся на родину, чтобы служить делу миссии. Они все время проводят почти вместе, ежедневно устраивают библейские собрания, на которых читают Библию и объясняют ее сообща. Руководителем, конечно, является Mr. Taylor со своей довольно истертой Библией; перед ним масса каких-то рукописей, уложенных в большой ящик, разделенный на несколько мелких отделений, должно быть по содержанию самых тетрадок; это, вероятно, его записки на Библию. В остальное время они почти постоянно читают Новый Завет или Псалтирь, но уже всяк самостоятельно. Читают и иного рода книги, но без дела не остаются. По временам разговаривают с китайцем, бывшим консулом в Сан-Франциско и теперь возвращающимся в Шанхай; с ним они объясняются по-китайски, конечно.

Вот какую ревность проявляют иноверы к распространению своего учения между неверными. На это у них и деньги, и люди находятся в изобилии, и люди все воодушевленные своим делом. К сожалению, как все они мало знают Православие. Нас удивил своим замечанием относительно восточной Церкви вышеупомянутый студент:

кажется, говорит, греческая Церковь отделилась от римской в IV веке? Очевидно, сразу записал нас еретиками несторианами или монофизитами. А потом прямо сказал, что о греческой Церкви он ничего не знает. Вот и удивляйтесь после этого перед европейской и американской ученостью, если там только вышедшие из университетов таких простых вещей и не слыхивали. Очевидно, для них только и свету в окне, что папа да Лютер со всеми их разветвлениями и распадами, причем протестантство, несомненно, для них самое-то истинное христианство и есть, ибо ни на чем ином не основывается кроме самого Евангелия. У нас ведь самый последний семинарист подробно знает о всяких ихних квакерах и шведенборгианах и т.п. сектах. Пора нам отбросить это рабство и пресмыкательство перед Западом; мы обладаем несравненным с ним богатством. Только приложить старание к разработке своего собственного богатства. В самом деле: что может на Западе сравниться со всем нашим церковным учением? Ведь это не мечтания какие-либо большею частию прельщенных мечтателей, однако своим воодушевлением стягивавших к себе многих последователей. Наше Православие – самый опыт христианской жизни; его уяснили действительно вместившие его в себе святые отцы и учителя Церкви, о которых Запад и слышать не хочет. А вся масса богослужебных песнопений и молитвословий, а также весь уклад церковной жизни, и богослужебной и бытовой, – да ведь это поистине, на деле раскрытие того, что дано в словах Христовых. Уж если Запад и Америка удивляются и внимают тому, что пишут наши народники о русском быте и мирозерцании народном, если их там принимают как некоторых пророков и провозвестников настоящего пути и уклада жизни, то что сказать о всем вышеупомянутом, истинно церковном? Тогда бы действительно инославие узнало наше Православие и его истинную силу. А теперь видит только свои же собственные измышления, только в нашей переделке на православной почве, и, следовательно, ничего не видит у нас кроме себя же самого.

Кроме всех этих миссионеров с нами едут три купчика, но обранные, как и подобает всем заграничным, да еще две какие-то дамы. Вот и вся наша кают-компания.

Канун Рождества Христова по новому стилю. Праздник начали прекрасным обедом с разными к нему сверх обычая добавлениями и забавами. Все наши спутники чувствовали себя прекрасно, по-праздничному; даже и мы с ними заодно как будто переживали заранее хоть отчасти свой праздник, который едва ли придется встречать по-церковному. К сожалению, мы не заметили, чтобы пассажиры были особенно благочестиво настроены: никакого богослужения не было; может быть, миссионеры там где-нибудь у себя в каюте и устраивали его, но публично никакой молитвы не было.

Во 2-ом часу ночи пристали к Гонолулу, когда мы давно уже спали. Но вверху наша команда подняла с канатами и т.п. такую возню и крик, что поневоле пришлось проснуться. Они вообще всякую работу сообща исполняют непременно с криком и гамом, должно быть изображая этим своего рода «дубинушку». А вчера некоторые из них залезли во время хода на самый верх мачт для заготовки флачных бечевки; не мало все мы пассажиры внимали этому их риску и удивлялись той быстроте и ловкости, с которой они взбирались на самый верх уже без всякой лестницы и спокойно перебирались там с веревки на веревку, как будто на ровной плоскости.

Декабря 13-го утром я прежде всего поспешил наверх полюбоваться на Гонолулу; но высокий навес пристани все закрыл, и города видно очень мало. Климат тропический (210° широты), прекрасный, мягкий; особенно приятно было дышать чистым утренним воздухом; за городом тотчас же начинаются высокие горы, сплошь покрытые зеленью всякого рода; приятный вид они имеют с переливающимися на солнце мягкими разнообразными колерами: так и хотелось бы забраться туда да погулять среди этой прелести. Горы тянутся не одним хребтом, а постоянно разделяющимися отдельными вы-

сокими холмами, то уходящими вглубь и висящими над остальными, то спускающимися в долину и как бы ютящимися среди остальных громад. На острове есть многочисленные вулканы, а по местам множество лавы от прежних страшных извержений. Это нам передавал англичанин, ходивший днем туда далеко в горы. В городе видны целые пальмовые сады; говорят, есть замечательные высокие пальмы, будто бы в 100 футов высоты. Вообще заметна богатейшая растительность; на пароход принесли замечательно вкусные ананасы с хорошую дыню величиной. К сожалению, с 8-ми часов началась сильная припекающая жара, так что мы в своих черных подрясниках не решились и сходить в город; а интересно бы поближе посмотреть на него. В городе виднеется несколько церквей, вероятно протестантских. Вот и туда интересно бы проникнуть, особенно сегодня интересно бы попасть на богослужение ради праздника.

Говорят, на всех Гавайских островах республики жителей до 100 000 – и малайцев, и европейцев, и американцев, и японцев с китайцами. Теперь будто бы японцы намериваются захватить эти острова себе; поэтому гонолульцы сами спешат присоединиться к Североамериканским штатам. Малайцы (австралийцы) приходили на пароход; довольно прилично одеты; кажется, народ добродушный и не дичающийся, на нас они смотрели даже менее любопытно-дико, чем американцы. Время здесь, должно быть, дешево, и работа не спорится; вопреки ожиданиям капитана, уголь нагружают; но целый вот уже день множество подвод и людей возятся с этим делом и нагружают до 500 тонн (по 60 пуд.) угля. Ужасно долго и мешкотно работают люди всяких народностей и во всяких одеяниях. Капитан, однако, обещает в 12 час. ночи сегодня выйти отсюда. С 3 час. дня полил дождь и долго не переставал, а потом перешел в изморось. Хотя и прохладно сделалось, но по грязи шляться тоже неинтересно; так мы и просидели на пароходе. Комаров не видали почти совсем – может быть, потому, что после дождя сделалось сравнительно прохладно.

В гавани стоят военные американские громадный крейсер и большая броненосная лодка. Кроме них – множество торговых пароходов и кораблей. Гавань очень просторная и, вероятно, тихая, потому что защищена горами, выдвигающимися в море. Все суда были украшены по-праздничному сплошь флачными гирляндами. В общем очень красивый вид. Военные суда открыли гонку на лодках дважды, для чего, конечно, снарядили самых лучших гребцов; расстояние для гонки весьма большое; гребцы работали из всех сил, но с разным умением: гребцы с крейсера все как-то вразбивку, не дружно, тогда как гребцы с лодки работали не торопясь и согласно, как бы по команде взмахивая веслами. После них перегонялись на плотах кочегары, работавшие вместо весел своими угольными лопатами. И в том и в другом случае победа осталась на стороне лодки, хотя на крейсере и сам адмирал, так как развевался его флаг. Во время состязания все матросы взобрались на самый верх мачт и с чаением посматривали на состязателей, поднимали вслед и навстречу им страшные крики, махали им и руками, и платками, и шапками, как бы желая тем помочь своим матросам; а пароходы в это время ужасно ревели своими свистками, а крейсер даже так называемой сиреной, ужасно пронзительной и занывающей отчаянно. Во все время спора стоял кругом страшный крик и шум. На набережной, на соседних пароходах и на нашем собрались зрители, а некоторые даже на лодках плавали за состязующимися, чтобы ближе видеть успех одних и неуспех других. И то забава среди однообразия, да в праздник все-таки и повеселились порядочно. Итак, мы попали в тропики, и даже к австралийцам.

Молодой студент, ехавший в Японию учителем, встретился в Гонолулу с друзьями и остался там до следующего парохода. Но вместо него появился новый пассажир, английский священник Berdy Louis, три года бывший в Гонолулу, а теперь на три месяца в отпуске до Лондона, с остановкой на месяц в Китае; предполагает, что его в Китай и пошлют. Он производит впечатление молодого, горячего студенти-

ка, увлекающегося ролью общественного деятеля и немножко рисующегося ею, что он особенно показал в совершении богослужения. С его появлением жизнь пассажиров приняла несколько церковный характер.

Декабря 14-го в воскресенье утром в 10 час. устроили богослужение в верхней небольшой кают-компании. Священник имел на себе при богослужении длинный подрясник, а сверху белую ризу, как наша ряса, с широкими рукавами: она короче подрясника, на спину спускается белый меховой мешок, как башлык, а через шею на грудь спускаются две черные узкие полосы материи – епитрахиль. Он стоял или сидел на кресле перед столом, а богомольцы сидели на скамейках по сторонам; у всех было по две книжки – гимны и молитвы; их пели и читали под аккомпанемент рояли, вообще так же, как и на прежнем пароходе. Некоторые молитвы читал сам священник и в это время для выражения благоговения закрывал глаза или же возводил их вверх. В общем их богослужение производит впечатление какого-то искусственного воодушевления. Похоже оно на сходки молодых людей, искусственно воодушевляющихся на какое-то общественное и чуть ли не общечеловеческое дело, без всякой солидной подкладки, и кричащих: надо читать, толковать, в народ идти, разгонять мрак невежества и т.п. И сами они чувствуют, что что-то неладно, а приятно самое увлечение и обособление. Но так как нет силы высшей этого личного увлечения, то скоро ли долго ли община и распадается на мелочи или и совсем исчезает в пустоте. Так и в протестантском богослужении именно незаметно настоящей молитвы, настоящего возношения духа к Богу, действительно беседы с Богом. Войдите в наш православный храм, особенно в настоящей русской среде: там всякий христианин действительно в храме стоит как в месте особенном, в месте нарочитого обитания Бога, и действительно все его лицо говорит, что он свою душу старается или уже возносит Богу, Ему исповедует свои думы и моления, от Него прося и ожидая се-

бе милости по Его суду и устройению. Там все говорит именно о совершенно иной и возвышенной, не мечтательной жизни. Здесь, напротив, все именно свидетельствует о том, что и богослужение нисколько не возвысилось над жизнью, что и оно есть самая обычная жизнь, искусственно выделяемая из нее. И на лицах молящихся здесь поэтому не прочтете того высокого молитвенного настроения, каким богато наше православное собрание церковное. Они, напротив, совершенно как обычно читают и поют гимны и молитвы, как простые умные вещи. И в действиях незаметно ничего молитвенного. Вот, например, они, когда священник читал закрывши глаза молитву, все спустились со скамеек и, преклонившись на одно колено, облокотившись на скамейку, закрывши глаза, что-то стараются сообразить пред Богом, может быть грехи свои; но и тут на лицах никакого действительного стояния пред Богом или сокрушения, а просто какое-то головное напряжение – подумать о Боге, так как нужно это для молитвы и в молитве. Как на первом пароходе, так и здесь в этом отношении одинаковое впечатление от протестантского богослужения: оно не богослужение, а только правило для освящения воскресного покоя и имеет серьезный отпечаток не церковного собрания, а сектантского, хотя по видимости благоговейного, но в сущности совершенно холодного собрания. Кстати, как ни противны им все внешние действия и знаки, а ведь не обходятся без них и в облачении, и в молитвенных обрядах, только не принимают самого естественного знака – креста. В конце богослужения священник говорил поучение в продолжение 15 минут; говорил о том, что нам не нужно жалеть своих сил для дела Божия, если Бог Сына Своего Единородного не пощадил; указывал и на пример св. Стефана архидиакона первомученика. Вот и все протестантское богослужение, разве может быть какое-либо сравнение с нашим Православным богослужением?

Священник скоро с нами познакомился и многое порассказал и о себе, и о всем их миссионерском деле. Оказывается, он был в чис-

ле первых возбудителей того студенческого миссионерского движения на Западе, о котором, между прочим, в прошлом 1897 году была подробная статья в «Православном Собеседнике» (Пр. Соб. 1897 г., январь). Они поставили себе целью проповедовать Христа в продолжение настоящего поколения, то есть в продолжение лет 30–40, чтобы потом христианство уже сделалось достоянием народов путем предания от отцов к детям – к следующему поколению. Теперь число присоединившихся к этому движению громадное, и все они действительно разошлись по разным странам и народам, так что почти у всякого народа непременно есть миссионеры их общества. Способы их миссии разнообразны; например, в Центральной Африке они начинают дело с обучения английской грамоте: первое отделение – азбука, второе – чтение Евангелия; а потом, если кто пожелает креститься, то читает послание апостола Павла к римлянам и изучает катехизис. Они имеют при таком ведении дела то в виду, что так человек сам придет постепенно к Евангелию. Там у них до 40 тысяч первого и второго отделений и до 4 тысяч оглашенных. Это по отчету за 1896–97 гг. Церковного миссионерского общества, который мы у него взяли для прочтения. Из отчета видно, что учителя у них получают от миссионерского общества только рублей по 18 в год, а главным образом содержатся за счет туземцев, и это у них поставлено за главное и первое правило. Замечательно откровенно написан весь отчет, весьма большой том убористой печати, прекрасно изданный: нет в нем обычного в таких случаях представления всего в лучшем виде; напротив, очевидно, все описано так, как есть; недостатки и неуспехи не скрываются, а, напротив, с сожалением выставляются. Их, миссионеров, нередко гонят и отталкивают, но они не унывают, а терпеливо переносят и выжидают лучших условий; и так дело с маленького восходит до большого. Теперь Япония почти вся заполнена протестантскими миссионерами.

Подобное же богослужение утром было и в следующее воскресенье. Проповедь говорил сам старичок Mr. Taylor. Он выразил благо-

желание на наступающий новый год, так как вчера был ихний новый год. Сам он читал, как псаломщик, положенные псалмы и чтения из Библии, не считая для себя низким исправлять это дело, как поступают некие ученые богословы. Вечером в каюте у них было communion, то есть причастие. Быть на нем и мы испросили себе позволение, на что они с величайшим удовольствием согласились. Священник ходил до вечера весьма радостный, с высоким настроением, должно быть радуясь, что многие пожелали причаститься. В каюте на подносе, покрытом скатертью, были заготовлены дары: на маленьком дискосе обыкновенный столовый хлеб, разрезанный на мелкие кусочки, а в маленькой серебряной чаше – вино. Сначала пропели гимн, причем священник, стоя в своем облачении, достал какой-то инструмент, похожий на гармонику, положил его на колено и начал наигрывать, аккомпанируя певчим; буквально, как русские мужики наигрывают на гармонике, поставивши ее на колено. И зачем это непременно музыка: без нее прекрасно запели гимн, а гармоника только портила дело, потому что священник не мог играть как следует. Потом читали псалмы. Затем священник прочитал совершительные молитвы: в самом главном месте, держа руку над дарами, молился, чтобы им достойно причаститься Тела и Крови Христовых; значит, пресуществления нет, а только воспоминание учреждения Таинства. Потом он взял дискос и, произнося слова причащения, хотел было нас причастить, сначала отца архимандрита Сергия, как ближе к нему сидящего. Мы, конечно, отказались, чего он, по-видимому, не ожидал: он, может быть, потому и радостный ходил целый день, что наше желание присутствовать при их communion'e принял за намерение вместе с ними причаститься. Делать нечего, он пошел предлагать по кусочку всем остальным, давал каждому в руку; а потом таким же порядком всякому давал пить из чаши, произнося слова причащения. После причащения он прочитал молитву и пропел гимн причастный. В заключение он всех благословил воздеянием

рук. Странное общение людей разных сект: тут кто методист, кто конгрегационалист, кто епископал, кто пресвитерианец – и все они одинаковое имеют церковное общение. А между тем англикане говорят, что они с сектантами не имеют церковного общения. Вот и верьте им и вступайте с ними в общение. А самую тайну причащения как недостойно они совершили: основательно пообедали, подвыпили, пошутили, посмеялись и в заключение – духовное утешение в знак следования по пути креста Христова.

От Гонолулу с полдороги погода сразу переменилась на зимнюю; вдруг подули страшные ветры, а однажды даже настоящая буря была, так что сорвало парус; пошел дождь и нечто вроде снега, стало ужасно холодно и сыро; началась большая качка, но она на нас уже не действует – привыкли; ход тихий, так как винт обнажается на волнах. Вот уже идем 11-й день от Гонолулу; вероятно, сегодня, декабря 25-го, ночью придем в Йокохаму.

Сегодня вечером Mr. Taylor в библиотечной комнате публично рассказывал о китайской миссии, начатой им именно 40 лет тому назад. Сначала у них было всего только человек 20 миссионеров; но он, веруя завету Иисуса Христа – сеять, а дальнейшее предоставить Богу, начал дело проповеди в открытых для иностранцев приморских городах. Сначала и средств не было почти никаких, но Бог не оставил. Один человек предлагал 8000 долларов, чтобы их положить в банк на дальнейшие нужды миссии; но Mr. Taylor отклонил это приношение, сказавши, что средства нужны теперь, а в дальнейшем мы не властны; Бог не оставит Своею помощью. И потом действительно скоро помаленьку нашлись и средства на дело; а затем появились и люди для проповеди, так что составила довольно порядочная компания миссионеров. После этого они постепенно проникли и в глубь страны, раз навсегда поставивши для себя – делать по ней постоянный обход. Сначала над ними смеялись, как над мечтателями, говорили, что миссионеры хотят прошибить непреступную стену и т.п. И

народ сторонился от них; пустили молву, что миссионеры для каких-то своих проделок будто бы выкалывают глаза у детей. А потом постепенно присмотрелись и привыкли к миссионерам, увидавши, что ничего худого, кроме хорошего, они не говорят и не делают. Главная черта китайца – неподвижность на все новое от своего старого, к которому он прочно привык; но если он раскачается и примет христианство, то примет его основательно и убежденно и в нем серьезно и постоянно пребудет искренним последователем. Это, прибавил Mr. Taylor по нашему адресу, китайца отличает существенно от японца, который на все новое легкомысленно и, любопытствуя, скоро набрасывается и принимает, а потом бросает. В миссионеры, хотя к нему и многие просились, но он делал строгий выбор, не заботясь о количестве миссионеров, он принимал только тех, которые при себе имели карманную Библию и постоянно неопустительно читали ее. Так постепенно дело началось и возросло; теперь там в Китае множество и миссионеров, и миссионерок, из которых и теперь некоторые с ними едут туда, множество и христиан хороших.

Рассказал он один весьма замечательный случай обращения в христианство: зашел, говорит, я в один город, поднялся на гору к языческому храму, христиан там совсем не было, помолился я тут среди природы Богу, чтобы здесь насадил Он христианство, и сам остановился жить в городе. Один китаец по делам часто обращался к нему за различными разъяснениями и книжками, между ними он дал ему и Библию, которую китаец, однако, никак не хотел читать и бросил в угол, придя домой. Советовавшему ему читать ее Mr. Taylor'у он говорил: как я буду ее читать, если вы говорите, что не всякому она понятна? Mr. Taylor объяснил ему, что перед чтением нужно помолиться Богу, чтобы открыл разум и сердце к уразумению Библии. Как же, говорит, я буду молиться Богу, Которого не знаю и в Которого не верую? А в таком случае я о вас помолюсь и вы помолитесь от души, и Бог нам поможет. Однако раза два Библия попадалась ему на глаза

и в руки, но он ее небрежно откидывал. А на третий невольно взялся за нее и сказал: если есть Бог, то да откроет Он мне разуметь Библию. И потом так увлекся чтением, что читал ее, пока окончательно не пришел к христианству, и пришел скоро и очень искренно. Но когда пришло время крещения, то оказалось, что жена его совершенно против того и не хотела ничего слушать об этом. Тогда китаец решил: если обо мне молился миссионер и мне Бог помог, то почему же и мне о ней не помолиться? И после сердечной молитвы раз наедине с женою повел беседу о Едином Боге. Жена слушала, да и говорит: о Едином Боге я давно знаю: когда было возмущение в стране, то я от возмущившихся заперлась в своей комнате и молилась: Небесный Дедушка, спаси меня от неприятелей; и действительно, кругом все было разрушено, а мою дверь как-то прошли мимо, и я осталась жива и невредима. И вот и она постепенно просветилась; оба сделались христианами и такими ревностными, что сами постоянно проповедают о Христе и говорят: не можем не проповедовать, если все в нас о том говорит. Такова краткая история этого дела. Теперь в Китае уже до 700 миссионеров из разных стран. Укорительно посматривая на нашу сторону, Mr. Taylor при этом прибавил: есть и из России, именно из Финляндии, и весьма ревностные проповедники. Вот что поведал о своем 40-летнем деле этот старичок. Значит, сколько идеализма среди их учащейся молодежи!

Нужно заметить, что в Америке все почти университеты стараются устраивать не в больших городах, а в самой провинции, даже в селах незначительных; ибо там-то в тиши и может быть настоящая колыбель и науки, и всего духовного и чистого; там-то юноши и научаются действительно серьезно готовиться к предстоящей им жизни; а жизнь учащейся молодежи в городах, ввиду знакомства именно с самою этою жизнью, чтобы юноши знали то, что будут потом иметь как почву для своего дела, – именно это-то самое уж очень их сближает с обыденною жизнью и их, еще не окрепших, постепенно

делает совершенно обычными людьми, задающимися теми же интересами, какие господствуют в мире сем, прелюбодейном и грешном. Американцы это поняли и стараются своих юношей по возможности уединить от суеты житейской, желая в них видеть здоровое молодое поколение, которое потом будет в состоянии внести в жизнь новые светлые начала, обновить жизнь. И их молодежь, очевидно, на самом деле отвечает таким желаниям своих стариков, если среди нее является столько людей, которые идут к народу неведомому и по своим силам трудятся там в деле проповеди. С нами ехавший студент, член «Общества молодых людей для воспитания человечества на началах христианства», – очень чистый юноша, очень нравственного настроения душевного. Если не все, то, вероятно, много таких там, а это и благо школы, умеющей вложить идеализм и нравственные стремления в своих питомцев.

И в обществе там весьма большой интерес к христианству и его проповеди среди язычников. Англия, например, дает только одних пожертвований до 8 миллионов рублей, и только на одно Церковное миссионерское общество, не говоря о других миссионерских обществах и учреждениях, а правительство на это ничего не отпускает из своих сумм. Все этим делом живо интересуются: газеты переполнены религиозным элементом; очевидно, спрос на то есть. Во время путешествия по Америке мы часто на дороге брали газеты; в каждой непременно есть религиозный отдел и сведения о разных религиозных делах. Отчеты о миссиях печатаются громадными роскошными книгами во множестве экземпляров для раздачи и продажи и встречают большой интерес в обществе. Миссионеры или путешественники устраивают разные чтения о миссии и христианстве, и чтения переполнены и дают не только прекрасный сбор, а и богатые пожертвования на дело проповеди. И это в такой коммерческой стране, как Америка. Там какая-нибудь старушка сидит над Библией, читает ее и проповедует о Христе. И на пароходах, и в других случайных благо-

приличных местах устраивают богослужение и проповедь. К сожалению, и это у них не обходится без некоторых странностей, как и все у сектантов. Они часто проповедуют даже на открытом воздухе: остановится среди улицы миссионер и начинает проповедь о Христе; проходящие останавливаются, прислушиваются, иной заинтересуется, а иной пройдет; но миссионер не смущается, даже если и никто его не слушает, все-таки говорит. К чему это? Не есть ли это некоторое омирщение дела проповеди, могущее повести и к унижению его. Благодаря этому, вероятно, японцы теперь в большинстве случаев наслышались таким путем о христианстве и уже настоящую проповедь слушать не хотят: знаем-де мы все это, слышали не раз. Это уж чисто свойственная сектантам излишняя экзальтированность. И как действительно похожи по характеру духовному наши сектанты на всех этих протестантов. Физиономия духовная совершенно тождественная: видно, что одни родились от других. На пароходе прочитал я несколько методистских брошюрок мелкого издания, их тщательно Mr. Taylor распространял между пассажирами; эти брошюрки совершенно такого же характера, как ходящие у нас сектантские брошюрки, – о спасающей вере, о том, что Христос есть Пастырь и т.п. Одни жалобные благочестивые слова, наводящие скуку своим однообразием и, в сущности, бессодержательностью. Они не могут совсем и сравниться с нашими, например, «Троицкими листками». А если бы умело издавать краткие для народа брошюрки и листки на основании богослужебных книг и святых отцов, то это было бы несравненное с сектантскими вещаниями богатство духовного содержания. И, однако, при этом сектанты усиливаются количественно, именно потому, что неутомимо трудятся в своем деле, отвечая насущным запросам в обществе, давая пригодную пищу жаждущей душе народа. А жатва действительно многа всюду: и за границей, и в язычестве, и у нас на родине. Теперь не то, что было в минувшую пору: все ищут правого пути жизни, только суметь бы дать на это вовремя и

прямой ответ, чтобы не пришли злые враги и не похитили себе душу немощную. Как жаль, что и при всеобщем религиозном возбуждении в Европе и Америке о нас ничего не знают хорошего, кроме всяких темных рассказней, а о православии говорят, что это только мертвая форма без жизни, как выражается вышеуказанный отчет Церковного миссионерского общества, когда, заключая отдел об успехах протестантства в Японии, прибавляет: «и время покажет, что возьмет верх: мы или христианство, в котором осталась одна только мертвая форма без жизни», под которым они всегда разумеют православие. Вот что я вынес из краткого знакомства с Америкой и ее случайно встреченными в путешествии деятелями. Есть кой-чему у них и нам поучиться, при всей их беспочвенности и неосновательности религиозной.

Праздник Рождества Христова приходится встречать в дороге, далеко от православного храма. Все-таки мы постарались отправить ради этого великого дня службу по имевшимся у нас книгам. Стихиры и канон взяли из воскресной службы 8-го гласа, ирмосы пропели праздничные, а равно тропарь с кондаком; это с вечера. А в самый праздник отправили обедницу. И все-таки как будто у праздника: на душе повеселее, хотя с замиранием сердечным думаешь о том, что там далеко все такие радостные и хорошо настроенные теперь, или в церковь идут, или уже домой возвращаются в родные кровы и к дорогим сердцу людям. Христа славят там все.

Ныне мы накануне прибытия в Страну Восходящего Солнца, где Бог судил нам теперь трудиться. Как-то Он благословил нас на сие дело? Как-то встречусь со всеми тамошними – и народом, и деятелями, а главное, с Преосвященным Николаем. После троекратного опыта я сам-то уже отвык думать о некоторой продолжительности пребывания в том или другом месте. И теперь вот на третий год после академии приходится уже на третье место перебираться с весьма дорогих сердцу мест. Завтра буду в Японии, а надолго ли и там – Бог весть. Од-

но знаю, что в конце концов все бывает по воле Божией и все Им устрояется к лучшему, только бы нам не расстраивать Его планов своим вмешательством и своеволием. Где бы ни жить, только бы с Богом, да дело Его делать. Благослови, Господи!

Миссионерский год в Японии¹¹

Из дневника японского миссионера

Часть 1

Судил мне Господь пробыть один год (1897–1898) миссионером в Японии, ныне дерзко и вероломно объявившей нам войну. За это время пришлось многое там видеть, слышать, думать, говорить, что я исправно тогда записывал в свой дневник. Да и о самой Японии и ее населении составилось некоторое понятие. Думаю, что теперь все это составит некоторый интерес для всякого русского человека, интересующегося узнать, что за народ, с которым приходится иметь дело. Поэтому я и решил в «Епархиальных Ведомостях» помещать выдержки из своего весьма объемистого миссионерского дневника (страниц 600–700 печатных). Дела при миссии было так много, что, поднявшись с 6 часов утра, только не раньше 12 часов ночи можно было дать покой себе, и так было почти изо дня в день. Поэтому понятно, что дневник имел характер наскоро перед сном набросанных заметок. Разобраться в этом материале и теперь, за положительным недосугом, нет никакой возможности. Поэтому прошу не заподозрить в небрежности, если кто недоволен будет внешней неотделанностью. За этим мы не гнались, и теперь не особенно озабочены сим. По своему содержанию дневник

наш представляет продолжение нашей книжки «Миссионерский путь в Японию». (Интересующиеся могут достать ее в магазине Тузова за 50 коп.) Итак, с помощью Божией приступаем.

*Уфа 1904 г. Марта 11 дня
Ректор Уфимской Духовной семинарии
Архимандрит Андроник*

* * *

В Йокохаму мы пришли ночью на 26 декабря 97 г. – 7 января 98 г., а утром после завтрака на лодке переправились на берег, в таможене нас задержали недолго, но очень долго пришлось сдавать багаж на станции железной дороги: японцы очень коповаты и все делают не торопясь. До поезда нам пришлось ждать 15 минут. За это время я с любопытством смотрел на японцев в их нарядах и с их нравами и обычаями. Одежда их, вообще называемая кимоно, состоит из двух халатов: сверху короткий до колен, с короткими, но широкими рукавами, часть которых приспособляется для кармана, очень большого, полы его не сходятся, а только завязываются шелковым толстым шнуром, под верхним виднеется нижнее кимоно длинное – до земли, полы одна другую закрывают, но подол так узок, что японец не представляет широко ноги, а только передвигает их, шея совсем и глубоко открыта, никаких шарфов нет, и, однако, не заметно среди японцев никаких горловых болезней. Голова тоже большею частью открыта, у женщин причудливая до бесконечности прическа, у иных в виде пушистого гребешка высокого; вероятно, много труда и времени требуется для этого; оказывается, женщины, чтобы и во сне не сбить такую прическу, под голову подкладывают особый валик на ножках; вероятно, трудно спокойно спать на таком приспособлении.

Сапогов японцы (за исключением некоторых, одевающихся по-европейски) совсем не носят, на ноги надевают короткие носки, большею частью белые, причем белизна не носит никаких следов грязи, а потом надевают особую деревянную скамеечку, укрепляя ее за шнурок между большим и указательным пальцами к ноге, и так ходят. Своими деревянными ногами японцы ужасно стучат – щебечут: с непривычки очень неприятно. При входе в дом снимают ее, и уж там сидят только в носках на полу, устланном чистыми циновками из особой травы; поэтому в японских домах и вообще у японцев поразительная чистота и опрятность. Да и вообще японец все делает, как на выставку: сделает ли деревянный забор или каменный дом или самую изящную вещь, он ко всему приложит одинаковое усердие и чистоту и все сделает, как напоказ, как на картинке. Дома все чистые и аккуратные, деревянные, и все маленькие одноэтажные, за некоторыми исключениями европейских домов. На нас японцы, конечно, тоже засматривались, но совсем не дико и не пристально: заметна чрезвычайная народная выдержанность и вместе некоторое самознайство, сознание своего собственного достоинства. Да ведь и есть чем им быть довольными: ведь это народ очень развитой и деятельный; еще до открытого вступления европейцев в пределы Японии здесь были уже маленькие пароходы японского изобретения; вообще, всякая производительность здесь очень развита и исключительно японская. Язык японский очень гибкий и художественный, развитой; письменность японская богатая и содержательная. И вообще они сами создали себе особую культуру и жизнь, свой особенный быт и нравы. А когда познакомились с европейцами, то быстро восприняли их культуру: как будто им только этого и недоставало. Конечно, как и свойственно восточным народам с пылкой фантазией, мешающей остановиться на чем-либо основательно, и японцы все чужое заимствуют чисто внешне, переимчиво; но это иначе и быть не может на первых порах: ведь они воспринимают культуру чужую и в такой

оболочке, которая совсем не сходна их характеру, она чужая им, а поэтому и может быть сначала усвоена только внешне, пока народ не сроднится со всем заимствованным, – тогда все пойдет вглубь; ведь японский быт совсем особенный.

Часа через полтора мы были в Токио; пришлось садиться на восточного дзинрикия, то есть на человека-тележку; конечно, сначала это дико, а потом ничего себе едешь, утешая себя мыслию, что не ты первый, не ты и последний это делаешь и что вообще-то мы друг на друге ездим в жизни, как выразился по этому же поводу о. А. С-ий. Город весьма большой и почти совсем японский; здесь почти совсем невозможно строить больших зданий, так как часто бывают землетрясения; в последнее землетрясение года два назад разрушено множество построек, немного пострадал и наш православный собор – дал трещину и покачнулся от сильного размаха креста на колокольне (значит, вот какое было землетрясение!). Издали еще я увидел наш собор, который знал по фотографиям; голова моя невольно обнажилась, и я с верою перекрестился, прося у Бога благословения на это новое серьезное дело проповеди о Нем среди Его творений и чад, не ведущих Его. Дзинрикия спросил – куда везти; я сказал: «Никора» – и он сообразил; здесь все знают Саругадай под именем «Николая», и самого его также все знают; да и как не знать. А некоторые «Никора» называют все наше миссионерское место и хозяйство, а епископа считают хозяином этого «Никора». Преосвященного Николая мы нашли весьма веселого и любезного внизу в канцелярии. Как после он рассказывал, он был весел потому, что две христианки сейчас только сообщили ему, что можно купить по соседству землю с постройками для осиротелых семейств христианских. Преосвященный Николай весьма обрадовался нашему приезду и, по своему вообще живому характеру, сразу заговорил нас. Почему-то я показался ему похожим на католического патера, – так он сказал и прибавил: «значит, будете хороший миссионер»; на что мне оставалось, конечно,

про себя ответить только благим и искренним пожеланием. Сейчас же он водворил нас в наши келии, причем вышел некоторый спор у него с отцом А. С., так как себе Преосвященный взял худшую квартиру внизу, а нам дал по две прекрасных и больших комнаты со всею обстановкою, удобною и весьма чистою; но владыка сказал, что он уже привык к этой квартире, что там он и умрет. Действительно, он когда-то жил в теперешней отца А.С. квартире, но один из бывших тогда миссионеров потребовал себе эту квартиру, и владыка спокойно ее уступил. Поэтому теперь он и говорит, что раз была уже у него попытка жить в этих комнатах, но неудачная.

Тотчас же он заговорил и о деле. Сначала, говорит, нужно язык изучать, чтобы хорошо говорить, а отцу А. С. нужно уже приниматься основательно за изучение китайских знаков, так как он уже может говорить по-японски, как прежде пробывший здесь почти два года. Для этого можно, говорит, иметь сразу двух учителей – на утро и на вечер; да все это изучить так, чтобы потом писать по-японски в журналах. А пока теперь, говорит, будем жить вместе при миссии в Токио. Тотчас же повел он нас по всей миссии, водил в церковь, в библиотеку и прочее, и все это весьма быстро – бегом. Вообще владыка весьма живой, как будто еще совсем молодой человек, ревностный и энергичный, лет 27–30, тогда как ему уже 62 года; да и по виду он производит впечатление еще очень молодого, хотя он и говорит, что ему всего 10 лет жизни остается, если все пойдет обычным порядком, то есть если-де не убьют или не умру преждевременной смертью и тому подобное. «Теперь я вам все дело миссии предоставляю, а мне нужно заняться переводом Святого Писания и богослужения: ведь ничего пока почти еще нет, а это уж мое прямое дело, ибо кому-то еще придется столько лет (37) пробыть в Японии». Теперь он переводит Евангелие, и это уже, вероятно, раз третий или больше: «надо уж переводить основательно и правильно раз навсегда, а потому нужно быть весьма осторожными в выборе знаков и слов, особенно когда

дело касается понятий и терминов». И сидят они по целым дням за этим делом вдвоем: сам Преосвященный и японец Накай, хотя последний и не понимает ни по-русски, ни по-гречески, ни по-английски, зато весьма ученый в японском смысле, то есть по-китайски.

Владыка сам заведует всем хозяйством миссийским, во все вникает, все знает; даже в библиотеке распоряжается и ведет запись он сам; в церкви сам до мелочей показал все. Пошли в семинарию, в катехизаторскую школу, в женскую школу, и там он всех знает. И как это у него на все хватает сил и времени! Он весь – воплощенная энергия и живой интерес ко всему. И обо всем-то он говорит живо с воодушевлением, как о своем родном деле, и главное – слово его и взгляд на все преисполнены самой живой целостной веры в дело и в Церковь православную как единственно истинную хранительницу дара Христова Евангелия. Мы, говорит владыка, слуги матери Церкви, единственно истинной, и наша святая обязанность громко и немолчно возвещать истину Христову. И как жаль, что все эти испорченные христианские общины кричат о Христе, а мать всех – православная Церковь молчит. Везде заметен интерес к религии, все не ведущие Бога ищут Его, жаждут истинного слова веры в Бога, а мать всего человечества как будто спит и никакого внимания не обращает ни на что. Овцы бегают и ищут пастыря, а он не откликается. Да, действительно так; но вот и свидетельство истинности его слов. Он сам один только в Японии заложил прочную основу для православия, и теперь за 37 лет его здесь пребывания насчитывается уже до 25 тысяч христиан под водительством исключительно японских священников и катехизаторов. Разве это возможное для человека дело? Но истинно слово Христово: *для человека это невозможно, а для Бога все возможно*. Действительно, только Сам Он и показал в этом истинность нашего дела православия и силу Его святой Церкви. И христианство у наших православных японцев не по имени только, а действительное: нравы здесь, среди большой народной безнравственности, блю-

дутся тщательно самими верующими, а таким образом постепенно создастся и целый быт церковный, как это было в древней нашей Руси, когда церковное начало проникало глубоко и серьезно во все стороны жизни. И у владыки в этом отношении весьма широкие предположения и чаяния. Он крепко верит в свое дело православное как единственно дело Божие среди всех остальных христианских общин. Он утверждает, что так и должно быть, чтобы православие в конце концов восторжествовало над всеми: это – нужно, а следовательно, и должно, а должно – значит, и можно и так будет (он прямо сказал, что не любит слова «не могу»). В этих предположениях и отчасти с целью показать сразу высоту православия невольным обращением даже внешнего взора, – он и построил православный большой собор на самом видном месте в Токио, и притом на весьма значительном – на Саругадае, вблизи и в виду императорских дворцов. И действительно, наш собор как бы высится над всем городом и его украшает своим величием, стройностью и красотой. Невольно он привлекает на себя внимание всех; он теперь стал достопримечательностью всего города, и на Саругадае Николая в русском храме всякий японец стремится побывать и подивиться этому важному зданию всем здесь известного Николая.

Собор в форме креста, очень вместительный, с прекрасным золоченым высоким иконостасом на три престола; он богато снабжен и ризницей, и всею утварью; все это, конечно, пока дар щедрой русской руки. В ризнице собора – запас всего на многочисленные (в будущем) церкви японские. Японцы ходят в собор, кланяются перед ним (это язычники еще), как бы воздавая честь неведомому, но уважаемому ими Богу, именем Которого трудится один человек, так самоотверженно на пользу их же, японцев, и создал сию святыню. Всякий из них непременно положит на архиерейскую кафедру какую-либо монету, хоть медную, и их набралось так много, что Преосвященный хочет слить колокол. И самые миссийские постройки тоже зало-

жены на широкую ногу и основательно: любо-дорого и возвышенно посмотреть на все это. Наша миссия как бы парит над всем здесь. Семинария и женская школа строены тоже на большое количество учеников, – семинария на 120 человек. Катехизаторская школа помещается при миссии, и только на уроки ученики ходят в семинарию. Учеников много, только в катехизаторских школах немного: последние военные события (Китайско-Японская война) совсем оттянули интерес японцев от религиозного, о чем заявляют в своих отчетах и инославные миссии. Женской школой заведует старушка Анна-сан, то есть госпожа, она уже 20 лет ею заведует и совсем отдалась школе; получает совсем гроши – 5 иен в месяц (1 иена на 13 копеек меньше нашего рубля), но и те она почти только и тратит на детей. Замечательно хорошая старица. Учительницы и воспитательницы уже ее ученицы, и все хорошие религиозные и преданные делу; одна даже и замуж не хочет идти и отказывает многочисленным женихам. Здание библиотеки устроено так, чтобы на случай пожара было нестеряемо. Оно в три этажа; библиотека очень богата, для начала; большинство книг во многих экземплярах, так как часто приходится давать катехизаторам и священникам. Есть много японских переводов и из Святых Отцов; переводят здешние учителя, учившиеся в русских академиях. А вообще для перевода с русского и английского при миссии есть особая комиссия. Преосвященный посоветовал нам пригласить на обед священников, преподавателей, переводчиков и других для знакомства с ними, что мы и устроили в несколько приемов. Академисты, к сожалению, отчасти похожи на наших русских академистов, то есть с обычным недостатком серьезности и преданности церковному делу, только еще в худшей или, лучше сказать, мелочной ребяческой форме, так как только перенято от русских студентов; но это далеко не про всех нужно сказать; есть и очень серьезные, только беда, что никто из них не хочет быть священником и миссионером в тесном смысле. Есть только один из старых кандидатов Киев-

ской академии священник в Киото. Семинарией заведует молодой еще кандидат Кавамото. Среди переводчиков есть очень хорошие; они, пожалуй, лучше кандидатов (ибо еще не видали ничего русского невысокого). Духовенство здесь все хорошее, нравственное, но, за немногими исключениями, не совсем богатое даровитыми людьми. Впрочем, всякий делает свое дело исправно, старательно и хорошо.

Видел и самого еще первого христианина, – это священник отец Павел Савабе. Он был сначала фехтовальщиком и разъезжал по городам, вызывая на состязание, чем очень славился по всей Японии; потом стал синтоистическим жрецом и отличался в этом отношении фанатизмом. Тогда о христианстве еще только начинались вести в Японии, но оно было в полном загоне и даже преследовании властей. Однако Преосвященный Николай, уже совсем изучивши японскую речь, решил помаленьку начать дело проповеди. Он часто ходил к буддистам и по синтоистическим храмам, чтобы завести знакомство со жрецами или вообще с японцами, конечно помаленьку заводя речь о Христе. И вот Павел Савабе был первым человеком, которого Бог решил сделать работником на Своей ниве. Он, по своему упрямому фанатизму, долго косился на Преосвященного Николая, и однажды пришел к нему и сказал: «Что ты там говоришь о каком-то Христе?» – и начал сердито ругать его за это. Преосвященный заметил ему: «Что же ты сердисься? Ведь ты даже не знаешь – что я говорю; сначала выслушай, а потом и говори». – «Ну, говори», – заметил на это сердито фанатик Савабе. И Преосвященный поговорил ему о грехе, о спасении во Христе, о Боге вообще и тому подобном, а потом предложил Савабе Евангелие для знакомства с новым учением. Савабе сердито взял и все еще ворча ушел. На другой день опять приходит и уже сам просит говорить о новой вере, хотя все еще показывая вид как будто только постороннего наблюдателя и поэтому косясь на Преосвященного и сердито расспрашивая его; Преосвящен-

ный по порядку толковал ему всю Священную Историю и прочее, а Савабе все это тщательно записывал и потом над этим размышлял самостоятельно дома, на утро принося Преосвященному массу всяких вопросов, возражений и недоумений по этому поводу. Потом Савабе рассказывал, что он все это делал тайно и преимущественно читал и писал в синтоистическом храме, отправляя богослужение, на котором держал перед собою вместо языческого молитвослова христианскую Библию, и тайно от всех и не привлекая неволью ничьего любопытства потихоньку знакомился с новым учением, которое принес ненавистный ему ранее Николай. Так длилось не мало, и вот этот-то упорный жрец язычества стал православным христианином Павлом (во имя Апостола Павла по сходству судьбы).

Еще до крещения он и сам завел тайную проповедь, и скоро уже трое их были христианами. Преосвященный наскоро перевел чин крещения и тайно во дворе консульского псаломщика крестил их. Но тотчас же им, крещеным, и нужно было бежать от преследования правительства. Савабе Павел бежал и на дороге попал на солдат, которые его сочли за лазутчика (а тогда началась война севера и юга Японии за освобождение императорской власти) и схватили; в тюрьме осмотрели его всего и нашли записки, на которых он записывал уроки Преосвященного о христианстве. Посмотрели солдаты и прогнали его, но на другой день сами пришли расспросить его о новом, весьма заинтересовавшем их учении и долго и внимательно слушали его о Христе. Но, кажется, из этой его проповеди плодов никаких не было. А потом разгоревшаяся международная война отвлекла внимание правительства от преследования христианства, так что Савабе был свободен и явился ревностным помощником Преосвященного в деле проповеди, а потом был поставлен и первым священником из японцев. Так началось здесь христианство благодатью Божиею, и немощное и худородное восполняющею, и горы и холмы сравнивающею. Теперь отец Павел Савабе уже старичок 62 лет, ровесник Пре-

освященного, но по виду совсем старик перед ним. Теперь у него и сын Алексей, священник, и очень религиозный и деятельный, подобно своему отцу. Они оба состоят священниками при другой церкви в Токио для христиан другой части города.

Мы побывали у всех: и священников, и кандидатов, и некоторых катехизаторов в их домах. Устройство японского дома таково. Со двора открывается деревянная решетка, дверца которой так низка, что непременно нужно входить изогнувшись: ведь жизнь японская почти сплошь наполнена поклонами и приседаниями, поэтому японец, уже входя в дом, кланяется и изгибается, а встречающий его садится на колени и, шипя из любезности, пресмыкается по земле, как бы желая этим сказать: я такой перед тобой маленький человечек, что недостойн и стоять наравне с тобой. Это самый почтительный прием в соответствие европейскому вставанию при встрече. За внешней решеткой в весьма узеньком квадратном как бы крыльчке непременно нужно снять сапоги и тут их оставить, ведь у японцев обуви нет, они ходят на деревянных колодках-скамейках и их снимают вот именно в этом крыльчке и остаются в весьма чистых носках. Поэтому полы в доме устланы циновками (у богатых коврами) самыми чистыми. Почти обыкновенно дом состоит из четырех отделений: приемная, почетная – зало, спальная и кухня. В зале есть особенно почетное место вроде нашего переднего угла: оно углубляется в одну из стен в виде открытого от пола до потолка шкафа; там помещается все самое почетное: у язычников их божница с идолами, а у наших христиан – иконы, а также другие важные вещи. Посредине комнаты непременно хибаци, то есть жаровня с постоянным огнем на углях, поправляемых не совком, а двумя палочками металлическими; около нее и составляется домашний очаг в собственном смысле; тут и задушевная беседа, и угощение... Все садятся на пол (перед хибаци) на коленях на подушки, каковые обыкновенно подаются только для гостей, и прежде всего здороваются и долго любезно раскла-

ниваются с мягкими улыбками. Подается непременно японский чай зеленый: чай в чайнике заваривают и тотчас же наливают в весьма маленькие чашки; больше одной чашки с непривычки трудно выпить. На вкус чай горьковатый и сильный, так что можно очень возбудить нервы. К чаю непременно и очень вкусное японское печенье и всякие пряности. Все очень вкусное, затейливое непременно и нередко лучшее искусных европейских кондитерских. Японец почти постоянно держит в руках длинную трубку, накладывает то и дело по маленькой щепотке табаку, закуривает от хибаци и после одного выдыхания выбивает в хибаци же; и это очень часто. Японский табак – тонкое, длинное волокно желтоватого, но не коричневого красного цвета, как европейский. Прощание происходит с такими же поклонами перед хибаци; затем гость выходит на крылечко и обувается, а хозяева сидят в передней на коленях и, раскланиваясь, провожают. Обыкновенно внутренняя стенка японского дома – решетка деревянная, заклеенная японской бумагой, дающей и свет, хотя немного тусклый, и не пропускающей сравнительно со стеклом холода; эта решетка раздвигается, так что можно весь дом вполне открыть, оставивши только потолок на угловых столбах. За этой решеткой коридор вокруг всего дома – аршина 1,5–2 шириной, а потом другая решетка, уже сплошь деревянная для тепла и тоже раздвижная вся. Поэтому-то в японском доме постоянно теплится хибаци, а печей нет. Японцы не боятся холода: брюк не носят, а только низкие носки обыкновенные; рубашки тоже нет (теперь начинают ее вводить), голова большею частью открыта. Нас везде принимали очень радушно.

Отец А. С. умеет говорить по-японски, а я только прислушивался к японскому говору. Язык очень деликатный и почтительный, как и весь японец, большую часть жизни проводящий в поклонах и приветствиях встречным. Японец не скажет: принеси, – а: имея приди, да еще перед глаголом «о» или что-либо в этом роде для выражения

почтительного обращения; да и «приди» не просто скажет, а добавит это слово еще несколькими вспомогательными глаголами, складно нанизывая их один на другой, и все это для почета. Если по дороге идет какая-либо торжественная и великая процессия или, например, слуга стоит перед столом, когда вы обедаете, то самое почтительное по-японски – он обратится ко всему этому спиной, выражая этим: я такой маленький человечек, что недостойн и смотреть на все это. И вообще японцы и между собою, и с европейцами, и высшие и низшие, все любезны в обхождении и за все благодарят: пойти, например, с японцем куда-либо, иной и тут будет благодарить и шипеть, а за что? – да за то-де, что вот идем вместе.

Из священников особенно показался молодой отец Алексей Савабе: заговорит о чем-либо религиозном, так у него и глаза разгораются. Например, отец С. говорил ему о римских катакомбах.

Преосвященный водил нас в Уэно, это теперь сад общественный, а прежде – место погребения сёогунов, то есть военных заправил Японии. В честь их здесь храмы синтоистические, весьма богато украшенные. К храму синтоистическому обыкновенно ведет длинная аллея фонарей, приносившихся умершим от каждого князя. В самый храм входить нельзя никому, кроме каннуса (хафури) – жреца, а только на помост. Храм разукрашен золотом, богатою резьбою птиц и тому подобным. На стенах – бумажки остроконечные; это остаток древней веревки, происхождение которой следующее. Однажды богиня солнца на что-то рассердилась и скрылась в пещеру и, конечно, произвела страшный переполюх во всем мире – солнце скрылось. Боги испугались, но как вызвать богиню? Они пошли плясать вокруг ее пещеры, вызывая ее тем, а при входе в пещеру поставили бога силы, чтобы он вытащил богиню из пещеры и завалил бы вход в нее камнем, если богиня выглянет хоть маленько из щели пещерной. Так действительно и было: богиня размякла и решила полюбопытствовать немного и выглянула в щелку, а бог силы тут как тут; боги тотчас

же схватили в свои объятия сердитую богиню, и чтобы она не уходила от их танцев, решили опутать ее веревкой, почему с тех пор будто бы солнце и светит беспрестанно в свое время. В воспоминание об этом теперь и бывают в синтоистических храмах веревочные метелки на палках, а следующая степень – бумажки. В притворе стоит громадный барабан, в который жрец ударяет при богослужении. Но богомольцев не видно, а есть только любопытствующие посмотреть и, должно быть, провинциальные путешественники; у японцев развита такая любознательность: кончит он свои работы с рисом, который главное богатство и главное занятие его, и идет осматривать достопримечательности своего Отечества и вообще посмотреть, как живут другие-то.

Потом мы самостоятельно с отцом С. были в Асакуса – главное святое место Токио. Там множество храмов старинных и весьма почитаемых, к ним ведет улица, почти сплошь уставленная буддийскими храмами или монастырями; у одного такого маленького храма, в котором на престоле горит жертвенная свечка, мальчик звонит в гонг, или особый колокол, давая знать, что время молитвы, или и сам он совершает тем молитву или под удары гонга. При входе в главный храм по сторонам в клетках стоят фигуры вооруженных страшных каких-то титанов, должно быть оберегающих, чтобы ничто нечистое и злонамеренное не проникло в храм. В самом храме множество идолов по сторонам и все такие страшные фигуры; один идол почему-то у своего сердца держит фигуру ребенка; другой идол считается чудотворным, и поэтому весь облизан, захватан и даже, кажется, ощипан и стал черным и ощипанным. Устройство храма ужасно напоминает католические храмы; устроено несколько престолов буквально как католические; на престолах множество светильников; за престолом одна или множество фигур идолов, подобно фигурам святых в католических престолах. Да и самые фигуры идолов в храме тоже весьма напоминают многочисленные фигуры, которыми заполнены католи-

ческие храмы. Перед престолом громадные – в сажень – ящики, куда бросаются пожертвования денежные. В левом приделе за престолом громадное зеркало – совесть; это уже синтоистическое, ведь буддизм в Японии строго никогда не отличался от синтоизма на практике. Богомольцев здесь весьма много, и все, по-видимому, усердные поклонники Будды: стоят перед престолами, или собственно перед перегородкой, отделяющей престола, и на коленях подолгу и по-своему усердно молятся – что-то говорят, корча ужасные рожи и руки складывая в различные фигуры, делая пальцами и треугольники, и кружки, и все такое, и потом бросит в ящик монету и пойдет к следующему престолу. Движение здесь весьма большое, тем более что по соседству – зоологический сад, балаганы, панорама большая и тому подобные увеселения, где, видно, еще больше народа. В зоологический сад заходили и мы и видели там даже тигра, со скуки ужасно рыкающего. В саду из растений и трав устроены разные картинки в миньятюр; вот, например, устроен как бы дикий лес, на холмике три охотника стараются покончить с диким разъяренным тигром. И это все весьма живо и хорошо. Много тут восточной фантазии и изобретательности.

Богослужение у нас пока совершается не совсем исправно, именно в отношении устава, так как переведено только самое необходимое, да, кроме того, японцы, как не слыхавшие и не выдавшие никакого образца богослужения, еще не умеют петь хорошо и не скоро привыкают к пению, так как и вообще к этому они не совсем способны. Все-таки бдение и литургия продолжаются по два и более часов. После бдения непременно проповедует какой-либо катехизатор, а за литургией проповедует или священник, или диакон, или учитель. Преосвященный предварительно сам прочитывает и исправляет всякую проповедь. Жаль, что народ мало ходит на богослужение, особенно в праздничные дни, кроме воскресенья; но это, конечно, объясняется тем, что большинство наших христиан все небогатые

люди, а большей частью работают или торгуют от хозяина, и поэтому должны работать и в праздник, чтобы не лишиться куска хлеба. Зато у них бывают в разные дни симбокувай, или религиозные собрания, на которых решаются разные вопросы приходские, отправляется богослужение, предлагается поучение и ведется общая беседа. Таковые симбокувай, конечно, очень поддерживают и могут поддерживать приходскую жизнь, только бы они были под хорошим водительством, чтобы не обратились в пустое собрание праздных людей, а если и не праздных, то толкующих совсем не о должных и не важных предметах. Преосвященный служит обязательно всякий праздник, а проповедь предоставил японцам, только руководя ими.

На другой день после нашего приезда (третий день Рождества Христова) после литургии он захотел отслужить Господу Богу благодарственный о нашем благополучном прибытии молебен, перед которым обратился к стоявшим ученикам и ученицам и богомольцам с кратким словом и кратко познакомил их с нами – как будущими своими помощниками. Так мы совсем водворены были на новом месте. Ученицы по случаю нашего приезда испросили устроить симбокувай, на который и пригласили нас, на что, конечно, пришлось дать по 5 иен. Было приготовлено всем некоторое угощение из разных фруктов, сладостей и чаю. Сначала сказала весьма красивую речь одна из учительниц, объясняя причину сего праздничного и радостного симбокувая, а потом говорили ученицы (до 4-х), из которых одна говорила: теперь все жалуются и указывают на то, что нравственность в нашем Отечестве очень упала, что и справедливо, поднять народную жизнь может только христианство, но чтобы это было, для этого нужны деятели, а таковые вот теперь и приехали к нам. Говорили все очень бойко, по заученному, хотя местами и путались. Я, конечно, ничего еще не понимал, но наслаждался поразительной внешней гармонией, с какой по-японски говорят умеющие говорить: речь льется плавно, отдельно, как будто оратор играет на клавишах, со-

размеренных заранее, а не языком говорит косным. Просидели мы на симбокукване часа два и потом ушли, провожаемые радушием начальства и учениц школы, весьма обрадованных нашим к ним визитом. А ученики семинарии, как более бойкие, сообразили устроить по тому же поводу симбокуквай не на святках, а уже во время занятий; и вот в первый же день занятий они устроили это, и Преосвященный разошелся и разрешил, вообще не податливый на таковые манкировки школы. Ученики говорили весьма много, но совсем не хорошо, и главное – мало церковного, ближайшего к цели их семинарии духа. По японскому обыкновению, забирались зачем-то в политику и говорили о войнах и слышаниях брани, а потом переходили к нам. Но все это было как бы больше, а пожалуй и единственно, чесанием языка и выказательством перед товарищами. Один даже прочитал обращение к нам по-русски, в котором высказал, что мы, конечно, будем носителями того христианского духа, который желаем передать японцам. В заключение веселья, наконец, устроили какую-то шуточную лотерею с загадками и отгадками, а певчие пели разные церковные и японские народные песнопения. И там мы просидели часа два.

В понедельник 12/24 января изъявили желание быть у нас для знакомства и беседы катехизаторы другой токийской нашей церкви, состоящие под ведением священников П. и А. Савабе. Их шесть человек. Они усердно занимаются проповедью, одни успевая для верующих, другие – для язычников, третьи вообще в деле проповеди. По воскресеньям у них устраиваются собрания отдельных приходов в доме их катехизатора; там и устраивается симбокуквай, то есть говорильное и проповедническое собрание. Иногда собрания бывают и в других домах. Священник А. Савабе доволен своими помощниками – катехизаторами.

В праздник Крещения Господня священник Феодор Ницума совершил таинство крещение над двумя семействами из семи душ: два

мужчины, две женщины, один мальчик и две девочки. Это один полицейский; он был поставлен сторожить наш храм и здание миссии от уличных ребятишек, часто камнями бьющих стекла в окнах, а потом и сам пришел слушать проповедь о Христе и был наставлен отцом Феодором и крестился уже всем своим семейством; судьбы другого семейства крестившихся не знаю. Я был на совершении таинства (перед литургией с 8 часов). Лица у всех крестившихся взрослых были очень благоговейные. Все они вместе с восприемниками читали положенные молитвословия и слова таинства по книжкам. На литургии в первый раз епископ причастил их Святых Таин, внушительно прочитавши с ними молитву «Верую, Господи»...

Преосвященный много с нами беседовал и много времени уделял нам, обыкновенно занятый делом (он поздно ложится спать, а раньше всех встает и усиленно работает или за переводами, или за чтением книг, журналов и газет, или за чтением и писанием писем и тому подобным. У него весь день совершенно занят, и без дела по миссии он как будто и не бывает). Он много говорил о том, как нужно вести здесь дело проповеди, как следует воодушевляться и других воодушевлять на это дело, как нужно во все вникать здесь и ко всему прилагать свою руку; говорил о том, что не нужно иметь в виду никаких временных расчетов для миссии, то есть мы не для России, не для Японии пришли, а делаем дело Христово, и поэтому не нужно ничего бояться, если идем по линии. Может быть, будет война между Россией и Японией; и тогда не нужно уходить отсюда, ибо иначе все разрушат здесь. Он рассказал и свою историю – как он сделался миссионером на Дальнем Востоке. Расскажу приблизительно его словами.

«Очень жаль, что у нас не было, да и нет пока живого органа, знакомящего с делами миссионерства, так что теперь в миссию идут люди и хорошие только случайно, совершенно случайно узнав как-нибудь об этом церковном деле. У меня, например, в первый раз этот

вопрос возник совершенно мимоходом. Когда я еще был в 4-м классе семинарии, один преподаватель сказал, что его товарищ отец Аввакум едет священником при нашем консульстве в Пекин. По этому поводу у меня сразу возник вопрос: «Ах, вот еще какое место: интересно, а нельзя ли как-нибудь туда попасть, то есть в те страны?» Но это так и было позабыто, потом совсем и вопроса больше долго не возникало. Потом уже в академии, когда мы на курсе читали Обломова, у меня клубом роились мысли о том, что мы все – русские весьма склонны к этой обломовщине, и в обычной жизни из нее как будто уж и не выберешься, – так она и насыдет на тебя. Поэтому что-нибудь одно: или исполнение идеала высоты, вообще всего, что для меня представляется высоким, и в таком случае – порвать всякие связи с обычной сутолокою и бессодержательностью семейной и хозяйственной жизни или, напротив, – идти обычной колеєю семейной жизни и тогда, конечно, придется позабыть всякие идеалы. Так я тогда рассуждал. Такова моя односторонняя натура всегда была: что-нибудь одно из двух или многих вообще. Но и эти мысли тоже были, конечно, забыты, то есть исчезла рельефность их в приложении к данным обстоятельствам. Третий толчок к одному и тому же был много спустя: лежал я в больнице и читал в «Русском Вестнике» разбор книги Головина о Японии. Вот тогда-то я уже яснее задал себе вопрос: попасть бы туда как-нибудь?! Подумал, подумал, но среди обычных потом студенческих дел тоже и это позабыл. И только уже на третьем курсе был последний и решительный толчок. Я был старшим в одном из номеров младшего курса; там я и занимался. Вот однажды иду я оттуда в свой номер товарищеский, а он был соседним; а ходил я, как и теперь, как и все я вообще делаю, быстро. А тогда-то я это проделывал еще быстрее. Полы у нас натерты воском, и поэтому я для быстроты не ходил, а обыкновенно катался на подошвах по полу от номера до номера; иногда налетишь таким-то образом на кого-либо, сядешь ему на плечи, повалишь на пол, поваленный ругается, а ты се-

бе летишь дальше; только один студент был сильнее меня, и поэтому когда так-то налечу на него, то обыкновенно роли переменялись: он схватывал меня и валил на пол. И из-за стола после обеда и ужина я тоже весьма быстро уходил и потом катился в номер. Так вот и в тот раз: вкатываюсь в свой номер, наваливаюсь на стол, а на нем вижу – лежит какой-то лист. Читаю его, оказывается, это от министерства иностранных дел предложение: не желает ли кто из студентов академии ехать в Японию в Хакодате в русское консульство священником или монахом. А потом вижу имена уже трех записавшихся: Благоразумов Николай – белым священником (бывший ректор Московской Духовной семинарии, теперь московский протоиерей), и еще двое: один Горчаков (священником), а другой в каком угодно сане. Прочитал я это и опять отправился в младший номер, но уже, кажется, поскромнее, не катился, прошел; помню только, что в номере как-то не сиделось мне и делом не хотелось заниматься. Оказывается, эта бумага уже с неделю валялась в номере, а я, как редко в нем бывавший, и не знал ее. Теперь и задумался снова над вопросом о Японии и уже бесповоротно решил туда ехать, если пошлют, и ехать монахом, ибо иначе невозможно для дела. Пошел я тут же и сам подписался на том же листе, что желаю ехать в Японию монахом. На этом пока и успокоился. Итак, в тот вечер я сам по себе принадлежал уже Японии. На другой день утром я пошел к Ректору Преосвященному Нектарию и сказал ему, что желаю ехать в Японию монахом. Преосвященный Нектарий на это заметил мне: «Что ж вы непременно в Японию? мы вам и здесь можем дать хорошее дело и место; мы вас и при академии можем устроить». А я на это ему заметил, что желаю быть монахом только для миссии, а здесь не останусь в этом сане; и потом подал ему прошение о пострижении в монашество с тем, чтобы ехать в Японию. Преосвященный Нектарий доложил об этом митрополиту Григорию, а сей Святейшему Синоду. В Синоде вышло разногласие: некоторые возражали, что не совсем следует посылать в Японию моло-

дого человека, да еще только студента, еще не кончившего курса, а некоторые возражали: зачем посылать непременно монаха? Но митрополит Григорий отстоял это дело, и мое прошение удовлетворено. А пока еще в неведении этого подписавшиеся студенты и товарищи волновались и интересовались этим делом, занятые им, когда оно уже было в окончательном разрешении, и нисколько почти не думавшие о нем ранее. Все, конечно, говорили, что пошлют меня, потому что я изъявил свое желание монашества. Конечно, когда сделалось известно определение меня в Японию, поднялись разные споры и возражения по поводу принятия мною монашества. Наше время было живое: тогда в жизни поднимались разные направления; тогда поднялись разные литературные толки о том, как бы жизнь сделать лучше. И мы весьма увлекались всем этим и горячо обсуждали разные течения общественной мысли. Но все было на религиозной и церковной почве. Помню, я с наслаждением и любопытством засматривался и слушал, как мои младшие студенты читали разных Шопенгауэров и других философов и не философов отрицателей и при этом тщательно разбивали их. У нас были живые интересы к общественной жизни и не было, или мало было, отрицания. Вот и вопрос о принятии мною монашества тоже горячо обсуждался; находились и разные возражения, но все это очень мирно и благожелательно, ничего низкого и задирающего не было высказано. На прощание перед постригом я устроил обед, на котором, конечно, говорились разные речи и тосты, а один из записавшихся, но не назначенный в Японию, вероятно немного обиженный, вместо всякого тоста взял стакан и разбил его об пол в знак благожелания; но студенты не одобрили этой его выходки: вся посуда была взята напрокат, а расплачиваться-то ведь не особенно есть из чего.

Во время разных толков и споров по поводу моего монашества, я спросил об этом же одного из товарищей (он ярославец, его я уважал за его спокойствие, уравновешенность; он очень редко говорил

сам, но его все уважали). На мой вопрос он ответил: «Я думаю, что Вы скоро возвратитесь из Японии в Россию». И вот такие возражатели были и не прикровенно говорили, что я через Японию надеюсь пройти скорее к архиерейству и тому подобное. Конечно, меня это не мало обижало, но все-таки, в конце концов, все у нас кончилось мирно и благожелательно. Сразу после пострига известно, какое высокое настроение бывает. И вот тут-то в мою келию вдруг ввалила толпа певчих-студентов, и они запели совсем неожиданно для меня песенку: «Сяду я за стол да подумаю». Вот разбойники! Потом скоро меня поставили во иеродиакона и иеромонаха. Я пришел к Преосвященному Нектарию, а он вдруг мне говорит, против обыкновения, так строго и грубо: «Ну вот что: Вам теперь в академии нечего делать, Вам она не нужна; собирайтесь в 24 часа и уезжайте, я с Вами больше никаких дел не имею». Я, вообще, никогда не был таким, чтобы от подобного случая опустить голову и разнюниться, а тут все-таки невольно задумался над причиной такого приема, но спокойно и не трусливо. Конечно, я поспешил собраться и пришел к Преосвященному Нектарию прощаться. Он мне сказал: «Вы человек молодой, жизнь перед Вами еще впереди: поэтому держите свой язык за зубами». Я, конечно, был этим еще более озадачен и отчасти обижен, почему тотчас же просил его объяснить, в чем дело. «Вы там везде ходите и говорите, что в академии учиться не стоит, что там ничего хорошего нет, что нужно ехать за границу и вот поэтому-то вы теперь и едете в Японию». Это меня ужасно возмутило, и я взволнованным голосом прямо сказал Преосвященному: «В глаза назовите лжецом и мошенником того человека, который сказал Вам подобную вещь. Я никогда не был неблагодарным ни к семинарии, ни тем более к академии, никогда неблагодарным и не намерен быть, да и вообще я никогда и ни к кому, кажется, не бываю ничем неблагодарным, непризнательным, невежливым. Я самые отрадные воспоминания, исполненные благодарности, выношу из академии и поэтому

снова скажу, что не честный человек тот, кто сказал подобную клевету на меня». Преосвященный, должно быть, понял, что я искренно и справедливо говорю, и, больше об этом не говоря ничего, отпустил меня ласково и благожелательно, мирно. Это было последнее, что я пережил обидного по поводу своего монашества в академии. А, оказывается, что это взято было вот от чего: один из собиравшихся ехать в Японию действительно говорил то, что сказано сейчас про меня, а потом все это по поводу как бы сбывшегося слова его на мне перенесли с него на меня, но сам-то он это говорил лично от себя и про себя. Вот как совершенно случайно я сделался проповедником христианства в Японии. Потому непременно нужно, чтобы у нас в Синоде было какое-нибудь учреждение, которое бы ведало миссиями и знакомило бы общество с ними, чтобы в программы семинарские был внесен вопрос о миссиях».

Мы ему возражали: в программах, действительно, и есть этот вопрос, но это не приносило никакой пользы, так как сам руководитель-учитель не интересуется этим делом или даже хуже того. А намечаемое учреждение может легко из живого органа обратиться в канцелярию со множеством инспекторов, подынспекторов, помощников и тому подобное, без живого руководства делом. Но Преосвященный настаивал на своем, хотя уже и не так сильно. Вот как он рассказывал о своем поступлении в Японскую Церковь. Вот какая односторонность создала такую односторонность, как двадцатипятилетняя Японская Церковь, из ничего благодатию Божией возрожденная руками только одного этого одностороннего человека. Дай Бог и пошли нам побольше таких-то односторонних людей, так как мы-то, большей частью, уже очень разносторонни.

Недавно в одной японской газете (на английском языке) я прочитал следующую весьма характерную заметку о сущности современного протестантства, столь проповедуемого в Японии. «В статье, озаглавленной «Наше отношение к ортодоксальному христианству»

Сюкёо (англиканская газета) указывает следующие главные положения: одна из причин застоя в христианской Церкви, так очевидно возрастающая, есть дух компромисса, какой укоренился среди нас... Можно легко перечислить пункты, в которых мы как борцы причины свободного христианства отличаемся от Ортодоксии (он разумеет ортодоксальное направление в протестантстве, католичество и православие). Вообще говоря, это относится 1) к характеру Библии, 2) природе Христа и 3) предмету первородного греха. Мы не думаем, что Библия есть некоторое совершенное средство. Мы не веруем в Божество Христа и не смотрим на человеческие расы как происшедшие от действия греха Адама и Евы. За нами вершительный апелляционный суд для заключения всего религиозного спора, что нет ни Библии, ни Церкви, ни предания, а есть разум каждого христианина. Следовательно, не есть христианство, чтобы под некоторыми обязательствами сохранять церемонии или формы действий, которые для той или другой отдельной совести кажутся или противными (с возражением), или необходимыми. Между тем мы веруем в бытие Бога и во все, что под этим подразумевается. Мы содержим в высоком уважении и слова и характер Христа. Мы усердно защищаем Его учение о всеобщей любви и веруем, что совсем возможное дело и для мужчин и для женщин быть так усовершенными, чтобы сделаться богоподобными. Поэтому мы полагаем, что имеем всякое право быть зачисленными среди учеников Христа» (The Japan Mail, Friday, January 21, 1898. Отдел: «Monthly summary of the religions press»). Эта цитата сама за себя говорит: протестанты, очевидно, проповедуют неверие во Христа как Сына Божия. Они скажут, что это говорят конгрегационалисты. Но у них этого строгого различия нет: во главе всех англиканских миссий в Китае стоит Тэйлор – методист или даже конгрегационалист, этого не знал и сам прист, состоящий под его ведением; этот же прист на пароходе, совершая мессу, приобщил и Тэйлора и его помощниц – миссионеров, тоже каких-то сектанток¹². Поэтому

едва ли нужно и различать у них учение той и другой стороны. Поэтому и приведенное – явное и последнее выражение упования англиканской Церкви. А на практике они действительно это и проповедают: они вывешивают у храмов своих здесь тему и пункты всякой проповеди, в которых почти и не видно намека на их упование в Божество Иисуса Христа; напротив, они говорят «о Христе историческом, о Христе как праведнике» и тому подобное. И что это творится на белом свете именем Христовым?! Вот эти самые еретики Его же именем провозвещают неверие в Него – истинного Сына Божия. И они в этом являют такую ревность, что как бы все оставляют, предаваясь только этому делу. По всему видно, что это явное исполнение слов Христа Самого: «придут человецы, которые Моим именем назовутся, и сотворят знамения великие на земле, чтобы прельстить и избранных, если возможно». Это воистину антихристианское направление под именем Христовым. И все это благодаря нашей беспечности: во время крепкого сна нас православных приходят всякие злодеи и портят ниву Христову всякими плевелами. А мы с настоящею истиною Христовою, с истинным светом, с действительно сильною и спасительною благодатью сидим, скрывши сии дары в землю, боясь, как бы ее не осквернить прикосновением к постороннему или не растратить как-нибудь. И враги-то или, лучше сказать – сопротивники-то у нас, как видно, не сильные и неосновательные, а мы ничего не можем с ними поделать, ибо спим и ленимся.

14/26 января Преосвященный получил письмо из Киото от священника Симеона Мия и, восторгнувшись сообщаемым в нем, поспешил принести нам на прочтение. Отец Симеон описывает, как они отправили праздник Рождества Христова, какие новые члены прибавились к этому празднику, перебравшиеся из других мест, а потом сообщает о крещении двух семейств. Это пока все еще не важные в общественном отношении люди: больше все мастеровые. А вот теперь, говорит отец Симеон, слушает проповедь о православии один пре-

подаватель гимназии, весьма важный и известный в городе человек; отец Симеон надеется, что его обращение может много принести пользы в деле обращения и других. Действительно, пока теперь наши христиане все больше из бедного и не важного класса общества, поэтому редко православие принимают более видные японцы: это-де вера, очевидно, людей необразованных, простых; да и на Россию японцы пока привыкли смотреть как на страну малопросвещенную. Поэтому-то они больше и рвутся все к англиканству, как к религии образованной народности. Конечно, в этом толку-то пока мало может быть: ведь цивилизация Европейская совсем не признак христианства, а скорее напротив, да и плохие были бы христиане, которые принимали бы православие только по этому основанию; да ведь и первые христиане начала христианства вообще были простые рыбаки и их последователи – бедный, рабочий класс, но они-то и победили весь мир силою Христовою. Но все-таки сообщение отца Симеона немного утешительно и возбуждает дух некоторыми надеждами. А как случай еще нового обращения к православию это нас с отцом Симеоном весьма порадовало и подбавило энергии.

26 января/7 февраля Преосвященный нам рассказывал о некоем Данииле. Он сначала был протестант, а потом перешел в православие и сделался весьма ревностным благотворителем. В последнее время (около года) он ухаживает за сиротами погибших от наводнения на восточном берегу Японии. Он съездил туда, забрал всех сирот, привез в Токио и сказал Преосвященному о своем намерении воспитывать их. Оказывается, он действительно ухаживает за ними: содержит их на свои средства, отдает в школу; а чтобы содержать их, он купил лошадь и занимается извозом; и ребят он заставляет и приучает готовить разные мелкие угощения на продажу, что они же сами и продают и, таким образом, сами уже приучаются зарабатывать себе хлеб. Он попросил крестить их, и теперь они уже крещены и всякий праздник ходят в церковь к нам, после чего им Преосвященный

устраивает обед вместе с учениками. Но однажды Даниил не предупредил нашего повара, почему ребята должны были голодные идти домой. Об этом и написал в нашем журнале весьма жалобную статью Петр Ивасава; и вот это послужило к тому, что о Данииле и его деле узнали многие и стали приносить большие пожертвования, даже до 150 иен. А что Даниил хорошо воспитывает ребят, об этом говорит следующее. Однажды учитель в школе, конечно язычник, стал говорить против христианства, что его-де принимать не следует, так как оно запрещает почитать императоров; на это встал и смело возразил один живой воспитанник Даниила и сказал, что это неправда, так как и так далее. Учитель за это его только отколотил, так что ребята пришли к Даниилу со слезами и с жалобой. А Даниил им говорил: что же, вы христиане, вот и хорошо потерпеть за Христа, не обижаясь. И так им об этом наговорил, что ребята весьма умилились и действительно прониклись этим настроением. В школе учитель в разговоре как-то и говорит им, что они, вероятно, сердятся. А ребята отвечали: нет, не сердимся, нам Христос не велел сердиться, такова наша вера и тому подобное. Все это, конечно, весьма подействовало на всех учеников и на самих учителей, так что последние приходили к самому Даниилу просить у него извинения. Вот это – самая христианская проповедь о Христе – нравами, жизнью христиан привлекать к христианству. Конечно, хорошо бы это дело обратить в настоящий приют, но Преосвященный ждет, чтобы хорошо испытать надежность Даниила, ибо ведь можно только испортить и его самого, подавши повод успокоиться, и самое дело чрез то.

А вот и еще подобное. В одном из северных городов Японии недавно умер подобный деятель. Он прежде был в партии соси, которые разными скандалами производят общественный беспорядок, чтобы уничтожить всякое посягательство на императорскую власть; хорошо я не представляю себе эту партию, знаю только, что это весьма отчаянные люди. Вот этот как-то узнал о христианстве и, выслу-

шавши его, был крещен православным; после крещения он совершенно переменил образ жизни и весь отдался благотворительности; он сделался разнощиком товаров и выручаемые от этого деньги употреблял на бедных. Однажды он зашел в мастерскую одного плотника; оказалось, что плотник умер и жена с детьми плачут, так как остались совершенными нищими, без куска хлеба, и даже не на что похоронить мертвого. Тогда он оставил свою работу, пошел сам выкопал могилу, на 1 иену купил гроб и похоронил мертвого плотника язычника, а сирот с матерью на свой счет отправил в дом своих родителей на призрение. И много-много подобного о нем рассказывал бывший у Преосвященного катехизатор с севера. Но недавно он умер, заболевши тифом. Дай Бог, чтобы у нас побольше появлялось таких тружеников на пользу нуждающихся, действующих не из желания блеснуть своею благотворительностью, а исключительно из доброго несебялюбивого сердца.

30 января/11 февраля. Преосвященный высказывал свои соображения о том, где нам потом жить, чтобы все дело держать в своих руках. А на японцев в этом отношении не всегда приходится полагаться. Вот, например, он что рассказал. В Хакодате священник Петр Ямура. Год тому назад явились представители от Хакодатской церкви с заявлением, что они намереваются отправиться на Сахалин на рыбные промыслы, для чего и просили у Преосвященного какого-либо письма или вообще бумаги, так как они обещают, в случае хорошего улова, третью часть доходов давать на Церковь, так что эта ловля будет отчасти церковною. Преосвященный говорит, что не поверил этим обещаниям, так как вообще редко бывает, чтобы японец с деньгами в руках не обманул; на промысел, конечно, благословил, так как отчего же не получать пользы и нашим христианам, если язычники наживаются на этом миллионы; но письмо или бумагу отказался дать, а обещал дать только удостоверение, что отправляющиеся – православные христиане, чтобы они могли обратиться к русскому священ-

нику. Но представители заговорили, чтобы с ними отпустить и хакодатского священника, так как на Сахалине ведь очень много наших православных японцев, чтобы их священник мог повидать и прочее. А им, конечно, отец Петр нужен для разговоров с русскими как умеющий говорить по-русски. Преосвященный согласился отпустить его, если вся Хакодатская церковь на это будет согласна. Согласие хакодатцев скоро было представлено, а потому Преосвященный послал отцу Петру наставление о том, что он должен посетить разбросанных на Сахалине православных японцев, преподать им христианское утешение, крестить, если нужно, напутствовать и все прочее. Отец Петр, действительно, видел там многих христиан.

Хакодатцам дали самые богатые рыбные промыслы: они написали губернатору, что пришли ловить рыбу, чтобы третью часть доходов отдавать в Токио в миссию, на распространение христианства в Японии, что они на это получили благословение и от епископа. Губернатор дал им такие даже места, которые никому не отдаются кроме русских, живущих по речке, так что они могут запереть проход рыбы вверх своими сетями. Но им показалось этого мало. Двое из них, подговоривши в компанию и отца Петра, приобрели тайно от других хакодатцев некоторые рыбные промыслы только лично на себя. Конечно, когда это пронюхали остальные японцы, то заявили недовольство. И когда отец Петр уже возвратился в Хакодате, вдруг от хакодатцев приходит просьба, чтобы его от них убрать, так как он нечестный и прочее. Преосвященный и попросил для умиротворения съездить туда отца Павла Савабе. Но сей не только не умиротворил, а еще более рассорил, и совсем неожиданно – по своему горячему характеру. Он только одного добился, чтобы хакодатцы потерпели отца Петра до собора, то есть до конца июня, а потом дело изменится; да теперь-де вот едут два миссионера из России, из которых одного епископ и пошлет в Хакодате вместо отца Петра. Но Преосвященный говорит, что не слишком ли много, чтобы для Хакодате

только нарочно выписывать из России священника, так как миссионеры из России приезжают для всей Японии, и что вообще у него для миссионеров есть другие дела и планы относительно всего дела миссии.

Вот теперь, так или иначе, нужно убирать отца Петра, а сей прислал даже прошение совсем его на покой; его все остальные прихожане любят, а невзлюбили только хакодатцы, и именно вот за этот его поступок. Но кого же туда, так как вообще кандидатов на священство у нас мало, ибо непременно требуется предварительное прохождение всех степеней священства и 30 лет отроду? В Осака священником отцом Сергием Судзуки тоже недовольны: он какой-то нерасторопный, неэнергичный, так что теперь там христиане от церкви отвыкают и просят дать им другого священника. Преосвященный и хочет прямо об этом сказать отцу Сергию, и чтобы он просился в Хакодате, но так, чтобы те не знали о недовольстве на него в Осака; хакодатцы его, вероятно, пожелают, а он, может быть, там и приживется, так как и сам хакодатец, и, может быть, делом займется, а уж на рыбные-то промыслы не пойдет, так как он вообще-то какой-то ребенок, невинный. А в Хакодате такое недовольство, что перестают ходить в церковь и на исповедь. А относительно Осака Преосвященный предполагает так, что к лету я буду по-японски уже говорить и тогда могу оставаться в Осака, а на подмогу в необходимом случае можно послать священника временно. Дай Бог, конечно, мне поскорее научиться по-японски разговаривать, только нет уверенности в этом, хоть я уже вот месяц и даже более занимаюсь по целым дням, не сходя со стула. Главная беда в том, что учитель мой диакон Стефан Кугимия неопытен в сем новом для него деле; он вообразил, что мне нужно проповеди говорить, и вот начал сообщать самые мудреные слова книжные, тем более что он сам все время сидит на японских газетах; и получилось, что я заучил до 900 японских слов, а разговаривать и слушать разговоры не могу, ибо слова не разговорные. Теперь

я купил начальные японские книжки для детей и по ним читаю, чтобы естественным порядком усвоить постепенно самые обыкновенные слова и настоящий японский строй речи; а кроме того вечером (утром с Кугимией от 8 до 12 часов), от 4–6 часов, я занимаюсь с Петром Исикаме, учившимся в Московской Духовной академии; с ним я читаю рассказ на разговорном языке, и вообще с обоими стараюсь побольше говорить. Для разговоров ко мне приходят иногда катехизаторы и ученики, да и сам я теперь думаю похаживать к священникам, ибо так-то постепенно и научусь говорить.

Преосвященный рассказывал еще один весьма печальный случай в подтверждение того, что опасно пока полагаться на японца. Американское миссионерское общество основало в Киото университет Досися, конечно с господствующим христианским направлением и вообще с целями христианского просвещения. Но вот недавно профессора совсем забыли эти цели и дух и стали проповедовать или неверие, или буддизм; а однажды кто-то из начальства повел учеников в тера (буддийский храм) или в мия (синтоистический) и там сначала сам, а потом и ученики проделали все религиозные обряды буддийские. Американцы, конечно, узнали все это, ректора сменили и поставили другого, но студенты открыли бунт и разнесли ректорские квартиры до основания. Американцы назначили ревизию и прямо поставили вопрос, что университет устроен с христианскими целями и поэтому не может быть в нем проповеди буддийской и тому подобное. А японцы на это отвечали: если не хотите, так уходите, мы в вас не нуждаемся.

А университет построен совершенно на американские средства, и земля куплена американцами, но по закону иностранцы не могут приобретать земли, поэтому такие купли совершаются на имя кого-либо из японцев. Но они вот какую пакость могут устроить. Американцы, конечно, подняли дело, и хоть с великим трудом, но, кажется, добились, что им выдадут какие-то деньги. А оставить свой уни-

верситет все-таки должны были совсем. И у нас ведь все земли в Токио приобретены на имя священника Павла Сато; он человек добрый и честный, так что на него, кажется, можно положиться. Да и вообще, мне думается, у нас подобных историй не может быть: у нас нет ничего завлекающего в православие, как это имеется у англикан; нередко японцев в протестантстве может прельщать или то, что англиканство есть вера просвещенной, культурной и промышленной нации, или многочисленность благотворительных и учебных заведений, на которые здесь иностранцы не жалеют денег. А к нам идут действительно верующие в православие и ни на что кроме этого не могущие рассчитывать, ибо у нас средств почти никаких нет сравнительно с иностранцами. Поэтому, слава Богу, у нас еще не бывало, чтобы была где-либо церковь и ее не стало, так как она забыла христианство и обратилась к буддизму; у нас этого нет, хотя и деятелей мало: на 25 тысяч всего 24 священника и около 150 катехизаторов. Православие держится бытом и зачинается не на увлечении, а на серьезном знакомстве с истиной. Поэтому мы не боимся, когда рядом с нашим миссионером поселяется миссионер католик или англиканин, ибо тогда еще лучшее сравнение для серьезно принимающих христианство, а ведь легкомыслия в этом деле не должно быть. Конечно, у нас мало таких знатных особ, как у англикан, например, но это и лучше: постоянная история истинного христианства ведь такова и была, но оно-то и превозмогало всякую видимую силу или господство человеческой воли.

На неделю о блудном сыне, февраль 1/13, я служил в первый раз по-японски всенощное бдение, конечно написавши все русскими буквами, но слова-то все почти хорошо уже знакомы. Говорят, порядочно на первый раз. Несколько потрусил, но все-таки возгласы, произносимые лицом к народу, я говорил на память. Господи, благослови! А литургию я служу с самого начала, произнося на соборном богослужении только три возгласа.

С февраля 1/13 на 2/14 день как раз в 12 часов ночи, когда я только что заснул самым первым сном, так как лег уже около 11 с половиной часов, вдруг моментально просыпаюсь, так как слышу ужасный стук и грохот: двери трясутся, умывальник как будто хочет выскочить и все такое. Сначала, конечно, я подумал, что кто-нибудь стучится ко мне в комнату, но скоро увидел, что не стучат, а предметы как бы сами стучат. Моментально я сообразил, что это землетрясение. Для меня оно, как новичка, конечно, показалось очень страшным, и я невольно моментально всего себя увидел как на блюдечке за всю свою жизнь и потом лежал сравнительно душевно спокойно, хотя сердце и трепетало, как бы готовое вылететь из груди. Через минуту, пожалуй и больше, все стихло, и я поспешил посмотреть в окно – не случилось ли какой беды, но, кажется, все было тихо, только сторож со стукалкой проходил под окном, как бы успокаивая своим присутствием. Преосвященный, да и другие здешние говорят, что это было сравнительно сильное землетрясение, хотя, слава Богу, никакой беды не случилось, кажется, во всем городе. И, действительно, грохотало все очень сильно. Да, действительно, только по милости Божией мы существуем на этом сплошном вулкане, каковые все японские острова. Сегодня бывшие здесь матросы с русского парохода «Воронеж» Добровольного флота говорили, что между Нагасаки и Йокохамой они видели в море небольшой, но высокий остров, который горел; это, очевидно, действующий вулкан; недавно на юго-западе между Осака и Киото было в трех местах землетрясение, но не сильнее. Но сегодняшнее землетрясение удивительно: теперь у нас лежит снег и весьма холодно, весьма похоже на русскую зиму, и, однако, внизу, очевидно, все разгорячилось.

5/17 февраля вечером часов в 7 или более к Преосвященному приходила одна наша христианка София с Йокохамским жителем, каким-то важным чиновником генерального штаба Империи. Но епископ, занятый в настоящее время массой дела, направил их к от-

цу Сергию. Этот японец очень образованный, прекрасно говорит по-английски, по-немецки и, вероятно, по-французски, знает отчасти и русский и греческий языки. Он приходил вопрошать о вере; говорил, что в душе у него есть мысль о необходимости быть верующим христианином и что все лучшие люди Японии уже христиане, да вот сердце-то не соглашается, веры нет во все это невидимое. Отец А. С. говорил ему о том, чтобы он обратил внимание на смысл жизни с верой в Бога и без веры в Него. А я после советовал отцу Сергию сказать ему, что христианство доказано самою жизнью, у нас есть целый сонм святых, которые верою победили все враждебное ей и достигли вечного царствия, еще здесь живя в нем; что у нас истинные христиане живут действительно духом Христовым. Японец долго просидел у отца А. С. и обещал часто приходиться на беседу об этих вопросах. Дай Бог, чтобы семя попало на добрую почву. Кстати, муж этой Софии – доктор и теперь пионерствует в Австралии, не теряя попусту время, но стараясь сколько можно узнать сокровища подчиненного нам мира и воспользоваться ими. И таких предпринимателей у японцев очень много. Потому у них культура и выше гораздо нашей, что у них никто не дремлет над делом, если нужно делать дело. Японец, состоя где-либо в услужении или на работе, непременно выговаривает себе какое-либо время только для себя; и вот в это время он чему-либо непременно учится: или ходит в школу, или ремеслу какому-либо учится и тому подобное. Поэтому у них общественное сознание развитее, у них интереса к общему, к тому, что делается кругом или по соседству, больше, чем у нас в России, где большею частью мало кому есть дело до народной или общечеловеческой и вообще общей всех жизни: если я свое дело на безбедный или даже богатый кусок хлеба сделал, то и ладно – можно быть покойным, не пускаться в какие-либо предприятия, – так у нас большею частью думают. Поэтому-то Сибирь для нас стала своею почти одновременно с Америкой для англичан, а между тем мы ее сейчас только заметили,

хотя еще пока мало о ней думали, и даже переселенческий вопрос туда есть пока чистейшая наша беда. Эта София очень усердная христианка: она теперь учится английскому языку, чтобы ехать к мужу. Англичанин, не зная, что она христианка, стал убеждать ее перейти в христианство и долго говорил ей об этом. Но однажды он заметил ее молящуюся в нашем храме и, узнавши, весьма косо стал на нее смотреть, а о христианстве уже перестал и говорить. Это она сама потом со смехом передавала.

8/20 февраля. Христиане нашей церкви представлялись нам после обедни и звали к себе; с завтра мы в сопровождении старшин¹³ пойдем посмотреть, как живут наши христиане, а если нужно, то и посоветовать что-либо.

После обеда мы ездили к тому самому Даниилу, который воспитывает сирот детей. Их у него 24, из них 12 ходят в школу. Один есть еще такой, что слабо умеет ходить; его Даниил вытащил из песка после той пагубной морской волны. Есть еще одна больная женщина; у нее руки начинают немного действовать, а ноги еще нет, – это тоже после волны. Ребята благовоспитанные, почтительные, у нас все тотчас же благословение принимали и говорили свои имена. Даниила и старушку, за ними ухаживающих, называют отцом и матерью. Утром, перед обедом и вечером бывает общая молитва, на которой Даниил им говорит простую какую-нибудь краткую беседу о христианском благоповедении и тому подобное, говорит также иногда и во время детского обеда. Во время молитвы дети поют разные песнопения. Ради нас Даниил устроил молитву; дети хорошо пропели «Отче наш» и даже наизусть все, а потом в виде прибавления «Благослови, душе моя, Господа». После молитвы отец Сергей спросил детей: молитесь ли за отца-то своего? Дети сказали утвердительно. А Даниил им: «Тут не я, а Бог, нам все подающий, помогает; вот и теперь наши гости помогли (а мы действительно дали им несколько иен)»; и он много и просто говорил им об этом, а потом призвал к молитве о епископе и

о нас, чтобы все наши благие желания Бог совершил. Немного только по-протестантски ведет он себя на молитве; ляжет на пол в виде поклона, да так и остается долго-долго; это некоторая искусственная сентиментальность; в разговоре у него заметно немного хвастовства; избави его Бог от увлечения собою. Хорошо бы его держать в ближайшем руководстве и под постоянным наблюдением. Есть один мальчик лет 13, самый старший, а выглядит самым маленьким: весьма убогий, больной и глупенький, не говорит; это какой-то кусок гнилого мяса. Жалко на него смотреть.

Февраля 9/21 мы действительно ходили к христианам квартала Канда. Слава Богу, у нас есть очень добрые христиане. Есть одна старая старушка; сын у нее недавно умер, и вот теперь при ней живут после него жена и мальчик с девочкой – сироты; старушка бедная, зарабатывает себе с семейством маленький кусок тем, что клеит бумажные фонари, которым, вероятно, грош цена, если весьма дешево здесь прекрасные художественные японские изделия. Но старушка весьма уповает на Бога и молится Ему о спасении своей души, учит и детей молиться Ему. Девочка ходила в школу, но после смерти отца перестала, так как средств нет.

Ребята очень хорошие, благоговейные, особенно девочка. Мать ушла куда-то на заработок – мы ее не видали. Или вот другое семейство: очень набожная старушка и со средствами, так как сын ее, тоже христианин, живет в Америке; у нее есть другой сын, но когда она принимала христианство, то он был где-то отдельно от нее, почему христианство и не принял вместе и до сих пор остается язычником. Женат он на христианке, которую мы и видели тут же, но дети язычники; однако мать с бабушкой всячески, очевидно, поучают их вере Христовой, ибо мальчики многое знают о Боге, о Святой Троице, и на наш вопрос, желают ли быть христианами, смело отвечали, что желают. Очень хорошие, благовоспитанные ребята; лица у них добрые, дай Бог, чтобы и у остальных детей наших христиан были такие

же дети. Мы учили их молиться, чтобы Бог сделал их всех с отцом христианами, и ребята подтвердили.

В одном месте содержат довольно обширную лавочку муж с женой; они еще совсем молодые, и только год назад, как христиане. С большим умилением, а жена почти со слезами, выслушали слова отца Сергия и ходившего с нами диакона Стефана Кугимия о том, чтобы молитвой и памятованием о Боге поддерживать в себе высокое настроение, которое падает, как гаснет лампа, если в нее не подливать керосину, или как тело наше без пищи ослабевает, так постепенно ослабевает и наш дух без молитвы и благодати Божией, которая есть пища нашего духа. Мы, должно быть, домов восемь или больше обошли сегодня. Везде радушно принимали нас и с сердечным вниманием выслушивали всякое слово отца Сергия (я еще не говорил, а только слушал; иное понимал в разговоре). Во всяком доме в почетном углу непременно иконы, иногда их очень много; только нигде не видно лампадки; это Преосвященный объясняет своей оплошностью: вначале не завел, потом уж так и не пошло. Отец Сергий, указывая на греческий и русский обычай непременно исповедаться и причаститься перед Пасхой, всех призывал к тому же, прибавляя при этом, чтобы и вообще почаще ходили в церковь и крепко держали христианские нравы, ибо христиане должны быть как бы светочами постоянными, чтобы все, видя их, прославляли Бога. Двое из христианских старост (они выбираются из среды христиан для ближайшего сношения с епископом по общим делам, для руководства и наблюдения над верующими и тому подобное) Хирано и Канда, очень добрые христиане, усердно ходили с нами по домам христиан и внимательно слушали все говоримое. Сегодня мы ходили от 1 часа дня до 3 с половиной часов и от 5 часов до 7 с лишком часов вечера.

Говорят, сегодня утром часов около семи было небольшое землетрясение, но я совершенно не заметил, хотя встал с 6 часов по обыкновению.

Февраля 11/23, 12/24, 13/25 мы тоже ходили к христианам. Самое главное следующее. По нашему наблюдению, все старинные христиане крепко держатся и свято соблюдают церковное учение, обряды и правила; а новые этого нередко не проявляют, а некоторые и совсем кое-чего не понимают. Например, некоторые перекреститься, принять благословение не умеют, в церковь редко ходят, некоторые не причащаются. Это потому, как оказывается, что отец Павел Сато, – их пастырь, – мало знает их и редко посещает после крещения, почему они и остаются вне всякого руководства. На это жалуются и христианские старосты (гийю). У некоторых дети, по необходимости, ходят в протестантские школы, и даже по воскресеньям; мы советовали посылать их по воскресеньям в миссию в воскресную школу.

Под впечатлением всего этого я толковал своему учителю Исикаме (академик, преподаватель семинарии), что они, академики, должны быть здесь светочами для своих братьев и принимать самое сердечное и живое участие во всех проповеднических делах миссии. Он мне глубоко признался, что действительно среди них мало идеализма. Я объяснил ему, что это, конечно, состояние теплостыдности, а для таких людей известно, что будет: имам ты изbleвати, скажет Господь. Исикаме говорит, что прежде они, по почину епископа, в городе начинали проповедь, но она скоро прекратилась, так как мало было слушателей. Я сказал, что, вероятно, проповеди были не изложением христианского учения, а какими-нибудь учеными трактатами о трудных и никому не интересных предметах, потому и слушатели сократились, а вы, вместо того чтобы сделать интересною свою проповедь, бросили все. Он согласился. Он советовал мне поговорить еще с академиками обо всем этом. А я советовал ему, а в лице его и каждому из них, между собой посердечнее да поискреннее иногда поднимать такие вопросы для разговоров между уроками вместо курения табаку, а стыдиться нечего: это и будет самый первый шаг искренней

веры во Христа. Дай Бог начаться среди них некоторому оживлению и искренности.

Одна христианка-старушка с молодой дочерью ухаживает за больными, как сестры милосердия; здесь есть такое общество из христианок разных исповеданий. Видно, что Евангелие для нее настольная книга: она подала его нам все довольно поизношенное. Очень скромно рассуждает о всем и очень внимательно выслушивает. После одного сравнительно молодого катехизатора, умершего года два назад, осталась жена и двое малых детей. Жена очень религиозная и добрая христианка, и весьма серьезно помогала своему мужу, который был ревностным катехизатором и даже на церковь, при своей бедности, давал всех больше. Маленькая дочь теперь говорит: я буду катехизатором. Очевидно, мать поддерживает своих детей в добрых нравах и мыслях. В доме одного старосты все устроено весьма благочестиво: перед иконой аналойчик, на котором разные японские молитвенные книжки, и, конечно, молитвослов, совершенно истертый от употребления. Это очень ревностный христианин. Но есть и такие, что в церковь совсем почти не ходят; некоторые не причащаются, некоторые будто бы и совсем уже прервали почти связи с церковью. А корень, конечно, в том, что их после оглашения перед крещением редко хорошо знают после крещения, мало посещают и назидают. Если в России именно поэтому падает религиозный дух, хотя там уже есть некоторый церковный быт, так что все-таки люди живут среди церковной обстановки, то тем больших плохих результатов от этого небрежения пастыря нужно ждать здесь, где христианство только начинается, быта еще христианского вовсе нет или же самый разнородный (православие, католичество, протестантство), да и окружает-то христиан среда языческая – буддийская и синтоистическая, – господствующая пока по численности. Надо говорить, да и говорить без конца и всему с корней учить наших христиан, чтобы действительно среди окружающего мрака неведения истинного Бога

они стояли как светильники на свещнице. Худо будет, если мы, занятые расширением своей Церкви, допустим подгнуть корням нашего молодого дерева: тогда уж лесу и не жди, все будет испорчено.

15/27 февраля в Прощеное воскресенье, ходя по домам христиан, мы нашли три ослабевших семейства. Один прямо признался, что ослабел духом. Отец С. толковал ему о молитве, об исполнении христианских обязанностей, о Святом Причащении и тому подобном. Христианин этот прямо сказал, что он и не знал этого и что он отныне это постарается делать. У него жена и мальчик сын. Он делает курума (тележки для дзинрикия). Лицо его выглядит добрым и искренним, и говорит он о своих недостатках искренно и со скорбью, узнавши, в чем дело. Другой христианин Захария Нецука живет с женой и четырьмя детьми, из которых уже двое не крещенных, – один семи, а другой четырех лет. Сами они в церковь не ходят, давно не причащались, а ребят не крестили только потому, что все некогда, да не соберутся, так как бедность заставляет-де работать непрестанно (живут действительно бедно). Отец С. и им толковал о том же, убеждал воспрянуть духом и помаленьку делать все христианское: совершать домашнюю, хоть краткую, молитву сообща и с детьми, детей крестить, ибо могут ведь и умереть не крещенные; благодать Божия для нашей души то же, что пища для тела; хоть попеременно в церковь ходить. Захария стыдливо все это выслушал, не поднимая и головы, а жена отнеслась к этому несколько хладнокровнее. Икона, как и у прежнего, у них есть, и молитву они будто бы совершают. В третьем доме – портной с матерью старушкой, трое детей, из которых тоже один не крещен. Беседу отца С. он с таким вниманием (а также и старушка) выслушал, что позабыл даже и чаем угостить, который при нас же и для нас заварил. Икона есть.

В одном доме очень бедного семейства мы заметили весьма много благочестия, они крещение приняли совсем еще недавно, годов шесть назад; детей, кажется, семь человек. И все члены семьи такие

благонравные, набожные, скромные, внимательно слушали и расспрашивали о религиозном; на стене весьма много икон, а молитвослов свой он показал весь изношенный от употребления, очевидно, весьма и весьма частого. Одна вдова, очень хорошая христианка, занимается шитьем и между делом назидает в христианстве своих портних язычниц. Одна, кажется, хочет быть христианкой. Подобною же проповедью занимается и староста нашего собора Петр Исивара, приготавливающий печенье японское. Уже двое у него также обращенных в христианство, и теперь один слушает. Слава Богу, дело стоит довольно хорошо, а упадок духа у некоторых зависит от временного небрежения нашего, а между тем религиозное чувство, совесть у них сильно пробуждаются и говорят за себя, если с ними об этом побеседовать. Очевидно, положено прочное основание; беда только, что потом никто не постарался воздвигнуть ничего доброго на этом основании. Справедливо потому, что Петр Исикава в своем журнале уподобляет наших миссионеров уткам, которые, наклеивши яиц, потом их не знают. Конечно, это небрежение может привести и к еще худшим последствиям. Одна христианка теперь даже не знает и в торговле с православными и жертвует на идола. Муж ее все-таки был еще верующим, но она его похоронила по-буддийски и детей последних уже не крестила. Но и в этом все-таки оказывается воздействие истинного учения Христова: обыкновенный теплохладный спокойно отстал бы от христианства, а она с остервенением отворачивается от всего, с чем прежде имела дело. Очевидно, она все-таки искренняя последовательница Будды, а вместе с тем и Христос смущает ее совесть; в результате – борьба.

Февраля 21/марта 5 прочитали в газете «Дальний Восток» из Владивостока от 30 января о том, что война с японцами непременно будет, ибо японцы теперь ведут энергичные приготовления, их флот уже теперь сильнее флота любой державы, да они еще его увеличивают; но так как они все-таки пока еще не владеют всеми средствами

для войны, то подождут, а потом года через два, до окончания нашей Сибирской железной дороги, выступят на Россию. Теперь-то японцы действительно ведут деятельные военные приготовления, но что из этого выйдет? Народ все-таки бедный; уже теперь, когда за один год все вздорожало малость, все ноют над этим, что трудно жить, а что будет дальше-то? Мне думается, что через два года вообще охладет военный пыл у горячих японцев и они увидят, что хотя у них и войско прекрасное и многочисленное, и флот громадный, но это все только на минуту, так как нечем будет содержать все это, особенно если война будет продолжительная. А может быть, они, с надрыва, что для чего же шли такие заготовления и производились затраты, – может быть, они и объявят нам войну, но тут-то им и будет погибель: у нас и военные силы есть наготове, да и народ не истощен будет специальными военными налогами. А впрочем, «не у явися, что будет». Во всяком случае, нам-то приходится задуматься. Можно предполагать, что в случае войны разнесут японцы всю миссию, да и нас не оставят в живых. А может быть, и это пройдет благополучно, – Бог весть. Только нам-то нужно всячески теперь стараться воспитать и укрепить себя в той мысли, чтобы непременно оставаться здесь: если убьют, то, Бог даст, наша кровь послужит семенем нового и истинного христианского дела здесь, а если не убьют, то наша смелость заставит японцев разубедиться в узконациональных задачах, какие они нам приписывают, заставит убедиться, что, напротив, наше дело духовное, далекое от политики; да и вообще смелость может размягчить сердца противящихся христианству японцев. Дай Бог, чтобы нам укрепиться в этой мысли, оставивши всякие разные опасения и расчеты.

В лондонском журнале «The Church Review» от 20 января 1898 года есть энергичная статья о единении англиканской и русской Церквей на том главном основании, что Святая Православная Русская Церковь одна только в чистоте содержит все древнее учение и

при этом не обязывает всех непременно держаться одних обрядов. Конечно, желательно это единение, но для сего англикане должны отказаться от всех своих ересей и от общения со своими многочисленными сектантами, ибо это в конце концов у них нередко переходит в полное отрицание Божества Иисуса Христа. А тогда из-за чего же и огород-то нужно было городить? Здесь у протестантов был замечательный проповедник христианства японец Канамори; но скоро он усвоил основное начало протестантства и до того дошел, что даже книгу написал, в которой доказывает, что Христос и Будда по существу одно и то же, только один посовременнее другого. Недавно в газете писали: сей Канамори приехал в блудилище, а извозчик ему: а я от вас христианство принял; но Канамори ушел. Он совсем оставил веру.

Это прямое порождение протестантства без догмата о Христе как Сыне Божиим, явившемся и Сыном Человеческим нашего ради спасения, а только с учением о Христе как Учителе и идеале нравственной жизни, почему-де догматы не важны, а важна добрая жизнь, поэтому нечего и разбирать много, кто как верует, важно, чтобы признавали нравственное учение христианства. Но отсюда прямая дорога к общению с разными сектантами, почему у них китайскими миссиями заведует и даже епископами управляет мирянин методист или конгрегационалист, – этого не знал даже и прист, думающий встать под его руководство и на мессе причащавший его Святых Таин. А отсюда прямая дорога совсем в сторону от Христа, ибо скоро скажут, что и вообще никаких догматов нет, а есть какой-либо дух и тому подобное. Так соблазняет диавол, завлекая некоторою высотой протестантского морального стремления и сердечною радостью на пути этом, а потом совсем удаляя мысль от Христа в бездну мрака. Англиканам нужно совсем отказаться от своего англиканского протестантского мирозозерцания, и тогда только они могут быть членами Православной Церкви не фальшиво.

Февраля 21/ марта 5. Суббота под воскресенье первой недели Великого поста. Я исповедал епископа, а вчера сам у него исповедовался. Замечательно молодая у него душа: при немалых годах (62 года), при постоянных житейских и деловых передрягах – совсем молодая душа молодого идеалиста, чуждая всякой неискренней прикрасы своего настроения, прикрасы хотя бы умными и высокодуховными словами; он, напротив, говорит так, как чувствует, – просто, искренно. И самопревозношения над другими никакого не заметно.

Преосвященный Николай Американский пишет отцу С., что старокатолик Вилат просит у него, Преосвященного Николая, священников для обучения ихних старокатолических в разных местах, а сам обличает европейских старокатоликов в лицемерии и вообще в ложном их направлении. И действительно: только что прочитал в «Православном Собеседнике» за декабрь 1897 года статью Вл. Керенского о «четвертом интернациональном старокатолическом конгрессе». Вл. Керенский был в специальной командировке на этот Венский конгресс. Он пишет оттуда, что теперь старокатолики все дальше уходят от первоначального принципа единения Церквей на почве древнецерковного учения и канона и теперь уже сошли на почву догматического безразличия; говорят о единении не на каких-то обязательных для всех догматических формулах одной Церкви, а на согласии всех в существенном учении вселенской Церкви, на почве любви. И они уже на самом деле на этом начале, – это доказывают их communion'ы с англиканами и высокомерное отношение их к Церкви древнецерковного предания, в противовес сочувственному взгляду на англиканскую Церковь.

Февраля 22/ марта 6 долго я беседовал с преподавателем семинарии Хигуци. Он желал бы быть священником в Хакодате, но главным образом потому, что там христиане нуждаются в знающем русский язык для постоянных сношений с русскими. Из рассуждения его видно, что он не прочь быть приказчиком у своих христиан в их дело-

вых сношениях. Заговаривает о большом жалованье. Для более широкого дела предполагает завести там школу для русского языка; округ расширить далее Хакодате и прочее, вообще совсем не пастырское, а мирское, чисто внешнее стремление. О спасении совсем не хочет как будто понимать. Толкует об увеличении жалованья священникам и катехизаторам, так как им трудно жить, почему они и не занимаются часто делом своим, а для этого сократить количество их. Но вместе с тем, говорит, нужно расширить круг деятельности их, чтобы был простор, а также поощрять и обеспечивать дальнейшее благосостояние деятелей, и многое тому подобное совсем непереваренное. Я ему толковал, что пусть хоть свой-то малый приход ведаёт катехизатор, и для этого у него времени до гроба не хватит. Средства нужно теперь самим японцам изыскивать, а деятелям побуждать их к тому, так как ведь когда-нибудь Россия откажется от присылки пожертвований. Хигуци толковал, что вот теперь бы хорошо съездить в Россию, набрать пожертвований, чтобы обеспечить японскую Церковь, ибо, может быть, скоро будет война между Японией и Россией. А ведь это все академия наша наделала из них таких теплохладных; туда они ехали не такими.

С февраля 24 – марта 8 мы опять ходили по домам христиан участка Хонго в приходе отца Симеона. Здесь много лучше христиане, сравнительно с Кандой: радушия и неподдельности довольно, религиозного духа мы заметили много, интереса к слову Божию тоже немало, почти в каждом доме икон много и непременно есть лампадка, которую при нас и засвечали; молитвословы поистрепаны довольно. Особенно это нужно сказать относительно округа старосты (гийю) Итоо. Некоторые обязательно ходят на собрания и на молитву в свою церковь – молитвенный дом в квартире катехизатора (там это бывает в известные дни). Отец Симеон говорил обыкновенно о том, чтобы дома молились, в церковь ходили, причащались чаще и детей причащали, а в Великом посту, по обычаю русских и греческих хрис-

тиан, перед Пасхой непременно причастились бы, детей учили бы всему христианскому, а по воскресеньям в воскресную школу посылали бы к нам на Саругадай. А польза от этой школы несомненна; например, одного мальчика мы заставили сделать крестное знамение; он прекрасно это сделал и на вопрос: этому тебя мать научила? – отвечал: нет, я в воскресную школу да в церковь ходил, а там все так делают. Надо как можно больше приучать христиан к церкви, чтобы сообща совершали церковную жизнь. Нашли еще одного рейтана, то есть охладевшего: он довольно богатый торговец известью и проч. Сибата; он из весьма старых христиан и был самым усердным, на церковь тоже много жертвовал, а теперь уж вот лет 15 охладел и даже детей не крестит, а недавно умершую девочку даже и погребал по буддийски. У него были две сестры христианки очень ревностные; они жили в Йокохаме у другого брата, но такого заядлого буддиста, что он их ужасно мучил за христианство, почему они весьма долго сопротивлялись, наконец, не вытерпели и сделались буддистками; но умерли все-таки христианками, потому что под конец уехали от него. А Токийский Сибата им ничем не помог в защиту их христианства. У него есть сын лет 20 или моложе: этот, по словам отца Симеона, лучше и все еще слушает учение христианское. Сибата нас и принял даже в своей конторке, то есть почти на улице: может быть, у него даже идолы стоят на месте икон. Должно быть, придется оставить этого упорного: может быть, после сам одумается. Научение отца Симеона он слушал, хотя с некоторой равнодушной улыбкой, а сын как будто интересовался очень.

Газеты угрожают войной: в Корею и Китае против нас, русских, возмущены; должно быть, наши офицеры зарвались и много заносчивости показывают, воображая всех окружающих своими солдатами. Будто бы Россия сделала запрос Китаю: уступает или нет он нам свой Порт-Артур? Иначе Россия употребит все меры, для нее возможные. Ответ должны дать к 26 марта. А запрос Корею: принимают

ли они русскую помощь или нет? Будто бы в Корее решено сменить всех русских инструкторов и прочих, а русский ставленник – министр иностранных дел лишен звания действительного статского советника. Английские и русские суда стягиваются сюда на восток; Россия будто бы подрядила французские пароходы перевозить русские войска на восток. Япония продолжает горячо подготавливаться, но молча. А американцы со своим флотом разгуливают около Филиппинских островов, очевидно метя их взять у Испании. На белом свете собираются грозовые тучи: что-то будет? Германия ведь тоже метит на Китай, и, между прочим, теперь в порте Киао-Чоу.

С 1/12 по 8/20 марта мы продолжали ходить по домам христиан Хонго и Ситая. В Хонго видели одно семейство переплетчика. Сам он давно христианин, а жена и дети только теперь слушают учение. Отец Симеон и катехизатор говорят, что жена-то хоть еще только хочет креститься, а лучше своего мужа, усерднее к вере. Дай Бог, чтобы это ее усердие осталось потом на всю жизнь и еще окрепло при помощи благодати. В Ситая одно семейство весьма бедное и многолюдное, но весьма благочестивое и к церкви усердное. В комнате при полной бедности – много и в порядке икон; ребята исправно и в воскресную школу к нам ходят. И вообще приходится сказать, что бедные и несчастные – лучшие христиане, сравнительно с богатыми и счастливыми. Зашли, например, в дом бедного ремесленника Андрея, давно-давно сделавшегося христианином и уже 20 лет состоящего старостой (гийю) среди христиан. У него в квартире все устроено как в домашней церкви: иконы, лампы, свечи, истертые молитвословы на особом аналойчике, покрытом парчой, разговор христианский, простота, смирение, молитва. Сам Андрей – уже порядочный старик – без волос и в очках, а у него жива еще мать, уже слепая, богомольная старушка (конечно, в церковь ходить не может), просит помолиться, как бы ей потихоньку в рай пробраться да поскорее умереть, а то уже в тягость приходится жить да грешить. Очень назив

дательная старица. И вся семья у Андрея хорошая. Сам он состоит как бы Веселиилом при нашей церкви: он единственный, кто может для церкви или христиан сделать подсвечник, крест поправить и тому подобное, и делает всем. Совсем не то в соседнем богатом доме ростовщика: его нет дома, одна жена, принимает холодно и не особенно, как видно, интересуется учением, ибо сыта, обута и прочие веселости жизни имеет; вот сердце и охладевает к Богу, как будто ни для чего не нуждаясь в высшей помощи. Так богатому и счастливому постепенно становится трудно войти в Царствие Небесное. Заходили в церковь – молитвенный дом – в Ситая: все устроено благообразно рядом с квартирой катехизатора, земля и дом уже церковные. Зашли в дом к отцу Симеону; и здесь та же церковность видна. Очевидно, он очень старается в деле Церкви. В переднем углу – иконы, лампы, свечи, аналой, молитвословы и другие книги; в библиотеке много книг религиозных, а остальные, нерелигиозные книги, в другом месте. Добрый батюшка. Совершенно неожиданно он нас накормил обычным японским обедом: это соба, или лапша, только обваренная в кипятке; она подается на особых решетках в деревянных коробках, но без воды; потом в особую чашечку вливают японской сои – особой кислоты соленоватой, как уксус, и туда вкладывают соба и хасими, или палочками, отправляют в рот; очень вкусно, только тяжело для желудка. Это обычное японское кушанье. Замечательно все у них чисто готовится: и самые хасими именно для того, чтобы и руки не запачкать. А на днях мы у себя ели по-японски приготовленную какую-то сырую красную рыбу, очень нежную, с разными приправами, и уху: все весьма просто, опрятно и замечательно вкусно. Около пруда в Уэно японцы выставили на огороженном месте два громадных якоря, взятых с китайского броненосца, в последнюю войну попавшегося в плен. Это очень практично: развивает патриотизм. Когда мы шли около пруда, то дул оттуда ветерок и несло гнилью пруда, да и у отца Симеона мы сидели некоторое время на

сквозняке, а раньше разогрелись, так как погода была прекрасная – летняя, хотя мы шли в теплых подрясниках. Вероятно, от этого отец Симеон простудился и 6/18 марта с утра заболел. Мы опасались – не возобновился бы его прежний плеврит или не было бы воспаления в легких; но доктор сказал, что до легких пока не дошло, а есть только катар горла. Дал лекарства, и все, вероятно, пройдет, хотя нескоро.

Сегодня 8/20 марта архиерейскую литургию начинаю я, так как отец Симеон не может служить и лежит в постели. Благослови меня Бог. Вчера епископ рассказал об одном японце Кикиуци как образце юркости, сметливости, живости японца. Кикиуци еще в Сендае учился русскому языку у епископа в первые годы его пребывания в Японии; русский язык ему не давался. Однажды в полночь приходит он к епископу в полном старинном японском военном вооружении и говорит, что бежит, так как началась революция, правительство сменяется. Епископ в это время уезжал на полтора года в Россию. За это время Кикиуци приобрел суда, но они погибли, и вообще успел разбогатеть, прогореть и сделаться доктором, каким его и нашел епископ по возвращении из России. Он устроил прекрасную образцовую медицинскую школу, весьма славившуюся. Но это ему тоже надоело, и он занялся изобретениями и изобрел огнеупорный горн. На объявлении его привилегии был даже министр внутренних дел; этот горн его выписывался и за границу; и день объявления его привилегии почти японский национальный праздник был – с флагами, музыкой и прочим. Но и это дело – горн – наскучило Кикиуци, он объявил, что едет на юго-восточные острова овец разводить. Правительство дало ему субсидию. Но овцы у него погибли. Однако он не растерялся, а занялся рыбным промыслом и теперь на юго-восточном берегу Японии он считается самым богатым человеком. Он крестился, а сына своего Василия привел к епископу и сказал: хочешь – с кашей съешь, хочешь – в супе свари. Василий действительно был прекрасный юноша; он не ушел из школы, когда многие уходили, чтобы знанием рус-

ского языка добывать себе средства. Но когда еще епископ уезжал в Россию, то Василий помер, как раз пред окончанием школы. Теперь на юго-востоке Японии Кикиуци занялся и проповедью христианства, и даже катехизатора выпросил у епископа.

Газеты до последнего времени не переставали ругать Россию в ее хищнических планах относительно Китая и Кореи; один номер английской газеты местной был сплошь наполнен извержениями такого сорта; говорили даже, что будто бы еще наш адмирал Гордон говорил, что Пекин все равно наш будет. Англичане всячески стараются поддержать японцев во вражде к России, чтобы, конечно, потом мирно воспользоваться плодами войны Японии с Россией, сидя на берегу или прогуливаясь по океану. Они даже подняли теперь старое подозрение японцев, что русские миссионеры присылаются правительством в Японию с политической целью. Но вот вчера телеграмма: наши возвратили из Кореи всех русских инструкторов и вообще русских чиновников, бывших на службе у Кореи. Это, очевидно, всех, и японцев и англичан, ужасно ошеломило: телеграмма без всяких комментариев. Теперь, вероятно, поймут, что мы не имели никаких своекорыстных видов на Корею, кроме оказания ей помощи.

На днях прочитал в «Московских Ведомостях», что богатые наши золотые прииски в Сибири на Китайско-Манчжурской границе, за неимением русских предпринимателей, переходят к иностранцам – американцам и другим.

В ночь (3 часа) на 11/23 марта в Хонго был ужасный пожар: ветер и раньше бушевал, а от пожара усилился, так что искры к нам летели – это расстояние весьма большое. Сгорело 1050 домов; в том числе Ханкоба, американская церковь конгрегационалистов; из наших выгорели только двое – один псаломщик Елисей Хаякава и еще один христианин. Кругом дома старосты (гийю) Итоо все выгорело, а его дом остался. Он очень хороший: усердный к церкви, и дети и семья таковы; в доме все по-церковному; он сам во время нашего обхо-

да по христианам доказывал на себе пользу молитвы – как ему часто Бог помогал во всем. Дай Бог, чтобы это и других укрепило в вере.

На днях Преосвященный рассказал следующее. У одного старинного теперь катехизатора заболела сестра, и очень тяжело; в болезни она пожелала причаститься; и после Причастия сразу ожила и встала, как ни в чем не бывало. Это рассказывал сам катехизатор Павел Исии, бывший у Преосвященного марта 13/25, и рассказывал совсем просто, не придавая этому особенного поразительного значения, а просто как нечто обыкновенное и непременно для принимающего все от Бога по вере. И подобных случаев чудес среди наших христиан здесь очень много; и все они вот подобного характера, как бы вытекающие из рассуждения, что-де если иметь крепкую веру в Бога, то все так и будет, так как нечему удивляться, если, например, человек пообедавши будет сыт. Дай Бог силы веры еще большей, чтобы она руководила наших христиан неизменно и постоянно.

Японцы-католики в городе Коофу в количестве 37 дворов просят прислать им катехизатора и священника православного, так как они хотят присоединиться к православию. Но Преосвященный относится к этому осторожно: он послал туда одного нашего священника разведать на месте и от самих католиков, и от их катехизатора – не вытекает ли это их желание из того, что они почему-либо рассорились со своим патером или тому подобное. А намеки на это есть: они писали отцу Павлу Сато, что священник католический обманул их, не построивши обещанной церкви. Конечно, желательно присоединение их к православию, но если это их желание только из противления патеру вытекает, то не нужно и желать, чтобы они были нашими: очевидно, это только неверные овцы, а не серьезно желающие веровать в Истинного Бога. Будущее покажет.

Когда я получал в Йокохаме багаж, то обратился к помощи консульского переводчика японца Ханьюуда – язычника, но очень, говорят, хорошего человека. Он мне сказал все, что касается получения

багажа. Когда я уже хотел уходить, Ханьюода попросил меня объяснить ему один текст: верую хожду, а не видением (он по-русски говорит хорошо). Я воспользовался случаем и объяснил ему это по-японски; он понял; я добавил ему и по-русски. Что из этого выйдет, не знаю; конечно, нужно бы воспользоваться и почаще заглядывать к Ханьюода, – может быть, он и принял бы в конце концов христианство; а он-то и сам потом нам мог бы помочь в деле проповеди. Я передал об этом Преосвященному; он очень пожелал, чтобы Ханьюода был православным.

Разбираясь в багаже, я показывал Преосвященному свои иконы и фотографии, памятные для меня по Кутаису или по Ардону; особенно ему понравилась большая фотография, на которой снималась вся Ардонская семинария в день моего оттуда отъезда. Он выразил пожелание, чтобы я потом устроил подобную же в семинарию в Осака, чтобы у нас было побольше людей деятелей: безлюдье, говорит, весьма надоело. Дай Бог видеть все это на деле. Я действительно предполагаю постепенно там начать это дело: сначала, например, устроить простые нештатные курсы в виде бесед с молодыми юношами, чтобы их постепенно воодушевить на дело проповеди и вызвать желание искренно поработать на этом поприще, затем можно будет мало-помалу придать некоторую определенную форму и вид предполагаемому делу воспитания проповедников. Мне думается, что эта школа должна иметь характер простой семейной среды, куда люди сознательно пришли для одного дела, чувствуют себя братьями, как члены одной тесной семьи, у которой все сходится к интересам этой самой семьи. Во внешней обстановке должна быть всецелая простота: нужно, чтобы ученики по возможности все сами для себя делали, как это есть и в особенности прежде было в нашей Ардонской семинарии; это для того, чтобы проповедник и после не барином себя чувствовал, для которого все подвези да поднеси, – нет, пусть он сам будет этим подвозчиком и подносчиком, чтобы он не отворачивался

ни от какого простого жизненного дела: ведь Христос помогал Своему отчиму плотнику Иосифу; Апостол Павел работал палатки и тем существовал; да ведь не состояли на жалованье и остальные проповедники христианства. Проповедь христианства шла сама собой между обычным делом. Да это так и быть должно: христианство не есть что-либо совсем от нас далекое, чтобы для этого нужно было все побросать и жить, пожалуй, между небом и землей, – нет, оно есть самое наше сердечное настроение, самое наше постоянное, во всех случаях жизни, непрерывное хождение под оком Всевидящего Бога, постоянное памятование о Нем и сообразная с этим жизнь. А если взять проповедника, отвлеченного от всяких обычных дел, в виде белоручки, то получается некоторое подозрение: тебе-то, мол, хорошо, а нам-то каково при нашем многоделии? Нам уж не до спасения.

На днях приходил ко мне один ученик 6-го класса семинарии – Акила. Ему захотелось побеседовать со мной. На первый раз я ему советовал читать творения Святых Отцов, которые теперь переведены уже в большом количестве. Я приглашал его заходить и потом побеседовать. Да и для меня это полезно: я узнаю постепенно настроение учеников – будущих проповедников, а кроме того, и сам прислушиваюсь к японской речи. К христианам я все-таки еще не осмелился идти: стесняюсь тем, что не привык слушать разговор, хотя сам-то и могу кое-что сказать. Когда-то Бог поможет это сделать?..

Марта 16/28. Сегодня и я начал уже самостоятельно посещать христиан: со мной ходил только отец Симеон. Сначала я весьма трусливо выступал на это дело: и я, может быть, их не пойму, да и они меня совсем не поймут. Я шел, как бы на первую проповедь – экспромт. Но, слава Богу, все сошло очень благополучно; из своей келлии я вышел в 1 час дня, возвратился в половине 6-го часа вечера; посетили мы до 8 домов христианских. В общем это все хорошие христиане: у некоторых в переднем углу даже особый аналой с парчовым облачением; молитвословы довольно поистерты, в церковь по мере сил хо-

дят исправно, причащались все, учение слушают усердно. Обычно я говорил сколько мог ясно, а после спрашивал – понимают ли. Если не понимают, я иначе пересказывал тоже, а в крайнем случае отец Симеон объяснял мои слова; но иногда и он говорил, что понятно. Только одно семейство оказалось охладевшим к вере, – Моисей Китано (в семействе жена Ирина, дочь Екатерина – 17 лет, сын Федор). Они 6 лет назад приняли крещение и уже вот три года не причащались. По словам отца Симеона, жена-то еще лучше, а сам Китано уж очень охладел. Я им говорил, сколько мог, о том благе, какое для нас принес Иисус Христос, о том, что если мы что-либо доброе, какое-либо приятное чувство сердечное имеем, то вот это-то и должны возгревать в себе, чтобы постепенно поближе к Богу встать, так как Богу ничего не нужно кроме нашего сердца: все с нашею смертью кончится, а душа наша будет жить вечно; с нею мы и к Богу предстанем, и какова она окажется, соответственно этому или вблизи Бога, или вдали от Него будем жить; а худое, злое, конечно, не может быть вместе с Богом. Поэтому кроме спасения своей души, для чего Иисус Христос с неба на землю приходил, – кроме этого нет другого важного дела: ведь ради этого Христос разные страшные мучения претерпел, смертью позорною умер. Ведь если мы любим отца или мать, так как они о нас заботятся, то во всем будем поступать по их воле; а Христос для нас есть самый близкий Отец, который всем для нас пожертвовал. Я советовал им взаимно друг друга возбуждать на дело спасения, учить тому же и детей, так как если они с детства привыкнут к Богу и к молитве, то уж на всю жизнь таковыми и останутся; советовал вот теперь перед Пасхой исповедаться и причаститься Святых Таин, в которых мы Самого Христа причащаемся и принимаем Его к себе. Итак, я еще на одну ступень поднялся в деле проповеди.

В рассказе о Моисее Китано еще следующее нужно заметить. На мой вопрос о том, сколько лет они не причащались, Ирина, как бы с некоторым неудовольствием оглядываясь на Моисея, сказала, что

уже три года; она как бы хотела указать на мужа как на главного виновника их общего греха. Может быть, в этом сказывается общая черта грешника – свалить с себя вину на другого, а может быть, и действительная правда в том, что Моисей и есть виновник этого греха.

Следующие три дня я продолжал ходить по домам христиан и окончил приход Ситая. Отец Симеон указал мне на одного христианина – Марка Фурука, который от прошлого года еще не причащался. Марк, как будто сознавая свой грех, встретил меня весь обливаясь потом и краснея от стыда; я ему сказал несколько слов, соответствующих его положению, и посоветовал причаститься перед Святой Пасхой вместе с другими христианами, постоянно причащающимися по воскресеньям и субботам. Это общий обычай христиан и Греции и России, и обычай очень хороший: перед таким светлым праздником, как Воскресение Христово, действительно нужно приготовить свое сердце, чтобы со Христом радоваться. Кобаякава Афанасий не особенно усердный христианин, но все-таки еще держится веры; а его жена Меропия совсем оставила веру и на место икон поставила идолов. Она даже еще прошлый год причащалась (крещение они приняли 8 лет назад); девочка Хива, лет 3–4, крещена, а еще маленький ребенок уже не крещен. Соседка ее христианка пошла звать ее придти, так как пришел симпу (батюшка), то есть я, чтобы со мной побеседовать. Отец Симеон, как он мне говорил, много с нею беседовал, но она не слушает. Долго ее убеждала соседка и наконец привела. Я прямо и начал говорить ей о том, что она оставила веру; говорил о великих к нам милостях от Иисуса Христа, ради чего Он претерпел всякие страдания и даже смерть; говорил о том, что нам приятно что-нибудь доброе сделать или хоть в сердце помыслить, а ведь это и есть сторона жизни христианской, и если ее расширить и старательно наблюдать за собой, то и стяжем тот мир и блаженство, которые имели все святые Божии человеки, мощи которых и поныне почивают, например многих святых в России; этой силы они спо-

добляются даже на земле; например, отец Иоанн Кронштадтский силою Божиею творит чудеса, люди ищут его увидеть и побеседовать с ним или хоть получить его благословение. Все это сила Христова, благодать Его нам грешным; а ты, Меропия, от этого-то теперь и удаляешься. Если бы ты своему дитяти давала что-либо, а он бы это бросил и презрел, то, конечно, ты не хорошо бы посмотрела на такого твоего сына, наплевавшего на твое добро: вот и ты в таком же положении к Богу. Одумайся и воспрянь снова. Меропия сначала выслушала мои первые слова с некоторым волнением и искрой в глазах, а потом более спокойно, хотя, по-видимому, с искренним интересом. Что будет из сего, конечно, сказать трудно.

Есть и еще несколько печалющих домов. А вообще все очень меня порадовало и воодушевило: много самых простых христианских нравов и привязанности к Церкви Божией; все исправно совершают домашнюю молитву, почему молитвословы порядочно затасканы; для молитвы устроен особый аналойчик в парчовом облачении; на нем разные книжечки для молитвы и чтения; перед иконами лампадка, а под ними подсвечник; почти все читают Евангелие и действительно имеют Евангельское настроение – мысль о том, что только Христовою благодатию и поддерживается наша жизнь. Особенно в этом отношении хорош гийю (староста) Илья: он хоть и весьма далеко живет от церкви, но приходит обязательно за каждую всенощную и обедню; сам исполнен самых благочестивых мыслей, и вся семья его очень благонравная и благочестивая, в его участке заметно особенное благоустройство среди христиан. В этом отношении есть еще очень благочестивый гийю (тоже в Ситая); он еще почти совсем молодой человек, но по своему настроению, очевидно, считается старшим, почему его и выбрали христиане старостой. Он очень бедный и занимается приготовлением кисточек для японского письма, нисколько не падает духом и всецело предан Церкви. Так как наши христиане живут очень далеко один от другого, то я говорил им, что-

бы они старались при случае, вместо обычных пустых разговоров, заводить с язычниками речь о вере и потом приводить на слушание учения к проповеднику; а кроме того и Богу молиться, чтобы Он помог нам в деле распространения веры Своей, чтобы постепенно вся Япония уверовала в Него и чтобы таким образом составила одна общая единоклубная семья. Ведь если какое-либо дело одному не сделать, то обыкновенно мы ищем посторонней помощи и общими усилиями дело скоро приходит к концу; так и наше дело должно быть нашим общим делом: если ты желаешь себе спасения, то желай его и другому человеку, а если он об этом спасении не знает, то скажи ему. По местам я рассказывал или из житий святых, или из виденного в путешествии до Японии, или из русской жизни и тому подобное. Когда меня не понимали, то отец Симеон объяснял мои слова. И я иногда многого не понимал; все-таки постепенно стал привыкать и улавливать общий смысл речи. В общем, это мое первое самостоятельное почти путешествие по христианским домам очень было для меня приятно и полезно – для знакомства с христианами, для изучения языка, да и для назидания христиан: уж одно то, что я пошел к христианам, конечно, их очень заинтересовало и приподняло дух.

По газетам, Порт-Артур и Талиенван, китайские порты, теперь русские и уж с 15/27 марта в них выкинут Русский флаг; это, конечно, только аренда, а не присвоение. И теперь Англия сразу перестала бранить Россию. Очевидно, ее политика – всех рассорить – не удалась, и теперь она поворотила в обратную сторону и говорит совершенно против прежних своих слов следующее: конечно, России нужно иметь выход в море, а следовательно, и порт, каковым и является Порт-Артур; но и Англии нужно иметь тоже пристанище. И вот теперь она ведет уже переговоры с Китайским правительством о Вейхавее. Вот постоянная политика ее. Японцы, несомненно, весьма злятся, но теперь им неизвестно, с кем уж и воевать: ведь теперь все державы наперекор ее китайским стремлениям. Зато в Корее Япо-

ния опять возобладала. Наши сделали запрос корейцам: желают ли они иметь у себя руководителями русских? Корейцы сказали, что теперь они очень благодарны, что они теперь воспользуются мудрыми указаниями русских и сами будут продолжать свое дело. Наш посланник на это им заметил: очень рад, что они так скоро усвоят чужие указания, – и затем все русские оставили Корею. На месте их теперь там японцы, от которых и загорелся весь сыр-бор в Корее: они зарезали жену Корейского Короля, который убежал в русское посольство и только там спасся от очевидной смерти. Надолго ли будет, что он теперь сделал. А России не привыкать получать насмешки и плевы от покровительствуемых и спасенных ею: все славяне, за которых Россия свою кровь проливала, только издеваются над нею же. Но бедный Китай: очевидно, теперь мало-помалу приходит в исполнение мысль о его разделении, все рвут его по частям, а он как будто и не замечает этого. По поводу солнечного затмения Китайский Император издал приказ: нам донесли, что будет солнечное затмение, это за грехи наши, что дракон будет похищать солнце; и призывает всех к молитве. Ему как будто совсем не до того, что его со всех сторон разрезают на части. Впрочем, теперь и в Китае поднимается некоторое движение: в долине Янг-Секианга образовалась целая партия во главе с каким-то отчаянным князем; стремления этой партии – реформировать государственный строй Китая. Может быть, это и не на шутку дело начинается; и тогда, может быть, Китай действительно воспрянет; и тогда опять Монгольское нашествие и от него беда, конечно, опять прежде всего России же. Что-то будет.

В одном буддийском здешнем журнале, который печатается на разных языках и даже на русском, один христианин, конечно протестант японец, рассказывает, почему он сделался христианином (об этом он напечатал даже целую книгу). По его мысли, и буддизм не ниже христианства, почему он всегда в скорбные минуты прибегает к помощи великой индийской религии, как к родной и любящей мате-

ри. «А если спросят, почему же я сделался христианином? То потому, что мне больше нравится восход солнца, чем закат его, хотя мне и холодно утром любоваться на это; я думаю, что в основании нашей печальной жизни лежит все-таки радость, почему я и принял христианство». Это очень характерно для протестантства, стремящегося создать какие-то национальные безразличные Церкви христианские, в которых не может быть никаких общеобязательных формул.

По вопросу о присоединении 37 домов в городе Коофу от католичества к православию ездил туда священник отец Феодор Мидзуно; он оттуда пишет, что католики действительно искренно желают соединения с православными и что тут нет никакой фальши или личного разлада с патером или с катехизатором. Преосвященный все-таки несколько не доверяет. Теперь он затрудняется вопросом – кого послать на катехизацию в Коофу. У нас у всякого есть свое дело, которое оставить будет не особенно удобно.

Марта 21/2 апреля, вечер. Японские газеты издали спешное прибавление – листок-телеграмма из Пекина: между Англией и Россией на волоске; английские суда (29) вошли в Порт-Артур и сделали запрос Китайскому правительству о том, чтобы отдали тоже на 25 лет Англии Вейхавей, иначе они тотчас же берут Порт-Артур, несмотря на то, что он сдан России, срок ответа 5 дней. Если это правда, то нечто страшное готовится; Англия, очевидно, даже как бы игнорирует пребывание русских в Порт-Артуре и нахально вошла туда. Да ведь нам действительно тут и тягаться-то трудно: у нас здесь всего только до 15 судов, которые могут разве только потопить несколько английских судов, а воевать-то уж совсем странно. Но, с другой стороны, и Англии рискованно выступать с нами в войну: ведь мы можем легко двинуться на Индию и уж там-то, конечно, засядем основательно, тем более, что положение Англии там очень шаткое; да, кроме того, для Англии очень опасно и в Египте: там Франция тоже начнет свое дело и захватит то, о чем теперь у нее с Англией спор тоже

очень горячий и легко могущий воспламениться. Может быть, и эта телеграмма – утка для японцев от самой же Англии, чтобы в конце их подбить против России и чужими руками, если удастся, жар загребать. Одно только несомненно, что англичане пришли своим флотом и требуют сдачи им Вейхавея, угрожая своими кораблями. А это, может быть, неумеренный политик и постарался раздуть.

Марта 22/3 апреля. Воскресенье утром в 6 часов 15 минут было маленькое землетрясение, как раз когда я вставал с постели; все-таки очень заметная тряска и качание всех предметов было.

Сегодня было крещено 34 человека; говорят, это мало для настоящего времени перед Пасхой, ибо потом начинаются сельские и другие работы, когда слушать учение не будут. Причастников было до 100 человек. Сегодня наша церковь была как бы мать, собравшая своих чад около себя: и до обедни, и во время обедни народа было полно, было много и любопытствующих язычников. Из разных мест тоже пишут, что есть случаи крещения. В одно селение в Акита был послан катехизатор по просьбе язычников, и вот там он теперь многих приготовил уже ко крещению. А из соседнего города один чиновник прислал Преосвященному письмо: он желает узнать христианство, но не знает, как этого достигнуть, почему и просит совета. Преосвященный и написал ему, что теперь в соседнем селении случайно проповедует катехизатор, с которым он и может увидиться и побеседовать, а тому катехизатору тоже написали, чтобы он постарался увидиться с этим чиновником. Катехизатор действительно и был в том городе; он пишет: чиновник этот очень прекрасный и благочестивый человек и с величайшим вниманием и наслаждением слушал проповедь; мало того, собралось множество и других чиновников единственно с целью послушать учение. Из другого места пишет один священник, что он был в одном селении и среди язычников (селение языческое) долго проповедовал; они так заинтересовались, что просили его и еще побыть у них и говорить, почему священник

и оставался у них больше недели только для проповеди. Очевидно, в разных местах Японии есть сильное желание слушать учение о спасении; очевидно, все сильнее пробуждаются Богом человеческие сердца. Очевидно, нужно только идти навстречу этому глубокому желанию, а по местам уже отвечать на делаемые запросы. К сожалению, у нас не хватает деятелей для этого дела; приходится для этого нередко отнимать, хоть на время, катехизатора от его церкви для проповеди в другом месте; а это, конечно, может дурно отозваться на этой самой церкви. Преосвященный в разговоре обо всем этом снова побуждает меня в Осака постараться собирать полезных для проповеди молодых людей и постепенно заводить катехизаторскую там школу. Дай Бог мне и ревности в этом деле, и умения, смысла, чтобы находить действительно хороших людей и потом их воспитывать для специальной их высокой цели – проповеди о Христе.

Эту же бедность в деятелях доказал и вопрос о присоединяющихся к православию от католичества жителей города Коофу, по каковому делу было устроено собрание всех священников марта 23/4 апреля. Из рассказа отца Феодора Мидзуно видно, что эти католики еще беднее наших христиан, так что иностранные миссии напрасно хвастают, что у них все почти интеллигенция и купечество; католический катехизатор до христианства был такого скверного характера и поведения, что даже отец, который кроме жены открыто имел множество наложниц и страдал другими пороками, – даже и он выгнал от себя своего безнравственного сына, да и теперь он замешан в разных любовных похождениях и преступных связях с женщинами. Патер весьма богатый человек; его сюда именно и назначили как богатого, так как здешние христиане очень бедны. Решили временно послать туда катехизатора Судзуки из церкви отца Гита Комацу, чтобы он изложил им православное учение в отличие его от католического; Судзуки сравнительно опытный катехизатор, а туда, конечно, молодого посылать не удобно.

Здесьняя английская газета «Japan Mail» весьма сомневается в справедливости японской телеграммы о близости войны между Россией и Англией из-за Порт-Артура и Талиенвана; она говорит, что разве только вдруг бы голова закружилась у английского правительства, тогда бы еще можно было предположить, что, может быть, и справедливо, что оно объявит войну России. Да оказывается, и судов-то английских в Китае только 8, а не 29. А Вейхавей действительно Англия уже получила от Китая, и тоже на 25 лет. Вот теперь японцы, вероятно, злятся: прежде англичане утешали их, что Россия, вероятно, получит Порт-Артур, а Япония – Вейхавей; японцы себя чувствовали совершенно в союзе с Англией, и вдруг эта самая Англия отняла у них ею же обещанный Вейхавей. Теперь Японии уж если воевать, то не с Россией, а с Англией или даже со всей Европой, так как французы тоже теперь требуют себе от Китая, итальянцы тоже идут в китайские воды; и все это народы, совсем и не воевавшие с Китаем; а Япония воевала и ничего желаемого не получает. Конечно, должно быть весьма досадно. А дело, вероятно, кончится тем, что Япония заключит союз с Россией: она поймет же хищническую политику Англии и, напротив, совершенно мирные намерения России, не идущие в ущерб никакому государству. Дай Бог этого. Ведь прежде эти две страны были очень в мирных сношениях.

В той же газете все продолжают писать о печальной участи университета «Досися». Гордон пишет, что американец Харрис дал на него 100 тысяч долларов, причем высказал, что это на распространение христианского просвещения в Японии, чтобы непременно университет оставался христианским, какие бы противоположные течения ни начались в Японии, так как теперь век всяких сомнений и брожений. Эти деньги он предназначил прежде на благоустройство дела христианства в его родной Америке, и, только узнавши японских студентов, учившихся в Америке, и благодаря письмам и просьбам одного американского миссионера – учителя в Японии, он эти

деньги отдал на «Досися». Гордон все это говорит по письмам к нему Харриса и характеризует его как прекрасного христианина, усиленным трудом, честностью и сметливостью ума скопившего себе этот капитал; он и вообще отличался многообразною благотворительностью, а это дело его – верх всего. Какой-то другой «японофил» в письме (там же) говорит, что японское правительство, принявши «Досися», поступило так же, как если бы ко мне принес вор украденные вещи, а я бы их взял; конечно, я должен бы спросить его, где он их взял, иначе, я умышленно согласен с ним и скрываю его.

Русская газета «Дальний Восток» доказывает, что «Порт-Артур в сравнении с Владивостоком лужа, в которой нас свободно могут запереть, да так тут и задушить; что проведение Сибирской дороги на него пойдет только в пользу чужой Китайской Империи, а Русский край останется в стороне от дороги и, следовательно, обречен будет на прежнее засыпание и бедность в разных отношениях». Тогда чего ради вся эта гибель поднимается, что на Россию злятся все, а может быть, и войну откроют, для всех весьма гибельную? Японцы теперь устраивают даже митинги, на которых поднимают вопрос – выразить протест против действий России; это – оппозиционная партия, а новая, правительственная, партия молчит. А Англия почему-то спокойно сидит на своем, никто ее не ругает, хотя она всех смутила, да она же и у японцев отняла Вейхавей, который раньше обещала Японии. Теперь английские газеты оправдывают Англию от взводимого будто бы на нее обвинения, что она-де отступила от прежних требований к России и замолчала перед русскими действиями; они пишут, что Англия не отступила, а только теперь дело выяснилось: прежде Англия думала, что Россия идет по пути захвата и расширения себя, а теперь оказывается, что этого желания нет; даже Порт-Артур открыт для всемирной торговли. А, конечно, взятие Порт-Артура только и обуславливается тем, что Япония стремится быть чуть ли не первой державой и уж, во всяком случае, схватить соседний нам Ки-

тай. Это тогда будет гибельно для всей Европы, ибо вся история Японии есть история постоянных или внутренних междоусобий, или внешних войн; поэтому и всполошились все европейские государства и сами пошли на Великий Океан, чтобы помаленьку застраховать общий мир. Поэтому нечего Японии и злиться на кого-либо, а лучше согласиться со всем светом, что мир для всех желателен и нужен, и потом спокойно и скромно заняться своим внутренним процветанием во всех отношениях, чем так заняты все европейские государства. А для этого Японии много и дела и средств: это страна, только оживающая, но богатая и естественными сокровищами, и вообще изобретательностью и сравнительной образованностью своего населения.

Марта 28/9 апреля я служил с диаконом утреню и литургию по-японски; Преосвященный одобряет. После литургии отслужили собором с владыкой панихиду по московском митрополите Сергии, о котором владыка сначала сказал несколько слов. На всенощной и на литургии в Вербное Воскресенье народу было очень много, хотя меньше прошлых лет, так как погода была скверная – дождь. Сегодня за богослужением были и язычники в большом количестве. Некоторые с большим интересом простояли всю службу; некоторые даже по-своему молились, когда владыка, например, шел на кафедру и был, следовательно, лицом к народу; они, вероятно, слышали, что вот это и есть Николай, который все здесь устроил из ничего; и вот, вероятно, считают самое лучшее – проделать свою четку, смотря на него. А более интеллигентные и, следовательно, безразличные к вопросам религии японцы смотрели на нас и на наше богослужение с некоторою ядовитою улыбкою. Деревенские посетители храма обыкновенно жертвуют медные деньги на храм и оставляют их на кафедре. Да, теперь и здесь уже создан церковный быт: в праздник – церковное многолюдное торжество и даже колокола звонят на весь город. Дай Бог постепенно и всю Японию просветить православным

светом учения Христова. Сегодня японский праздник – 30 лет со времени перенесения столицы из Киото в Токио, поэтому и собралось так много народа из провинции. Пускают разные фейерверки; устраивают процессии, какие были при сёгунах, то есть в старину, для чего собрали именно таких людей, которые прежде участвовали в таких процессиях. На весь этот праздник ассигновано 20 тысяч иен. Газеты возражали против этого празднества, так как-де вовне Японию обижают разные государства, внутри дороговизна и угрожающий голод, так как свой рис съели и теперь придется употреблять привозной. Партия прогрессистов устроила депутацию к первому министру, чтобы выразить неодобрение и протест против политики других держав. Министр отвечал, что политика правительства сумеет сделать свое дело и поддержать на высоте честь народа и вообще страны, а протест может быть даже вреден для Империи. Депутаты согласились.

Марта 31/11 апреля у Преосвященного был христианин из Одовара, принес 10 красных яичек на Пасху, рассказал о семействе; оказалось, что один его сын 7-ми лет не крещен; он говорит, что священник отец Петр не хочет приезжать для него одного в Одовара и велел привести его, когда в церкви бывают крещения; но это как же может знать издали христианин? И вот мальчик до сих пор не крещен только по лености священника. Во время путешествия по церквям Преосвященный находил и много таких случаев; бывало даже, что так-то не крещенный и умирать успевал. Это Преосвященный рассказал в пояснение того, как опасно иногда бывает полагаться на японских священников. Конечно, это отчасти объясняется и тем, что еще не привыкли к церковной практике. Этот христианин приходил только затем, чтобы получить благословение у Преосвященного.

В «Japan Mail» пишут, что на годичном митинге церкви в Кумиин было высказано, что поступок управлявших университетом в Досися

весьма безнравствен, и удивительно-де, что такие люди пользуются вниманием и доверием правительства и общества. Очевидный вызов к народной и правительственной чести. Конечно, очень печален и совсем ни для кого не желателен случай с Досися; но можно сказать протестантам: снявши голову, по волосам не плачут. В той же газете много писали, что и постоянно в Досися было скверное и принципиальное раздвоение и преклонение колен пред Христом и пред Буддой; да и вообще ведь протестантство построено исключительно на европейских деньгах, а за это всегда можно иметь сколько угодно христиан, но уж лучше не иметь никаких. Это говорит английская же газета, и совершенно справедливо. К этому еще нужно сказать самое главное, что христианство только принижают и обезличивают протестанты: они все дело сводят лишь к нравственному учению, а догматическую сторону всю объявляют не важной. Японцы, сравнивая учение христианское с буддийским, находят, что первое выше второго, но и только: несравнимого, единственного, Божественного достоинства в нем не видно. А в результате – безразличие вероисповеданий и далее – потеря веры и не редко бывало, что даже замечательные проповедники протестантские становились в равное отношение и к христианству и к буддизму, а потом даже и совсем оставляли веру. В Великий Пяток приходил к Преосвященному один бонза, только чтобы повидаться с ним; и в беседе говорил и о богах и о Боге, усвоив от протестантов общую мысль о безразличии верований и только о сравнительном их превосходстве одного перед другим. Этот бонза льстиво наговорил епископу разных комплиментов, а как епископ заговорит о деле, так тот сейчас же в сторону.

На Великий Пяток на страстях первое Евангелие читал отец С. по японским знакам, и весьма прекрасно, даже, пожалуй, яснее, чем сами японские священники. Богослужение в последние дни поста совершалось очень хорошо; собирался и народ, хотя не очень много, так как, вероятно, многие и не знают об особенностях в богослуже-

нии этих дней; притом прежде, когда еще не было собора, служили в маленькой домовой при миссии церкви, где, конечно, могли помещаться одни почти только ученики и ученицы, так что христиане по неволе должны были уходить и потом отвыкнуть, а другие за ними – не привыкнув ходить в церковь; к тому же ведь наши христиане большей частью ремесленники, для которых дорог всякий день, почему они, кроме воскресенья, совсем с трудом могут приходить в церковь. Однако на вынос плащаницы понабралось народу; собралось порядочно и любопытствующих соседних язычников. Погода была прекрасная, певчие пели прекрасно. Опасались мы, что Пасха будет очень неудачна, так как почти весь день в субботу лил дождь; но к вечеру все стихло, и дорога для процессии просохла. Преосвященный, по обыкновению, сам облачил в новое облачение все престолы, а нас только пригласил посмотреть их; эти облачения шили в женской школе; облачения из белого шелка, расшитые золотом; весьма прекрасны. В старой домовой церкви христиане устроили особые полки и расставляли свои пасхи и прочее подобное. Все это было приготовлено в разных и причудливых формах: например, большой корабль, наполненный крестикам, – все из кондитерских приготовлений; или: в окне повешен во все окно пряник, на нем написано по-японски «Христос воскрес», разрисованы разные украшения... Во всех комнатах миссии христиане располагаются на праздник (я переселился в комнату отца Сергия). В 8 часов мы исповедовались у Преосвященного. Перед этим я прочитал по-японски одну главу из книги Деяний Святых Апостолов; впрочем, в церкви пока еще мало было народу. А в миссии семинаристы говорили по очереди проповеди, испросивши заранее благословение у владыки. А потом Кавамото (инспектор семинарии) устроил туманные картины и рассказывал о Палестине (там он был два года назад, возвращаясь из России после академии). Народ с удовольствием слушает, хотя слушатели перемениются, так как и внимание, должно быть, ослабевает, да и ребята у

некоторых засыпают и капризничают. Некоторые, впрочем, и спят с непривычки. А в церкви тоже помаленьку собрался народ и семинаристы читают Деяния Святых Апостолов.

Нам несколько раз надоедал бывший вчера у Преосвященного бонза; он просил даже позволения проповедовать ему под Пасху, что, конечно, разрешено не было. Все напрашивался на разговоры, хотя мы и говорили, что положительно времени нет, ибо готовимся. Он потом был и за богослужением и все время читал какую-то книжку – должно быть, свой молитвослов. Язычников набралось весьма много, хотя час был и не совсем удобный. Собор был великолепно освещен; на нас было белое шелковое облачение; народ тесной толпой наполнял собор, держа в руках возжженные свечи; певчие торжественно и прекрасно запели «Воскресение Твое Христе Спасе». Недоставало только одного – звона не было, так как в такое время можно всех перепугать. На первых порах существования собора нередко протестовали против нашего колокольного громкого звона. Таким образом, крестный ход мы совершали только при пении, как бы опасаясь своей громкой радостью преждевременно испугать еще спящий языческих мир. Но и этому Бог положит конец, как Он прочно и начал из ничего Свое дело православия в Японии. Как не радоваться сердцу всякого православного при виде этой почти двухтысячной толпы, радостно празднующей и возвещающей миру свою радость воскресения Христова? А уж о радости владыки нечего и говорить... Богослужение шло торжественно и чинно, при трех парах священников и двух диаконах; певчие все пели прекрасно; особенно важно пропели оба хора вместе «Ангел вопияше»; многие и из христиан с восторгом им подпевали. Особенная сила слышалась во всей этой радостной песни, вещаемой множеством верующих. В конце утрени мы похристосовались взаимно в алтаре, а потом вышли к народу; но подходили только преподаватели: у японцев нет обыкновения целоваться, даже и слова такого нет; при поцелуях они иногда

даже слюну испускают, ибо совсем не понимают этого действия для выражения радости и любви.

В половине 4-го часа богослужение кончилось. Мы с владыкой пошли освящать пасхи, а отец Сергей угощать гостей. Христиане устроили себе общее угощение в разных комнатах и скромно, но весело встречали праздник; среди них были и представители от провинциальных церквей, по очереди являющиеся на этот праздник сюда; были и гости язычники. А владыка все это время бегал среди христиан, совсем и не думая, чтобы разговеться и отдохнуть, хоть немножко. А потом все христиане приходили к нему христосоваться, и он всякому давал по яйцу; всех яиц раздал полторы тысячи; можно судить – сколько было всего народу в церкви. А потом постепенно стали приходиться к нему ученики и ученицы, и он всякому давал по 10 сен, то есть по 10 копеек; потом приходили учительницы, которым он давал по 50 сен, но это по ошибке, ибо, говорит, прежде давал по 1 иене, или по рублю¹⁴. Потом подходили все работающие на миссию, кончая прислугой. Утром мы были в посольстве – похристосоваться с русскими, затем они к нам приезжали, потом вечерня, а потом опять приходили разные поздравители. И так весь день прошел для Преосвященного, так что он только часик, может быть, успел отдохнуть; но и устал действительно, в чем он даже и сам сознался, хотя прежде никогда не жаловался, чтобы он уставал когда-либо. На другой день после обедни у нас пели пасхальные песни наши школьники певчие, и мы им дали 15 иен; а потом пели певчие церкви в Козимацци, которым мы дали 4 иены. А затем для всех христиан этой церкви было угощение. Вот и Пасха в японской церкви. Вот это уж очевидное проявление некоторого прочного церковного быта: теперь все серьезно сходятся на всеобщую христианскую радость среди окружающего мрака языческого. Наше дело – расширять в количестве и углублять в качестве дело, основание для которого положено прочное, без всяких примесей человеческого украшения. В таких

празднествах ведь выражается самая сущность церковной жизни, а поэтому и участие в них – участие в церковной жизни, проявление церковного духа. Так, не шутка то, что создал здесь Бог руками Преосвященного нашего Николая. Голоса невегласов, что японцы не способны к принятию христианства искренно и серьезно, должны умолкнуть: это голоса большей частью таких, которые и сами-то едва ли серьезно думают о том, что они христиане; они большею частью считают себя выше (будто бы) предрассудка – быть в церкви в великие по крайней мере праздники, хотя находят обязательным непременно отдать праздничный визит с праздничной улыбкой на лице. А серьезный христианин никогда, вероятно, еще не говорил подобных вещей, да и не скажет. Вот и Пасха – апреля 5/17 1898 года.

В американском журнале «Mission Review» напечатан разговор одного американца с японскими пасторами о состоянии христианской миссии в Японии. Теперь началась некоторая реакция в этом отношении, пробудилось патриотическое чувство и забота о сохранении своих бытовых устоев жизни в противовес всем иностранным веяниям. Но это к лучшему, так как прежде принимали христианство как моду на все европейское, – следовательно, принимали его как часть европейской культуры, чтобы не отстать от света. А теперь, может быть, будет количество меньшее, но будут принимать христианство действительно желающие спасения во Христе. Вообще, это не охлаждение в смысле индифферентизма, а спокойное, разумное принятие христианства. На вопрос: кто выше по вдохновению – пророк Исаия или Шекспир, – пастор только и сказал: различие не количественное, а по самому свойству; но совсем не определено и с большим затруднением. Ну и батюшка.

Апреля 8/20. Владыка, отец Сергей и я в 9 часов утра поехали в Тонусава; это наше миссийское дачное место, в котором теперь по летам живут бесприютные ученики семинарии или ученицы женской школы. Погода была совсем летняя. Дорога после Йокохамы по

железной дороге и потом от станции Коодзу по конке весьма живописная, горная, много напоминавшая мне Кавказ. Проезжали несколькими деревнями; крестьяне живут довольно опрятно, хотя и просто: на улицах то и дело совсем почти голые ребята, да и взрослые не совсем прикрыты. В каждой деревне, кажется, есть школа, и весьма многолюдная – по-видимому, до 300 детей. Непременно – гимнастика и игры. Местами крестьяне вскапывают киркой землю, заливаю водой, почему все пространство представляет вид болота; это для посадки риса. Вспомнился мне наш русский мужичок, который нередко и лошадьё-то лениво, кое-как вспахивает сухую землю. А здесь с величайшим усердием напускают на полосу воды, да еще под дождем и обрабатывают землю. В попутном селении Одовара у нас есть хорошая деревянная церковь, и христиан не мало. Через пять часов после Токио мы были в Тонусава. Это в горах и на горе; все построено бывшим здесь миссионером И. В-м. Здесь есть церковь, дом и еще несколько мелких построек для службы, все деревянное. Теперь все это весьма обветшало, так как непрактично построено для сырого места: все фигуристое, вычурное и тому подобное. Теперь владыка думает церковь переделать в простой молитвенный дом. Перед обедом мы принимали ванну горячей горной целебной воды. Потом поднимались высоко на гору до ворот, по священной дороге, ведущей в древний буддийский храм. С горы прекрасный вид на горы и нижние деревни, только вид тесный между горами. Вечером часа четыре подряд мы гуляли в саду. Епископ рассказывал из истории нашей Церкви Японской. На катехизаторов наших он смотрит не как на лентяев, а просто как на не особенно талантливых; они весьма бывают рады, когда Бог поможет кого-либо привести ко крещению. Смотрит он и на ослабевших в вере как на рейтанов, то есть оставивших веру; они все могут все-таки возвратиться к Церкви, – и рассказал следующее. Во время путешествия по церквям, он несколько раз заходил в дом одного рейтана, но тот все бегал, и жена постоянно го-

ворила, что только вышел (а жена не совсем ослабела). В конце концов он застал его и говорил; сначала тот принял весьма сурово, едва не выгнал, но владыка все-таки присел на улице при входе и говорил, что и он ведь сын Божий, что для его спасения Христос пострадал и, следовательно, как же он снова оставил то, что давно принял как самое дорогое сокровище. Все это, конечно, для всякого христианина известно, не пустые слова, поэтому постепенно и лицо этого рейтана умягчилось, и он сказал: «Да ведь, я не забыл веры, вот и икона у меня есть, а в церковь теперь не хожу, так как стыдно – что скажут»; и потом даже принял в дом и угощал, весьма сердечно выслушивая поучение, а потом все время, пока владыка был в той церкви, и он был в храме. Таким образом, нужно тщательно относиться ко всякому человеку и никого не вычеркивать из числа спасающихся, а всякого наставлять и возбуждать.

Апреля 9/21 мы поехали на станцию Коодзу, откуда и разъехались – владыка в Токио, а мы в Осака. Сразу же погода изменилась, начался холод и дождь. Ночью, хотя в вагоне было и не очень тесно, но от холода мы совсем не могли спокойно уснуть, так как у нас ничего не было, кроме самых летних подрясников да камлотовых верхних ряс: вперед наука при отправлении в путешествие далекое. В Осака нас встретил отец Сергей Судзуки со своим псаломщиком и повез нас в церковный дом. Прежде всего мы осмотрели дом; он весьма большой (в нем прежде была обширная гостиница, да еще к нему пристроили), но совсем испорчен невнимательностью хозяев: крышу попортило и время, и бывшая когда-то ужасная буря, и никому не пришло на мысль тотчас же как следует ее поправить; а теперь весь дом протекает, почему местами испорчены потолки, полы и стены. Тамошние христиане и особенно отец Сергей Судзуки толкуют о том, что у них церковь плохая, неподставительная, почему-де соседи – язычники посмотрят на нее, да и головой покачают, по церкви заключая и о христианстве. А между тем сами они на это дело всего

только 400 иен обещают, хотя народ все богатый. Мы, посмотревши, нашли, что нет необходимости строить теперь же все новое здесь, так как и христиан всего около 200 налицо, да и настоящая постройка нуждается только в хорошем ремонте. А что язычники будто бы не принимают православия, так как у нас церковные постройки не представительные, то это, конечно, не основательно, и толку от таких христиан мало выйдет, если они будут христианами только потому, что внешность их поразит. Места для широких построек здесь очень много. Место прекрасное, в населенной, но не торговой части города; на горе, на берегу реки, прекрасный вид на город. Самый город – центр японской промышленности и торговли, всюду видны фабрики и заводы; народ все зажиточный и чистый. Пообедавши в европейском ресторане, мы немного отдохнули, так как в поезде не пришлось спать, а потом с 4-х часов пошли по домам христиан. До 7-ми часов обошли 9 домов; наутро апреля 11/23 мы с 8-ми до 5-ти часов обошли еще домов 16, да в воскресенье апреля 12/24 обошли 9 домов; некоторых не застали дома, некоторые живут очень далеко или одиночно среди фанатичного языческого семейства, почему мы к ним не ходили. Всех домов до 50. Конечно, всякие есть христиане среди них. Но в общем Осацкая церковь напоминает Токийскую церковь отца Симеона: в доме все устроено по-христиански, даже непременно аналой, покрытый парчой; на нем подсвечник или перед божницей лампадка; на аналое же довольно истертые молитвослов и другие подобные книжки.

Во всяком доме я совершал краткую молитву с одной заздравной ектеньей, для чего предварительно переписывал имена всех в семействе, чтобы, кстати, иметь для себя общий список всех христиан. Христиане принимали нас радушно; по-видимому, сердечно молились с нами, внимательно выслушивали наши разные наставления. Есть очень ревностные христиане, постоянно посещающие церковь и ежегодно причащающиеся; но есть и очень изленившиеся и поот-

выкшие от церкви, и таких больше, так что даже на Пасху было в церкви всего только 100 человек. Очевидно, в общем церковь порядочно спит, – может быть, потому, что предыдущий священник отец Иоанн Оно был человек совсем больной, страдавший ужасным геморроем с разными осложнениями, так что, может быть, не всегда и служил литургию; а теперешний отец Сергей хотя человек очень хороший, высоконравственный и старающийся, но очень смиренный и стеснительный; почему он, может быть, и не совсем подходит для таких бывалых людей, как наши христиане Осацкие – богатые купцы и ремесленники. Он, может быть, для них является несколько скучным. А катехизаторы – один с больной головой, а другой довольно спокойный и не особенно подвижный. Впрочем, катехизаторы не лентяи, а только не совсем умелые люди: один имел многих слушателей, да только очень долго их наставлял, да и не особенно интересно, так что некоторые, не успевши прослушать всего курса, успели переселиться уже в другие места для дела, а некоторые ушли от катехизации, так как, очевидно, не сумел их заинтересовать катехизатор. Под Фомино воскресенье я совершал бдение, сам говорил и ектеньи по русским запискам, причем немало ломал слова и перевирал, так как это в первый раз; а литургию мы совершали втроем: отец А. С-ий, я и отец Сергей Судзуки, диакона здесь нет; мы были без крестов, так как их и не взяли. Христиан собралось человек 30–35, кроме детей; на клиросе поют любители из христианок и несколько мужчин, всех человек 10, иногда разъезжаются все врозь очень сильно: поют и в один, и в два, и в четыре голоса; еще не привыкли. Но вообще здешние христиане приучены петь и в церкви, и в домашней молитве: во время нашего путешествия по их домам они непременно помогали нам в пении, хоть и сильно ввали, чего, конечно, они и не замечают, так как вообще слух у японцев не особенно хороший. После литургии отец А. С-ий, когда христиане приложились ко кресту, сказал поучение; сначала одобрил, что некоторые из христиан побросали вся-

кую работу и пришли в церковь; но потом из малочисленности этого собрания заключил о сравнительной холодности и сонливости здешних христиан, почему и посоветовал всем постараться воспрянуть духом и ревностно приняться за общее церковное дело, что подобно жизни нашего организма, в котором при бездействии одного члена – вред для всего тела и бесплодная работа другого члена; поэтому и христиане своим усердием в общем церковном деле должны помогать священнику и катехизаторам.

А жалоба некоторых на убожество храма не основательна и не разумна: храм совсем не плохой, да и очень обширный, а главное: у преподобного Сергия Радонежского в обители сначала не было ни масла, ни свеч и тому подобного и, однако, монахи, засветивши лучину, горячие молитвы возносили к Богу. Преподобный Сергий теперь святой, да и его ученики святые, а обитель его теперь обширнейшая и богатейшая. Дело не во внешнем, а во внутреннем, в сердечной молитве. Итак, сообща нужно всем воспрянуть и ревностно приняться за общее церковное дело.

Потом мы пошли к христианам, собравшимся в особой комнате за обычным чаепитием. Отец А. С-ий тоже немного поговорил им кой о чем; а потом христиане пригласили нас на их обед в гостиницу и там действительно устроили прекрасный европейский обед; кроме троих нас были пять человек христиан. Вечером с 7-ми часов была вечерня и утреня, а утром тоже с 7-ми часов литургия заупокойная (в Японии введен у нас, православных, обычай – в понедельник после Пасхи поминать всех усопших); совершал отец Сергий Судзуки, а на панихиду выходили и мы. Потом отправились на кладбище далеко-далеко; собрались и христиане, но не многие, так как и могил-то здесь только до 60, из них многие родственников давно отсюда переселившихся в другие места христиан; но наши христиане знают все могилы христианские, называя имена умерших, почему мы отслужили общие три литии в разных местах, распростились с христианами,

которые нас радушно принимали и провожали. Дома мы уговорились с подрядчиками о ремонте квартиры миссионера и тому подобном, всего иен за 20, и уехали в Киото. Когда поправят квартиру, я приеду сюда жить: это полезно мне и для языка, да и за дело помаленьку я здесь примусь. Я заказал переправить хорошенько крышу и побелить мою квартиру. Через неделю обещали сделать, но, вероятно, затянут.

Апреля 13/25 в 5 часов вечера мы приехали в Киото в церковный дом к отцу Симеону Мии; он кандидат Киевской академии и уже лет 5 там священствует. Место церковное недавно куплено, и не дорого; прекрасный двухэтажный японский дом; вверху простая домашняя церковь, конечно без иконостаса, только с несколькими иконами; алтарь отделен завесой; внизу живет отец Симеон; у него трое детей и жена, очень приветливая для христиан, которые ее, кажется, уважают и любят, сколько мы заметили; да она и нас приняла весьма гостеприимно, как у нас на Руси; двор очень обширный, только для постройки отдельного храма несколько не удобен, так как между другими постройками храм будет как будто сдавлен и не заметен; впрочем, кажется, можно прикупить еще соседнее место. Здесь в Киото прежде жил отец А. С-ий; и поэтому христиане, обрадовавшись его приезду, мало-помалу приходили сюда. Христиане все очень хорошие, благочестивые, к церкви усердные. Около нас их набралось довольно порядочно; отец С-ий рассказывал им об Иерусалиме, Риме и тому подобное, они все с большим вниманием слушали и только около 10 часов все ушли. Тут случилась некоторая беда: поднимаясь с полу, я задел головою висевшую надо мной лампу, уронил ее на пол, она разбилась и керосин тотчас загорелся на ковре, а отец Симеон стал еще задувать его, но мы скоро забросали огонь фтонами, или подушками для сиденья на полу; все-таки беды я наделал. А ночью лопнула от сильного раскаления лампадка перед иконой. Неприятное впечатление.

Наутро апреля 14/26 мы ходили по домам христиан; всех домов до 15, а христиан до 50 или побольше; помаленьку начинают принимать христианство и коренные Киотоские жители, чего прежде не было, так как Киото – центр фанатизма языческого; прежде здесь были христиане, только переселившиеся сюда из других мест. Но Бог даст – постепенно средостение разрушится. Здесь молитву совершал отец С-ий. Христиане принимали нас любовно, с радостью и даже почти все угощали. Для отца С-ия это все почти родная паства, некоторых он прежде крестил или приучал к церкви, почему некоторые тут и говорили, что они не забудут его для них дела. Отец Симеон, кажется, трудится: он знает дома всех своих христиан, разбросанных по всем концам громадного города, – значит, часто посещает их. Трудится и катехизатор Афанасий Такай, брат Токийского катехизатора Антония Такая, только много живее того. Помогает им прежде бывший катехизатором, потом по болезни оставивший это дело и теперь состоящий чиновником, один молодой человек. Только напрасно они сильно интересуются русским языком, и даже вывеску сделали «Русская школа»; но едва ли будут хорошими христианами принимающие христианство только из желания научиться русскому языку. Впрочем, если воля Божия да искренность у проповедников будет, то и через это дело может пойти хорошее. По дороге видели пресловутый университет «Досися»; весьма обширное место, на несколько кварталов, постройки прекрасные, учащихся много, но верующих, по словам отца Симеона, не много. Он говорит, что в этом деле сказался протестантизм, учащий одной нравственной системе христианства без всякой строгой догматической основы.

В Киото мы приехали как раз в праздник в честь Хидейоси, знаменитого в древности князя. Народом переполнен весь город, это все богомольцы на праздник; буддийские храмы громадные и богатейшие; движение в них такое же, как в наших Лаврах в торжественные лаврские праздники. Весь город разукрашен в продолжение все-

го месяца. Да, действительно Киото – центр язычества; буддийские и синтоистские храмы и старые-то обширнейшие и богатейшие, да еще вновь постоянно строят еще обширнее и богаче; на конце города построили синтоистский храм пятиглавый даже, почему мы заметили, что он когда-либо будет православным храмом. И ведь это большею частью строят на пожертвования, по крайней мере буддийские храмы (синтоизм – религия государственная и пользуется покровительством правительства, а буддизм нет). Дай Бог нам завести здесь основательное дело миссии, хоть и медленно. Здесь, очевидно, религиозный дух силен, а поэтому и не скоро принимает чужую веру; но чем больше борьбы, тем больше силы и искренности в принятии христианства и прочности в этом деле. Распростившись с добрыми хозяевами, мы поехали к трем часам на поезд; там собрались некоторые из христиан провожать нас. Поезд был битком переполнен. Ночь спать пришлось очень плохо. Поезд на час опоздал. В половине 11-го часа апреля 15/27 мы были на Саругадае в миссии. Из этого первого путешествия по церквам я вынес очень отрадное впечатление. Мне оно напомнило мое прошлогоднее весеннее путешествие по школам в Осетии, где я видел стремление народа к свету христианскому и искреннее к нему всех отношение. Наше дело здесь не быстро, но прочно идет вперед: основа положена хорошая, дай Бог нам это дело продолжить.

Апреля 19/1 мая воскресенье. За литургией народу было очень много: душа радуется. Много язычников. Владыка заболел, должно быть простудился, и проболел дня 3–4. Вообще он как-то больше стал поддаваться разным влияниям простуды или усталости: очевидно, стареет. Дай Бог ему еще здоровья на много лет. За это время накопилось писем до 60 с разных концов от катехизаторов, священников и христиан. Некоторые письма с сажень длиной на свертках. Из Вакаяма катехизатор Фома Танака пишет, что католический катехизатор начал подбираться к нашим христианам и совращать их в католиче-

ство, так как-де из русской веры легче обратить, чем из буддизма. Фома узнал об этом и сказал католическому катехизатору: чем соблазнять христиан, лучше мы поговорим о вере, для чего устроим собрание. Тот спросил своих патеров, которые не позволили вступить в спор. Тогда Фома стал усовещивать, что-де, очевидно, вы боитесь открыто показать свою веру и желаете держать во тьме своих христиан. Это заставило католиков согласиться на спор, для чего они вызвали из Киото самого лучшего катехизатора, так как сами патеры – французы, по-японски не вполне говорят, а их катехизатор в Вакаяма не вполне надежен на открытое состязание. В назначенный день собрались и православные и католики; но так как Киотоский катехизатор замедлил (может быть, нарочно это и устроено было), то спор начал местный катехизатор и изложил подробно все свое учение католическое; излагал долго, никем не прерываемый. В это время входит и Киотоский катехизатор; но Танака начал уже свой ответ в опровержение католичества: Апостол Петр в Риме был очень недолго, а не 30 лет, как говорят католики; в 58 приблизительно году написал Апостол Павел послание к Римлянам, но нет совершенно даже никакого намека на то, чтобы там был в это время Апостол Петр. На Иерусалимском Соборе весь вопрос решил главным образом Апостол Иаков. А что Апостол Петр постоянно говорит и делает первый, так, конечно, во всяком обществе кто-нибудь один начинает; а Апостол Петр именно потому, что он был горячее всех, Ключи и власть вязать и решить даны Апостолу Петру, но даны и другим Апостолам. А что Римский архиерей – преемник первенства и власти Апостола Петра потому, что сей умер в Риме, тоже не основательно: если бы японский Император, путешествуя по царству, умер в каком-либо городе, то разве губернатор этого города был бы только поэтому законным наследником Царской власти? – А почему вы мирян причащаете только под одним видом Тела Христова? – Ответ: для удобства. – А между тем Христос ясно сказал о причащении и Тела и Крови для

жизни вечной; значит, вы только для своего удобства лишаете христиан источника истинной жизни и искажаете Писание. – Католический катехизатор: вы приводите все тексты по греческой да по славянской Библии, а они там искажены, в латинской Библии не так. – Фома: покажите мне латинскую Библию. – Мы не взяли. – Да вы понимаете ли латинский язык? – Латинский катехизатор: – нет. – Так что же вы держите во тьме своих христиан? и прочее. Если можете и желаете, то отвечайте еще на мои возражения, я подробно показал вам, что истины у вас нет; вы называете нашу веру Русскою, а у греков-де не так все это; я вам показал, что эта вера не русская, а стоит на Писании и Предании, вся история Церкви ее доказывает. – Католики что-то начали шуметь, очевидно рассердившись и будучи не в состоянии отвечать. А Фома: что же вы сердитесь? Я не сердясь вам говорю, а только для выяснения истины; я говорю потому, что имею настоящую истину, несомненную. После некоторого шума все разошлись. Наши христиане были очень довольны и написали владыке письмо, в котором выражают радость, что теперь-де католики к ним не будут больше приставать. Когда я об этом рассказывал диакону Стефану Кугимии, то он мне рассказывал, что католики и Богородицу одели в японское женское кимоно (статую Богородицы), а на вопрос: зачем это? – они не могли ничего сказать, равно не могли никак объяснить ему католического обычая – при входе в храм водой мазать себе лоб. А в Китае, говорят, они и Христа изображают в виде китайца с косой; это все из их стремления приноровляться к местным условиям, чтобы свободнее распространять христианство, а в результате – полный индифферентизм.

Из Окаяма священник Игнатий Мукояма в послепраздничном письме, между прочим, совершенно случайно и спокойно рассказывает. В Цуяма есть хороший благочестивый христианин Фукасе Иоанн и жена его Ирина, весьма потрудившиеся при покупке для церкви хорошего места в Киото. Он на Страстной неделе заболел, так

сильно, что и доктора ничего не помогали (человек он очень достачный – торговец); предполагая, что ему, очевидно, в церкви на Пасху не быть, он пожелал хоть исповедаться и причаститься теперь; но священник, занятый делом, совершенно не мог к нему приехать; Ирина все-таки пошла в церковь в Окаяма на Пасху, но после службы поторопилась скорее ухаживать за больным мужем, да и сама слегла, так что оба лежали даже без всякой пищи и помощи. Тут они непременно пожелали причаститься, но отец Игнатий был в приходе, почему телеграмма его уж там нашла, и он числа 19–20 приехал к больным, исповедал и причастил их; и вот тут случилось совершенное чудо: оба они встали после причастия сразу, как совершенно здоровые, а 21 апреля Иоанн уже занимался своими делами. Теперь они оба ходят и хвалят Бога за Его к ним милость. И важно особенно то, что наши христиане не смотрят особенно изумленно на все подобные случаи, а их, по рассказам владыки, весьма много; они просто верят, сказано: просите и дастся вам, – значит, и нужно так несомненно верить и дано будет; а если не дано, значит, не просил или не так, как нужно просил. Это показывает, что веры много, и самой простой и живой, детской. Дай Бог, чтобы это еще более окрепло и обнаруживалось на славу имени Божия.

В русских газетах и журналах, а потом даже и в католическом журнале, рассказывается о только что бывшем под 8/20 марта нынешнего года чуде в городе Курске. Там есть чудотворная икона Знамения Божией Матери; какие-то злоумышленники или, лучше сказать, святотатцы подбросили тайную мину в храм, в котором была икона; все было действительно взорвано в храме, но икона Богородицы найдена совершенно нетронутою, как будто только она и стояла на другом совсем месте, далеко от беды; очевидно, желания обокрасть не было, а было совсем иное желание – именно надругаться над всеми чествуемой святыней. Преосвященный Ювеналий немедленно служил молебен, народу на который собралась масса; во время

молебна, особенно когда владыка осенял народ иконой, все почти проливали слезы и громко со слезами зывали: «Пресвятая Богородица, спаси нас». По всей России, по получении известия об этом новом знамени силы Божией, служили усердные моления. Как Бог-то милостив: не наказал злодея тут же при его злоумышлении, а явил Свою силу иным образом, чтобы хоть этим обратить грешника от заблуждения пути его; зато если сей и таким знаменем не будет умягчен, то уж совершенно безответен будет на суде, ибо употреблены были для него все меры, показано полное милосердие и забота, но он и этому не внял.

Апреля 27/9 мая я с владыкой отправился до Осака, чтобы там поселиться по крайней мере на лето для окончательного изучения разговорного языка. Токийское духовенство меня провожало весьма сочувственно и как бы радуясь, что и я, Бог даст, выступлю на дело проповеди там. А мой учитель диакон Кугимия даже на вокзал приходил, хотя погода была весьма худая – лил дождь. В вагоне ехали вместе с корейским эмигрантом Букоико; он царской корейской крови и был видным министром в своем Отечестве. Но, недовольный тамошним настоящим правительством, он пристал к партии возмущающихся и с ними перерезал многих тогдашних министров, так что вся комната наполнилась кровью. Это было 14 лет тому назад. Так как перерезанные были родственниками королевы, то ему пришлось бежать из Отечества. А королева и держала все правление в руках, тогда как король весьма слаб и сквозь пальцы смотрит на все. Одна только беда за ней: она к высшим местам проводила своих родственников корейцев, а они почти постоянно всем этим злоупотребляли и возмущали народ. Он бежал сюда в Японию, и японцы его содержат до сих пор на свой счет. Но из Кореи подсланы были люди убить его здесь, только не нашли его, а он опять должен был бежать, и бежал в Америку. А так как он очень видной фамилии, то родственники его постепенно опять устроили дело так, что его опять пригласили возвра-

титься, и он опять сделался министром. Но тут опять не поладил с королевой и бежал в Японию. В это время убили королеву японцы; но он не замешан в это дело нисколько и говорит, что не сочувствует японцам и никакой революции в государстве не желает, только стоит за благо Отечества. В Японии корейцев беглецов весьма много, и они все не любят японцев, по его словам. Хочется ему побывать в России, только боится японцев, чтобы они не заподозрили его сочувствующим больше России, чем Японии. Спрашивает, и прежде спрашивал (он давно уже знаком с владыкой), – почему нет наших миссионеров в Корее; владыка сказал, что теперь, кажется, скоро будут. Жалуется, что нечего делать; владыка посоветовал ему описать свою судьбу подробно, что весьма будет полезно для его Отечества.

В Осака приехали около 8 часов утра; встретили отец Сергей Судзуки и катехизатор. Попивши наскоро чаю, мы весь день потом до 3-х часов подробно осматривали церковный дом и решили, что теперь пока еще не стоит строить совсем новый дом и церковь, так как и этот хорош, а христиан-то не много; нужно только непременно отремонтировать хорошенько все, и тогда достаточно будет лет на 5 еще. Позвали плотников, кровельщика и штукатура и сдали им все основательно отремонтировать в общем приблизительно на 600 почти иен, с тем чтобы они завтра же начали и до нюубая, или весеннего месячного ненастья, кончили. Владыка хотел тотчас же и уехать, но мы его удержали до утра. Вечером мы толковали о том, чтобы завести здесь катехизаторскую школу: теперь японцы всюду просят у нас катехизаторов (это язычники), а у нас их нет; вот и хорошо бы здесь собрать южан – людей бодрых, горячих. Как раз подошел тут один здешний молодой, но весьма ревностный христианин Андрей; он бедный, но содержит мать старуху; в церковь ходит постоянно и непременно встает на клирос. Очень хороший христианин. Я и в первую сюда поездку обратил на него внимание и хотел его помаленьку приучить к церковному делу; я так и отрекомендовал его владыке, что постоян-

но-де поет на клиросе за службой. Владыка завел с ним разговор и, узнавши, что человек он очень хороший, начал побуждать его взяться за проповедь слова Божия, для чего предварительно нужно поучиться в катехизаторской школе. Он высказывал свои колебания, что старая мать на руках и ее нельзя оставить. Владыка говорил, что она немного подождет, а потом пойдет жалованье и дело Бог благословит. А дело-то какое? Ведь ничто с ним не может сравниться по высоте. Советовал ему все обдумать серьезно, если сердце любит это дело, посоветоваться с матерью, а главное – помолиться Богу усердно. После его ухода владыка еще больше и воодушевленное толковал о необходимости открыть здесь школу, и мы решили: если будет хоть 5 человек, то откроем после лета и здесь школу, а если меньше того, то учеников отправим в Токио. А отец Сергей Судзуки отправит письмо всем священникам юга Японии, чтобы указали хороших кандидатов в школу. Дай Бог, чтобы это дело действительно удалось завести и вести его прекрасно, чтобы из школы выходили настоящие ревностные проповедники христианства, отвечающие теперешнему горячему желанию японцев – слушать проповедь о Христе.

Когда все уже ушли, мы с владыкой еще долго разговаривали по поводу этого. Он советовал мне постепенно знакомиться со здешними англиканскими миссионерами; говорил, что они вообще люди очень хорошие и общительные; советовал мало-помалу знакомиться и с бонзами, так как из их среды можно приобретать очень хорошие силы в христианство и для проповеди. Говорил, что катехизаторы наши все по-своему трудятся и желают трудиться, но нет среди них таких, чтобы сами все начинали: они большей частью идут по течению и пользуются благоприятными для проповеди обстоятельствами. А вполне самостоятельных людей среди них действительно мало. На днях один катехизатор, прежде в катехизаторской школе весьма плохо учившийся, прислал владыке письмо, в котором говорит, что так как на маленьком жалованье в 8–12 иен катехизаторам очень

трудно, то для пользы дела хорошо бы сократить их количество и увеличить жалованье, а потом – весьма полезно было бы, чтобы лекции преподавателей нашей семинарии литографировать и рассылать катехизаторам, так как большинство из них учились, когда еще не было преподавателей – академиков, а остальные после школы редко имеют что-либо под руками для продолжения и возобновления полученных познаний. Относительно первого все они давно кричат одно и то же и даже на соборах много раз предлагали такую меру; но это, конечно, не практично, так как и вообще катехизаторов мало: всюду их требуют и язычники, а послать совсем некого. Второе – очень разумное дело по мысли, но на деле едва ли много полезно, так как едва ли наши преподаватели читают своим слушателям что-либо особенно выдающееся и основательное, а, вероятно за немногими исключениями, делают краткую и не совсем исправную компиляцию из полученных ими обрывков русской науки. Владыка написал катехизатору – представить все это на собор своим проектом, а дело покажет. Относительно денег всегда был один ответ: больше выдаваемого денег нет, нужно теперь, чтобы сама Японская Церковь уделяла от себя на содержание своих учителей. Владыка советовал мне поскорее съездить в Кобе и побывать у тамошних христиан. Я взял из Токио ящик с сосудами и антимином, чтобы можно было или мне, или отцу Сергию Судзуки уезжать в провинцию послужить литургию. Владыка просил чаще писать или ему самому, или отцу А. С-ию. А в случае большой скуки советовал приезжать в Токио на некоторое время, чтобы в общении разгонять эту скуку.

Апреля 29/11 мая около 8-ми часов утра мы все провожали владыку на вокзал; всех провожавших было человек до 10, только христиан не было, так как они и не знали об этом, а были только живущие в церковном доме. Владыка проехал в Киото, так как он там не видел еще нового купленного места для церкви, а потом проедет в Нагоя и там, вероятно, переночует, чтобы 30 апреля возвратиться в Токио.

Проводя его, я с отцом Сергием до самого обеда ходил по городу и покупал разные разности, необходимые для хозяйства. Накупил много и на много.

Итак, я начинаю самостоятельную жизнь в Японии, призванный на дело проповеди христианства. Дай Бог, чтобы и мои благие намерения действительно Бог помог мне исполнить на деле, а для этого, чтобы мне самому решительно и живо веровать только в единую во всем силу – силу благодати Христа Царя Небесного. Он Сам даже с неба пришел единственно ради спасения Своей непокорной и злохуждой твари от греха; Он всем пожертвовал ради этого спасения и действительно ценою Своей крови нас искупил от греха, чтобы быть нам с Ним вместе в раю вечном, как Его ученикам и послушным детям. А если такую дорогою ценою мы куплены, то как же нам и не дорожить всем этим делом и не стараться всеми силами привести его в действительную силу, чтобы нам и всем другим действительно и сердечно познать и жить ею во всей своей жизни? Вот наша цель жизненная, с которою ничто другое не может сравниться по высоте и вечности и единственности: это – спасение всех людей верою и жизнью во Христе Спасителе. Да и как же может быть иначе? Если только указ земного царя читают, то все непременно выслушивают внимательно и стараются потом как можно исправнее все это выслушанное привести в дело, ибо в противном случае окажутся преслушавшими царскую власть и противниками царя своего. А христианство вещает волю Самого царя Небесного, во власти которого все и небесное и земное. И это есть последняя и спасительная о нас воля Божия. Поэтому как же ее не вещать всем, кому возможно? А возможно, конечно, всем. Ведь это истинный свет, никогда не заходящий и не ослабевающий. Если даже при свете небесного солнца – создания творца – нелепо закрыть глаза, чтобы не видеть этого света и не пользоваться его прекрасным видом и великой живительной силой, то что сказать, если бы мы стали закрывать глаза перед великим светом, ко-

торый истекает от солнца правды – Христа? Но так как есть люди, которые даже и обыкновенного солнца света не понимают или не умеют ценить, а некоторые и не видали его никогда, то тем более есть подобные относительно солнца правды. Поэтому и нужно стараться, чтобы как можно меньше было людей, которые не знали бы об этом свете, чтобы хоть малая часть из них действительно жила при свете Его и входила в жизнь вечную. Для этого и было и есть все домостройство нашего спасения от Бога, для этого Христос и сказал Свою последнюю заповедь, чтобы Его ученики шли на проповедь о Нем всему миру. К этому-то делу в последок дней сих Он и нас призвал Своею благодатью, чтобы и мы, грешные, хоть немного потрудились на Его святой ниве. Дал бы Бог такую же сильную ревность о сем деле, какая есть у нашего владыки Николая. Дай Бог, чтобы я воодушевленно, искренно, постоянно делал порученное мне и от Него, и от людей дело проповеди, чтобы я силен был и других восставлять на то же дело, чтобы это общее дело Церкви действительно было общим делом всех верующих, исполненных единой святой цели в жизни.

Часть 2

Осака

1898 год, 13 мая. Господи, благослови мое второе начинание на японской почве. Третьего дня после обеда приходил здешний христианин Павел Кавагуци; он прежде был катехизатором в Нагоя, но оставил это дело и занимается торговлей – перепродает американские товары здесь. Теперь он человек довольно зажиточный, кажется. В бытность катехизатором он заваливал Преосвященного письмами, в которых излагал свои разные проекты о том, как бы нужно вести церковное дело; Преосвященный советовал ему вместо этого заниматься поисправнее своим делом; а он действительно в этом отношении поленивался и, очевидно, больше любил говорить, а наедине мечтать о своем деле, чем усердно и умело делать его. Подошел и отец Сергей Судзуки, и у нас постепенно завязалась беседа о разных церковных вопросах. Мы просили Кавагуци усердно помогать нам в отыскании хороших учеников для предполагаемой нами катехизаторской школы, ведь он сугубо призван к этому, так как Церковь дала ему даровое образование, желая иметь его своим слугою. Он очень обрадовался этому предложению о школе. Потом я долго рассказывал об отце Иоанне Кронштадтском, а по поводу этого и вообще много говорил о внутренней силе Православной Церкви, о чем постоянного говорит и отец Иоанн, как всецело живущий и крепнущий этой силой; говорил, что никакая другая сила не может сравняться с нею; приводил самые обычные примеры для этого, как после какого-нибудь малого доброго дела или хорошей мысли или теплой молитвы у нас на сердце оживает совсем иное, отличное от обычного, настроение, которое надолго желалось бы иметь, так как

оно дает нам какую-то особенную жизнь, высокую и возвышающую, с чем ничто для нас не может сравниться. А ведь это и есть часть того, что дает нам, если мы принимаем, Святая Церковь. Говорил, что нужно как можно больше людей посвятить в эту тайну нашей Церкви, чтобы как можно больше было спасающихся. С этим делом по высоте может ли что сравниться? И теперь японцы весьма желают слушать проповедь о Христе и отовсюду просят у нас проповедников, но мы их не имеем. Хотел было я рассказать о споре с католиками Вакайамасского катехизатора Фомы и о его победе, а также о случае исцеления после причащения Фукасе мужа и жены в Цуяма (об этом рассказано прежде немного), но, оказывается, о том и о другом он уже знает. Вся моя речь была для обоих их понятна; они говорили, что это будет понятно и для остальных верующих, и просили как-нибудь рассказать. А я со своей стороны подогревал отца Сергия прочитать книжку об отце Иоанне и Дневник его (у меня есть) и сделать краткий перевод выдержек из той и другой; это будет весьма полезно не только для христиан, а и для язычников, так как даже маленькая книжка отца Павла Сато читалась и язычниками с большим интересом; а тем более рассказ об отце Иоанне как живом свидетеле и доказательстве силы истинной веры. Отец Сергей прежде был переводчиком при миссии и русский язык понимает, даже немного и говорить еще может. Дай Бог, чтобы эта затея удалась нам.

Теперь идет основательный ремонт дома; мастера обещают кончить работу к нюубаю; не знаю, успеют ли. В своей квартире я теперь совсем устроился. С понедельника, то есть с 4/16 мая придет учитель японского языка Павел Исогаи, с которым прежде занимался отец архимандрит С-ий; я даю ему по его условию 12 иен в месяц; жить он будет в нашем церковном доме. Теперь недостает только повара, который должен быть вместе и слугой; пока теперь стол беру из гостиницы, но весьма дешево: в три-четыре перемены очень сытный обед всего 30–35 сен. Слугу скоро обещали найти. Ежедневно читаю

Библию, жития святых дня, отправляю с сокращениями ежедневно службу, кроме литургии (только у себя в квартире), смотрю за постройкой, повторяю китайские буквы, которые за это время позабыл.

Мая 3. Погода стоит переменная: то дождь, то ветер, а вообще сравнительно холодно, и я особенно ночью весьма прозябаю. Работа двигается вперед.

К христианам я намеренно не ходил, чтобы видеть, придут ли они сами ко мне, так как я уже был у них в первый приезд, а кроме того, они знают о теперешнем моем приезде. Под воскресенье – 3/15 мая – бдение совершал отец Сергей, а литургию мы совершали вдвоем. Христиан взрослых собралось человек около 15 – очень мало. Очень печально. С печальным сердцем вышел я к христианам на обычное их чаепитие после литургии. Говорить не было, по правде сказать, никакой охоты; и я только и принудил себя заметить, что очень мало собралось христиан; просил их взаимно поддерживать и побуждать друг друга к Церкви, так как для нас Церковь и молитва – все одно что воздух или для рыбы вода. Проговоривши это, я и ушел к себе, и даже чаю пить не хотелось. После обеда приходили двое христиан; я им поговорил о сегодняшнем чтении из Деяний (в Антиохии в первый раз христиане стали называться этим именем) и евангельском – о беседе Христа с Самарянкой о живой воде, то есть о вере, которую и получила она, а потом была страшно замучена Нероном (святая мученица Фотиния). Рассказывал о Риме и катакомбах, о согласной жизни первых христиан, почему они и представляли из себя силу, с которой ничто не могло бороться. Для нас теперь нет ни гонений, ни подобного, поэтому нам одно только и остается – сохранять и в сердце, и в жизни веру. Поэтому друг друга будем взаимно побуждать.

3/15 мая вечером в 9 часов я писал Преосвященному в Токио письмо, а после пяти часов я с Фудзии катехизатором ходил к христианам. Не торопясь, до 9-ти часов мы обошли три дома¹⁵. Я говорил

о жизни первых христиан древних, о молитве, которая для нас что воздух или для рыбы вода, – через которую мы ближе к Богу, как через беседу или письмо ближе к человеку; советовал постепенно в обычных разговорах с язычниками заводить речь и о христианстве, вместо обычных судов да пересудов; а для этого не соблазнять, а привлекать их к христианству и своею жизнью; и взаимно друг друга поддерживать и побуждать к делу Церкви; немножко упоминал об отце Иоанне Кронштадтском. Жалуются, что не имеют-де горячей веры, а потому как-де другим ее будут предлагать. Я говорил, что это такое дело, которое если не начнешь, то никогда и иметь не будешь. Конечно, оно трудное, но зато самое главное, для которого все; советовал повнимательнее читать Евангелие, в котором слово не человека, а Бога, и мне тут же одна христианка рассказала о том, как постепенно она пришла к христианству, начавши читать Евангелие. Вообще, беседа везде была очень живая и как будто выслушивали везде с большим интересом. Я, конечно, спрашивал – понимают ли мою речь? Говорят, что понимают, да об этом я сужу и из их ответов или вопросов по поводу моих слов. Вот первый мой выход. Завтра, если не уеду в Кобе, то вечером опять пойду к христианам; вечером они все-таки свободны. Завтра начинаем занятия с Исогаем.

Андрей Мориока, с которым мы беседовали о катехизаторской школе, советовался с матерью. Она согласна, только на следующий год, так как после мужа остался долг, который Андрей теперь и выплачивает помаленьку, получая из полиции иен 12–15. Он и сегодня с Накано Мелетием приходил ко мне и весьма умилился, когда я своим ломаным языком рассказывал о Самарянке, потом бывшей мученицей Фотинии, и о катакомбах. Здешние с радостью слышат мысль завести и здесь школу, о чем им говорит отец Сергей. Мы, конечно, их призываем к помощи в этом деле.

4/16 мая сию вечер дома, так как и отец Сергей, и катехизатор ушли к христианам. И то хорошо. Очевидно, и у них появилось жела-

ние приняться за это важное дело. Дай Бог. Сегодня начал заниматься по-японски с новым учителем Павлом Исогаем.

Мая 5/17 я с 7-ми часов утра поехал в Кобе. Поезд идет только час времени. Накануне отец Сергей послал тамошнему катехизатору Варнаве Симидзу письмо, чтобы он меня встретил. Но хотя было уже 9 часов, когда я, долго проплутавши под дождем по городу, вошел в квартиру, Варнава еще спал. У него гостит катехизатор Иаков Атаци из Химейдзи и Какогава. Я сделал поэтому поводу некоторое замечание, что если мы так и всегда будем спать, то проспим все наше дело. Оба они весьма стеснялись, что я их обрел спящими. Тотчас же я на дзинрикия, так как лил дождь, с Варнавой поехал по домам христиан и везде совершал краткое пасхальное молитвословие. Всех христианских домов в Кобе 11; среди них есть такие, что только жены православные, а остальные или язычники, или протестанты (всего пять домов). Катехизатор говорил, что в церковь на молитву они весьма неисправно собираются; я и говорил о значении для нас молитвы как средства возвыситься к Богу; в этом отношении она есть то же для нашего духа, что воздух или пища для тела или вода для рыбы. Поэтому без молитвы мы постепенно от Бога уходим, а это то же, что уходить от света в тьму. Говорил о жизни древних христиан, которые и среди гонений крепко содержали веру, спасаясь в катакомбах. Говорил о силе веры, совершающей чудеса и для тела и для духа, и указывал кратко на отца Иоанна Кронштадтского, за которым бегают толпы, чтобы только хоть благословение получить или прикоснуться к его платью. Указывал и на чудо исцеления в Цуяма Иоанна Фукасе после причащения. Просил всех помогать нам в деле проповеди – искать людей для слушания учения, а для этого в обыкновенных разговорах мало-помалу говорить и о христианстве. Я при этом говорил о важности и единственности того дела спасения, ради которого Христос крест претерпел. С этим делом ничто не может сравняться.

В доме, где только хозяйка православная, а прочие протестанты, я говорил о важности и значении икон, – как мысли мы выражаем словами или друга своего имеем портрет, так икона помогает нам ближе быть к Богу, представить Его, для нас Невидимого. А так как мы из тела и души, то для нас иконы и все внешнее в православии совершенно необходимо. А у Фудзии Манефы, муж которой слушает протестантов, я говорил о том, что теперь англиканская Церковь ищет единения с православием, сознавая свои ошибки и правильность православия. Кимура Иосиф прежде был помощником катехизатора; я его и теперь призывал к тому же, так как этим мы делаем дело Божие. К моему удивлению, мою речь почти везде понимали хорошо и весьма радовались моему неожиданному прибытию и приятной беседе. Конечно, дома я не заставал многих христиан. А совсем не застал только в трех домах. Между прочим, не застал двух сестер милосердия, по словам Варнавы очень хороших христианок. Мне очень хотелось их повидать и побудить их вести помаленьку беседу о Христе среди больных. Катехизатор, по общему их всех обыкновению, жалуется, что церкви нет, а есть только маленькая нанятая квартира; а здесь-де смотрят на внешность и поэтому не принимают православия, так как у него внешность совсем не заметная, тогда как протестанты имеют богатые храмы и тому подобное. Я одно говорил, что наше дело не внешность и не количество, а внутреннее дело спасения людей верою во Христа, что не настоящий христианин, который принимает христианство пораженный внешностью. Мы должны проповедовать, раскрывать слово о Кресте Христовом и возбуждать дух на дело спасения, а не поражать богатством и силой; первые христиане даже в земле делали дело веры, а преподобный Сергей Радонежский и с лучиной совершал молитвы. Они согласились. Воодушевлялись мыслью всем сообща приняться за дело проповеди, чтобы Церковь их росла и множилась. Вообще, христиане очень обрадовались мне. А катехизатор просил почаще приезжать для возбужде-

ния Церкви, так как к ним – катехизаторам – христиане привыкают и не с особенным вниманием слушают их слово, почему когда побывает священник, то христиане на первых порах после этого весьма бывают усердны к церкви, хотя потом опять ослабевают. Я им советовал самим-то над собой усердно работать, чтобы поднимать свой дух и возбуждать живую веру; советовал читать Новый Завет и другие книги для уяснения учения, чтобы выработать миросозерцание. Советовал по вечерам чаще ходить к христианам для бесед. На Вознесение и Троицу я обещал предположительно в Кобе устроить богослужение, приеду или я, или отец Сергей.

Заезжал к нашему консулу Федору Ивановичу Васильеву. Жена его, кажется, особа очень энергичная, а главное, религиозная. Она весьма скучает по церкви, проживши всю жизнь в Санкт-Петербурге близ Лавры; теперь в воскресенье ходит даже в католический костел, почему я сказал, что ее обратят в католичество, но она настойчиво и презрительно отрицается; а я заметил, что для этого не нужно и вашего согласия, чтобы вас провозгласить им католичкою. Она весьма обрадовалась, что иногда мы и здесь будем устраивать литургию. У них я совершил молебен. Потом мы долго спорили с Васильевым, так как он отрицает у японцев какую-то способность быть искренними христианами, в частности православными; говорит, что напрасно все мы едем из России, когда у нас и там всякой миссии по горло, на что я ему заметил, что если бы и апостолы так же говорили, то мы бы и сейчас не знали ни слова о Христе; а он: «а зачем и знать? пусть всяк живет по своей религии». И все ведь подобное говорят люди, которым ни до Бога, ни до беса нет никакого дела; жаль и прискорбно в наших же вместо помощи видеть полное отрицание и насмешку, а уж о том сочувствии, с которым к миссии относится общество, например, в Америке или Англии, нечего и толковать. Разыгрывая интеллигента, счел нужным посмеяться над верою в действительное существование дьявола. Подобные люди никаких возраже-

ний толком не разбирают, да и не принимают их даже в соображение, а мелют свое, почему я особенно и не старался продолжать спор, чтобы окончательно все уяснить. Говорит, что из здешних миссионеров лучшие православные и католические, а протестантские – отребье, прожектеры и торгаши, счастливо поживающие. Всех христиан в Кобе 32 человека. В семь с половиной часов вечера я возвратился в Осака. Дождь лил по-прежнему. Ветер сильный.

6/18 мая ходил к христианам в четыре дома, кончено опять вечером. Все они искренно жалуется на слабость своей веры; но ведь и евангельский сотник говорил: Господи, помоги моему неверию – и, однако, Христос его-то веру и назвал превосходящею веру израильтян. Возбуждая дух, я и говорил, что это ведь самое главное дело и поэтому трудное, но для него-то и нужно употребить все силы; и говорил вообще о той силе, какую может дать нам Церковь, если мы действительно воспользуемся предлагаемыми ею средствами; например, после хоть краткой, но действительно от сердца излившейся молитвы как-то незаметно для нас в душе совсем другое настроение развивается; а таково и все дело благодати Божией, сообщаемой нашему молящемуся духу. Советовал, как и в прежних домах, вместо обыкновенных пустых разговоров при встречах с язычниками постепенно заводить речь о Христе; один древний писатель писал о первых христианах, что теперь о Христе они толкуют на всяком месте; вот как они заботились о распространении света истинной жизни, хотя им за это и угрожала опасность подвергнуться гонению. Говорил немного о службе в субботу в день Святого Николая Чудотворца; это будет молитва за владыку нашего, так как он именинник, – и призывал к обедне; но едва ли придут, так как в будни все они на работе и день дорог.

Отец Сергей на другой день все время ходил по христианам и уговорил их (хотя будто бы они сами предложили, радуясь восстановлению церковного дома) пожертвовать 100 или более иен на ук-

рашение храма и дома. Он хотел только употребить эти деньги, и дело с концом; а я сказал, что все-таки спрошу епископа, ибо он хозяин в Церкви и все должно делаться с его ведома и спроса; в этом смысле я и вообще сказал наставление, что в Церкви ничто не должно быть без епископа.

Отец Архимандрит Сергей пишет, что в Канде (в Токио) с прошлого воскресенья начались у христиан собрания для чтения Священного Писания и проповеди; говорил и отец Сергей; первое собрание прошло с большим интересом. Дай Бог, чтобы и дальше это дело росло и множилось. Восторгается отец С-ий молодостью души владыки: сей после возвращения отца Сергея с собрания быстро прибежал в его комнату, расспрашивал и сам рассказывал о своих катехизациях в старину. Дай Бог и нам сделаться такими же молодыми.

Владыка пишет: «Благодарю Вас за письмо. Оно показывает и крепость духа, и гибкость в Вас, и то, что благодать Божия с Вами. Да будет же и всегда с Вами, и да хранит и направляет течение ваших мыслей и движения Вашего сердца ко благу Вашему и спасению ближних, для которых приехали сюда трудиться, и да поможет Вам мощно во всем». Приложил 100 иен – на обзаведение моей квартиры (50) и на работу (50). Беспокоится о поваре и слуге для меня и просит дать телеграмму, если не нашел, чтобы немедленно можно было выслать человека из Токио. Говорит, что часто вспоминают меня и гадают о том, что я делаю. Из Кобе катехизатор Варнава Симидзу пишет: извиняется, что проспал мой приезд; просит почаще приезжать, так как это важно для возбуждения духа верующих.

После вчерашнего ливня теперь погода прекрасная. Но к христианам я опять не ходил, так как много времени проговорил с отцом Сергием; а потом все ушли по домам христиан. Дай Бог, чтобы мои помощники и всегда вели себя в этом отношении так же прилежно, как теперь. Японский язык мой двигается вперед: теперь токухон (начальные книжки) читаю гораздо быстрее, чем прежде. Мой по-

нятный и сравнительно хороший японский разговор весьма изумляет всех японцев. Должно быть, мне в этом отношении Бог помогает за молитвы всех моих русских доброжелателей; в Ардоне даже во время моего путешествия совершали молитву о благополучном моем плавании. Такая сила любви, конечно, проведет к Богу. Дай Бог, чтобы и дальше мне Бог помогал и самому мне дал истинно апостольскую ревность и силу.

На днях приходили из Цуйяма Иоанн и Ирина Фукасе, последняя с отцом (Симеоном) и матерью (Марией) из Нарая (недалеко отсюда); весьма радостные, что Бог посетил их Своею благодатью, восстановивши от болезни чудесно. Они и вообще очень хорошие христиане. Я советовал им не умалчивать об этой силе благодати Божией: мы о своих добродетелях действительно должны молчать, а дело Божие скрывать грешно. Ибо таким образом дух ослабевший хоть одного какого-нибудь человека и воспрянет, слыша явный голос приявшего всесильную благодать. Просил их помочь нам в приискании учеников для предполагаемой катехизаторской школы.

На днях приходили к отцу Сергию англиканские катехизаторы японцы; спрашивали о Церкви. Отец Сергей рассказал им о количестве христиан, о количестве крещений, о пожертвованиях христиан на церковь, о проповеди и о внимании к ней. Усыхавши только о внешнем положении церковном, катехизаторы, однако, весьма удивлялись действительной силе православия, хотя в разговорах отца Сергия с ними об этих предметах и не много показано было силы нашей Церкви. Что же сказать вообще-то о нашей Церкви в сравнении ее с еретическими здешними общинами? Жаль, что нет у нас многочисленных и хороших для проповеди катехизаторов. Очевидно, почва есть глубокая для принятия именно истинного христианства, если бы только его мы сумели всем сообщить. Бог наша помощь.

9/21 мая я отслужил бдение и литургию по случаю именин Пресвященного; народу было весьма мало, ибо, конечно, все на рабо-

тах. С отцом Сергием мы послали поздравительную телеграмму на японском языке: «Поздравляем с днем ангела и молимся о Вас». Дай Бог сил ему.

После бдения под Неделю о слепом катехизатор Иаков Фудзии привел ко мне для благословения троих слушающих у него теперь учение; в Троицын день они получают крещение. Я говорил им, что для них великая радость, что сподобились услышать и принять учение и благодать, ради которых Сам Сын Божий сходил с неба и претерпел крест. А как много людей здесь, которые ни слова не знают о Христе? Поэтому поделитесь своим благом и с другими и старайтесь привлечь к христианству своих знакомых. Так как после первого часа отец Сергей рассказывал о перенесении мощей Святителя Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари, то я кратко сказал о виденной во время путешествия прекрасной церкви, в которой теперь мощи Святителя; говорил, как свято чтут русские имя Святителя Николая и крепко веруют в его постоянно благодатное заступничество: в путешествии непременно молятся ему; рассказал случай из жизни недавно умершего Казанского архиепископа Владимира, как он еще на Алтае зимой едва не слетел в пропасть, так как лошади сильно разбежались; и только по молитве к Святителю Николаю, икону которого он имел при себе, лошади внезапно остановились, так как вместо пропасти попали в глубокий снег. Дал я им по крестику для крещения, а приходившим с ними двум христианкам по бумажной иконке Богородицы. Они ушли весьма обрадованные. Слава Богу.

10/22 мая перед обедней приходил старик Иоаким Огасавара с сыном Николаем, который теперь имеет фамилию Судзуки. Последнего я еще не видел, и он сам пришел первый. По обыкновению, я советовал в праздники похаживать в церковь, так как хоть один день в неделе нужно употребить по-настоящему для Бога, для спасения своей души. Просил помогать нам и в деле проповеди. Обедню совершали мы вдвоем; в конце отец Сергей сказал поучение, которого я, при-

знаюсь, не понял. После обедни на собрании я говорил христианам по поводу сегодняшнего евангельского чтения о том, что Христово учение для нас есть действительно свет, возводящий нас с земли на небо и просвещающий наш дух: мы теперь понимаем, что наша жизнь главным образом не здесь, а будет после смерти; что эта жизнь вообще не в грехе и во всем, что мы обыкновенно любим, а в святости, в чистоте сердца; после смерти мы и придем к Богу. А если желаем быть действительно вблизи Его, то должны постараться о том, чтобы быть достойными того, чего достигаем, исторгая из своей души все плевелы греха и таким образом постепенно восходя к Богу. Об этом я, сколько мог, говорил подробно; говорят, что поняли; по крайней мере слушали притаивши дыхание. Мне весьма приятно было видеть собравшихся в большем против прежнего количестве; вначале я и сказал по этому поводу, что теперь как будто и действительно праздник. Говорил еще о мощах святых, которых так много в России, о мощах Святителя Николая, которые я видел по дороге в Японию. Потом отец Сергей поднял вопрос о пожертвованиях на украшение церкви и перечислил все, что нужно поправить; а я со своей стороны прибавил, что хорошо бы крест водрузить над церковью; и тотчас же сообразили всю важность этого и решили поставить стеклянный крест, тем более что Николай Судзуки мастер стеклянного дела. Помогите нам, Господи, утвердить твое святое дело между людьми. Призывал я всех христиан согласно взяться за все церковное дело: одну палку я переломлю, а целую связку их едва ли, так и церковное наше дело; говорил и о катехизаторской школе здесь, для которой просил приискивать и учеников при случае.

С четырех с половиной часов я вместе с катехизатором Иаковом Фудзии ходил по домам христиан. В первом доме Фукуда Пантелеимона засиделся больше часу. У него старуха тетка язычница и 15-летний сын некрещеный, так как при крещении отца был в другом месте; в переднем углу рядом с иконой какая-то фигура, но оказалось,

что не идол, а фигура древнего военного человека, только для украшения. Старуха прежде учение слушала, а теперь нет. Пантелеимон на мои вопросы о том, ходит ли в церковь и тому подобное, отвечал как-то уклончиво; я сначала не понимал, а потом на вопрос: причащался ли в настоящем году? – он сказал: нет, да и зачем исповедь? человека не убил, у него не украл, а в чем же и каяться? я не вижу; прощать другому я немного научился, молитву изредка делаю, чего же еще больше? Тут я понял, в чем дело, и толковал ему о том, что не в этих только грехах нужно каяться: наша жизнь есть святость наша, мы призваны жить с Богом, а между тем постоянно ползаем по земле и таким образом постоянно от Бога удаляемся; поэтому и нужно каяться в этой нашей удаленности от Бога и просить постоянно у Бога силы на борьбу с грехом; подобно тому как для развития ума можно работать в бесконечность, так как есть разной степени ума люди, так тем более это в деле нравственности, так как здесь для нас Бог на самом конце; поэтому-то святые, не совершая уж конечно никакого грубого греха, между тем все время проводили в слезах покаяния и в молитве, именно потому, что желали быть ближе к Богу. – А я думаю, что до крещения у нас грехи, а после их нет. – Я объяснил, что действительно так, благодать очищает нас от грехов; мы и приходим к крещению, так как сознаем, что грешники, и просим у Бога благодати на борьбу с грехом, всецело предавая себя Богу, но на самом деле постоянно забываем Бога и потому презираем или отталкиваем от себя Его благодать; поэтому обыкновенно-то мы в грехе живем, а поэтому и нуждаемся опять в покаянии. Веру если не поддерживать, то погаснет и тогда в учении Христовом все покажется непонятно.

Во время разговора подошла и жена Фива, так что и она главное выслушала от меня. По мере беседы постепенно исчезла искривленная фальшивая черточка самоуверенного скептика с лица Пантелеимона, и Фива, сначала только насильно улыбавшаяся, под конец стала серьезно слушать. Весьма холодный человек. Хотя, кажется, под

конец-то и искренно слушал, судя по лицу: оно как-то умягчилось и приняло вид некоторого конфуза, как будто у человека, которому не удалась насмешка, притом же и не нужно было делать-де эту насмешку. Рассказ о Фукасе он выслушал с немалым искренним изумлением. И катехизатор говорит, что прежде Пантелеимон совсем не слушал слов ему, а теперь кажется, что искренно слушал мои слова. Под конец он даже сам спрашивал – до каких лет дети могут не исповедоваться. Я просил их почаще приходить в церковь, исповедоваться и причащаться: дело нашего спасения так важно, что даже Сын Божий приходил к нам, – следовательно, как мы должны дорожить этим делом, если желаем быть настоящими детьми у Бога? Просил и детей присылать в церковь и в воскресную школу. Старухе и сыну некрещеному советовал слушать учение и потом креститься. Много еще придется употребить усилий, чтобы поддержать искреннюю веру в них, теперь еще теплящуюся. Бог поможет, если только мы не будем лениться. А вера у них, очевидно, еще есть, только важно теперь разбить холодную самоуверенность в их сердце. Пантелеимон хотел было даже угощение предложить, но я воспротивился; все-таки каких-то сластей, зовомых «нерииоокан», подал. Кажется, что он немного размяк и стал поискренней.

В следующем доме у Накано Мелетия – староста – я об этом и рассказал; и Мелетий сказал, что Фукуда весьма ослабевший в вере. Он жаловался вообще на то, что вера у здешних христиан ослабела, и просил восстановить ее. Я со своей стороны призвал их к общему в этом деле участию, чтобы наша жизнь была действительно церковная треобщинная, подобная телу, в котором все члены действуют заодно, и тогда все тело здорово. Рассказал о чуде в Курске с иконой Божией Матери, чему Мелетий весьма удивился.

У Исида Хрисанфа я тоже просидел больше часу, за что пришлось принять некоторое угощение, как ни отнекивался от сего. Семья эта очень хорошая и со вниманием слушала мои рассказы о мо-

цах русских святых, о богомольцах в монастырях, о Николае Чудотворце, о Таинстве Причащения, через которое мы входим в общение со Христом. Призывал и их помогать нам в деле проповеди: в обычных разговорах говорить и о Христе, ибо ведь таким образом и в древности христианство распространилось. Сюда же позвали и Исида Павла – сына Хрисанфа; тоже очень благочестивый человек. Домой я возвратился уже в восемь с половиной часов. Господи, помоги нам.

Все это я писал Преосвященному сегодня 11/23 мая. А потом, придя от христиан, прибавил следующее.

«Был в доме Иоанна и Веры Китадзима, очень хорошие христиане и в церковь постоянно приходят; по душам долгонько побеседовал там. А потом попал к Луке Араки; жена у него язычница, прежде слушала учение; но сам Лука теперь ослабел, оправдываясь, что уж очень делом занят, да и до церкви далеко. Я долго говорил ему о важности всего того дела борьбы с грехом, посредством которого мы постепенно восходим к Богу; после смерти все должны будем дать Богу ответ: что же тогда-то мы скажем в свое оправдание? Он сам согласился, что действительно, так как и в церковь не ходит, и проповеди не слышит, и дома неисправно молится, и Евангелие не читает, то вера постепенно ослабела. Я советовал в воскресенье хоть иногда обязательно иметь отдых, чтобы сходить в церковь и помолиться Богу; говорил о приближающихся праздниках Вознесения и Троицы и советовал приготовиться к исповеди и Святому Причастью. У него есть работник, и тому я то же говорил. Что выйдет из этого, не знаю, увидим, да еще будем говорить и говорить. Вчера Фудзии говорил, что ему из Какогава прислали письмо и спрашивают, когда я к ним приеду; я сообразил, что самое удобное ехать туда в Духов день, чтобы служить там литургию, так как в Троицу я служу в Кобе. Я попросил так об этом и написать катехизатору Атаци, чтобы хоть немножко приготовились пропеть литургию. Только я немного затрудняюсь:

как расспросить христиан о катехизаторе? Ведь я обыкновенно хожу с катехизатором, как проводником и рекомендателем своих христиан. Разве попросить ходить со мной старост; но они, может быть, очень заняты и затруднятся в этом. Владыка в сегодняшнем письме пишет, что Атаци совсем как мертвец в проповедническом деле и считает его совсем не годящимся для этого дела; так что и удалить бы его совсем или иметь вблизи и постоянно понукать; он и советовал спросить о нем христиан.

Относительно отца Сергия Судзуки. Я пока никак не могу понять – трудится и трудился он в своем деле или нет? По крайней мере, везде заведен по домам хороший христианский порядок; а когда заговорит он, то христиане слушают его весьма внимательно, как действительно авторитетного для них пастыря, и он действительно говорит с некоторой властью. Не знаю, как прежде, а теперь все они чего-то подтягиваются и ежедневно ходят к христианам. Поживу – увижу. Надеюсь, что отец С-ий не сердится на мое молчание на его письма, ведь все равно он эти мои к вам письма читает; а мне, право, совсем некогда писать дважды одно и то же; вот и без того сегодня не писал иероглифов. А он-то пусть не забывает меня своей корреспонденцией. Привет ему. Радуюсь его радостью по поводу собраний в Канде; дай Бог и мне что-нибудь здесь устроить церковное».

Мая 13/25 под Вознесенье христиане собрались, но очень мало; а в самый праздник и еще того меньше, человек до 20. Когда я спросил после обедни, знают ли христиане о сегодняшнем празднике, то мне и христиане, и катехизатор Фудзии сказали, что нет; они довольствуются тем, что на стене перед церковью вывешивают объявление о богослужении в праздник. Я сказал, что так как здесь все церковное дело совсем молодое, то мы должны с великим тщанием стараться ввести в жизнь христиан все церковные обычаи и порядки; ведь мы живем среди подавляющей массы язычников и как бы тонем в ней; поэтому всякий раз нужно настоятельно обо всем церковном напо-

минать, чтобы постепенно приучить знать все церковное. Мы призваны совершать великое и единственное дело, а потому все силы должны употреблять на него, чтобы действительно делать дело Божие, а не казаться только делающими. За бдением я совершил литию, а на помазании после Евангелия раздавал благословенные хлебы. Евангелие я читал уже по японскому переводу (катаканой). Отец Сергей ездил совершать богослужение в Кобе. Об этом он заранее писал тамошнему катехизатору Варнаве Симидзу; но сей почему-то только одно понял из письма, что на Троицын день я приеду служить туда, и поэтому весьма удивился, увидевши отца Сергия. Тотчас же сказали ближайшим христианам; но из всех 40 к бдению собрались человек 13, а к обедне 18. А ведь если бы они знали о сем, то несомненно многие бы пришли и даже, вероятно, были бы причастники; по крайней мере, приходившие за богослужение весьма радовались такому случаю – выслушать литургию. Так наши катехизаторы иногда не только не помогают, а даже еще портят в деле. Обидно и больно мне было слушать об этой новой небрежности Варнавы; но и радостно было слышать о радости христиан – быть за литургией. Вера есть, и крепкая, только бы поддерживать ее и возводить на должную высоту.

Вечером ходил я в дом имеющего скоро креститься Мориока; у него мать и жена тоже вместе с ним слушают учение. Тут же был и его племянник – язычник; он об учении совсем ничего не понимает. Я говорил о силе христианства для спасения души; Христос Сын Божий для того только и приходил, чтобы нас спасти. Все, что Он сказал о Себе, исполнилось, а потому исполнится и все, что Он сказал вообще о Своем учении. Истинно и то, что Он Сын Божий; поэтому и апостолы возвратились от Елеона с радостью, ибо увидели силу Иисуса Христа. И вот, действительно, эта маленькая горсточка первых христиан благодатью Божией постепенно покрыла все лицо земли именем Христовым. Если и мы действительно будем содержать это уче-

ние, то увидим, что оно действительно для нас сила: когда придется человеку от сердца помолиться, то совсем какая-то иная жизнь начинается в нем, хоть на минуту; а если мы будем повторять эти минуты, то постепенно и вся наша душа совсем сделается иною, чем как мы привыкли жить в суете. Жизнь святых и была совсем иною, они и здесь носят в себе Царствие Божие, и после смерти вполне делаются членами его. Конечно, для язычников очень непонятно все вообще учение христианства. И, прежде всего, непонятно – как это крест нас спасет, орудие казни делается орудием победы. Но если мы сердечно и опытно примем это самое учение о Христе, то увидим на самих себе, что действительно только путем креста, путем борьбы с собой, путем страданий можем приближаться к Богу (это последнее я с великим трудом старался выяснить, да так, кажется, и не выпутался, так как совсем не было на языке подходящих многих слов). Я просил их после крещения мало-помалу говорить о христианстве и с собеседниками язычниками. Племянника просил заходить когда-нибудь ко мне для разговора. Он вчера приходил к нам (в первый раз только) в церковь и простоял бдение. Он участвует в какой-то здешней японской газете. Очевидно, и у него душа чего-то просит нового, не удовлетворяется бредом не верующего в Бога буддизма.

Потом заходил к другому Мориока – Андрею; у него мать старушка и гостит бабушка из Кооши. Очень хорошая благочестивая семья. Андрей – служащий в полиции, и теперь часто ходит на проповедь, помогая нам; я и просил его поговаривать о христианстве с тем племянником Мориока. Просил его иногда заходить и ко мне: это будет и мне полезно для языка, и ему; мне хочется постепенно подготовить из него настоящего катехизатора, сообщить ему по возможности ясное понимание учения и не сбивчивое; а воодушевление у него есть большое.

Когда я проходил по направлению к этим двум домам, то на меня с великим удивлением все посматривали и принимались усиленно

спорить – кто я? Одни уверяли, что американец, другие, что француз, а третьи и далее, может быть, и еще что-нибудь лучшее. В этой стороне об учении православном и не слыхивали совсем. Вот как. Ах, если бы действительно христиане приняли к сердцу мои слова о том, чтобы всем сообща приняться за церковное дело и по мере сил стараться распространить православие как можно между большим количеством своих знакомых. Только так и можно внести свет Христов во тьму неведения массы.

А после обедни сегодня приходили катехизаторы и гийю Накано Мелетий. Я говорил им, что в России весной и летом всякая деревня празднует свой праздник в память или избавления от пожара или от холеры или тому подобное. Говорил о крестных ходах и молебствиях, какие совершают в такие дни; говорил о храмовых праздниках и, кстати, упомянул о здешнем храмовом празднике.

Мая 15/27 утром едва просидел урок до 11 часов и отпустил учителя; совсем невмоготу; вчера у Мориока я долго говорил, а потом, вспотевши, вышел на улицу, да еще у Андрея Мориока в комнате попал на сквозняк и, должно быть, простудился. Потом я и до обеда, и после все время ходил на солнечной стороне до усталости; должно быть, этим и помог: простуда незаметно кончилась, а я, признаюсь, опасался. Сегодня мастер подал смету на поправку желобов цинковых; всего на 202 иены; я написал епископу, согласен ли он на сие. Вечером к христианам не пришлось идти: немного опасался за простуду, да и некогда было, да и дождь потом пошел. Я просил катехизатора Павла Сакума пройтись к Фукуда Пантелеиму и поговорить с ним еще о покаянии и вообще о вере, чтобы возбудить в нем дух. Но он, оказывается, не ходил, ссылаясь на дождь, а вероятно, просто по лени, так как другой катехизатор Иаков Фудзии ходил вместе с моим учеником, который вообще теперь вместе с нами ходит к христианам; Фудзии и возвратился уже в 11-м часу. Он рассказывал христианам жития святых (это мне говорил мой учитель Павел Исогай).

Мая 16/28 епископ пишет: «В Какогава побудьте и литургию там совершите. Ходите по христианам с катехизатором. Узнать мнение христиан о катехизаторе вообще довольно трудно: японцы не очень откровенны. Если уж очень надоест им катехизатор, они жалуются на него; но тогда уж только держись – наговорят столько, что катехизатора хоть смертью казни; и это сделают без катехизатора, искусно отведут тебя в сторону, или на гору, или еще куда в уединенное место. В Какогава и Химедзи едва ли так поступят. А нужно догадаться. Например, при катехизаторе у всех христиан взять метрику в руки и по ней проверить всех христиан; добрый катехизатор расскажет тут же все, что нужно; про отсутствующих поведает, кто куда переселился и прочее; нерадивый отзывается незнанием, а отвечают за него христиане. Тут же по метрике вы увидите, есть ли плоды служения сего катехизатора или нет. Если нет, то спрашивайте при всех: а что же вы делали доселе? Как проводите ваше время? Часто ли посещаете христиан? И если нет у вас слушателей из язычников, учите ли по крайней мере христиан? Их детей? Все ли дети у вас в церкви знают молитвы? Да тут же и испытаете детей. И так далее. Из всего в совокупности и выведете очень ясное представление о том – хорош катехизатор или нет. Так вообще. Так и об Адаци».

А сегодня я как раз пригласил катехизатора Павла и с ним стал просматривать метрику. О многих он совсем не имеет никакого понятия – куда подевались они, а может быть, даже и в Осака, да не знает, в каком углу. Некоторых семей совсем не знает состава и кто как кому приходится. О некоторых совсем даже удивлялся, когда я называл имя члена в той или другой семье. А относительно того, кто исповедался или нет, нечего и толковать. Я ему и сделал замечание, что так нельзя; нужно наставлять христиан на путь благочестия, а вы не знаете, где и взять христиан-то, а если знаете, то не знаете – что ему нужно, чего ему особенно недостает. После я об этом и еще посерьезнее поговорю с ним. Оказывается, из всех здешних христиан за на-

стоящий год не исповедалось больше 60 человек. Впрочем, нужно сделать оговорку: у отца Сергия не отмечены некоторые несомненно причащавшиеся; это тоже небрежность отца Сергия, о чем я и скажу ему после, разобравши все. Действительно и правда, как говорит отец А. С-ий, с чем согласен и Преосвященный, что у нас христиане в общем лучше катехизаторов: христиане с радостью, например, меня встречают и с вниманием выслушивают мои мало понятные им глаголы, а катехизаторы равнодушно относятся к своему делу и, очевидно, только теперь при мне подтягиваются на проповедь, ибо чем же объяснить такую халатность, как не прежним небрежением о сем деле? Но теперь и я с ними немного иначе буду поступать и буду понукать на дело, как ленивых людей.

За бдение собралось человек 20; у меня все время была на сердце перед Богом молитва о том, чтобы Он Сам помог мне сделать Его святое дело во славу Его святого Имени, чтобы Он подал мне и моим помощникам ревность и силу, да и мудрость, а главное – облагодатил всякое наше слово и дело, чтобы воистину во всем нашем являлась Его всесильная благодать, да познают все Его Единого. Это теперь у меня постоянно на сердце. И действительно, весьма и весьма много дела предлежит нам; иногда не знаю, с чего и начать, так много всего, что нужно вот сейчас же и сделать. Но Бог поможет. Он видит мое искреннее желание трудиться на том деле, к которому призвал меня.

Под неделю Святых Отец за бдение собрались, хотя не особенно много; а сегодня за обедню набралось и порядочно, человек 40, а может быть, и больше того. На собрании после обедни я говорил о той опасности, какая угрожала от ереси Ария: простой человек нас спасти не мог, а только Сын Божий, Который действительно и пришел и спас нас; в сегодняшнем Евангелии молитва Его к Отцу о нас грешных; в ней Он указал самую высокую жизнь для нас: это полное единение всех в Церкви. Какая иная жизнь может сравниться с этим по

высоте? И тогда Христос действительно среди нас. Да Он и действительно среди нас и в нас, Он в каждой хорошей мысли и деле, хотя бы и маленьком; а если мы и вообще будем стараться проводить жизнь в этом добре, то постепенно и вообще и существенно Христос будет среди нас. Потом начались разговоры о пожертвованиях на церковь и счетах их, по поводу моего упоминания о радости епископа ради этого; потом я ушел в воскресную школу; ребят немного, человек 11–12.

Одна христианка Варвара Ямамото помогает в этом деле, рассказывает разные благочестивые истории. Я попросил ребят пропеть что-нибудь; под гармонию, совсем разбитую, они пропели из бдения и литургии многое и очень хорошо; я предложил катехизатору постепенно обучать их для пения в церкви; очень бы хорошо было, и ребятам это понравилось бы; я упомянул, что в России в церкви всегда поют школьники. Дай Бог. Сегодня как-то весело на душе. Дай Бог и дальше. За литургией мне как-то особенно хорошо было молиться, так как я видел некоторое собрание церковное. За бдением опять был тот язычник Мориока. Обо всем этом я подробно и написал Пресвященному и в конце добавил: «Все это я Вам в письмах делаю подробные выборки из дневника, чтобы при случае Вы и поправили или досказали что-нибудь мне. Конечно, все хорошо, что я Вам пишу из своих разговоров с христианами; но ведь это больше то, что я хотел сказать, а не то, что сказал, так как где же японцам понять мои японские разглагольствия? Это Вы и по себе судя (по первоначальному) скажете. И для меня упражнение постепенно привыкнуть и научиться говорить. А японцев все еще с величайшим трудом понимаю, а иногда и совсем не понимаю».

После обеда приходил катехизатор Фудзии и гийю Сираи Андрей (доктор), очень хороший христианин. Я говорил ему об идеальной жизни христиан, согласно с молитвой первосвященнической Иисуса Христа; но очень кратко, за недостатком слов.

С отцом Сергием я просматривал метрику; и он многих христиан совсем не знает, где взят; ссылается на то, что так получил их от предшественника отца Иоанна Оно. А во многих ослабевших домах здесь он совсем не бывал; о некоторых знает, что они здесь, но не знает места жительства (9 человек); всех знаемых 190 человек; из них в настоящем году не исповедывались 99 человек. Я спрашивал: чем же это объяснить? Говорят ли катехизаторы о необходимости исповеди и вообще наставляют ли на путь благочестия? Отвечает, что говорят, но силой нельзя тащить. А я: слушателей из язычников нет, по крайней мере наблюдали бы за своими-то овцами. Отец Сергей говорит, что здесь христиане холодные, не то что на севере, на который он вообще часто указывает как на образец. Я с некоторым сердцем сказал, что нам пока нет дела до севера, мы в Осака.

С 6-ти часов с катехизатором я пошел к христианам. Сначала не застали Ювасе Анну; она массажистка и по целым дням ходит по больным. Потом пошли к Китадзима Стефану старику плотнику; теперь и его жена старушка слушает учение от отца Сергия и в Троицын день, вероятно, получит крещение. Очень бедные, но благочестивые. Я говорил им о спасительности для нас Христова учения, о том, как оно действительно спасительно делается для нас: это бывает через молитву, которою мы постепенно приближаемся к Богу, а в сердце складываем все доброе и им только постепенно начинаем жить. Просил и их в разговорах с соседями беседовать и об учении христианском; советовал хоть по очереди приходить в церковь; Стефан иногда приходит; и исповедь и причастие непременно принимает. У них очень хорошие смиренные сердца. Потом прошли к Мори Петру, жена Вера и маленький ребенок Александр, – его в Троицын день окрестят. Они в церковь ходят очень ревностно, почти постоянно. Я просил ходить их и других побуждать к ревности и таким образом делать дело Христово (Китадзима я говорил еще, чтобы и детям говорили о Христе: если себе желают спасения, то и другим, на-

ипаче детям того же должны желать; а дети живут в других городах и язычники). У Мори Петра я говорил об ослабевшем семействе Асадзума Акилы: сей, будто бы стыдясь за свою бедность и плохое кимоно, не выходит в церковь, так как-де осакские жители очень обращают внимание на кимоно; я и говорил, что это для Бога не оправдание; апостолы были ужасные бедняки, да они-то и провозвестили всем людям учение Христово; может быть, вначале и была правда в этой отговорке у Акилы, но он постепенно и совсем отвыкнет от церкви и всего касающегося веры, и уж тогда постепенно начнется лень и перейдет в полную сердечную холодность к делу веры. Как злой человек не поймет доброты доброго, ибо он привык жить и заботиться только для себя, так и человек, не трудящийся в деле веры, постепенно совсем охлаждается и утрачивает всякую веру, так что ему и трудно даже мыслить о Боге и о всем святом. Я и советовал Петру Мори как-нибудь видаться с Асадзума и убеждать его воспрянуть духом.

Оттуда я и пошел к Асадзума; у него жена Мария и сын Кирик (7 лет), а другой, Никон, живет у бабушки в Токио. Асадзума переселился из Токио сюда. Мария училась в нашей женской школе в Токио. Акила выделяет гребенки для женской школы в Токио. Я прямо и спросил: почему они не ходят в церковь? Оправдывается слабостью здоровья. Я сказал, что нездоровье не всегда же бывает и что это так, простая только оговорка. Говорил о необходимости, важности и единственно существенной пользе молитвы для нашей веры и, следовательно, для всей духовной жизни, для спасения. В Церкви повсюду неисчислимые сокровища, а мы от них бегаем. А бегая, постепенно и совсем удаляемся от Бога, и вера потухает. Он в этом и сознался. А тогда для нас совсем кажется непонятным и является недоступным все, касающееся веры и спасения, как не понять злomu человеку доброго. Для нашего только спасения Сам Сын Божий приходил и претерпел крест, а мы презираем и отталкиваем от себя эту Его

неизреченную и превосходящую все любовь. А если бы дети презирали любовь своих родителей, не приходили к ним, не исполняли их волю, то как бы это было печально и больно для родителей. Тем более скорбны Богу наши грехи и удаление от Него, – так мы вторично Ему составляем крест своими грехами и холодностью. Они и исповеди не совершали; почему я и сказал: конечно, мы, может быть, и не имеем никаких грубых грехов, но в жизни-то постоянно удаляемся от Бога и забываем Его; вот в этом-то и имеем нужду постоянно и искренно каяться, чтобы возвращаться к Богу и на Его только силу надеяться. Оказывается, в Токио живя, он весьма усердствовал разными способами для Церкви; я и советовал вспомнить все это доброе старое и воспрянуть духом, а к этому взаимно побуждать им друг друга. Говорил о приближающемся празднике Святого Духа и призывал придти к этому великому торжеству Церкви; кстати, в этот день будут креститься трое или четверо. А в посту апостольском советовал и исповедоваться и причаститься и сказал со слов Христа о важности и непрременной обязательности для нас сего таинства, если желаем войти в живот вечный. Кратко рассказал о том, как в Токио встречали ныне Пасху, сколько было народу, о язычниках, собравшихся на это наше торжество, и о всеобщей радости в этот праздник. Говорил, что семинаристы весь вечер говорили проповеди, а инспектор Кавамото показывал картины из Палестинской жизни и природы с рассказами об этом; народ усердно и внимательно слушал все это. Так как у Асадзума нет молитвослова и календаря церковного, то я советовал катехизатору завтра же снести это им. Дай Бог, чтобы они приняли к сердцу мои слова. Домой я возвратился уже в двадцать минут десятого. После целодневного и только к вечеру прекратившегося дождя пришлось ходить по грязи; хотя в крайней части города дождя совсем не было и грязи нет.

Мая 20/1 июня. Вчера вечером я не ходил к христианам, так как принимал ванну, да и христиане теперь большею частью заняты рас-

четами с хозяевами или работниками, по случаю конца месяца. Сегодня с 6-ти часов вместе с Павлом Сакума я и пошел сначала к Исида Павлу. Застал только жену его Марину. Они очень верующие христиане, но в церковь совсем почти не ходят, а в нынешнем году даже и не исповедывались еще. Я и говорил, что так и совсем постепенно отвыкнете от церкви и от Бога: если я редко буду читать книжку, то и совсем разучусь понимать ее; так и молитва, и вся наша жизнь христианская; мы называемся христианами, а поэтому и должны всячески стараться как можно ближе встать ко Христу, чтобы потом быть в Его Царствии. Если не грамотный пойдет в школу, то там он ничего не поймет из всех уроков; так и мы, постепенно отвыкнув молиться Богу и радоваться Его радостью, радостью веры, потом после смерти тоже не пойдем ничего в Царствии Божиим, так как и не думали о нем как следует, а потому и будем жить не в свете его, а в печали и страданиях.

Я и советовал вообще хоть по очереди ходить им в церковь, а особенно призывал на Троицын день, так как это праздник великий, с него началась проповедь о Христе; а в посту советовал исповедаться и причаститься, чтобы жить вместе с другими христианами одной жизнью; ведь как приятно бывает проводить время в задушевном обществе дорогих друзей: тут за задушевными разговорами забываются всякие печали, душа только радуется; так и в церкви: если бы все христиане согласно и дружно собирались в церковь на молитву и вообще все церковное делали сообща, то какая бы была это сила и сколько радости в этом для всех. Это все я просил ее пересказать и мужу Павлу, и родным – семейству Хрисанфа Исида, и просил тоже расположить их хоть по очереди ходить в церковь. Марина во время разговора по поводу того, что она не причащалась и в церковь не ходит, как-то покраснела и потом сказала: теперь я постараюсь как-нибудь ходить в церковь. И вообще как-то очень расчувствовалась. От предложения принять удон (японский рыбный суп) я отказался и пошел

в дом Киносита Симона; но он с семьей живет в Вакаяма, а здесь только жена Варвара с маленьким, еще не крещенным, ребенком. Она в церковь тоже не ходит, да, может быть, и трудно ей одной-то; а живет весьма бедно, в доме у язычников. Она прямо созналась, что и дома теперь иногда совсем не молится за суетою; я и говорил, что Богу не нужно наших многих слов, а нужно только одно сердечное пред Ним сокрушение, хоть краткая, но действительно от сердца исходящая молитва; и если мы действительно так будем молиться, то действительно пойдем силу молитвы для нас и радость от этой молитвы. А все чаще и чаще небрежно совершая это дело и все чаще и чаще удаляясь от церкви, постепенно и совсем забываем церковь и все Божие, а потом и совсем охладевает в нашем сердце вера, а вместе и сами совсем охлаждаем для Бога и становимся весьма далеки от Него; тогда уж мы совсем не понимаем никакой радости в Боге. Потом рассказал о празднике Духова дня как начале христианской проповеди, которую теперь вот и японцы принимают; призывал сохранять в сердце и возгревать это наивысочайшее сокровище: ведь для нашего только спасения Христос и крест претерпел. Советовал придти на этот праздник в церковь, да и вообще ходить по мере сил на богослужение; советовал в этот праздник и ребенка крестить, из опасения смерти для него, еще не крещенного; тем более что в этот праздник четверо или пятеро принимают крещение, и большие и маленькие. Отсюда я пошел к Сато Кириллу; но его не застал, а его сын (9 лет) язычник спросил: не из церкви ли мы? Мы и объяснили ему и просили передать это отцу, а также и то, чтобы он приходил в воскресенье в церковь, так как тогда будет очень большой церковный праздник сошествия Святого Духа на апостолов; мальчик сказал на наш вопрос о крещении, что он в будущем месяце примет крещение; поэтому мы и рассказали ему кратко об этом празднике; советовали приходиться в воскресную школу и вообще ходить за богослужение. Он согласился и даже как будто обрадовался, тем более что теперь он

в школу не ходит. Тут же стояли и хозяйские дети язычники, и они выслушали наш рассказ; я обласкал их, что им очень понравилось.

Отсюда мы и пошли к Миками Георгию; у него жена Варвара, дочь Афанасия и другая (4-х лет), некрещеная, и отец – старик Филарет. Они очень усердно постоянно ходят в церковь, а Георгий постоянно поет на клиросе; в доме все устроено совсем по-христиански: перед божницей аналой с разными книгами для молитвы; только Варвара совсем не ходит в церковь и ныне еще не исповедовалась, ссылаясь на недосуг. Я и говорил о пользе для нас молитвы и опасности без молитвы совсем позабыть Бога и после смерти жить вдали от Него. Она созналась, что и действительно молитвою мы всё постепенно привыкаем делать перед Богом. Я и прибавил, что это особенно в исповеди, когда мы исключительно перед Богом стоим, исповедуя Ему свои грехи. Если бы мы и вообще постарались почаще думать о Боге, то постепенно вся наша жизнь была бы под Богом и по-Божьему. Призывал я их всех пособить общему церковному делу и взаимно побуждать христиан к усердию церковному; говорил о той силе, какая в общем согласном деле верующих. В самые первые времена вера и молитва верующих препобеждала все препятствия и преследования, какие налагали иудеи и язычники на апостолов, почему они и среди всех этих неприятностей и гонений содержали крепко и в чистоте веру, и вот теперь мы ее получили. Мы теперь начинаем дело христианства здесь, полагаем основание, на котором постепенно воздвигается все здание церковное; а поэтому и должны постараться прекрасно построить это основание. Девочку я советовал в Троицын день крестить вместе с другими, имеющими креститься. Около половины 9-го часа я возвратился домой.

Сегодня мастер принялся за покраску иконостаса и позолоту его (за 18 иен); это на пожертвования христиан; на это же и многое другое будет поправлено. Мне особенно это усердие христиан приятно, что таким образом они больше полюбят церковь, как свое хозяйст-

во, а следовательно, и вообще будут к ней усерднее; и вообще, ведь весьма приятно иметь что-либо хоть сравнительно плоховатое, да свое собственное. А доселе христиане имели здесь церковь, построенную исключительно на русские пожертвования, как и вообще все церкви здесь. Дай Бог постепенно христиан ввести в обладание церковным как самым родным и единственным своим делом.

Мая 21/2 июня утром во время урока приходил Сато Кирилл, которого я вчера не застал в квартире. Он адвокат; говорит, что в церковь не ходил потому, что жил далеко, а теперь переселился на другое место и намерен ходить в церковь. Я советовал ему во время поста и исповедаться, что он в настоящем году еще не сделал; по этому вопросу я и говорил, что нам нужно часто и с сокрушением обращаться к Богу, от Которого в жизни мы постоянно уходим в суету. Потом я начал было говорить о значении для нас молитвы и вообще всех благ, какие мы можем получить в Церкви, если серьезно исполняем ее дело; но Сато скоро ушел, будто бы стесняясь (как он потом объяснил это катехизатору) мешать мне во время урока. Не знаю, может быть, и так. А мне, признаюсь, хотелось ему поговорить о том, чего он лишается, удаляясь от Церкви; ибо в другое время его ведь, может быть, и не увидишь. После обеда приходил Павел Кавагуци; в разговоре он казал, что в Токио депутаты опять требуют смены министров, так как-де последние не заботятся о пользе Отечества, ввиду современных событий в Китае.

Вечером с Сакума я пошел сначала отыскивать затерявшегося Фурубаяси Акилу, след его вчера нам указал Миками Георгий, который вообще очень старается для Церкви и имеет карточки почти всех здешних и бывших здесь прежде христиан. После долгих блужданий наконец нашли его квартиру, в которую он перебрался совсем недавно; но его не было: он до полуночи занимается в типографии какой-то. Язычнице хозяйке я сказал, что приходили из церкви, просил передать приглашение придти в церковь в воскресенье, так как

это весьма большой праздник, и вообще по временам в свободный час просил его приходить ко мне. Христианское имя Акилы знает и называет его им и хозяйка язычница, и в квартале, где прежде жил Фурубаяси, тоже на наш вопрос: не здесь ли Фурубаяси? – спрашивали: это Акила? Может быть, ведь действительно человеку и некогда заглянуть в церковь-то за крайним недосугом, а веру он, очевидно, сохранил, если даже имя его знают язычники, тогда как вообще-то японцы называют себя языческими именами и христианские вообще почти неизвестны. Дай Бог, чтобы его как-нибудь увидеть.

Отсюда мы пошли к Сакамото Титу; дзинрикия и дома бывает только ночью; я застал жену его Софию, старушку, и сына Сергия (12 лет); а дочь Надежда живет в услужении; я просил Софию похаживать в церковь, говорил о празднике Святой Троицы; а главное, просил сказать Титу, чтоб когда-нибудь в праздник и пришел в церковь, да и исповедался, ведь так мало-помалу и совсем уйдет из церкви, ибо вера ослабеет; а тогда что же: Христос за нас крест даже понес и спас нас, а мы снова Ему этот крест создадим; ибо если худой сын – печаль для земных родителей, то как печально Богу видеть наше снова возвращение ко греху и лени? Просил я передать тоже и дочери Надежде; как-нибудь может ведь урвать денек-то для своей души. София-то хорошая старуха. Отсюда пошли мы к Массуи Марине, но ее не застали; она в церковь не ходит и не исповедовалась. Сын ее Антоний живет в Кобе, а я этого и не знал, бывши в Кобе, да, может быть, и катехизатор Симидзу этого не знает. Я советовал катехизатору Масуда к таким христианам, которых мы не можем застать вечером, ходить утром, чтобы хоть урывками, да сказать им слово о Христе, напомнить им об этом, чтобы вдали от всего церковного они и совсем не позабыли свое звание. Наконец, уже поздно вечером и уставши, так как пришлось не мало обойти мест, мы пришли к Йосида Павлу. Застал жену Марию, дочь Зинаиду и сына (10 лет) Тихона; остальные в Кобе по торговым делам. В своем нехождении в церковь оправдыва-

ются недосугом; я и говорил о той важности нашего исповедания веры, к которому мы и пришли, принимая крещение, и в этом дадим после смерти ответ. А поэтому нужно всячески постараться урвать время от дел на это святое дело, чтобы быть с Богом. Это же я просил передать и остальным, теперь отсутствующим. В доме все устроено очень по-христиански: перед божницей на аналое даже разные молитвенные и подобные книги лежат. Сыну Тихону я советовал приходить в церковь и в воскресную школу, где он услышит многое хорошее; а родителям советовал посылать его туда, так как они должны заботиться о воспитании детей. Около 9-ти часов возвратились. Сегодня почему-то мой язык не хорошо говорил, так что я после нескольких неудачных попыток говорить ясно и понятно иногда совсем молчал, побуждая говорить катехизатора; тот действительно говорил, и очень вразумительно.

Мая 22/3 июня с 6-ти часов вечера с Сакума я пошел к Судзуки Николаю; это очень богатый мастеровой стеклянных изделий, к церкви ревностный. В разговоре он говорил, что при Архимандрите Анатолии здесь церковь была в очень цветущем состоянии, а после него совсем упала, так как управители были слабы; да притом же эти последние как свои – японцы не имели и особенного авторитета для христиан. Я просил его помогать нам в деле привлечения христиан к церковной жизни, как он прежде весьма ревностно помогал. Относительно Савада Марины с семейством он сказал, что так как второй муж ее ревностный язычник, то она теперь веру совсем оставила и слушать не хочет. Очень жаль. Отсюда прошли мы к Уэда Петру; жена его Мария недавно родила девочку, которую назвали Силой; он хоть говорит о церковных делах, но, кажется, только тем и ограничивается, так как в церковь почти совсем не ходит. Я и советовал ему по временам приходить, а в посту исповедаться; и толковал о важности участия в церковной жизни и о той силе, какая есть для нас в ней. Отсюда прошли к Канно Пантелеимону, сыну начальницы нашей

женской школы в Токио Анны. Он доктор, меня видеть не захотел, не знаю – чем-то оправдываясь, что и передал через служанку; не знаю теперь, идти или нет в другой раз. Наконец, заходили в дом Морита Иоанна. Они, кажется, приготовились спать, так что я, немного побеседовавши о предметах веры и посоветовавши ходить в церковь, да и исповедаться в посту, ушел и возвратился домой без четверти десять. Мест весьма много обошли. Сегодня я весьма устал; слушал и разговаривал с великим напряжением и трудом, в разговорах весьма мало понимая.

В алтаре стены оклеили новыми обоями; вхожу я в алтарь, и что же: престол выдвинут в церковь, а на его месте разные скамейки и стулья; а отец Сергей тут же стоит сложа ручки и спокойно на все это посматривает. Я сделал соответствующее разъяснение и поставил престол на его место.

Сегодня во время урока с Исогаем мы говорили о том, что буддизм приучил людей обходиться без веры, так как он есть религия без Бога; поэтому для японцев и непонятна вера.

Мая 23/4 июня. За уроком я сразу почему-то почувствовал себя дурно, урок прекратил, а сам прилег до обеда спать. И действительно немного стало лучше, так что в 4 часа я мог ехать в Кобе; некоторые пришли встречать меня в церковь. Я рассказывал, как Троицын день встречают в России с цветами и деревьями в церкви и около домов; смысл: удаление от греха к Богу, как для евреев этот обычай напоминал выход из Египта и постоянное руководство от Бога. С половины 8-го до 9 часов было бдение с литией. Пели очень хорошо; христиан собралось только 9 человек, так как дождь, да и недосуг вечером. После обедни 7 человек исповедовались, в том числе один из Какогава здесь проживающий (18-ти лет); мужчины толковее и самообраннее женщин, подробно все рассказывают, а женщина говорит: различные и многочисленные грехи сделала. Но у всех есть искреннее сокрушение и смирение перед Богом. Особенно хорошо ис-

поведался Иосиф Кимура, старичок. За бдением было и семейство нашего консула, но сам он стоял совсем небрежно, как бы стыдясь своей ошибки, что пришел в церковь; это, конечно, для наших христиан может быть и соблазнительно. В самый праздник с 8-ми часов Варнава для причастников читал молитвы; с 9-ти часов обедня. Христиан собралось до 30; после обедни я и сказал: если бы на наше угощение наши друзья званые не пришли, то это, конечно, для вас было бы очень печально. Бог постоянно зовет нас к Себе; вот и сегодня ради такого великого праздника литургия, а между тем многие и не подумали явиться пред Богом; это для меня печально, а тем более для Бога – пренебрежение Его к нам любовью. Этим мы как бы второй крест создаем для Христа, раз уже пострадавшего за нас. Печально для родителей, если сын не слушает их и только худое делает; печально для Христа наше удаление от Него. А между тем только к этому все и идти должно: Бог от века о нашем спасении заботился и всячески ведет и призывает нас к тому. Мы умираем и тогда только начинаем настоящую жизнь, а земная жизнь только временное приготовление к той; там должны будем дать ответ во всем, а потом или у Бога, или вдали от Него в муке смерть. Если мы желаем первого, а не второго, то так и должны себя готовить: нельзя быть худому вблизи Бога (пример человека неграмотного, зашедшего в школу). А некоторые из христиан этого, очевидно, не сознают, ибо не пришли к литургии, раньше здесь не совершавшейся, да и в такой праздник. Все это произвело очень грустное впечатление, что, заметивши, я и сказал: а все-таки этот праздник несомненная радость и для меня, и для вас, а особенно для причастившихся – и советовал эту радость сохранять и поддерживать молитвою. Мне все-таки было весьма приятно видеть то одушевление и сердечность, с которыми относились к богослужению собравшиеся. Очевидно, истинная вера есть, что, несмотря на самый проливной дождь, пришли издали в церковь. Под этим впечатлением я и рассказывал о жизни первых христиан в гонении и во-

обще о церковной общей единомысленной жизни христиан; язычники как древле, так и теперь ради этого приходили бы ко Христу, видя нашу нравственную силу, а это дело Христово было бы от наших рук; а этим мы, конечно, должны дорожить, ибо спасение для всех... Да и какая сила и сколько радости в единомысленной жизни христиан! Тогда Христос посреди нас, по неложному Его слову... Первые христиане среди гонений тем и были сильны и непобедимы, а, напротив, победили, что Христос действительно был среди них. Я это говорил живо и энергично и, кажется, произвел некоторое впечатление.

Просматривали метрику; Симидзу хорошо и всех знает. За литургией был один язычник; а на Пасху их набралось 20 человек. Некоторые христианки весьма ревностны к Церкви и постоянно приходят для богослужения и поют. В каждое третье воскресенье бывает женское собрание для объяснения Священного Писания и рукоделия в пользу церкви; теперь накопили уже 5 иен; я вложил 1 иену. К сожалению, по вчерашнему обещанию я должен был ехать к консулу на завтрак, и в четверть первого часа я поехал; христиане благодарили за посещение; я предложил им позаботиться сшить для церкви облачение, хоть недорогое, так как в Осака их и немного, и не особенно хорошие, да и возить не удобно. В первое после заговенья воскресенье я предложил опять приехать; тогда, по обыкновению, часа в 2 дня будет женское собрание: собираются будто бы очень охотно; надо познакомиться и с этим делом. У консула я застал Хакодатского нашего консула; он сразу же заявил, что не любит японцев. А В-в: а вчера бывшие в церкви все получают иен по 8-ми? – От кого? – От Николая, конечно. – Только катехизатор получает иен 10, но, конечно, на это далеко не уедешь; да и вообще этого не следует подозревать и говорить; мы хоть гроши, да тянем с христиан на церковь; вот я и сейчас им говорил об облачении; а ради праздника они охотно побросали все и собрались в непогоду, а многие и причащались. И удивительный это народ: ничего хорошего не думали даже делать для японцев,

а их ругают, говоря, что они не искренно принимают христианство и не для них оно, а пусть остаются при своей религии, так как всякому своя вера, хотя сами с усмешкой говорят о религиозном и не знают, куда им, в церкви стоя, убрать руки – в карман или в жилет. После завтрака я поторопился ухать: душно было оставаться в этой предрешенной и не желающей слушать и видеть среде. Вот они наши-то интеллигенты: вместо умной и деятельной или по крайней мере денежной помощи делу миссии, они способны и желают и стараются всячески только напакостить этому и представить его в худом виде. В церкви я собрал вещи, постарался воодушевить Варнаву: видишь-де сам, как христиане радостно относятся к церковному делу и какая жажда к слову Божию кругом, – трудись. После сегодняшней службы он как-то особенно расчувствовался. Дай Бог ему ревности и сил.

С ним я поехал в Акаси; там есть христиане, но в церковь не собираются, да и живут теперь совсем почти как язычники, без веры. Но зато единственный настоящий христианин очень хороший – Сиката Николай. Семья большая и очень христианская; в доме все устроено по-христиански; метрику он знает, как свою семью, дай Бог, чтобы катехизаторы так знали своих христиан. А здесь катехизатора нет. Очень ревнует о Церкви и часто с язычниками ведет речь о вере. Теперь здесь желающих слушать учение есть человек до 30 и более; но так как сам-то Николай хорошо объяснять не умеет, да и недосуг (фотограф), то все подобные так и не знают учения и не принимают крещение. Просит сюда катехизатора. Я и решил сам повидать всех этих желающих слушать, побеседовать с ними при помощи Симидзу и на обратном пути обещал быть здесь, а Николай тем временем известит всех желающих.

Около 6 часов вечера в Какогава встретил катехизатор Адаци и христиане. Оказывается, здесь настоящих христиан только 9 домов, а остальные оставили веру (3 дома). Но и из настоящих христиан только 9 человек придут в церковь для богослужения. В разговоре с

христианами я спрашивал: почему же некоторые ослабели? Да потому, что часто в церковь не приходили, а потом и совсем отвыкли. А катехизатор здесь бывает у христиан (он ведь живет в Химейдзи)? – Нет, очень редко; вот прежний был очень ревностный, и дело шло хорошо, а этот не особенно ревностен. – Может быть, потому некоторые и ослабели? – Христианин только улыбнулся на это. Когда пришел Адаци, я и сказал ему: а бываете ли вы здесь у христиан-то? – Бываю, но в последнее время редко. – Я и сделал ему соответствующее замечание: вы здесь только для того и поставлены, чтобы знать своих христиан и помогать им хорошо и крепко содержать веру; христиане вообще с радостью слушают всякое слово о вере, а вы этого не соблюдаете. Да и вообще что вы делаете? Язычники не слушают у вас учение, свои христиане утрачивают веру. Если вы действительно хотите работать для Церкви, то и работайте; а если нет, то и не нужно: Богу не нужны ленивые деятели. Вас Церковь воспитала для этого дела, а вы как неблагодарный сын не отвечаете на это, а презираете ее дело; это и в обычной жизни не хорошо – показывать неблагодарность, а тем более в Церкви. Так постепенно и все христиане у вас уйдут из Церкви, а вы не захотите им помочь остаться. Между тем за каждого христианина Христос понес крест; а вы снова их губите и теряете для Христа. – Христианин, раньше говоривший о лениности Адаци, теперь что-то толковал в его оправдание, но я только понял, что Адаци хорошо знает и работает для христиан в Химейдзи.

Службу пропели довольно порядочно. После Адаци говорил поучение о том, что мы должны поддерживать в себе веру и просить благодати Святого Духа воспрянуть нам, так как только в этом и дело. После я советовал ему все это самому приложить к сердцу и позаботиться о том. После этого я начал кой о чем толковать с христианами и призывать их общими усилиями возвратить к Церкви ослабевших, так как они ведь Христовы дети, а наши братья, и все мы во Христе как одно тело, в котором все связаны единством жизни; да и

язычников помаленьку привлекать к Церкви. А хозяин дома, в котором церковь, Павел Ацуми пригласил двоих язычников, желающих слушать учение, и попросил меня побеседовать; я высказал свое затруднение, так как моя речь пока и для христиан-то не совсем понятна, а тем более для язычников. Но пришлось толковать. Я приблизительно сказал следующее. Если мы внимательно присмотримся к миру, то увидим, что здесь все имеет своего творца; никакая вещь не была бы, если бы ее для нашего употребления не сделал мастер; а если так, то как же существует мир-то вообще? Несомненно, и он имеет свое начало и своего Творца. Этот Творец и есть Бог. Затем, если мы обратимся к своему сердцу, то заметим, что обыкновенно оно или одобряет, или не одобряет наши поступки, да и в других нам нравится только хорошее; и этого голоса мы никак не заглушим, следовательно, он по существу не наш, а дан откуда-то свыше; это и есть действительно голос Божий в нас; он заставляет нас в нашей суете все-таки не удовлетворяться этой суетой и искать чего-то высшего и отличного от этого – словом, он требует иной жизни; это и есть жизнь душевная. В себе мы и видим что-то такое, что невидимо управляет всей нашей жизнью и никак уничтожиться не может; во время сна, например, тело ничего не чувствует, не понимает, а душа и тут живет, почему мы и имеем разные сновидения. Очевидно, душа не уничтожится и после смерти, как тело, которое истлевает. Все это так действительно и есть: душа со смертью освободится от тела и будет жить действительно духовной жизнью у Бога, у Которого только и есть истинная жизнь. Но, очевидно, вблизи Бога и может быть только достойное Его по своей чистоте; а остальное должно оставаться вдали от Бога, где, несомненно, мрак и мука. Как неграмотному трудно понимать книжку, так и далекому от Бога по душе невозможно быть близ Его по жизни. Таковы основные вопросы, приводящие нас к вере в Бога. Все это я говорил подробно и старался представлять как можно проще и яснее; но, кажется, не удалось, по крайней мере Вар-

нава говорит, что это для язычников трудно. Я и заставил его толковать о разных религиозных предметах и между прочим для христиан об Евхаристии и ее значении для нас, со слов Христа. Только в исходе 12-го часа язычники ушли, а христиане захотели поисповедаться. Здешние в исповеди более самособранны, чем в Кобе. Всех 8 человек. За обедней Адаци сказал поучение; после обеда я не много поговорил, дал несколько назиданий, призвал общими усилиями помогать катехизатору в деле проповеди; дома непременно совершать молитву, а по праздникам собираться в церковь, чтобы была действительно церковная жизнь.

Потом я пошел к рейтану (ослабевшему в вере) Луке Мацумото; но его не застал, а только поговорил немного с его отцом язычником и пошел на вокзал, чтобы ехать в Химейдзи. По дороге заходил и к христианам; все они живут недалеко один от другого; очень добрые христиане, и по настроению действительно христиане. Некоторые приходили провожать и на поезд. В вагоне со мной был и Адаци; я ему и давал наставления, сегодняшней радостью христиан по поводу праздника возбуждая его дух на проповедь, и в заключение сказал: дадите ли слово действительно трудиться для Церкви? Он обещал. Относительно вчерашних слушателей язычников он сказал, что здесь много таких-то бывает, – послушает, да так с тем же и останется, ибо не имеет веры.

В Химейдзи только два дома очень хорошие христиане, постоянно и в церковь приходят; я их видел, хотя не всех, так как не заставал; говорил общие назидания, как и другим христианам, и призывал содействовать катехизатору в деле проповеди, привлекая язычников. Заезжал и в дом одной рейтанки, она приняла довольно нелюбезно, во внешней прихожей, и сестра не попросила, так что я стоя и говорил ей о том, что в церковь нужно ходить, причем подробно раскрыл ей значение для нас молитвы, и особенно церковной. А потом спросил, молится ли она дома? Созналась, что нет, хотя молитвослов

имеет. Тут она немного стала любезнее и попросила сесть. Я и советовал ей вспомнить то, что она получила и чего лишается, и рассказал случай с Фукасе о том, что верою мы действительно получаем милость и помощь Божию. Она очень удивилась и стала еще внимательнее; не знаю, что выйдет в заключение. А двоих других рейтанов не видел, так как их нет дома. Один христианин приходил и провожать меня. В 4-м часу я уже уехал в Акаси, прежде еще, после обедни в Какогава, пославши туда Варнаву, чтобы предупредить там о моем приезде и известить об этом желающих вечером слушать учение. Голова у меня ужасно разболелась, и я с Варнавой в Акаси пошел на морской берег, чтобы разгуляться. Там мы толковали о деле проповеди, и он очень воодушевлялся; говорил, что буддизм есть религия без Бога, а протестанты только еще более прибавляют этого безразличия, так как множество сект у них наводит на сомнение японцев и учит их веровать всякому по-своему, а в существе никак не веровать. Поэтому у них и бывают постоянно и массовые случаи отпадения от веры, чего у нас – нет. Вообще, он мне понравился; видно, что хочет трудиться, а только, может быть, не удастся или не умеет. Отчасти то же впечатление произвел на меня и Адаци; поэтому я, сделавши им обоим по замечанию за леность, постарался возбудить их на дело проповеди; удалось ли это, кончено, сказать трудно.

Головная боль во время прогулки улеглась. С 8-ми часов действительно пришли два христианина и несколько язычников. Я обратился сначала к христианам, рисуя картину возвышенной жизни христиан в Церкви, толковал о молитве. Тем временем собралось язычников человек 11, и я постепенно перешел к общей для них речи. Я отчасти повторил вчерашнее, только в более простой форме, а главным образом говорил о душе и о Боге как личных и неуничтожимых началах, чтобы противопоставлять правильное понятие о них пантеизму буддийскому. По вопросу о душе подробно уяснял ту светлую чистую жизнь, которая нравится нам, но от которой мы постоянно да-

леки, ибо в жизни часто делаем не то хорошее, а другое дурное. Это плод нашего грехопадения, от которого в нашу природу, созданную чистою от Бога, и вкрался грех как господствующее начало. В этой раздвоенности мы и приходим невольно к мысли – искать высшей какой-либо помощи против зла, чтобы сделаться лучше; а если наша жизнь от Бога, то и помощь только от Него, создавшего из ничего и могущего снова воссоздать. Так это и есть: все, действительно искавшие и сердечно воспользовавшиеся этой помощью благодати Бога, еще здесь на земле делались совсем иными, чем обычно живущие в суете и грехе люди; в них ясно действовала сила Божия, возвышая их. Как доказательство этого – их тела оставались нетленными, ибо невозможно истлеть причастному благодати. По вопросу о Боге я толковал о Его Всемогуществе и о том, что Он есть действительная личность, всем управляет, к Которому все мы и должны придти в конце. По вопросу о Его творчестве кратко сказал о том, что теперь и наука приходит в изумление – как Моисей, не имея современных нам научных познаний, мог так правильно и определенно рассказать историю миротворения; очевидно, была другая сила, которая научила его этому; это Сам Бог вложил в его ум такой свет. Один из слушателей после окончания моей речи сказал: я не понимаю, что такое душа? Действия ее мы можем понять, а что такое она, этого не понимаю. Я сказал, что этого невозможно и понять вполне: мы не можем понять и видимых, материальных предметов, а тем более душу, которая так и называется; одно несомненно, что она существует и господствует в нас, в чем легко всякий убедится сам по себе. – Это через самосознание? – Да. – Тут он заговорил о силах души, но и сам согласился, что это особенно важного религиозного значения не имеет, а потому можно сейчас и не говорить. А потом: Бог, по моему мнению, мировая душа (и подробно говорил в смысле пантеизма). – Я и показал ему, что, значит, Он не выше этого мира, а только этот самый мир, а главное: значит, Он не совершенство; ибо как же в мире грех

и всякое иное зло? – Он согласился. Я не мог ему объяснить правильно по-японски, что Бог непременно должен быть личностью, отличной от какого-то безличного Его пребывания или разлития в мире; это сделал Варнава, и вопрошатель понял правильно. Он был где-то преподавателем, потом бросил это и теперь шелковод, очень видный и образованный; веры у него нет. Слушал протестантов, но не одобряет их: у них, говорит, веры нет, а только теория, причем всяк толкует по-своему. Я и сказал, что, действительно, истина одна и мы должны верить в Бога так, как Он Сам нам Себя открыл; если внимательно всмотритесь в православие, то увидите, что оно только таково и есть и оно себя доказало и доказывает самую свою животворную силу (кстати, кратко об отце Иоанне Кронштадтском); теперь и протестанты сознают свои ошибки и ищут возвращения к православию. Бог даст, действительно будет одно стадо и Един Пастырь. Сегодня мою беседу понимали лучше, и вообще кое-что осталось у слушателей, и они, благодаря за все, уходили уже в 12-м часу, а один оставался почти до 12-ти; я советовал им слушать катехизатора, когда он придет сюда; они очень желали бы этого. Потом мы еще долго беседовали с Сиката Николаем; он все просит катехизатора; я говорил, что нет у нас их теперь, и просил искать учеников для школы в Осака.

Мая 26/7 июня я был уже в Осака. Здесь в праздник крестилась одна очень хорошая старушка Мария Китадзима и двое ребят. Христиан собралось человек 50, а в Духов день мало, человек 6–7 только. Пришли некоторые совсем неходившие; но не пришли такие, которых я призывал к тому; только некоторые послушали. Приехавши, я часа два спал после обеда и теперь чувствую себя хорошо: устал очень сильно. А теперь вот все пишу о своем путешествии. По японскому языку накопил массу иероглифов, не знаю, когда их и одолею.

Вчера был отец Иоанн Оно; говорит, что отец Симеон Мии только на днях возвратился из путешествия на север своей церкви.

Мая 29/10 июня. Вчера я не мог идти к христианам, так как катехизатор Павел Сакума, оказывается, еще после обеда ушел к христианам и был в четырех домах, возвратился уже ночью. И это хорошо. А сегодня после обеда с Исогаем я ходил в буддийскую тера Хига-си Хонгадзи; весьма богатая тера, вся в золоте; очень обширная, разве немного поменьше Троице-Сергиевской Лавры Успенского собора. Впереди, по обыкновению, совершенно подобное католическим престолом место, таких три; богомольцев немного; все они, осматриваясь по сторонам и потирая приподнятыми ладошками, твердят ни для кого из них не понятные слова, вероятно, не особенно глубокой и умной молитвы: намаби дам. Некоторые для молитвы приносят особые накидки, похожие на кеса бонзы, только на спину спускаются больше; это похоже на двухсторонний передник. Тут же бросают и гроши свои на храм, некоторые с важностью, должно быть побогаче. Я стоял и думал: и чего ж это они вздумали молиться-то? Ведь нет для них Бога? А учителю Будде разве можно молиться? А если молятся какому-то духу, разлитому во всем мире, то ведь это какая-то мысль или идея, которою проникнут весь мир, – но ведь этому молиться нельзя, да притом же ведь в таком случае это и я сам отчасти; а может быть, и того меньше: думают молиться самому этому бытию мира, ибо, по-ихнему, Бог ведь – душа мира, исполняющая мир с самого его начала, пока он не превратится опять в ничто, в котором был. Но в таком случае зачем же молиться, если ничего не будет? Значит, в существе дела и нет ничто, а только так, временно является, как из трубы дым, который потом снова исчезает в воздухе, как бы превращаясь в ничто для нашего глаза. А ведь вот живут же люди и с таким неверием и шаткостью; вот сила быта религиозного: всякая ложь даже пред лицом положительной истины с трудом уступает ей место, – не потому, чтобы она была сильна сама по себе, а потому, что силен дух человека, воспринявший в себя эту ложь. И нам еще долго придется бороться с глухотой японцев к Слову Христову, пока постепенно не

создастся и у нас быт противоположный, чтобы истина не насиловала человека и приводила его постепенно к свободному спасению. А все свободное прочнее, хотя создается и не скоро. А будет время, когда и этот храм будет нашим прекрасным собором и в него будут входить тысячи истинно верующих во Христа Царя неба и земли.

Потом прошли мы в особую громадную комнату для проповеди, там сидели на полу слушатели человек 150–200; пришел старик, очень упитанный бонза, сделал краткую молитву перед идолом, взошел на кафедру и начал проповедь, предпославши ей какое-то воззвание совершенно хриплым и диким голосом, как будто нарочно его так ломая и уродуя; народ что-то завопил и смолк, а бонза начал проповедь; но вся она почти состояла из набора старинных песен, так что даже и Исогай не понял. Во время проповеди бонза ужасно ломал свой голос, иногда как бы плакал, иногда кричал, а вообще говорил все смеясь и смеша; проповедь продолжалась 15 минут.

Оттуда мы пошли недалеко в такую же тера Нисину; эта немного побогаче, но совершенно копия первой. Отсюда мы тоже прошли на проповедь; здесь проповедовал молодой бонза; мы застали уже в середине; он толковал о том, что мы перед Богом как дети перед родителями, так и должны себя вести и очищать себя от грехов, какие имеем. И где он нашел себе такого-то Бога? Да и что за грехи для буддиста? Исогай объяснил, что это самые обыкновенные житейские проступки, а существа духовной жизни, сердца это не касается. Все-таки и у буддиста есть какое-то искание чистоты жизни. Не из христианства ли это они взяли и перевертывают на свой лад? Ведь протестанты ловко вложили японцам мысль о свободе верований всякому по-своему, так как-де это не важно, а важно признание Единого Бога. По временам среди проповеди бонза чего-то мычал, и тогда все принимались тоже что-то твердить и галдеть; тут просыпались многие и многие совсем заснувшие и теперь разбуженные этим гвалтом и воем. После проповеди бонза прочитал несколько слов из какой-то свя-

щенной книги этого храма, написанной создателем его: это делают в заключение всякой дневной проповеди. Теперь здесь ежедневно в это время бывает по две проповеди; и если ежедневно собираются так, то это очень хорошо для буддизма, значит, у него еще есть много искренних последователей. После проповеди все оставляли на полу деньги. Вот если бы и наши христиане то же делали, то и наше дело немного лучше было бы. Но пока еще для них все церковное создано чужими, русскими руками, а поэтому к чужому не так и сердцето тепло относится: все думается, что поправит тот, кто и сделал. Ну да постепенно и это привьется, мало-помалу все будет от их рук, хотя бы в виде малого ремонта, а тогда и сами будут беречь все как свое. Это ведь и в России: если крестьянам построят школу, так они в нее не особенно с любовью и детей посылают, а уж о ремонте нелепо и толковать; не наша, думают, все равно поправят. А вот если хоть плохонькую, да сами мужики себе построят школу, так они за ней и ухаживают.

С 6-ти часов вечера с Сакума я пошел сначала к Ямамото Луке: он крестился, как мне сказал, пять лет назад. Теперь в церковь не ходит и не исповедуется, почему я не скоро и узнал, где он живет; все мои сотрудники оправдывались в своем о нем незнании тем, что он-де отстал от Церкви. У него жена язычница, и, должно быть, строгая в этом. Лука встретил меня в лавке и принял тотчас же благословение; я прямо начал речь с большого для него места: Иисус Христос для нас крест претерпел, а вы, принявши крещение и благодать Божию, пренебрегаете этой величайшею Его любовью; ведь если бы только к родителям вы это показали, то были бы весьма неблагодарным и худым сыном; а для нас Сам Сын Божий сходил с неба на землю. Если бы вы действительно содержали эту полученную вами благодать, то действительно нашли бы ее для себя величайшей силой и вам действительно помогла бы сила Божия. Помните, что мы все умрем и потом должны будем отдать ответ Богу во всем: какой же вы дадите в этом

ответ? Икону имеет. Я советовал ему когда-нибудь придти ко мне на дом для беседы, так как, может быть, при жене-то он и затрудняется, да и ребята толпой обступили, так что он должен был их прогнать; советовал и в церковь по временам приходить, а в посту исповедаться и причаститься, и кратко сказал о таинстве Святого Причащения как средстве быть со Христом.

Потом мы прошли к Катадзима Стефану, жена которого в Троицын день получила крещение; я и хотел поздравить ее и передать иконки, но, оказалось, она принимает ванну. Между прочим, японцы вообще весьма не стесняются показываться совсем обнаженными и делают только препоясания; бани у них общие для всех. И, однако, кажется, нельзя сказать, чтобы их нравы были слишком развращены сравнительно с европейской распущенностью, где, например во Франции, население положительно вымирает. Заволновавшейся старухе сказавши, что придем в другое время, мы пошли к Мруяма Феодоре, но ее не застали дома – висел замок. Прошли к Миямото Харитону и Наталии. Они живут весьма далеко от церкви; иногда все-таки будто приходят в церковь; только Харитон в этом году не причащался; оправдывается тем, что хотя пред принятием крещения он и уговорился с хозяином (табачником) по временам давать ему отпуск сходить в церковь, но хозяин язычник все-таки не отпускает и ежедневно заставляет работать; я все-таки советовал как-нибудь да устроить это, потому что без молитвы мы жить духовно не можем, а в посту советовал и причаститься; мы называемся верующими, а потому и должны жить и действовать по этой вере; всякий человек называется от своего труда – плотник от плотничества и тому подобное; так и мы: ведь только для нас пострадал Христос на кресте, чтобы даровать нам Свою спасающую благодать; но благодать хотя и в наших руках, но она может и не спасти нас, если ее мы не принимаем и не пользуемся ею. Например, в моих руках книга, но если я не понимаю знаков, то в ней ничего не пойму, а если постепенно пойму знаки, то

пойму и книгу, так и благодать: если мы не будем ею жить, то так и будет для нас не действительна, и напротив. Наталия жаловалась, что у нее грудь болит; я и сказал, что особенно в болезнях мы должны обращаться к Богу, ведь если шкаф испортится, то я его сам не буду поправлять, ибо не могу и не понимаю, я призову мастера, он это хорошо понимает и сделает; так и в начале из ничего нас Бог создал, Он же только может действительно и помогать нам в наших нуждах и болезнях, и к Нему поэтому мы должны всегда обращаться. Если мы действительно с верою будем просить помощи у Бога для чего бы то ни было, то непременно получим, ибо Бог нас хорошо знает и любит больше, чем родители: сии иногда могут и забыть детей, а Бог никогда не забудет, только бы мы обращались к Нему (рассказывал случаи с Фукасе). Просил в разговорах иногда беседовать и с язычниками о Христе, так как Христос для всех принес Крест и всем одинаково нужно спасение. Спросил: где живет Моримура Аввакум с сыновьями Илиею и Иоанном? Он дядя Наталии. Ни отец Сергей Судзуки, ни катехизаторы не видали и не бывали у него, так как-де он в церковь не ходит. Оказалось, что Миямото знает, и указал нам, так что в следующий раз мы можем вдеть и его. Так, Бог даст, найдем всех, сами же христиане скажут о всяком – где он. Они друг друга знают. На обратном пути опять зашли к старикам Китадзима, но старик что-то строгал, так что я помешал и решил два слова сказать да и уйти; старуха весьма радовалась, лицо такое мягкое, доброе; я передал ей иконки Спасителя, Богородицы и Марии Магдалины. Она весьма благодарила; я внушал ей иногда похаживать в церковь (хотя сознаю, что для нее это трудно: живут далеко, да она и старуха уже); она весьма радостно сказала, что по мере сил всегда постарается, вот и теперь послезавтра придет. Попрощался я и ушел; и старик оставил работу и провожал. Около 9-ти часов возвратились.

Сегодня владыка прислал письмо, в котором пишет, что все, что я делаю, пока хорошо, так и следует; отец архимандрит Сергей про-

поведует в Канда на собраниях, и прекрасно, хотя, пишет владыка, он ничего и не говорит о своих проповедях, кроме обычных благодушных отзывов, например: старушки прекрасно спали, а потом усердно благодарили за слово; это смирение его. Он теперь знаков больше владыки знает, и японские газеты читает свободнее его (пишет владыка). Слава Богу. Мне, вероятно, до этого не дойти; у меня знаки вываливаются из головы, никак не могу запомнить, да и некогда совсем ими заниматься; вот и сегодня их не успел переписать. Владыка приложил письмо некоего Токито из Осакской Ноогак-коо (средней школы), он хочет слушать учение и просит учителя; по указанию владыки я и советовал катехизатору Иакову Фудзии сходить и узнать сего человека, чтобы потом и самому познакомиться с ним, действительно ли он хочет слушать учение. Да, весьма хорошо бы здесь завести катехизаторскую школу: язычники свои уши раскрыли для слушания, а мы не можем им удовлетворить.

Погода переменяется, идет дождик. Что-то будет завтра.

Мая 31/12 июня. Вчера за бдение собралось человек 30 с небольшим, кроме ребят. Душа моя радовалась и при виде этой скудости, но сравнительно с прежним, можно сказать, некоторого богатства. Я невольно перед Богом встал с одной мыслью: Господи, размягни сердца всех людей, наипаче же верующих и веровавших в Тебя; Сам просвети наши мысленные очи сердца, дай нам постигнуть силу Твою, сладость общения с Тобой и высоты для сего молитвы к Тебе от глубины души; пусть все искренно стараются придти в храм Твой на молитву к Тебе, а кому действительно недосуг, тот пусть хоть дома-то искренно пожалеет о том, что он не вместе с другими перед Тобой; и так искренно вздохнет перед Тобой, прося Твоей благодати. А тех, которые действием сатаны ослабли в вере или даже и отпали, Сам Твоими только премудрыми для цели средствами направь их снова к Твоему стаду, вложи силою обстоятельств их жизни в сердце их искреннее раскаяние и дерзновенное, хотя и смиренное, моление

пред Тобою с искренним желанием возвратиться к Тебе; Господи, ведь это Твое дело, а мы только слуги Твои, работники недостойные на ниве Твоей. Действуй же действительно Сам через нас, как настоящий владыка сего дела, а нам дай Твою благодать, просвещающую, умудряющую, возбуждающую нас на дело Твое; всякому нашему делу и слову даруй искренность прежде всего, а потом оплодотвори Твою благодатью, да ясна будет всем и верным и неверным Твоя сила, да исповедуют искренно Твое святое имя.

После бдения богомольцы еще долго пели в большой комнате; как сегодня оказалось, это пели новую «Отче наш»; я послал им вчера печенья: все-таки охотнее будут относиться к делу. Сегодня перед обедней приходил Токито, о котором писал Преосвященный: Фудзии еще не было у него, а он сам услышал по расспросам, что и здесь в Осака есть православная церковь, и пришел. Я спросил его, как он пришел к мысли слушать веру; оказывается, сам додумался, что без Бога и истинной веры в Него жить нельзя. Он из Кагосима, где у нас есть даже священник, но учения совсем не слышал; есть отец, мать и брат.

Я сказал ему, что если действительно хочет слушать учение, то пусть навсегда прежде всего запомнит следующее: нельзя спастись только нося имя христианина, а закона Христова не исповедуя и не исполняя в жизни. Это бесполезно, как пройти школу мастерства и не сделать ничего по этому мастерству; нужно потому стараться ходить в церковь на молитву, совершать исповедь, причастие и вообще в жизни свято исполнять учение Христово: наша христианская жизнь совсем иная, отличная от обычной жизни; мы здесь постепенно приготавливаемся к смерти, чтобы потом быть действительными гражданами в Царствии Божиим. Он два раза на неделе свободен, а потому так к нему для проповеди и будет ходить Фудзии, который теперь имеет (кроме Мориока) еще нового слушателя. Я советовал и теперь похаживать к нам в церковь, чтобы постепенно присматри-

ваться ко всему церковному здесь. Жаль только, что он живет в школе, которая за городом и очень отсюда далеко.

За обедней было столько же, как и за бдением; двое причащались. Сегодня служба была для меня особенно почему-то радостна: должно быть, продолжение вчерашнего впечатления за бдением, хотя этого ясно я и не сознавал. Слава Богу, это Его дар: моя община начинает собираться. После обедни на собрании я говорил. Сегодняшнее воскресенье – воспоминание всех святых – есть явное доказательство жизненной силы православия: перед нами целый сонм святых как действительных челнов Царствия Божия. Если бы мы видели народ или громадное войско, которое за Отечество или, лучше, за веру положило свою жизнь, то поняли бы, что тут действительная сила, сила любви: по-пустому этого не было бы, то есть такого самопожертвования. И перед нами: одни из святых за Христа претерпели разные беды и лишения на проповеди Его учения для спасения людей, забывая свои удобства и спокойствие, и даже охотно и мужественно претерпевали мучения и смерть, – это святые апостолы; другие претерпели усечение членов и смерть в разных страшных для воспоминания даже видах и формах, опять-таки только ради Христа, – это святые мученики; третьи шли в пустыни и монастыри уединенные и, лишая себя всякого отдыха, совершали дело спасения, – это преподобные мужи; иные вообще в жизни трудились ради спасения, не жалели своих сил и тому подобное. И действительно спаслись: еще здесь в них явна была сила благодати Божией; они были действительно люди, всецело преисполненные и руководимые благодатью Христовой; после смерти их мощи и чудеса для верующих, как доказательство действительности их спасения, а следовательно, они и там на небе получили то, к чему стремились здесь. Это действительно доказательство налицо. Если мы действительно приложим к сердцу все то, что слышим в церкви, то и для нас сила благодати Христовой будет ясна и понятна, действительна. Японскую книгу вы хоро-

шо понимаете, так как раньше употребили усилие понять все знаки и теперь они для вас свои и совсем не тайна; а я ту же книгу держу в руках и ничего в ней не понимаю, так как не постарался понять знаков. Так и благодать для всех действительная сила, но узнают ее силу и живут ею только действительно восприимлющие и принимающие ее к сердцу. Так вспоминая ныне всех святых наших, постараемся подражать им, чтобы и быть действительно христианами, а по смерти в Царствии Божиим со святыми.

Потом я кратко рассказал о той радости, с какой христиане собрались для богослужения в Кобе и Какогава, и многие причащались; я советовал и им в этот пост поисповедоваться, посты суть нарочитые дни для покаяния. Конечно, мы всегда должны иметь в сердце покаянное настроение перед Богом, но часто забываем это, а потому хоть в посты-то должны приходить в себя и искренно каяться перед Богом. Так побеседовавши минут с 20, я пошел к ребятам в школу. А там регент уже уставил их в ряды для пения. Под скрипку, а сначала под фисгармонию пропели многое – почти все из литургии, а потом кое-что из бдения, очень недурно. Ребятам понравилось. Я ободрял их и говорил, что потом можно будет петь на клиросе (хотя и теперь можно, но пусть постепенно, чтобы выходило как бы мое согласие на их желание, а не мой совет, это будет прочнее потом). Потом я предложил им и угощение на первый раз – дал коробку печенья. В это время приходили и прощались некоторые из христиан, уходившие из собрания. Потом ко мне приходил Кавагуци Петр; в разговоре он мне сказал об одном ослабевшем семействе Цикахара. Их трое, но совсем отстали от церкви. Оказывается, они и в метрику не вписаны и, очевидно, их никто из наших не знает. Кавагуци подробно сказал и их адрес; постараюсь непременно найти и сделаю, что Бог благословит. Ровно с 1 часу было женское ежемесячное собрание; на нем две христианки говорят поучения, объясняя Новый Завет; а потом собирают по 10 или 5 иен с каждой в месяц; на эти

деньги помогают разным несчастным или делают нужное для церкви. Сегодня собралось только около 10 христианок; поучение говорила только одна, ибо другая не пришла; потом говорили катехизаторы; но я плохо понимал их всех. Потом собирали деньги; дал и я 1 иену. Сам я ничего не говорил, так как это было бы для меня первое собрание, и я решил только познакомиться с этим делом. К христианам сегодня не пошел, так как катехизаторы уже разошлись, хотя я еще третьего дня говорил о сем Сакума. Рассказавши об этом владыке, я ему пишу.

«Я писал Вам, что в Акаси просят катехизатора. Но к прежде высказанному мною мнению, чтобы постепенно приучать христиан своими средствами участвовать и созидать нужды Церкви, я предлагаю: нельзя ли теперь начать проповедь уже на средства христиан? То есть нельзя ли предложить язычникам Акаси: если действительно желаете слушать учение, то содержите катехизатора и давайте ему на это в месяц столько-то. Может быть, это и затруднит дело быстрого присоединения к Церкви язычников; но зато будет больше обеспечения для дела. Тогда будут слушать только действительно желающие того; а действительно бедных-то и не могущих платить всегда можно найти. Гнаться за количеством крещений ведь для Царствия Божия и для спасения нет нужды; пусть будет немного, да крепко. Как Вы мыслите? И если такая комбинация возможна, то сколько нужно с слушателей на катехизатора?» А потом: владыка писал, что для обучения детей пению можно поправить старую гармонию или купить новую; я пишу: «пока погодим немного и поправлять, и новую покупать. Посмотрим, как это дело привьется и пойдет; тогда можно будет и сделать нужное; а теперь желающие бренчат и на этой скрипучей машине».

Июня 1/13 вечером ходил к Маруяма Феодоре; она с дочерью занимается расчесыванием женских волос и потому будто бы за многоделанием не имеет возможности приходить в церковь; я ей сказал,

что так и совсем уйдет из Церкви, ибо если сегодня да завтра да послезавтра чего-нибудь не сделать, то потом уж и по привычке не сделаешь, а потом и совсем к этому охладеешь; так помни одно, что все мы умрем, а потом ответ перед Богом: что же мы скажем Ему о своем удалении от Него? Итак, по временам хоть по очереди приходите в церковь, а в этом посту непременно исповедайтесь. Хотя во время моих слов даже прослезилась (чего я еще не встречал), но слишком черствая натура; впрочем, я, может быть, и ошибаюсь: мне так показалось по наружности. Мы спросили ее о Цикахара, о котором вчера сказал Кавагуци; и она знает такого христианина и приблизительно указала место его. Мы и пошли его искать, но все наши многочисленные расспросы по улице не привели ни к чему; никто ни знает здесь такого. Может быть, Кавагуци немного ошибся; спросим еще у него и найдем-таки. Мы и пришли к Кисимото Акилине; она только с сыном школьником Кириллом; ведет небольшую, но весьма бойкую торговлю; говорит, что она и отлучиться не может; разве в субботу вечером может, и действительно в эту субботу приходила; я говорил, что ведь это для спасения души, а поэтому хоть иногда, да прекратить торговлю в праздник, чтобы придти в церковь на молитву; а в посту непременно исповедуйтесь, тем более, что в этом году еще не исповедовалась. Кирилла в воскресную школу посылает, но так как очень далеко до церкви (и действительно весьма далеко), то один-то затрудняется; я советовал хоть дома прочитывать Евангелие и непременно утром и вечером совершать молитву, иначе сердце постепенно охладает к Богу. Она, кажется, все-таки хорошая женщина, только, конечно, не хочется терять доходу, закрывши в праздник лавочку. Авось внемлет и воспрянет. Потом прошли к Сираю Андрею, – доктор, очень ревностный христианин, почти всей семьей всякий раз за службой. Я призвал его и других побуждать к Церкви; ведь только в этом и дело; мы здесь только временно, а потом перейдем к Богу, и если достойны, то будем жить в Его Царствии, а если нет, то

во тьме и муке. Итак, кроме этого нет никакого другого смысла в жизни; мы должны постепенно восходить к Богу. Так как все эти ослабевшие не проходили молитвы как следует, то и не понимают, что только в ней и радость истинная, ибо ведь мы с Богом живем в ней. В половине 10-го часа возвратились.

Июня 2/14. По случаю дождя я не выходил к христианам, а воспользовался этим свободным вечером для ванны. А сегодня сначала мы прошли к Накаяма Анне. Муж ее язычник, старший сын протестант. Муж протестантов слушал, но остался при своем. Анна в церковь не ходит, в этом году не исповедовалась; говорит, что трудно ей выйти; детей семь человек, да и далеко очень (действительно, совсем на краю города). А нам говорят, что и муж-то этому препятствует; я этого не нашел: он нас встретил и тотчас же сказал об этом жене и выслал ее; она очень внимательно с удовольствием слушала мои слова. У нее есть вверху и икона и масло; на Пасху она решила непременно быть в церкви, но, к сожалению, заболела. Я говорил ей, что как-нибудь нужно постараться, чтобы по временам приходить в церковь. В посту советовал непременно исповедаться и причаститься: мы постоянно должны помнить о своих грехах и каяться перед Богом, но за многоделием часто это забываем; поэтому хотя в посты-то непременно должны придти к Богу и покаяться. Советовал беседовать и с мужем об учении; она очень сожалеет, что семья такая разношерстная по вере: она сама от рождения жила в христианской семье и была христианкой. Так как она не имеет календаря и молитвослова, то я и обещал выдать ей их, когда придет в церковь. Отсюда мы прошли к Ока Нине; муж в прошлом году умер язычником; дочь большая Ольга, да мальчик родился в Японии, еще не крещен; я и советовал в посту крестить. В церковь не ходит, так как одиноки, да и далеко; я повторил сказанное у Накаяма и прибавил: мы всегда близки к смерти, это и должны помнить; после смерти придем пред Бога, и какой ответ Ему дадим? Вот сегодня мы совершали панихиду по некоем

Тите Уцикава; он в церковь давно не ходил, не исповедовался, да так и умер; вот такого-то конца мы и должны бегать. А это и будет: сегодня для Бога полениться, да завтра некогда помолиться и тому подобное, а послезавтра и по привычке одолеет лень и слабость, так и совсем отвыкнем от Бога и молитвы к Нему, сердце упадет духовно. Должно быть, это задело за живое, так как Нина прослезилась даже. Я и советовал им по временам хоть по очереди ходить в церковь. Потом мы прошли к Массуи Марине, которую прежде не застали; ее сын Антоний живет в Кобе. Она очень бодрая женщина, знает многих христиан. В церковь не ходит, так как постоянно на работе, да и одна совсем в доме. Я ей, между прочим, говорил: ведь нам бывает весьма приятно, если наши дети очень хорошие; тем более Богу, если мы действительно Его хорошими детьми бываем. А действительно совершая церковную жизнь, мы и живем с Богом, по Его слову: ведь сколько радости для вас, если соберутся к вам ваши друзья и родственники; тут забыты все печали; так бесконечно больше радости в истинно церковной жизни христиан; между ними Христос действительно. Этим и сильны были первые христиане, и среди гонений сохранившие крепкую веру, которую вот и мы теперь приняли, а поэтому должны ее сохранять и ею действительно жить, так как и называемся мы верующими. В посту советовал непременно исповедаться. Советовал в разговорах с язычниками мало-помалу разговаривать и о Христе, так мы совершаем дело спасения людей, ради которого все от Бога сделано. В прошлое воскресенье она была за бдением, так как вечером иногда свободна. Около 10-ти часов возвратились.

Вышеупомянутого Тита никто из наших на знал; а когда он третьего дня умер, то дальняя родственница его Маруяма Феодора (о которой я писал прежде) и сказала об этом отцу Сергию; он и совершил погребение, а сегодня панихиду. Приходили и дети его язычники; им он и разъяснил немного смысл всего этого дела молитвы; семья совсем бедная. Я советовал отцу Сергию в воскресенье разъяснить хри-

стианам, как опасно ослабевать в деле веры: ведь мы всякий час можем умереть, тогда что же сможем сделать для себя? А церковь, как истинно любящая мать, вот как любит своих чад: она и по отошедшим от нее и отвергнувшим ее любовь молится; следовательно, как нужно дорожить этой ее любовью! А потом советовал призвать на общую молитву и совершить панихиду.

О панихиде по покойному Титу я и не знал бы, если бы случайно не зашла ко мне Маруяма Феодора; она мне и сказала.

Июня 4/16 принимали от Миками Георгия его бумажную работу во всем доме; все сделал исправно и красиво. После выдачи ему денег за работу (62 иены) я немного побеседовал с ним и с отцом Сергием. Теперь и церковь стала весьма красивая, в ней и молиться-то будет приятнее; поэтому христиане исправно должны теперь собираться на богослужение. В России из дальних деревень христиане приезжают целыми семьями в церковь, дома оставляя только кого-нибудь одного из семьи; в обыкновенное воскресенье в церкви дышать трудно. Конечно, летом и там не так исправно, как зимой, приходят в церковь, так как уезжают верст за 10 на покосы и там живут всем домом. По умершим почти постоянно правят службы (сорокоусты), старушки постоянно собираются на молитву. Вот хорошо бы, если бы и наши христиане не оправдывались дальностью расстояния до церкви и всячески старались приходить сюда. Конечно, здесь еще вообще не привыкли к церковному, так как дело новое, да и живут-то среди язычников; поэтому, например, детей не торопят крестить сразу после рождения, как это в России, где иногда и в непогоду батюшка идет к новорожденному. Но тем крепче мы и должны содержать и проявлять свою веру, так как называемся христианами, а живем среди язычников, которые, несомненно, на нас смотрят и если не видят веры в нашей жизни, то, конечно, посмеиваясь на это указывают и соблазняются принимать христианство. Это можно и по себе сказать, если себя поставить на место язычников. Миками очень хоро-

ший христианин, постоянно поет на клиросе и вообще для Церкви старается.

С 3-х часов идет дождь, и я сижу дома.

В настоящее время среди французского католического духовенства происходит противопапское движение. К этому движению примыкает все более и более членов духовенства, и, например, в самое недавнее время один из священников бовейского диоцеза – кюре Бурдери обратился к своему диоцезному епископу с заявлением о сложении с себя сана, сопровождая его следующим письмом (от 7 апреля н. ст.): «Монсеньер, искреннее призвание привело меня к священству в католической религии, которую я считал религией Христа. После долгого и серьезного изучения догматов и учреждений этой Церкви я должен был признать, что я не был уже католик и не мог долее оставаться священником... Для меня стало долгом добросовестности не заведовать более управлением вверенного мне вами прихода. Поэтому я вручаю вам сегодня просьбу о моей отставке. Перед Богом могу засвидетельствовать, что в течение всей своей священнической жизни я добросовестно распространял и развивал христианские чувства в душах. И с целью продолжать то же самое дело я отлагаюсь от вашей Церкви, которая – католическая, но не христианская. Сын Божий, открывшийся моей душе, жаждущей жизни и истины, да утешит тех, кого я оставляю. Позже они поймут, каким глубоким убеждениям я последовал. Они поймут, как и я, что самый принцип общественно-католической организации есть не что иное, как торжество иудаизма и духа римского властолюбия над христианским принципом сыновнего благочестия и свободы чад Божиих, и они не осудят меня за то, что я порешил освободить мою веру и утвердить свободу моей религиозной совести против Церкви – слепо властной и угнетательной. Сын Божий да даст мне утешение и помощь. Совершаемое мною отпадение не прошло без треволнений, без тяжелых жертв. Но человек должен исполнять свой долг, и буду-

щее принадлежит Богу. Так как я добросовестно исполняю мой долг, то все упование возлагаю на Бога, владыку будущего. Усердно прошу, монсеньер, простить меня за неприятность, которую я причиняю вам, и принять выражение моих почтительнейших чувств. Е. Бурдери» (Церковн. Вестник, 1898 г., апрель, 16 ч., № 16. «Летопись церк. и обществ. жизни за границей»). Только сегодня – июня 5/17 – я прочитал это. Как жаль, что все подобные оторвавшиеся от берега ошибок и заблуждений ничего не знают о настоящей истине, которая есть наше вселенское непогрешимое христианство. А в этом, грешным делом, виноваты мы сами: мы не возвестили миру наше истинное сокровище, вверенное нам Самим Христом Вседержителем. Вот подобный человек сам натолкнется как-нибудь через вторые, а то и через третьи руки на слух о каком-то будто бы православии и самостоятельно действительно дойдет-таки до православия, подобно протоиерею Владимиру Гетте.

Перед самым обедом отец Сергей привел проезжего христианина из Тойохаси – Петра Танака; он очень ревностный к Церкви; да и вообще там весьма прекрасная по духу церковь. Я советовал ему заботиться всячески о том, чтобы и язычники слушали слово о Христе, так как спасение для всех важное и единственное дело; а среди японцев ведь многие совсем ничего и не слышали о Христе; поэтому в разговорах нет-нет да и побеседуйте о Христе: авось кто-нибудь и серьезно заинтересуется и поймет это слово. На прощание на память я дал ему маленькую иконку Богородицы. Он просил меня когда-нибудь приехать и к ним в церковь. Я выразил и свое на то желание сердечное. Там священник Матфей Кагета, – ему я просил кланяться от меня.

Владыка пишет от июня 3/15: «В Какогава 15 лет назад было 7 христианских домов, а теперь 9», – «но вот то-то же и есть, что катехизаторы – вроде Адаци, – а лучших где взять? А без катехизатора Церковь и совсем бы замерла. Поэтому Симидзу и Адаци Вы журили

совсем не жестко, – не смущайтесь, – а, быть может, еще очень мягко. Во всяком случае, Вы, как видно, несколько оживили и подняли их: да не будет труд Ваш тщетным. Дневник отца Иоанна Кронштадтского переводится и скоро будет печататься в «Сейкёо-Симпо». Вчера он с отцом архимандритом Сергием уехал в Хакодате – узнать, останется там священник отец Петр Ямагаке или другого ждать? Через неделю владыка вернется, а отец Сергей проедет в Мориока и Сендай – видеть христиан. За неделю или в продолжение недели просит меня приехать в Токио. Дней через 10 после собора владыка с отцом Сергием думает посетить церкви в Хоккайдо – в Немуро, Сикотан, Саппоро и др.; а в это время идут маленькие ремонты в миссии, так что хозяин должен быть. Владыка и предполагает, чтобы я там в это время заменил его; советует захватить и Ремингтона. Увидим и посоветуемся с ним обо всем.

Июня 5/17. В 6 часов с Сакума я пошел к христианам; заморосил дождик, да и перешел в порядочный; по грязи мы кое-как дошли до Марины Цуцуми; у нее сын Андрей и бабушка Сусанна (80 лет). На мой вопрос: почему не ходит в церковь? – Андрей сказал, что ходит в протестантскую церковь, так как присоединился к ней. Я сначала слышал, что в католическую, и стал толковать о ереси папства как главной ереси, искажившей все христианское в католичестве, поставившей на место Христа – Бога простого человека, который, конечно, нас не может спасти. Но тут начал говорить катехизатор, и я понял и сказал, что неправильно выслушал, и потом сам кратко сказал, что у протестантов всяк может верить по-своему, а следовательно, и веры нет, потому что Бог Един и веровать в Него все должны одинаково, а если различно, то это только мое или другого человека понимание Бога или того, что каждый называет Богом. Это теперь и протестанты сознают и ищут соединения с православием, для чего недавно из Англии даже епископ в Россию приезжал, и из России потом в Англию ездил епископ. Веры в святых и молитвы им протес-

танты не признают; а между тем мы имеем мощи их чудотворные, а равно и разные чудотворные иконы, от которых христиане по вере получают благодатную помощь; ничего этого нет в протестантстве, а следовательно, где же его сила сравнительно с православием? Молитвы за умерших они тоже не признают, а, несомненно, мы всегда будем молитвенно вспоминать своих умерших родственников, ибо любим их... Катехизатор добавил, что протестантство и существует только с Лютера, отпавши от католичества. Я указал еще на чудеса как на признак действительной силы истины православия и рассказал о Фукасе, прибавивши: это только одно чудо, а вообще Православная Церковь ими преисполнена, и если мы действительно с верою будем просить у Бога, то и для нас благодать будет действительною силою. Я сказал ему, что это дело первой и единственной важности, а потому и делать его нужно не торопясь, а всесторонне обсудивши, чтобы вместо слова Божия, вместо истинной веры Христовой не принять простого человеческого размышления. Мы приглашали его для бесед приходить в церковный дом. Марина тоже в церковь не ходит, а в этом году и не исповедовалась: говорит, что все недосуг. Я и говорил, что для посещения знакомых или для обеда находит же время; так непременно нужно найти и, конечно, можно найти время и для молитвы, ведь это единственное дело, ведь это спасение души; если не трудиться, то, конечно, не будем и вблизи Бога, а вдали во мраке. Я советовал по временам похаживать в церковь, а в посту непременно исповедаться и причаститься. Старуха Сусанна что-то долго толковала, как будто радуясь, что я пришел, да я так и не понял многого, да и она толковала бы без конца; я попросил ее на молитве молиться и о мне, распротился и ушел; она иногда похаживает в церковь, несмотря на свою старость; очень сейчас сожалела, что в Пасху не могла быть в церкви, хотя и собиралась. Славная старушка, как ребенок. На улице было грязно и очень холодно; мы взяли курума и поехали домой, около 8-ми часов возвратились. Погода похожа

на осень. Что-то будет завтра; как мне ехать в Кобе, так непременно ненастье. Да и христиане-то, пожалуй, не соберутся, ¹⁶если будет скверная теперешняя погода; не придут и на фудзинквай, познакомиться с которым я и еду завтра.

В 4-м часу приходил христианин Исикава Павел; я у него еще не был; он в церковь не ходит и, по обыкновению, отговаривается недосугом. Я говорил о единственной важности дела нашего спасения перед всяким делом; ведь для посещения знакомых находят же время или для обеда непременно найдут досуг; а после смерти дадим ответ во всех своих прегрешениях и удалены будем от Лица Божия. Только называться христианином, а ничего христианского не иметь, это не христианство. Нужно стараться восставить в себе веру и ею действительно жить. Кажется, довольно холодный человек.

В 5-м часу я выехал в Кобе, а в 7-м был там. Погода после проливного утреннего дождя установилась прекрасная. Я в первый раз хорошо наблюдал прекрасную живописную природу по дороге в Кобе. С одной стороны море с виднеющимися вдали островами, а на нем многочисленные пароходы и парусные суда, большие и малые; так бы и прокатился на пароход по этой гладкой поверхности его; но вспоминаешь мучительные дни из морского путешествия до Японии, и это желание превращается в пыль; остается опять только спокойно, смиренно любоваться на грозное море. А с другой стороны – зеленые горы, для глаза являющиеся как бы мягким ковром, на котором так бы и полежал среди природы; горы как бы купаются в каком-то особенно мягком голубоватом эфире, – таков здешний воздух; картина, довольно приятная для глаз, умягчающая сердце. Горы обрисовываются в весьма разнообразных и причудливых формах, по местам на них громоздятся дома и мелкие деревеньки; под ними расстилаются сжатые поля пшеницы и заготовленные, покрытие водой, как болота, поля для риса; местами в этих болотах, вероятно с немалым удовольствием (ибо рис – главное богатство и радость японца),

крестьяне сажают корни риса в грязь. Такова обыкновенная довольно грязная работа с рисом. Эта горная природа здешняя живо перенесла мою мысль на Кавказ и в те дорогие мне места, где я прожил предыдущие два года, особенно Ардон и вообще Осетию.

С 8-ми часов начали бдение; христиан собралось только 10 человек, но пели очень хорошо. Симидзу после бдения говорил поучение о посте Святых апостолов. Я в заключение и сказал, что в следующее воскресенье приедет для исповеди отец Сергей Судзуки; поэтому кто в этом году еще не причащался, а равно и причащавшиеся, пусть приготовятся к исповеди; просил об этом сказать и всем христианам. Бдение кончили около 9-ти с половиной часов; в 11-м часу христиане разошлись; остался только один протестант Мацуда, почти постоянно приходящий в православную церковь на вечернюю молитву; он прекрасно знает превосходство православия перед протестантством, но прожил там уже более 20 лет и привык, очевидно. Я говорил ему, что в протестантстве не вера, а соображения ума человека, и притом всякого человека по-своему, ибо в этом отношении свобода – принцип протестантства. Протестанты не признают молитвы святым, а между тем мы православные имеем их мощи, очевидно прославленные благодатью Божией; как же не молиться святым, очевидно богато наделенным благодатью Бога, вблизи Которого они и живут? И христиане по вере действительно получают помощь Божию через святых. Затем, своих родителей и родственников умерших, по любви к ним, мы, несомненно, всегда помним и в молитвах от сердца вспоминаем; и этого протестанты тоже не признают. Да и вообще Православная Церковь преисполнена чудес как явного признака живущей в ней благодати Божией, чего нет в протестантстве. Так как Бог Един и Христос и учение Его одно, то и вера наша должна быть одна, как открыл ее Бог Своей Церкви; для уяснения и подробного раскрытия ее в первые века были Вселенские Соборы, и они действительно все это подробно объяснили; а яснее это изложили святые

Отцы, действительно жившие этим Христовым учением и, следовательно, жизненно прекрасно его усвоившие и понявшие. Этого не признают протестанты и предоставляют веровать в Единого Бога как кто хочет и может. А это, конечно, не вера, а неверие; эту коренную ошибку и ересь сознают теперь и протестанты англикане и ищут единения с нашей Церковью (рассказал кратко о сношениях по этому вопросу двух Церквей). Он жаловался на то, что мало среди японцев искренних христиан, которые бы действительно свято исполняли учение Христово: попроси, например, бедный помощи, и редко кто подаст ее, а о том, чтобы и рубашку последнюю отдать ближнему, об этом нечего и говорить. Я сказал, что есть и весьма самоотверженные христиане; а если не все таковы, так это сразу-то и трудно. Вот мы все, ревнители о церковном деле, и должны позаботиться, чтобы внедрить в сердцах и жизни христиан учение Христа. Оказывается, он староста у протестантов, и очень ревностный; побудил устроить больницу для бедных и сам главным образом постарался для этого, отчего теперь даже и обеднял. За литургию к нам не может придти, так как в 10 часов у них тоже богослужение и он обязательно там бывает. Он ушел от нас только в 12-м часу. После, по поводу статьи в нашем журнале «Сейкёо Симпо» о трудностях проповеди для православия, в которой, между прочим, указывается и на плохую обеспеченность катехизаторов, я говорил, что вместо этих праздных слов сами японцы – священники и катехизаторы – теперь должны стараться пробудить христиан к содержанию своими средствами своих учителей: будет время, когда Церковь еще расширится, а средства из России останутся все те же; позаботиться об этом должны сами же японцы: нам русским говорить об этом неудобно. А Русская Церковь уж, кажется, достаточно помогла, теперь нужно и самостоятельно приниматься помаленьку здешней Церкви. Симидзу говорит, что все это прекрасно сознают, но средств нет. Я сказал, что буддисты содержат же и свои храмы, и духовенство своими пожертвовани-

ями; после проповеди обязательно оставляют деньги. В России духовенство живет исключительно на приношения христиан; там кроме того за каждой службой с христиан собирают еще и на церковь, и всяк старается положить хоть немного. И здешние христиане поменьку да постепенно могли бы содержать и церковь и духовенство.

Ночью ужасно мешали крысы, которых здесь весьма много, и весьма большие: когда упадет, то похоже на величину кошки. Мы заложили все дыры, так что к нам попадали только мыши.

Литургию начали только в 10 часов; все поджидали христиан; но их пришло только около 10 человек. Сначала я весьма припечалился, а потом размыслил, что собравшиеся, очевидно, хорошие христиане, что постоянно бывают за богослужением, и решил, что если Бог из-за 10 праведников не хотел погубить большого города Содома, то, значит, можно трудиться и ради немногих верующих: постепенно и остальных Бог приведет к Себе, была бы только наша вера да дело на то. Хозяева дома церковного язычники, но были в церкви все время. После литургии Симидзу говорил поучение о первых апостолах, по первому зову пошедших за Христом. Потом и я сказал по поводу этого сегодняшнего евангельского чтения, что и мы теперь только начинаем здесь христианство, а поэтому, подобно апостолам, должны свято его соблюдать, чтобы положить прочное начало и расширить его всюду. Сила и судьба христианства вообще чудо. Вот почти две тысячи лет тому среди иудеев ходил по видимости простой плотник, помогавший старику Иосифу, – Иисус; Он по виду ничем не выделялся из толпы; и учение Его было просто: Он призывал к покаянию, к вере в Евангелие и во Христа Спасителя, каким и называл Себя. Но в Нем действительно была сила Божия: он исцелял всяких больных. Но эта сила внешняя, хотя она и привлекала к Нему толпу и заставляла считать Его необыкновенным человеком. Была сила более существенная, это – внутренняя сила Его учения и всего Его дела, спасительного для нас. Он ради нашего спасения действительно от

злых фарисеев даже крест претерпел и действительно сделался для нас Спасителем. Апостолы и поняли эту Его силу и действительно всецело последовали навсегда за Ним. И вот эти-то совсем бедные, незнатные и неученые рыбаки потом, обходя с проповедью народы, всюду побеждали силою Божиею всех им противостоявших. И потом, много мы имеем святых, которые ради того же учения Христа, ради спасения претерпели мучения и страшные даже для воспоминания виды смерти; иные удалялись в пустыни и, забывая свой покой, трудились ради спасения и тому подобное. И они действительно достигли того: еще здесь они были всецело руководимы вселившеюся в них благодатью, почему их жизнь и была совсем иная, благодатная, высокая; а после их смерти мы имеем их святые мощи, от которых ради молитвы по вере получаем благодать Божию. Это чудо: благодать всецело изменяла их еще на земле и делала сильными своею силою. Теперь в Греции и России мощей святых очень много, и на поклонение им христиане издали приходят. Вот и мы должны стараться, чтобы учение Христово действительно исполнялось нами в жизни: язычники, конечно, зорко смотрят за нами – как мы живем. И если не видят у нас в жизни этого учения, то, конечно, соблазняются и в Церковь, конечно, не приходят. Вот, вспоминая сегодня обращение ко Христу первых ревностных Его последователей, и мы постараемся возыметь их ревность.

Потом я толковал об облачении для здешней церкви; кажется, сошьют, хотя не дорогое, из японского шелка. Они теперь сшили завесу, чтобы в обыкновенное время отделять ею место алтаря от комнаты. Помаленьку устроим. Обед приготовили рыбный прекрасный, хотя японский. С 1-го часу предполагалось женское собрание для объяснения Евангелия; но начали только уже в 3-м часу; было 6 женщин и двое мужчин; это очень хорошие христиане. Они читают стихи для объяснения, а потом катехизатор предлагает кому-либо объяснить. Если нужно дополнить или поправить, то после он сам гово-

рит, очень определенно и ясно, хотя и кратко. Объясняли из нагорной беседы Матф. 5 гл., 13–20 ст. После окончания объяснений, по предложению и просьбе катехизатора, и я сказал: христиане действительно соль и свет для всего мира; мы содержим истинное учение Христово, возводящее нас на небо к Богу; если мы действительно его будем исполнять в жизни, то оно для нас будет истинным светом и все люди ради нашей доброй жизни придут к Богу и прославят Его. А об этом мы, конечно, должны стараться: ведь приятно нам, когда наша семья или наш дом разрастается; так и относительно Церкви: ведь в ней совершается спасение всех людей, а потому мы всячески должны приводить неверующих к вере; поэтому в разговорах беседуйте о Христе, чтобы постепенно приводить к Церкви новых членов.

Наше назначение высоко: мы призваны жить с Богом, в Его Царствии, а для этого непременно должны себя приготовить, ибо грешному, недостойному жить с Богом нельзя, как нельзя быть вблизи Императора обыкновенному человеку; и мы должны очищать свое сердце и вообще жизнь от всего скверного, – напротив, усвоить все святое. Если я хочу жить в японском царстве, то все силы употреблю, чтобы научиться говорить по-японски; так и относительно спасения: если мы действительно желаем быть чадами Божиими, истинно верующими во Христа, чтобы потом войти в Царствие Божие, то для этого и должны стараться всеми силами, постепенно восходить своим духом и жизнью к Богу. Мы все сообща должны делать церковное дело, так как перед Богом все мы братья и как бы одно тело и по сотворению от Бога, и по спасению во Христе; а как в моем теле болезнь одного члена чувствует все тело и другие члены помогают к уничтожению болезни, так и мы все сообща должны делать дело и помогать друг другу материальной или духовной помощью, советом убитому горем. Евангелие в часы досуга постоянно читайте: это Слово Божие, нам завет; а ведь и завет родителей для нас дорог, и мы по-

стоянно его стараемся припомнить; тем более это о законе Божиим. В заключение сказал, что если теперешнее их собрание и небольшое, то унывать не следует или бросать его, а продолжать ревностно и располагать постепенно к тому же других: всякое дело делается с маленького; апостолов было только 12 человек, да Церковь процвела. Так и здесь Бог поможет, только нам нужно искренно стараться ради этого. Советовал и женщинам помаленьку приниматься за объяснения Евангелия на собраниях, чтобы привыкнуть отчетливо все понимать. Пропели «Достойно есть», я пожелал, чтобы они трудились для Церкви и ее распространения, благословил их и отправился на поезд; все пошли меня провожать и весьма благодарили за посещение. Вообще, эти собравшиеся христиане очень хорошие; значит, зерно есть, а колос выйдет благодатью Божией. Один христианин даже провожал до следующей станции в поезде. Сегодняшняя моя беседа была очень понята, по словам Симидзу; вообще, по его словам, моя речь становится все более и более понятной для японцев.

Дорогой опять я любовался природой, но оставил это праздное мечтание, взял японское Евангелие и прочитал из Матфея 26 гл. – понимаю почти все прекрасно. В 5 с половиной часов вечера я был в своей квартире. По словам регента Исаака Масуда, сегодня за богослужением в хору пели уже и ребята (6 человек), и не дурно; им это понравилось очень, а равно и христианам; после обедни он опять пел с ними; значит, это дело настраивается; слава Богу. Христиан собралось до 40 человек. И это прекрасно. Часов в 7 вечера, когда я писал этот дневник, отец Сергей привел ко мне проезжего токийского из Канда христианина Канда Матфея; он с женой и маленькой дочкой, которая, помню, ожидая нашего к ним прихода с отцом Сергеем, и гулять не выходила целый день. Этот христианин староста среди христиан. Он сознался, что сравнительно с прежним я теперь умею говорить по-японски и понимаю.

С Варнавой Симидзу я говорил и о слушателях учения в Акаси; но он сказал, что настоящих-то слушателей и немного, а остальные так, из любопытства пришли тогда слушать, тем более, что интересовались послушать русского симпу, да еще только начинающего говорить по-японски. А о Сиката Николае он говорит, что тот вообще любит все преувеличивать и торопливо делать; так будто бы и относительно сказанного им количества желающих слушать учение. А не говорит ли в этих словах самого Симидзу нежелание ездить для проповеди в Акаси? Во всяком случае, я посоветовал ему несколько раз съездить туда и написать мне подробно об этом после. На случай, если он затрудняется в средствах на проезд, я дал ему 1 иену, хотя он и отказывался, но, вероятно, стесняясь только.

Сегодня июня 8/20 я сижу дома, так как катехизаторы ушли уже; зато я переписал и просмотрел все иероглифы. Весьма трудная это история. Выученные постоянно забываю, а переписываемые с трудом запоминаю. Вечером приходили два гийю Накано и Намбу (они собрались совещаться о сборах на собор в Петров день в Токио). Я рассказывал им о том, как заботятся русские люди о своей церкви, – как о своем доме; за службой собирают деньги на церковь; конечно, всяк дает по силам, богатый дает и много; всякий почти ставит непременно свечку; и таким образом собирается доход для церкви по-маленьку. Церквей много и большие, к службе весело звонят в колокола – душа радуется; собираются в церковь, особенно зимой, весьма тесно, так что дышать трудно. Рассказывал, как проводят день ученики Ардонской семинарии, в которой я был в последний год, и высказал пожелание, чтобы и здесь создать такую же школу.

Июня 10/22 с 6-ти часов вечера с Сакума я пошел к Исикава Павлу, который был у меня в субботу; у него сын Тимофей; но его не застали. Почему не ходит в церковь? Далеко. А выйти к приятелям или их у себя принять – это не далеко, хоть бы на край города было идти, и время для этого найдем непременно. Это только отговорки, а дело

нужно прямо говорить: просто поизленился человек и позабыл все, а может быть, теперь даже и непонятно все церковное дело, нет в нем никакого блага и радости спасительной. Так и все у нас: если что-либо сегодня не сделать, да завтра полениться и так далее, совсем это позабудешь делать. Так вот с вами и относительно церкви и молитвы; конечно, и дома молитвы не совершаете, да и иконы-то нет у вас, нет и молитвослова и Евангелия; так вы и удалитесь постепенно от Церкви, а следовательно, и от Бога. А после смерти ведь дадим непременно ответ перед Богом во всем: что же мы скажем Богу о своей лени?

От Него ничего не скроешь; да и теперь от нас можно утаить истину, а Бог все прекрасно понимает и видит, поэтому напрасны всякие отговорки. Он, тотчас же сознавшись во всем этом, поторопился в сторону и говорил о том, что вот в Нагасаки протестанты хорошо собираются в церковь, видно, что у них вера есть, что они действительно христиане; потом толковал, что так как отец Сергей Судзюки не мастер говорить поучения христианам (какие – я не понял: в церкви ли или к христианам не ходит для поучения на дом), то и в церковь ходить не любим и не хочется. И благодати не получаешь никакой, так и не хочется приниматься за молитву. Я сказал, что если мы не будем искать этой благодати, то и не получим: не буду я читать книжку, и не пойму ее никогда, и наоборот. Если я хочу войти в дом, то стучу в дверь и мне отворят для входа; так и благодать: не молись, так и не получишь, а и последнее растеряешь. Благодать для нашей души что хлеб для тела: не питай его хлебом, оно постепенно дойдет до смерти от слабости; и душа без молитвы и благодати умрет и не поймет ничего духовного и божественного. Святые отцы в пустыню удалялись и, забывая свой покой, только трудились ради спасения и действительно достигли его. А вы теперь совсем и не понимаете сего, ибо и не трудились для сего; а между тем все только к этому спасению души и должно клониться, так как другой жизни нет, как

только жизнь с Богом в Его Царствии, а иная жизнь есть мука и тьма бесконечная. Для этого-то и нужно непрестанно трудиться; а только называться христианином, в этом толку мало. А он: после этого я буду трудиться. Я: конечно, вы сами должны воспрянуть, иначе никто вас не поднимет, как не поднять вас утром, если вы сами не хотите вставать с постели. А это вечное дело; воспряньте же духом и трудитесь; по временам приходите в церковь, в посту исповедуйтесь; это же скажите и сыну своему Тимофею, ибо и за него вы ответите перед Богом, так как он сын ваш. В воскресенье, если вы придете в церковь, я дам вам молитвослов, календарь и иконку. Купите Евангелие, оно для вас не дорого, а в нем воля Божия для нас, – если мы почаще или всегда будем почитать его внимательно, то постепенно поймем волю Божию, она для нас будет близка; а не приняться за дело, так, конечно, никогда не поднимешься к Богу. Но, вероятно, он высказал желание трудиться только для того, чтобы выпроводить нас поскорее, уж очень не искренна у него физиономия. Впрочем, увидим.

Потом прошли к Циба Анне; он Хакодатская старинная христианка, прежде была учительницей в нашей женской школе; у нее молодой племянник Павел, женат на язычнице, теперь слушающей учение. Есть маленькая иконка, но стоит на столе внизу; я посоветовал ее повесить, чтобы всякий видел и мог перекреститься при входе: таков православный русский обычай. Теперь жена Павла в больнице; почему – будто бы – и не могли ходить в церковь; недавно сделалось ей лучше; я и советовал теперь-то похаживать по временам хоть по очереди и говорил о важности молитвы для нас как средства постепенно восходить к Богу. Говорил о том, что постепенно можно и совсем охладеть к вере, а ведь только в вере и спасение своей души и жизнь. Они предложили арбуза; мы попробовали и ушли; но так как было уже около 9-ти часов, то пошли домой; в половине 10 часа пришли.

В церкви новый ковер, но это я узнал только проходя мимо церкви.

Июня 11/23 в 3 часа дня приходил консул из Кобе; он был с визитом у здешнего нового губернатора. По обыкновению, ругает японцев и считает их неспособными к христианству; по пути ругает и епископа, тратящего на них массу денег, которые лучше бы употребить на нашего бедного русского крестьянина. Я с ним на эту тему не долго разговаривал: бесплодное толчение воды в ступе¹⁷.

С 6-ти часов с Сакума мы вышли к Фурусей Василию; он живет далеко. Я убеждал его хоть по очереди с женой ходить в церковь, тем более, что он и гийю, – следовательно, должен показывать пример христианам и их к тому же убеждать. Отговаривается недосугом и дальностью расстояния; я говорил о важности дела молитвы и вообще всего церковного дела для нашего спасения. В церкви за богослужением все приводит нас к Богу, и мы действительно можем жить с Богом, если бы действительно исполняли с сердцем это дело. А если в церковь не ходить, исповедь исправно не совершать, дома как следует не молиться, то постепенно и все для нас будет непонятно в церкви и постепенно уйдем от Бога совсем. А между тем в этом все и дело, чтобы приготовить себя жить потом после смерти с Богом. Этого мы не понимаем, как не понимаем и смысла молитвы, потому что не трудимся в ней нисколько и так она далека от нас. Младший сын, еще не принявший крещение, так как жил далеко, теперь слушает учение. Я советовал по временам присылать его в церковь, чтобы он постепенно освоился с церковной жизнью. А самим в этом посту советовал исповедаться; посты для того и существуют, чтобы в это время мы особенно жили для Бога, размышляли о своих грехах и приходили с покаянием к Богу, – как праздники для молитвы среди обычной суетливой жизни.

Отсюда мы пошли к Фурубаяси Акиле, которого с трудом разыскали в первый раз, но и теперь не застали дома; хозяйка его кварти-

ры сказала, что он 15-го числа каждого месяца бывает свободен от дела; мы и просили ее сказать ему, чтобы хоть тогда-то он пришел к нам для разговора. Отсюда пошли к Сува Иоанну и Марии; их отец Сергей не видал, да и не знал, где они живут, так как они в церковь совсем не ходят. Иоанн гордо принял нас, даже и не поклонился; он занимался с учениками, так как и сам-то учитель школы. Я спросил – когда принял крещение? Он притворился не понявшим, пришлось повторить те же самые слова катехизатору; оказывается, уже 20 лет христианин. Почему в церковь не ходит? – Недосуг. – А в воскресенье ведь отдыхаете? – Да, но после ежедневных трудов нужно отдохнуть и телом. – Тело истлеет после смерти, а душа останется жить навеки; душевное дело важнее телесного; поэтому для него нужно хоть в воскресенье потрудиться. – Он все время говорил, что не понимает, так что пришлось сказать, чтобы Сакума рассказал это пояснее. Оказывается, в конце концов, что веры в Бога он совсем уже не признает и души не признает. Так же мыслит и жена его Мария. Все это он говорил сквозь ужасный торжествующий отчаянный смех, какой только и бывает у совсем отчаявшихся во всем, но страшно самолюбиво-самоуверенных людей. Вероятно, таким же, только несравненно более сильным смехом, смеется диавол, если только он может смеяться, будучи духом. Жутко становится быть вблизи такого существа: это нечто сатанинское, безотрадное состояние пустоты в душе, с насильно достигнутым равнодушием ко всем ее запросам, несомненно заявляющим о себе, ибо их только присутствием и можно объяснить тот отчаянный смех, которым с услаждением смеются подобные люди, как смеется гоголевский сумасшедший, уверивший себя, что он испанский король, и постоянно разуверяемый в том окружающей действительностью, которая более действительна, чем грезы его разгоряченного мозга. Вот уже 10 лет, как он оставил совсем веру; а прежде привел к Церкви многих: Исида, Китадзима, Каяно (теперешний катехизатор), Кугимия (теперь диакон в Токио). Так как все-таки мы

мешали их уроку, что он прямо нам и сказал, то я спросил: можно ли придти к нему для беседы когда-либо в воскресенье? Он прямо сказал, что так как не понимает необходимости иметь веру, то не имеет и желания слушать о вере и вообще с нами ничего общего не имеет. Нам оставалось извиниться за беспокойство и уйти, а он хоть бы капельку мотнул головой. Гордый и совсем холодный, отчаянный по настроению человек. Очень жаль. С великой скорбью я вышел и возвратился домой около 9-ти часов с напрашивавшейся на душу молитвой.

Из разговора с отцом Сергием Судзуки я узнал, что Сува Иоанн говорил: «сделайте меня катехизатором, так и буду жить как христианин». Отец Сергей, оказывается, однажды его видел. Очевидно, это уже совсем неискренний человек.

Июня 14/26 к обедне, несмотря на проливной дождь, собралось человек 20; но ребят пришло меньше прежнего, почему сегодня пение их в церкви не удалось; впрочем, немного попели. Пришел к обедне даже Павел Исикава, совсем отставший было от Церкви (у него я был недавно). Я дал ему молитвослов, шейный крест, иконки – Спасителя, Богородицы и апостолов Петра и Павла. Советовал ему похаживать в церковь и таким образом подогреть веру в своем сердце. Дай Бог ему сил и искренней веры всему, что касается спасения. Советовал я ему и сына Тимофея по временам присылать в церковь. С христианами после обедни беседовать не пришлось, так как все старосты ушли совещаться о том, что им нужно сказать на приближающемся соборе в Токио; а остальные христиане скоро разошлись ради сильного дождя, пока я потреблял дары и читал благодарственные молитвы. Сегодня литургию я совершал с особенным каким-то чувством: дай Бог поддержать мне на будущее время такое хорошее настроение. Но да не в обольщение сие мне будет... Вчера отец Сергей говорил, что христианка Варвара, помогающая катехизаторам в воскресной школе, не имеет денег купить картинки для

раздачи детям (это иллюстрации к евангельским рассказам или текстам); а она хочет приводить сюда и язычников детей. Я и дал на это 2 иены. Гийю на собрании решили: отправить на собор Кавагуци Павла и Намбу Евфимия; поблагодарить епископа за поправку церковного дома; просить еще катехизаторов в Осака для проповеди, так как город большой, а здесь о православии и не слышали многие нисколько, тогда как протестантов и католиков здесь очень много; решили также снять фотографию с дома с двух сторон, когда поставят крест на крыше, и представить ее епископу.

После обедни прислал мне особое японское пирожное Миками Филарет (старик), недавно причащавшийся (в позапрошлом воскресенье, а в прошлое я был в Кобе), и вот будто бы от особенной радости это его подношение мне. Я отдал это ребятам, которые собрались в воскресную школу, читали молитвы, слушали рассказы из Евангелия и по поводу Евангелия и пели разные песнопения. Фисгармонию я заказал поправить, так как приглашенный еще прежде для этого мастер брал только 9 иен. Эта гармония все-таки будет лучше новой маленькой, о покупке каковой пишет владыка. Поправят после собора.

Июня 15/27 Судзуки Николай принес сделанный им крест на церковь; в середине дерево, обложено стеклом внутри позолоченным, по верхним бокам обито жестью; размер – около сажени; очень тяжелый; на случай ветра очень опасно, хотя я и говорил, что не мешало бы и поменьше сделать, о чем писал и Преосвященный. Ставить его будут завтра; хотя очень опасно для черепицы: уж очень он тяжел.

После неприятной беседы с Сува Иоанном (11 июня) я весьма призадумался: вот-де какие люди могут встречаться. Какими средствами действовать на них? Да и можно ли еще это с успехом хоть некоторым? А так как всегда бывает так, что при нарушении душевного равновесия или радостью, или скорбью воображение работает не

останавливаясь, именно в направлении этой минутной черточки душевной жизни, то и со мной случилось то же. Я невольно остановился над вопросом о том, как трудно нам здесь действовать, когда у народа нет никаких религиозных связей с верой, да и мы не обладаем духом настоящих апостолов Христовых, не имеем их благодати, богато восполнявшей их крепкие силы. Впрочем, говорил я себе, если бы в России я так же неустанно действовал для народа, постоянно входя в его среду и говоря ему попросту от души слово Божие, то там можно бы было высоко поднять приходскую жизнь; наш народ исполнен веры, только стоит немного его возбудить. И вспомнил я минувшие два года службы в России, особенно последний в Ардоне, где я начинал действительное общение словом с народом, да и в семинарии завел дело очень прочно, да и на всю Осетию весьма развернулся. А здесь вот сколько времени ходишь и в дождь и в грязь, и в немочи, и в недосуг, и мало пробуждается народ, уже уверовавший прежде, но ослабевший; а относительно внимания язычников к слову о Христе нечего и говорить: не внемлют. И в этих сердечных противоречиях я долго и много ходил, сердечно молясь к Богу, да дарует нам Духа Своего Святого, наставляющего, умудряющего нас, просвещающего и исполняющего Своею Божественной силою, чтобы мы действительно были носителями и того Божественного учения, о котором вещаем, и Той Силы Божией, к Которой, как спасению всех, призываем народ.

Июня 16/28 в 4-м часу вечера неожиданно для меня скоро возвратился отец Сергей Судзуки. С его слово расскажу. В субботу к бедению в Кобе пришли только человек 6-7; в воскресенье к обедне человек 10 или побольше; одного больного он причастил на дому; окрестил одну девицу и ребенка. Посетил два дома христиан. Не особенно усердствуют в Кобе христиане. Да и отец Сергей не из усердных, если был только в двух домах. Я просил его повидать Веру Мацумото, на которую муж ее Георгий жаловался, что она оставила его и живет

с другим мужчиной; он ее не видел, так как-де она за работой; а христиане и катехизатор говорят, что дело наоборот: муж ее оставил и живет в блуде и вообще как язычник, причем обнищал до того, что занимается воровством; а Вера живет чисто и самостоятельно добывает себе малый кусок хлеба. А Георгий мне на свою жену жаловался в присутствии катехизатора, и этот ни словом его не опровергнул и после ничего не сказал мне. Нехорошо. Потом в воскресенье отец Сергей отправился в Какогава; там собралось человек 7, четверо причащались; ребят не было, так как у них в школе экзамен; некоторые из причастников причащались прежде и у меня. В соседние селения, из которых в одном два дома христиан, а в другом один, он не ездил, так как от дождей разлилась река и попасть никак туда нельзя; даже городу в некоторых местах угрожает наводнение. Потом проехал в Химейдзи и там был только в двух домах действительно ревностных христиан; а у ослабевших не был (2 дома); катехизатор-де сказал, что они постоянно отсутствуют; но во-первых, катехизатор соврал; одна ослабевшая, напротив, всегда дома, так как лавочку содержит, а во-вторых, все-таки нужно бы было наведаться – может быть, и дома; очевидно, и тут не хватило толку или ревности. Катехизатор и христианам заявил, что после собора он к ним не вернется, так как уже и епископу писал, чтобы его перевели куда-нибудь в церковь со священником, так как он-де один не умеет вести дела. Христиане Химейдзи этим опечалены, так как с катехизатором они сошлись, а о другом не знают, каков будет; а христиане Какогава положительно не желают, чтобы он был у них катехизатором; он никогда почти к ним не заявлялся и не учил их. Отец Сергей говорит, что Адаци совсем трезвый, сердце хорошее, силы есть, да не умеет вести дела проповеди, так как не был около священника; а трудиться для Церкви он искренно будто бы желает, по его словам. Взял бы я его к себе в Осака, но наших нельзя ни одного туда перевести: Каяно (Фудзии) уже там был и ничего не сделал, а Сакума ненадежен. Увидим в Токио, как ду-

мает Преосвященный об этом. Я спросил отца Сергия: а когда поедете в Вакаяма? – Теперь некогда, уж после собора, так как до собора времени остается немного. – Я сказал, что в посту нужно бы съездить для исповеди. – А вот, говорит, в Успенском посту. – А то дело само собой: тогда и еще можно бы съездить. Да Вы писали в Вакаяма? – Нет. – Э-эх, а я ведь говорил ему прежде, даже сам и за дорогу хотел заплачивать.

Июня 17/29 приходил ко мне священник Окаяма Игнатий Мукояма. Он мне очень понравился, и даже внешний вид его привлекательный, мягкий, вдумчивый. Я толковал с ним о его церкви. Говорит, что в последнее время число крещений очень порядочное – до 20–30 человек в год. Он вообще, кажется, трудится для веры. Расспрашивал, какие порядки церковные в России, я говорил ему о собраниях христиан для богослужения, о самых храмах, о пожертвованиях и приношениях христиан на храм, о сборах натурой, о сборах и постройках новых храмов, о паломничестве русских на Восток, Афон и по русским обителям, о проповеди для христиан. Увидел он у меня на столе портрет отца Иоанна Кронштадтского, я и рассказал о нем, о той вере, с какой сходится к нему на молитву народ. Он потом заходил и июня 18/30, и долго мы с ним проговорили о разных церковных предметах и высказали пожелание, чтобы здесь завести катехизаторскую школу.

В тот же день проходил старик Огасавара Иоаким и просил от его и от лица всех Осацких христиан Преосвященному сказать следующее: поблагодарить за ремонт церковного дома; теперешних катехизаторов не переменять, так как Осака весьма большой город, а многие не имеют здесь даже малейшего понятия о православии; так как здесь протестантов весьма много, то дать сюда еще одного по крайней мере катехизатора; прежде один катехизатор жил отдельно от церкви в городе, за квартиру платили христиане; но теперь квартиры вздорожали, и поэтому христиане не могут за нее платить, а

между тем для проповеди язычникам одному катехизатору удобнее жить в городе; поэтому и просят епископа дать деньги на наем квартиры для катехизатора в городе; а они-де, осакцы, весьма желают расширения своей церкви, только не имеют средств на содержание катехизатора и квартиры для него. Я сказал, что едва ли это исполнится, так как денег мало, а и самим христианам надо приниматься за денежное участие в церковных делах; кроме того, пока теперь достаточно и настоящих двоих катехизаторов, если мы будем старательно делать свое дело. Да и христиане должны нам в этом помогать: в разговорах с язычниками беседовать и о Христе, а заинтересовавшегося приводить к катехизатору; тогда у нас дело кругом пойдет прекрасно. Но к вечеру приходил гийю Мелетий Накано и сказал, что они теперь уже не будут об этом просить на соборе. Я удивился, но о причине не спрашивал, так как и сам не согласен с их просьбой. А потом для разъяснения просьбы Огасавара я пригласил катехизатора Каяно, приходившего с ним; в это время пришел Кавагуци Павел, которого на собрании в воскресенье гийю выбрали отправиться на собор от лица здешней церкви. Он вдруг сообщает, что так как в воскресенье отца Сергия не было на собрании, то сей – отец Сергей – признает это собрание недействительным и требует нового. Он-де и вообще вот так расстраивает церковные дела: вот теперь христиане действительно как будто принялись за церковные дела, о чем прежде совсем не хотели и думать, а теперь опять все пропало, так как-де христиане опять потеряли интерес к сему, расстроенные подобным отношением к их делу со стороны отца Сергия. Да он-де и всегда вот так относится к христианам, хотя сам и не понимает ровно ничего. Теперь я понимаю и слова Накано Мелетия, что они теперь уже не будут просить о катехизаторе и квартире для него. А еще Накано говорил: христиане отца Сергия не любят. Почему? Потому, что он все делает отдельно от христиан, не посоветуется, не потолкует с ними о церковных делах; а ведь, конечно, много лучше, если все

вместе делают дело. Я заметил, что это нерасположение христиан к отцу Сергию для меня все-таки непонятно: он человек хороший, для Церкви старается. А он мне на это: для Вас и для епископа он хорош, а для христиан не хорош. Я спросил: не думают ли они сказать на соборе, что его не желают? Он отвечал, что нет, так как при нем-то это трудно высказать (так, кажется, он это объяснил).

К Каяно Иакову ученик Ноо-гаккоо Нокито для слушания учения не приходил ни разу; должно быть, не желает или испугался моих слов о том, что нужно, чтобы быть истинным христианином. А может быть, ему и некогда теперь, да и очень далеко досюда, потому и не приходит.

Июня 20/2 июля ставят крест на крыше. Дай Бог, чтобы этот видный со всех сторон далеко крест и христиан наших привел в церковь – ревностно трудиться для своего спасения, да и язычникам указал на место истинного света жизни, которое есть Православная Церковь. Положи, Господи, в сем кресте прочное основание для проповеди о Тебе здесь.

Сегодня отец Сергей советовался со мной о следующем: Мориока старушка, вместе с сыном и снохой теперь слушающая учение и желающая креститься, хотя еще не вполне теперь понимает учение, однако весьма желает креститься, так как больна. Я и посоветовал отцу Сергию и порасспросить старушку об учении и узнать – если у нее искренняя вера и если все это есть в некоторой степени и, главное, есть искренность, то можно и крестить только ее одну, а других подождать еще; а потом все-таки продолжать ей излагать учение после крещения.

Часа в 3 дня приходил христианин из Кооци с острова Сикоку; он пришел в Осака искать работы; языческое его имя Ариса Энкичи, а христианского своего имени совсем не знает, позабыл и только говорит, почесывая в голове, что оно весьма отличается. Оказывается, он крещен уже 13 лет, но, кажется, с тех пор ни исповеди, ни прича-

щения не принимал; в церковь не ходит, молитвы не совершает, креста на шее не имеет. Своего катехизатора Хиромидзу знает, а священника не видывал. Я и сказал ему, что если бы хоть изредка похаживал в церковь, то знал бы, что иногда к ним приезжает священник для исповедания и причащения; а вот теперь не только этого, а даже христианского своего имени не знает. Это худо. Я сказал ему, когда бывает у нас богослужение, и советовал по временам похаживать в церковь, а также поскорее, даже, например сегодня или завтра, исповедь совершить, хорошо подумавши о своих грехах. Дал ему иконки Спасителя и Богородицы, а также крест на шею, и советовал обязательно утром и вечером молиться Богу, для чего хотел дать ему молитвослов, но он едва может только катакану и хиракану читать, а китайских иероглифов не понимает. За бдение, кажется, не приходил.

Июня 21/3 июля, идя в церковь к обедне, я заметил человека, похожего на Сува Иоанна (11 июня см.), но удивился и решил, что это не он конечно, он не пойдет в церковь. Оказывается, это был он, простоял всю обедню и ушел только во время проповеди; он говорил катехизатору Каяно, что не имеет времени, чтобы простоять всю обедню и поговорить со мной, хотя и желал бы этого весьма. Дай Бог, чтобы это были искренние его слова, – значит, еще можно как-нибудь на него действовать, Бог поможет. К обедне собралось человек до 40, так что даже и христиане говорили, что сегодня много их пришло. Впрочем, может быть, только ради фотографии, которую сегодня после обедни и сняли с церковного здания (крест теперь поставили и утвердили проволокой и железом, кажется, крепко). После литургии я кратко поблагодарил Судзуки Николая, поставившего этот крест; поблагодарил и вообще христиан, что они приняли участие в ремонте церковного здания, причем заметил, что и вообще они должны стараться для церкви, как для своего дома. Выразил желание, чтобы теперь, когда все внешнее в церкви стало так хорошо, постарались сделать истинным храмом Божиим свою душу, в кото-

рой обитает Бог; поэтому христиане теперь, взирая на этот издали видимый крест, пусть охотно собираются сюда на молитву. Потом поздравил новокрещеных, сказал, чтобы они укрепляли в себе веру в Бога молитвой и вообще хорошей жизнью; называться только христианином, а не быть им на самом деле, это дело плохое, как худо, зная какое-либо дело, не желать ничего сделать при этом знании; нас Бог зовет к святой жизни, чтобы мы потом могли жить с Ним в Его Царствии, а для этого нужно подготовиться; вот теперь, зная истинное учение, и нужно постараться приготовить себя к смерти, чтобы после нее быть с Богом. Я дал им по иконке Спасителя и Богородицы и велел выдать молитвословы. Их имена я узнал, присутствуя при крещении (крещение продолжалось с 7-ми часов утра до 8-ми часов с половиной): Мориока Игнатий и Агафия, Косуги Кира и Уэда Сила. Народу на крещение собралось много. Был в церкви за обедней и вчера приходивший христианин из Кооци. А в доме этого христианина все остальные язычники, да и сам он совсем еще молодой, даже не женатый. Однако вера и общение с Церковью, очевидно, есть и у этого затерявшегося: иначе зачем же бы он стал отыскивать в Осака православную церковь? Христианам после обедни я еще говорил, что по возвращении в Осака из Токио я намерен собрать всех гийю и посоветоваться, как нам сообща восставить наилучше церковную жизнь.

Пообедавши, а после фотографии простившись с христианами, я и отправился на поезде в Токио; некоторые христиане оставались в церкви провожать меня. Погода до этого времени стояла прекрасная, а потом заморосил дождик, да и полил ночью страшным ливнем, так что в одном месте даже железнодорожный путь размыло, но крестьяне уже немного позабросали тут камнями, землей и сучьями, так что мы перебрались благополучно. В вагоне 1-го класса почти все время я ехал только с двумя молодыми: очевидно, француз по физиономии, женатый на японке; прекрасно объясняется с ней по-япон-

ски. Дорогой я читал японское Евангелие катаканой (не иероглифами) и почти все понимал; а читаю я, стараясь всматриваться в знаки, чтобы постепенно сами собой они запоминались и припоминались; и действительно, некоторые как-то заметнее становятся для памяти таким путем. Поезд запоздал на час до Токио. В миссию мы приехали около половины 11-го часа утра июня 22/4 июля.

* * *

Сам собою напрашивается вопрос: как я освоился с японской речью? Нужно заметить, что изучение японского языка – дело весьма трудное. В средние века один римский миссионер хотел всех уверить, что сам сатана нарочно придумал такой трудный для иностранцев язык, чтобы воспрепятствовать распространению христианства среди японцев. Трудность изучения этого языка состоит во-первых в том, что японская фраза, при своей замысловатой витиеватости, не походит на строй фразы европейских языков. Японец ради особенного изящества и деликатности нанизывает слово на слово, но и при этом его речь поймете, лишь когда в самом конце длинной фразы он поставит сказуемое, нередко, из особенного уважения к почтенному собеседнику, удивительно разукрасивши его добавочными частицами и в завершение возведя его в квадрат; затем, кроме того, он может еще более запутать непривычного собеседника, когда целое длинное предложение особой вставочной частицей возведет в подлежащее и все начнет снова объяснять. Во-вторых, трудность в том, что ради принятой японцами китайской иероглифической письменности они одинаково употребляют в речи слова и японские, и китайские с особым их произношением; а китайские слова в силу своей односложности весьма трудны для запоминания, а иногда по произношению вовсе не разнятся одно от другого; например, китайское «син» значит

Бог, душа, дружба, родители, сердце и тому подобное, а пишутся все эти слова различными китайскими знаками. Понятно, что в разговоре на первых порах весьма не легко разбираться в таких словах.

По первому совету Преосвященного Николая я с учителем японцем, ни звука не понимавшим по-русски, принялся читать молитвослов: молитвы мне, конечно, все известны, поэтому я постепенно мог догадываться о значении того или другого японского слова; для более верного перевода мы прибегали и к мимике, и к лексикону. Просидел я над молитвословом больше месяца, заучил тысячи полторы слов с известным мне смыслом, а между тем оказалось, совершенно не могу составить фразы и не могу понять японского разговора, кой-что понимая лишь у своего учителя, приспособившись к нему и его невольно приспособивши к своим словам. Пал я духом и не знал – как пособить делу. Грустно было сидеть при деле без дела, да скучно было и без языка сидеть среди японцев. Помог мне в этой беде наш миссийский диакон, лет 15 проживший в Японии и говоривший, как настоящий японец. Он мне посоветовал купить так называемый «Токухон», то есть азбуки и книжки для обучения грамоте японской. Система в них та же, что и в наших подобных начальных книжках: учащийся постепенно осваивается с японскими словами, затем простейшей фразой, а далее сложной фразой и, наконец, самой обычной японской речью, постепенно привыкая и к китайской письменности. Таких книг, помнится, восемь частей. Читал я их с первой начиная, и действительно, из немого сделался говорящим: без особенного труда я постепенно не только узнал массу самых нужных в речи слов, но усвоил самый строй и характер именно японской фразы и речи. И вот в половине марта, то есть на третьем месяце по приезде в Японию, я уже мог ходить по домам христиан самостоятельно. Конечно, сначала и я плохо понимал, но меня иногда тоже не понимали; но через неделю такого хождения я уже значительно освоился практически с японской речью и безбедно мог говорить

обо всем. Теперь пошло быстрее и дело изучения китайских иероглифов, да и вообще более основательное изучение японской речи не столько книжным, сколько практическим разговорным путем. После Пасхи в конце апреля я переселился в Осака, где уже ни слова русского не услышать, – поневоле приходится говорить по-японски. Да и сам я в этом отношении всячески усердствовал, изо дня в день ходя по домам христиан и ведя с ними посильные беседы и разговоры. В дороге я обязательно читал Новый Завет в японском переводе, чтобы всячески осваиваться с японской речью. Приходилось неоднократно и выезжать из Осака по церквам своего округа, и я свободно везде проезжал и объяснялся по-японски. Конечно, все это не без труда и со страшным напряжением сил доставалось. Приходилось в сутки спать иногда не больше семи часов, а обыкновенно всего лишь шесть часов, и притом все время проводить в напряженной мозговой работе над запоминанием японских слов. А тут же нужно было изучать и английский язык, так употребительный на всем Востоке, начиная с Суэца. Нужно было читать и русские книжки. Теперь приходится прямо изумляться – как хватало сил на такую мозговую напряженную деятельность. А плодом таких усилий было обладание весьма достаточное за один год японской речью, знакомство с 1500 (приблизительно) китайских иероглифов. С таким запасом можно было безбедно существовать среди японцев и даже при помощи Божией назидать их на путь благочестия.

Русский гражданский строй жизни перед судом христианина,

или основания и смысл царского самодержавия¹⁸

Глава I

Теперь уже, кажется, можно сказать, что нагнанный за последние годы на нашу российскую жизнь и действительность туман в значительной степени рассеялся. В значительной степени прошел также и угар от разных свобод, до свободы убивать и грабить включительно. Нет или гораздо меньше теперь и той страстности, с которою относились в недавнюю пору к разным политическим вопросам на Руси. Ибо в минувшую пору мы уже были свидетелями предначатия исполнения пророческого слова Христова о конечных судьбах мира: *тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга (Мф. 24,10); предаст же брат брата на смерть, и отец – детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их (Мк. 13, 12)*. Но благодарение Создателю: теперь все это в сильной степени миновало, как бы предупредивши нас своими страхами и бедами, что *все это начало болезней (Мф. 24, 8)*, дабы мы под впечатлением такого грозного предостережения вспомнили, откуда ниспали, и покалялись, и творили прежние добрые дела веры, как говорит ангелу Ефес-

ской Церкви Сидящий на Херувимах и на престоле высоком и страшном: *а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься* (Откр. 2, 5). Итак, теперь среди некоторого, хотя и не вполне прочного, замирения есть возможность более спокойно разобраться в том, что совершается среди и кругом нас, более спокойно и уравновешенно отнестись и к тому, что нам не нравится.

А разобраться во всем происшедшем и происходящем теперь уже настало время, чтобы после полученных суровых уроков более сознательно, разумно и уверенно относиться к тому, что было, бывает и еще может быть.

Пусть никто не верит наговорам обольстителей, которые говорят, что для христианина совершенно безразличен тот или иной порядок гражданской жизни. Нет, мы – христиане – в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем (1 Кор. 5,10). А потому нам вовсе не безразлично, что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу спасения, а в иных случаях и вовсе его преследовать на смерть. Помним мы и другое слово апостола Павла: *все ваше*, пишет он христианам: *Павел ли, или Аполос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий* (1 Кор. 3, 21–23). И еще: *Ангелы не все ли суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?* (Евр. 1, 14). Итак, если все в этом видимом и даже невидимом ангельском мире существует для нашего душевного спасения, то мы имеем самое твердое основание и непрременную обязанность разобраться в том старом, что было доселе, и том новом, что нам предлагают, насколько то и другое способно помочь главному назначению нашей жизни на земле – спасению или, наоборот, препятствовать ему.

С этой именно стороны и надлежит смотреть христианину как на все в жизни, так и на гражданский строй. И эта точка зрения есть

единственно безусловная и бесспорная. Ибо как ни вертись человек, а от вопроса о цели своей жизни на земле, о смысле ее, о том, что есть там в потустороннем невидимом, но несомненном мире и что будет с нами за гробом, – от этих вопросов никто не может уйти или замолчать их. И те, что прикидываются неверующими, именно лишь прикидываются такими от легкомыслия своего, подобясь известной птице, которая в виду угрожающей ей опасности укрывает свою голову под крыло, очевидно будучи уверена, что опасность исчезает для нее по мере того, как она перестает видеть ее. Безусловно утверждаем, что подлинных неверов нет и быть не может, ибо это противоречит самой сущности нашей жизни, не телесной только, но и духовной. Пусть некоторые уверяют и себя, и других, что не верят они ни в Бога, ни в свою душу. Умолчим о том, что они жестоко ошибаются, подобно упомянутой птице. Но все же они во что-либо верят: одни в науку или человеческий ум, другие в искусство, иные в благотворительность, а некоторые даже в удовольствия и веселую жизнь и т.п. Вот все это для них и есть смысл жизни и, следовательно, бог, заменяющий Истинного и Единого Бога Творца неба и земли. К новым язычникам, бегущим от света Христова, вполне применимо глубокое по своему смыслу слово апостола Павла, сказанное им о язычниках древних: *но как они, познав Бога, не прославили Его как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четверногим, и пресмыкающимся, – то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте... Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь* (Рим. 1, 21–25). Так и сии неверы ощутили в себе потребность во что-либо верить, на чем-либо обосновать свою жизнь; но от того, что уже дано для этого, уклонились и создали своих измышленных, нередко низких, богов. А Божественная Истина, ими замалчиваемая и попираемая, пребывает

по-прежнему светлую и просветительную, ибо Она есть Солнце правды, Христос Бог наш, создавший весь видимый мир.

Со стороны этого-то света, со стороны смысла жизни и должны мы рассмотреть самый гражданский строй жизни нашей. Как же при свете Откровения, с точки зрения высокого дела душевного спасения смотреть христианину на современную жизнь, в которой теперь у нас борются два начала – исконного Русского Самодержавия Царского и западного конституционализма партийного?

Посильным ответом на этот вопрос и будет дальнейшая наша речь.

Глава II

Прежде всего нужно совершенно освободиться от той искусственной натяжки, какую делают обычно из Святого Писания в утверждение исключительной правильности и совершенства лишь строго монархического образа правления. Прошу всякого читателя своего не страшиться и не бросить самое чтение моей заметки, если я, убежденный царист, скажу решительно, что в Святом Писании нет таких свидетельств, ибо и цель его, как слова Живого Бога, иная, а именно: *да знают* люди, живущие во всякой обстановке и во всяких внешних условиях жизни всего мира, *Единого Истинного Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3.) И вот, у евреев сначала совсем не было царя, и это не только в патриархальный период, а и по выходе из Египта, когда они являются целым народом-завоевателем других народов. Тогда как эти народы управлялись царями, евреи, напротив, представляли из себя приблизительно то, что теперь называется республикой, и управлялись вождями и судьями, которых выдвигала на это дело сама жизнь и благословлял Бог, как мужей разумных,

сильных и (всякий в свою меру) радеющих о народе. Даже больше того: когда евреи, из подражания соседним языческим народам, пожелали иметь своего царя, то пророк Самуил весьма восскорбел о сем, а Господь, чтоб успокоить его, сказал ему: не тебя, а Меня оставили евреи и вместо Меня, Бога Живого, возжелали иметь земного царя человека над собою. Так, потерявши живое сознание и ощущение Вездесущего и Всеведущего над собой Бога, евреи восхотели заменить его земным царем. И только из снисхождения и опасения, как бы евреи и вовсе не позабыли Бога и не погибли во зле и взаимной вражде, Господь повелел пророку Самуилу поставить им царя. Таков основной взгляд Святого Писания на всякую вообще внешнюю власть и, в частности, на царскую: она лишь предохранение и обеспечение от больших зол. А вид этой власти обуславливается уже внешними данными: характером народа или целой страны, условиями места и времени, ходом и складом исторической жизни государства. В этом отношении имеем характерное свидетельство в книгах Маккавейских; в них (1 Мак. 8 гл.) писателем подробно описывается и похваляется республиканский образ правления у римлян того времени. Имея над своим народом выдвинутых Богом и условиями времени преемников власти царя Давида, братьев Маккавеев, писатель, однако, с уважением относится и к совершенно иному способу управления, созданному к тому времени и историей, и народным характером римлян. И в Новом Завете как Господь Иисус Христос, так и апостолы подчинялись и учили подчиняться всякой в мире власти как от Бога поставленной, хотя бы это была и языческая власть, следовательно не освященная действительным благословением и помазанием Божиим, как это имеем теперь мы, во Христе живущие.

Глава III

Итак, царская власть сама по себе не есть исключительно священная и Богом благословенная для всех и навсегда. И, однако, мы без смущения утверждаем, что исторически и фактически именно царская, в строго монархическом смысле, власть была и есть обеспечивающая у нас всему без исключения населению государства веру и даже уравненный для всех порядок и благополучие. И на самом деле, настоящую религиозность, охватывающую всю душу и жизненный быт человека, можно находить только у нашего народа, не тронувшегося еще от западной, несвойственной нам культуры, у греков Турции, у арабов и сиро-халдейцев, а вне христианства – у наших иноподданных мусульман, у китайцев, у турок и персов, тогда как в странах конституционных и республиканских вы хотя и найдете благочестие и религиозность, но они давно уже занимают лишь определенный уголок и в жизни, и в душе человека и народной. Там, по-видимому, свято чтут христианство, особенно в воскресный день, но лишь как часть той культуры, которою люди и народы теперь живут, без чего, следовательно, нельзя уже быть и культурным, как без школы нельзя быть образованным. Следовательно, на христианство смотрят с чисто утилитарной точки зрения, ценят его как полезное для приятной теперь людям культуры, если не в настоящее, то, во всяком случае, старинное время, когда складывалась эта культура. Особенно ясно это сказывается на судьбе наших южных славян. Долго жили они под тяжелым турецким игом, а вера у них была крепка, и христианская жизнь была высока. Но смотрите, что сделалось с теми же славянами лишь за последнюю четверть века, когда они пользуются благами данной им прославленной конституции? Или, что сделалось с их соседями – греками конституционного королевства? И те и другие скорее полуфранцузы, чем греки или славяне. Вера у них иссякла, в жиз-

ни мало что осталось христианского. И в то же время греки турецкие сильны благочестием, хотя и с борьбой приходится им содержать его. Конечно, много значит в этом отношении положение гонимых и угнетаемых, но еще большее значение имеет государственный строй. В данном случае весьма важно то, что строго монархический строй всем и каждому обеспечивает уравненное во всех отношениях положение в государстве. Конечно, если при этом худо правительство, то будут злоупотребления, но за них оно же и отвечает перед Монархом, а всякому подданному без различия национальностей, верований и положения остается одно – исполнять обязательный для всех закон, остальное же все обеспечено. Не то в конституционных странах; здесь главная энергия идет у всех и каждого на партийную борьбу. Всем известно по примеру конституционных стран, а теперь нам очевидно и по собственному опыту троекратных государственных выборов, что творится за одно время этих выборов. Забывается все: вера, Отечество, семья, дело – лишь бы восторжествовала партия, к которой кто принадлежит. Лишь только за три года этой конституционной встряски ведь не узнать нашу страну – и к худшему, а не к лучшему: и вера, и нравы ослабели и оскудели до того, что безбожие, бесстыдное распутство, пьянство, попрошайничество сделались поразительными по своей очевидности и откровенности, не говоря уже о таких страшных ненормальностях, как грабежи и разбои. Вся эта партийная и выборная агитация – это сплошной угар, которому люди предаются всецело, забывая все прочее. Так и дальше: какая партия проберется в большинство, та и управляет всем, крича, что она только и есть голос народа. Но кто же может в это верить, как в догму правовой конституции, когда у нас выдавали себя за народ сначала революционеры открытые, а потом и они, и революционеры скрытые – кадеты, сами теперь сознающие свое поразительное меньшинство среди действительного народа, почему они и покровительствуют всякому террору, через него надеясь удержаться на

своих позициях? Разве была и есть действительная забота о народе, об Отечестве, когда все сводилось и сводится к партийной борьбе и торжеству? А дело веры заброшено было настолько, что даже в вероисповедную комиссию были выбраны, кроме неверующих или маловерующих, евреи, поляки и мусульмане. И это в стране, где господствующее население русское, православное и верующее?! И эта кучка смеет выдавать себя за народ и свои бредни за голос его?! Да ведь это явная насмешка над хваленной конституцией, в которую, очевидно, и сами они не верят!.. Хотя не входит в нашу задачу, но кратко мы тоже должны сказать и о всей внешней жизни: провозглашаемого равенства и правды для всех в стране тоже быть не может при конституции; благополучие будет только тем, кто принадлежит к господствующей в управлении партии, а все остальные будут лишь терпимы, а может быть, и гонимы. Посмотрите на пример Франции, где проравшаяся к власти еврейско-масонская партия открыто глумится даже над верой действительного народного большинства; а воцарится иная партия, и порядок будет иной, и от нее никому не будет житья.

Глава IV

Итак, для главного душевного дела – для веры больше благотворного воздействия мы имеем получить от строго монархического правления, чем от конституционного. И это не потому, чтобы вера могла существовать только при поддержке от царской власти, ибо мы видим, что греки мусульманской Турции под султаном-мусульманином лучше содержат веру, чем греки конституционного греческого королевства. Нет, дело именно в том, что при монархизме все вверяется власти, почему духовная энергия может быть свободно направлена на благочестие; а при парламентаризме все забрасывается,

лишь бы восторжествовала партия и пробралась к власти. Это прекрасно поняли мы еще издавна в истории. В самом начале нашей государственности мы представляли из себя республику и, однако, сами решили, что это нам не подходит, – делом заниматься люди не будут, а только будут спорить да драться за господство и за выгоды, а порядка общего не будет, как и не было. Поэтому сами решили, что нужен князь как глава всего разбросанного и богатого народа, и ему-то вверили всю власть над народом. А народ оставался постоянным пособником у князя в деле управления, выделивши из себя к нему дружину, а потом и служилых, и боярских людей. И были князь и народ как нераздельное целое. По мере того, как разрастался народ, росла и увеличивалась и власть князя, и, наконец, он явился в народе как Царь самодержавный, живший в народе и по быту мало чем отличавшийся от народа. А главное то, что сам народ помог великому князю сделаться единым над всей страной Царем, или, лучше сказать, его одного он провозгласил Царем над собой, подчинивши ему всех остальных князей, прекрасно понимая, что во многовластии для великого и размножившегося народа не будет порядка, как смерть или развал тому улью, в котором появилось несколько маток.

Но вот и Царя, народом созданного, выношенного и взлелеянного, мы потеряли. Установлялась у нас опять то республика, то конституция; шведы и поляки сулили нам и заморские блага, а порядка все не было. И опять, научившись сим горьким опытом, народ вспомнил и еще больше возлюбил то царское самодержавие, которое он же сам создал, сам поддерживал, своим пособничеством Царю увеличивая его царскую самодержавную власть. И весь народ, как один человек, не послушавшись обещаний льстецов, пробиравшихся к власти, не убоившись и внешних врагов, обложивших уже столицу – Москву Белокаменную, то издевавшихся над нами, то суливших заморские блага, – весь народ собрался и снова поставил над собою Царя Самодержавного, ему вверивши опять власть над собой, а сам

лишь помогая и содействуя общим советом и делом молодому Царю устроить порядок на земле. И были опять Царь да Собор от земли, своим советом поставивший Царя воистину Самодержавным, высшим всех возможных партий и злоупотреблений людей власти, от земли поверяя ему советы и волю – как лучше устроить страну, чтобы не было кому-либо забвения или насилия. А после этого мы, весьма задержанные в своем развитии долгим татарским игом, и после него, быстро оправившись и развернувшись в одно лишь царствование Грозного Царя, затем снова растерявшись в Смутное время, – после того быстро собрались с природными богатыми силами и уже в два царствования процвели духовно и граждански, раскинувшись от моря до моря в Европе и почти до Великого океана в Азии. А главное, у нас процветало благочестие, которым издревле так дорожили мы, и находили особенное обеспечение для свободы в царском самодержавии, занятом устроением земли со всех сторон. Благочестие настолько было сильно и пленительно, что инородцы страны свободно переходили в Христову веру от Магомета и идолов. Мало того, мы не стремились сделать их русскими, а они сами легко такими делались во всем.

Глава V

Таково было благо нашего Царского Самодержавия, созданного в истории самим народом и покоившегося на полном единении Царя с народом, постоянным выражением которого были земские соборы, созывавшиеся Царем по обычаю на совет с землей, на выслушание ее воли. Это и была наша неписаная конституция, по которой ни Царь без народа, ни народ без Царя: от земли – совет и воля, а от Царя – решение и власть. Стоя выше временных или случайных те-

чений и увлечений, а равно с высоты царского престола созерцая положение своей страны и соседних народов, Царь, выслушавши голос земли, решал так, как он находил то лучше, отвечая за Царство и перед Богом, и перед народом в истории. И продолжать бы нам эту нашу конституцию, проводить бы ее глубже в жизнь, свято охраняя исторически созданное и выношенное народом Царское Самодержавие. Смело можно сказать, что это была бы самая лучшая в свете система управления и самая прочная, как основанная на нравственном, жизненном и потому самом прочном союзе между Царем и его народом; при таком только союзе и нет места розни, вражде и недоверию между Царем и народом, ибо оба стоят у одного и того же дела по взаимному, бытом утвержденному, не записанному, но перед Богом и царскою, и народною совестью священному договору. И к нам бы пришли другие народы учиться у нас, как примирить народы с властью, вечно борющиеся между собою за господствование одного над другим. Но... два века тому назад положен был конец этой нашей священной бытовой народной, по-теперешнему – демократической конституции, чуждой всякой партийности, а с нею и лжи неизбежной и неправды. Увлечшись сильной централизацией власти западного королевского и императорского абсолютизма, Петр I перенес ее и к нам, объявивши себя Императором и вместе с этим своим титулом насадивши у нас и все западные порядки в управлении, совершенно нам несвойственные, как имевшие под собою начало разобщенности между властью и народом, ею поработанным или завоеванным, и, во всяком случае, чуждой народу, чего у нас не было, ибо власть мы сами создали и поставили над собою. Плодом сего насильственно введенного в нашу русскую жизнь, как зараза в организм, абсолютизма власти было то, что на манер Запада и у нас оказалось разобщение Императора с народом, средостением между которыми оказалась правящая власть, сначала и состоявшая из иностранцев, а потом, хотя и из русских, но по духу уже ушедших от народа. И остались Царь

русский сам по себе, а народ русский сам по себе, между ними же стояла прикрывавшаяся именем Царя, централизованная около себя весь порядок народного управления правящая власть, разобщившая Царя с народом; а с другой стороны, в последнее столетие – земство, выдававшее себя за голос народа, когда как в нем народа-то не было. Так как между народом и чуждой ему, с ним не имевшей ничего общего властью нравственный, духовный союз был естественно утрачен, то сам собой сложился такой порядок, что обе половины ухищрялись часто, а потом и постоянно, обойти и обмануть друг друга, чтобы власти держать в повиновении народ, ее не знающий за свою родную власть, а народу – показывать вид повиновения власти и как можно дешевле добиваться через это права на свое спокойное житие личное, хотя бы и в ущерб общему благосостоянию. Постепенно и образовалась какая-то нескрываемая даже вражда у народа к эксплуатирующей его власти, и у власти – к обманываемому ее народу. Но и при всем том Царь и народ все-таки оставались хотя и в скрытом, но самом задушевном и потому прочнейшем союзе. И поэтому тот же самый народ, который критиковал надоевшее ему всяческое начальство и, казалось ему, обманно только прикрывавшееся именем Царя, – этот же народ исполнялся и исполняется неопишимого восторга, радости, счастья до слез, когда, наконец, видал лицом к лицу свое Красное Солнышко – Царя, которого он с сердечной нежностью и со слезами на глазах называл: «Родной Ты наш, дорогой Ты наш, Отец родной»... Дерзая проникнуть за таинственную завесу, скрывающую от нас сокровенные сердечные думы и болезни Государя нашего Царя, надеемся – не ошибемся, если скажем, что вся Его забота за последние три года сводится к тому, чтобы восстановить тот древний союз Свой с народом, который нами так круто был порван два века тому назад; чтобы Царское Самодержавие Его было действительно как встарь – сильным и не обходимым никакими происками; чтобы, действительно, Сам Царь самодержавно правил Своим народом через

поставленное от Него правительство, а не оно, прикрываясь Его именем, управляло народом и озлобляло его против Царской власти. Но беда наша в том, что и правящие классы, и высшие классы народа, по духу совершенно ушедшие от него, совершенно утратили самое понимание этого нашего исторического народного Царского Самодержавия, и потому все теперь норовят перевести на проторенные уже Западом дорожки и одеть в изношенные одежды так называемой конституции, стараясь еще более забрать власть в свои партийные руки и еще более таким образом разобщить Царя с народом, чтобы потом и вовсе устранить его, как излишнего при системе партийного большинства, и все перевести насильственно над народными чувствами на партийную республику. Но страшен бес, да милостив Бог. Хочется надеяться, что начавшееся сперва робко, а теперь все смелее и воодушевленное собрание (под именем черной сотни) действительного, а не товарищеского, «сознательного» народа русского скоро выльется (уже и выливается) в общее народное движение за своего исконного Царя Самодержавного и оно, как прах, сметет с лица русской земли и всякие партии, и террор.

Глава VI

Вот главные основания, на которых в народной жизни и сознании утверждается наш царизм, бытовое, самим народом выработанное и созданное Самодержавие родного русского Царя, Отца своей земли и народа. И как бы самые злые наши враги или идущие на поводу у них слепые маньяки ни ухищрались поколебать, высмеять, принизить или даже разрушить дорогое нам наше родное Царское Самодержавие, его не истребить, не вырвать им из души народной, ибо оно записано не на скрижалях каменных, а на скрижалях народ-

ной совести, в сердце всякого действительно русского человека. Еще, пожалуй, на время можно обмануть народ какой-либо подтасовкой; но это удастся лишь на самое короткое время, как показала история всей нашей двухдневной не народной разбойной и обманной революции. Особенно теперь, при возбужденности просыпающегося действительного объединения народа, все покушающиеся лично на нашего родного Царя пусть помнят, что, во-первых, им не умертвить самого Царского Самодержавия – мы его скоро, хотя и не без крови (которой особенно так очевидно и жаждут для русской земли все заговорщики против Царя), возродим и воссоздадим, ибо без Царя мы, Россияне, жить не можем, а во-вторых, уже и теперь достаточно собравшийся народ в случае, – да минет нас чаша сего попущения Божия, – исполнения кровавого и коварного замысла заговорщиков в ключья растерзает всех этих, именующих себя освободителями, без различия партий, чтобы с корнем очистилась русская земля от этой гнили, которая завелась на нашем народном теле и хочет загноить и растлить все тело.

Это была бы уже наша настоящая народная война за Царя, за возрождение и очищение его Царского Самодержавия, захваченного, загрязненного и обворованного хищными, святотатственными и грязными бесцеремонными руками. Сего народного гнева бойтесь и революционеры по призванию своему, и революционеры-сотрудники разные. Без кровавого упорного боя не отдаст русский народ своего Царя, как усиленными стараниями не могли заменить для народа Царя Императором. В самом деле, более двухсот лет всячески даже за богослужением ежедневно до двух десятков раз поминают Государя, называя Его Императором, а народ Его все-таки называет Царем, каким именем до титула «Император» Он назывался лишь со времени Грозного всего полтора столетия. Очевидно, это слово «Царь», дорогое, милое для народа слово, при одном произнесении которого сердце исполняется самую нежною любовью к родному Царю-Ба-

тюшке, а глаза увлажняются от сердечной мягкости; тогда как слово «Император» как было, так и осталось чужим, как его ни вводят в народное сознание даже частым произнесением за богослужением.

Глава VII

Теперь, когда достаточно подробно выяснены нами главный смысл и религиозные, бытовые, народно-исторические и жизненно-практические основания нашего русского царизма, ясно, какого характера должно быть и участие Церкви в гражданской политике настоящего времени и какова должна быть деятельность духовенства, как и всякого православного христианина в общественной жизни. Соответственно тому, что сказано нами о царизме и что на самом деле в нем дано и мыслится как народная святыня, наш русский царизм, по существу, есть наша теократия – богоуправление, при котором Сам Бог является управляющим через помазанного Им Царя. В лице призванных из-за моря только лишь для управления князей в крещенной Руси он постепенно обратился во власть Царя над народом, ему вверившимся, что и есть законное, правовое основание власти, а начало внутреннее, сродняющее до глубокой взаимной любви и доверия народ и Царя, есть начало нравственное, начало совести, которым Царь и руководится в своем не столько господствовании над достоянием, Ему от Бога данным, сколько в прохождении сего высокого ответственного служения перед Богом и всеми людьми, как и говорится в церковной молитве на Царское коронование. Этим же высоким нравственным началом руководятся и все русские верные подданные своего Царя, повинуюсь Ему не только за страх, но и за совесть, по апостолу. Смотрите на русского человека, истинного цариста: он так живо чувствует свою духовную связь с царем, что и на от-

существующего царя смотрит, как на близкого к нему, перед лицом которого он как бы постоянно стоит в полной собранности и верной совести.

Это не иным чем может быть объяснено, как именно тем высоким христианским началом, которое вложено самим русским народом в дорогой ему, им выношенный и построенный царизм. В том и высота, и сила, и красота нашего царизма, что в нем через Царя Сам Бог веруется правящим нами. А что может быть выше, вернее и прочнее этого вечного, незыблемого основания жизни? Всякие иные основания, законы, права и обязанности власти и управления, во-первых, временны и условны и, следовательно, уже по этому самому не прочны, во-вторых, всегда обходимы при достаточной изворотливости и находчивости человеческой на зло. А Бога, а совесть свою не обойдет человек. Правда, это имеет значение лишь для верующего человека. Но неверующий, не признающий совести и суда Божия, тем более обойдет совершенно условный внешний закон, как и обходят его. И теперь закон нарушают люди или вовсе неверующие, или со слабым религиозным сознанием, со слабым чутьем суда Божия к себе теперь и после смерти. Поэтому нужно усиливать в нашем сознании эту религиозную основу и проводить в жизнь, а не ослаблять силу царизма, заменяя его именно такими формами правления, которые не обеспечивают внутренней силы закона. С этой стороны нужно смотреть и на все то, что породило так называемое освободительное у нас движение.

Все либеральные партии – чада его – как раз именно и стараются заменить это начало нравственное в управлении и быте народном внешним законом, правом; даже больше того: на самую религию, на христианство они смотрят или прямо отрицательно, как социалисты и революционеры, или как на терпимое зло – суеверие, которого пока еще держится народ, а не как на дело первой и самоценной важности. За минувшие три года мы уже достаточно насмотрелись

на глумление, на открытый поход освободителей против нашей непорочной христианской веры. Видели, как они издевались над святынями, над нетленными мощами, над храмами, над крестом; слышали, как они глумились над духовенством, над монахами; слышали, как они открыто кричали, что Бога нет, церквей и попов не надо... И все эти газетные сплетни, кричащие о недостатках духовенства, о явных грехах носителей сана, издевательства над дорогим народу именем отца Иоанна Кронштадтского исходят не из ревности о добре, об очищении церковного дела, а имеют исключительно одну скрытую цель: уронить в глазах народа сначала авторитет даже такого человека, как отец Иоанн, в соображении, что если всему и не поверят, то все-таки кое-что из худого в душе и осядет, а потом подкопать и самую веру в народе, которая в нем все-таки еще сильна. Народ чутьем понял это, и ряды освободителей поредели. Пока бунтовали против начальства, народное сочувствие находилось. Но как только открыто начали кричать против веры и Царя, тотчас же начала собираться русская сила, насмешливо прозванная от освободителей черною сотнею, и дала отпор возмутителям. Очевидцами этого мы сами были в Уфе в несчастные октябрьские дни. После такой неудачи начали бунтовать против помещиков. И это удалось, потому что на чужое добро охотников, особенно под пьяную руку, всегда много, да и помещики памятливы народу по барщине, а многие и сами насолили своим кулачеством. Но веры народной и Царя все-таки не смеют уже открыто касаться. Поэтому может ли быть какое-либо общение у духовенства, как служителей Церкви, и у всякого православного христианина с носителями этого освободительного движения, в основе противорелигиозного? А поэтому можно ли принимать какое-либо участие и в партийной борьбе, к чему все и сводится в теперешней гражданской политике, заглушая все иные более священные интересы, до религиозных включительно? Нет и нет! Напротив, всячески нужно оберегать народ от этих партий до октябристов включитель-

но, охранять его часто от скрытного, но зловредного яда, вести с ним открытую и серьезную борьбу, чтобы явлены были всем их истинные стремления.

Нужна такая работа, чтобы организовать весь народ русский во единую семью, твердо и сознательно стоящую за свое святое, народное, историческое достояние – веру христианскую и Царя самодержавного. Нужно упорно и старательно отгребаться от всяких партий и народ сохранять именно как народ, чуждый партийности, ибо где эта партийность, там разделение, там несогласие, там борьба, там порядка не ждуть и целое должно распасться. И поэтому когда говорят, что в числе партий есть и партия русская, то это или ложь, или недоразумение. Нет, это сам русский народ, собирающийся с духом, оглядывающийся уже сознательно по сторонам и решающий твердо стоять за свое сокровище и не поддаваться хитрым замыслам его врагов. Черная сотня для партий тем именно и опасна и тем она сильна, что стоит на своей народу основе, говорит ему о том, что свято для него само по себе.

Это и есть начало собирания Руси, действительное пробуждение народа к своей именно жизни, враждебной для всего наносного. И смотрите: левые партии тайно давно уже собирались со своими силами, спланивались под одним знаменем, три года тому назад обманом они повели было и народ за собой, но обманулись в расчете, поторопившись раскрыть свои настоящие карты и планы: тотчас же из этого самого народа собралась черная сотня, сначала пугливая, через два дня уже многотысячная, а теперь даже вопреки сильной революционной власти двух распущенных Дум – уже многомиллионная и по всей Русской земле. Наоборот, левые не увеличиваются, а уменьшаются в своем количестве, качественно совершенно выродившись в экспроприателей-разбойников. Собирайся же плотнее, Русский Народ, как триста лет тому назад ты, забытый, обманываемый, обольщаемый всеми, собрался около Минина и Пожарского и прогнал от

себя всех явных и льстивых – тайных врагов, поставил перед Господом Богом Царя над собой и с ним водворил порядок по всей разворванной земле на зло посрамленным врагам! Собирайся и ныне и помоги Царю твоему вывести нашу жизнь на родную нам дорогу из тех дебрей, куда завели ее наши враги, пособи ему устроить мир и порядок в стране на славу нам – на страх врагам. Сторонись от всех льстивых партий, желающих обворовать тебя в самых святых чувствах, знай Бога и Царя своего самодержавного, чтобы при твоём старании и единокровии быть Ему действительно самодержавным, чтобы была от Него правда на земле. Помни, что все эти появившиеся партии не добро твое имеют в виду, а лишь господство над тобой: будут в Думе кадеты в большинстве, как они обманно были в прежней Думе, и будут властвовать насильно над всеми; будут социалисты или другие из левых – они сделают то же, и некому их будет удержать, пока другая какая-либо партия не составит большинства. А главное – все эти партии стараются извести веру в земле твоей, ту веру, которую ты живешь уже тысячу лет, и вместе с тем стараются еще более разъединить тебя с Царем твоим, потом же и вовсе его устранить, того Царя, которого ты перед Богом поставил над собой и который по совести управляет тобой, а ныне хочет быть еще теснее с тобой, чтобы процветала Русская земля.

Глава VIII

Хотя прямого отношения к поставленному нами вопросу и нет, но мы считаем необходимым сказать и о том, что для Русской земли только в Царском Самодержавии, без всякой заморской конституции, и есть спасение. Чтобы согласиться с этим утверждением, нуж-

но принять во внимание помимо всего того, что нами высказано выше, ту многоплеменность, которою отличается наша страна по составу населения. У всех многочисленных народов нашего Отечества свой особый быт, свои собственные верования и нужды, свой характер. Можно представить, что будет при конституционном или тем паче республиканском строе в управлении, когда соберутся вместе представители всех этих народностей? Воистину новое столпотворение вавилонское может произойти, когда всякий будет говорить лишь свое, презирая другого и думая, что только о нем все и должны заботиться. Можно с уверенностью сказать, что концом такой сходки, на которой без драки не обойдется, будет полный развал целой России на ее составные части, но не в самостоятельные государства, ибо всякая из них в отдельности слаба сама по себе и стеснена среди других, – нет, раздел России между соседями будет концом такой конституции. Все это уврачевать и предупредить может лишь Царское Самодержавие, стоящее выше всяких партий и даже народностей и охраняющее исключительно только благо единой Русской земли, в которой под единым русским народом и около него одного живут все прочие народы, всяк в свою меру пользуясь общим и своим благом. Как раз именно это и было у нас издавна. По природе своей русский народ не насильник, не деспот, не эксплуататор других, – скорее он свое отдаст другому, более пронырливому, или расторопному, или нуждающемуся.

Поэтому-то без особенного труда, можно сказать даже стихийно, он и расширился почти на два больших материка. Никакой искусственной обрусительной политики не преследовалось нами прежде, а между тем инородцы сами постепенно и охотно делались русскими и по вере, и по духу, и по быту. Даже больше того: соседние народы, погибавшие или от междоусобий, или от внешних врагов, искали дружбы и соединения с русским народом, искали дружбы и соединения с русским народом, как, например, Грузия и даже Финляндия. Почему?

Потому что имя Белого Русского Царя издревле было всем хорошо известно, как воплощение правды, равной для всех, покровительства и защиты для угнетенных. Изменилось это лишь за последнее столетие, или даже меньше того, когда сами мы, все дальше уходя от своего родного духа и пути жизни, и к подвластным народам начали применять политику искусственной и насильственной русификации. Но беда в том, что под именем русского проводилось как раз именно не русское, а чуждое нам и искусственно натасканное на нас самих, исполненное гордыни и самолюбия, сухой черствости и холодного формализма и безразличия ко всему и ко всем, соединенное с болезненным упорством все вогнать в строго определенные и одинаковые рамки. Плодом этого и оказалось, что вместо того, чтобы всем под собою давать благо жить и развиваться, мы всех разозлили и вооружили против себя; мало того: теперь дело дошло даже до того, что присоединившиеся к нам по свободному договору и присоединение считавшие для себя величайшим благом теперь всеми силами ищут своей самостоятельности, а против нас настроены даже враждебно и почти воинственно. Все это плод того ложного пути, на который мы стали два века тому назад, презревши свое достояние и придя к кризису, под именем восхваляемой конституции представляющему конец и завершение всего петербургского, нерусского периода нашей истории.

Нет, должна быть целая, единая, неделимая Россия, какую мы унаследовали ее от предков для лучшего будущего. Пусть у нас, как встарь, будет сильный русский народ, дающий жить всем иным народам, составляющим нераздельное целое с ним. Пусть и мы русские, хозяева своей страны, и все у нас в стране наслаждаемся общим благом единой, сильной державы и не разделения ищем, а напротив, еще большего объединения. Но для этого нужно отбросить всякий конституционный и партийный бред, лишь обессиливающий нас как государство и ведущий нас к разделению, а через это и под власть

врагов. Должно быть восстановлено наше родное исконное Царское Самодержавие, почивающее прочно на теснейшей духовной связи Царя с народом и оберегающее общее государственное благо, не в ущерб и не в излишек какой-либо из составных частей целого Государства Русского. Этого желает и Царь наш, уже не раз возглашавший с высоты своего царского престола напуганному и вопрошавшему его народу, что самодержавие его останется таким, как было встарь. К этому делу очищения затемненного Его самодержавия и призывает Он свой народ. Этого только действительного народного пособничества Ему в общем отечественном деле Он и желает, и ждет от всех и каждого из своих подданных. Никаких кривотолков о Его в сем воле быть не должно. Никакой конституции с партийной борьбой за власть, как стараются это сделать, после опыта наших неудачных Дум быть у нас не может и не должно; такова воля и Царя, о сем взывавшего к народу, и народа, ясно уже обнаружившего свою волю против навязываемых ему новшеств, не свойственных его делу, как ни старались обмануть его разными подтасовками. Да живет наш Царь Самодержавный и единая неделимая Русь на благо всем своим народам!

Глава IX

Так подошли мы и к концу нашей речи. Надеюсь, теперь для всех ясно и понятно, с какой стороны нужно рассматривать русский гражданский строй. Дело не в борьбе двух режимов управления, а в борьбе между верой и неверием, между христианством и антихристианством. Древний антихристианский заговор, начавшийся от тех, которые кричали Пилату с яростью на Иисуса Христа: *распи, распи Его; кровь Его на нас и на чадах наших*, – продолжавшийся в разных раз-

ветвлениях и тайных обществах, в XVI веке вылился в особый тайный противохристианский орден «Рыцарей Храма», а в XVIII веке еще более определился в Иллюминатах, Розенкрейцерах и, наконец, в франкмасонстве слился со всемирной иудейской организацией. В конце XVIII и начале XIX века масонство скрывало свои противохристианские цели под разными просветительными, благотворительными и чисто нравственными задачами. А теперь, забравши силу до того, что Франция оказалась совершенно в руках масонов, оно – масонство – там уже открыто гонит христианство из жизни; в конце же концов масонство и выльется в одного человека беззакония, сына погибели – Антихриста (2 Сол. 2 гл). В этом разгадка и наших самых последних свобод: цель их – погибель христианства на Руси. Вот почему прежнее французское слово «либерал», означавшее у масонов «щедрого» жертвователя на масонские цели, а потом получившее смысл «свободолюбивого» по вопросам веры, теперь перешло уже в открытое антихристианство. В этом разгадка и той упорной борьбы за обладание школою, которая идет и в земстве, и в Государственной Думе: заберет школу либеральное течение – успех антихристианства обеспечен. Вот разгадка и сочувствия либералов всяким сектам в христианстве и нехристианским религиям. И сектанты не дремлют, принялись теперь и за малых детей. Недавно в Москве устроили сектантскую беседу для детей, в заключение которой поучали их, как отнестись к диаволу, если он явится им в чувственном виде, и давали совет отнестись к нему деликатно, вежливо, как и Христос к нему относился при жизни. Вероятно, советуется даже по головке погладить явившегося диавола, чтобы был поласковее. Следующим внушением, вероятно, будет совет кланяться диаволу, как это делают во Франции последователи «черной мессы». А вот и еще свидетельство о том же. Может быть, многие и из моих читателей видели и читали очень милое по наружному виду издание Горбунова-Посадова «Ясная Звездочка». Это хрестоматия для детского чтения. Отцы и

матери, полюбуйтесь, что преподносится детям в изящной, безукоризненной по внешности книжке. Один смущенный ребенок своим зорким вниманием еще чистой перед Господом детской души открыл в этой книжке то, что, очевидно, ускользнуло от внимания родителей, к которым он и обратился со своим недоумением: почему из стихов Кольцова выкинуто все, что о Боге? В самом деле, в стихотворении «Урожай» оказались пропущенными строфы: «люди сельские Божьей милости ждали с трепетом и молитвою»; затем: «третью думушку как задумали, Господу Богу помолилися» – подчеркнутые слова пропущены. В описании ржи: «словно Божий гость на все стороны дню веселому улыбается» и заключительная строфа: «но жарка свеча поселянина пред иконою Божией Матери», – все это исключено. Как назвать это богоненавистническое безумие? Как назвать это литературное свинство? Для чего все это, понятно и без разъяснений. А подрастут ваши дети, попадут в университет – там Милюков и К°, так же подтасовывая и обманывая, будут учить их, что наука доказала происхождение человека от обезьяны. И сделают ваших детей действительно зверями, с той лишь разницею, что обезьяна смиренное и послушное животное, а эти звери-человеки будут горды, дерзки, жестоки и грязны. Это еще только цветочки, а когда созреют ягодки то освободительства, тогда такие свободы узнаете, что воплем отчаянным завоюете, хуже чем полтысячи лет назад под лихим татаринном. Вот в этом заговоре против Христа и вся разгадка всего освободительства, а вовсе не в том, чтобы жизнь человеческую сделать лучшею и благополучною ради перемены одного гражданского строя на другой. Посему надлежит бережно хранить и смело, и твердо отстаивать то, что нам может обеспечить святое достояние веры Христовой. Как яда смертоносного, следует оберегаться всего, что предлагается вместо нашего родного и бытового достояния. Не обеспечит нам веры масонская конституция, как мы это видели выше. А Царское Самодержавие и обеспечивало, и может обеспечить ее в буду-

щем по самому существу своему. Если мы желаем быть христианами, то за него, за это родное Самодержавие и стоять должны, как стоял в Смутное время блаженной памяти Патриарх Российский Гермоген. Если мы за Христа, то должны сторониться всего, что с Антихристом.

Глава X

После всего сказанного остается только кратко заключить – в чем же должна быть и наша деятельность в настоящую пору нашей гражданской жизни. Очевидно, в заботе о процветании церковно-народного дела. Все понимающие смысл событий должны уяснить в народном сознании родное нам Царское Самодержавие, чтобы народ мог дать должный отпор всем, кто льстивыми речами смущает его. Вместе с тем, нужно тщательно и задушевно раскрывать и нравственный смысл, духовное значение Царского Самодержавия во всей нашей народной жизни, чтобы все ясно понимали и ценили то незыблемое начало совести и духовного взаимного родства Царя и всего Русского народа, на котором основано и почивает наше исконное Царское Самодержавие.

А чтобы его единственно верное и вечное начало совести было действительной основой нашей народной жизни под Царем, нужно всячески стараться о твердом и светлом религиозно-нравственном воспитании народа, в постоянном памятовании, что иссякнет вера в народе, упадут нравы – тогда никакие законы не оградят общего народного благополучия от расхищения. Раз это все будет проведено в народное сознание, тогда поймут, кого следует и к Царю от себя посылать в Думу на совет. Это должны быть люди испытанной честности и ума; имеющие страх Божий в сердце; свято чтущие Царя; пони-

мающие, что в Думу к Нему нужно идти не для криков и ругани, а на настоящий совет о том, в чем беда наша, какая есть неправда на земле и как устроить правду жизни. Ни о каком согласии с какими-либо партиями, хотя бы они льстиво и называли себя партией народной свободы, не может быть и речи. Народное дело и должно быть народным, а не партийным. А как только партии в народе, так и разложение народное. Только явное недомыслие и непонимание народной души или излишняя, хотя бы и искренняя, горячность и задор при виде очевидных злоупотреблений у власти, – только это, вероятно, и загнало некоторых даже из духовенства в ряды разных трудовиков, кадетов и т.п. А настоящий народник, духом свой народу, никогда не успокоится на какой-либо партии без родного нам Царя Самодержавного. Напротив, видя явные ненормальности в нашей гражданской жизни, он чутьем вместе с народом поймет, что это потому лишь, что Царь не знает; а понявши это, он придет теперь на призыв скорбящего о наших бедах Царя и всю свою силою поможет ему устроить правду.

Беседы о «Союзе Русского Народа»¹⁹

1. Причины возникновения и роста «Союза Русского Народа»

Целых три годовщины исполнилось с тех пор, как мы увидели расхаживающих по стогнам градов богоспасаемой Святой России толпы революционеров с красными тряпками на палках и шестах. Руководимые обнаглевшими тогда жидами, эти толпы *уже* не стеснялись в выражении своего полного презрения к народной вере, к священному для Русского народа Царскому Самодержавию и всему народному быту. По указке, исходившей, очевидно, от одной руководившей всем революционным делом руки, обнаружение деятельности этих «красносотенцев» было одинаково везде, по всей нашей обширной стране. Везде ругались над верой, над духовенством и монахами; угрожали святыне храмы с мощами и иконами превратить в музеи, театры и народные дома; монастыри, как, очевидно, вреднейшие для революции и развращения народа учреждения, закрыть, земли же и сокровища их отнять; местами были даже прямые издевательства над святынями; рвали Царские портреты; самым нецензурным криком ругались над Царем, открыто угрожая ему гильотиной, а где-то, на юге, собаку нарядили в корону и водили по улицам; всех же не согласных высмеивали, избивали и гнали, как врагов начинающегося нового строя благополучия.

Но тут оправдалась мудрая русская пословица: «нет худа без добра». Вследствие того, что растерявшаяся, а местами и прямо пере-

давшаяся революционерам власть дала волю всем этим красносотенцам и погромщикам, последние, зарвавшись, раскрыли все свои планы и намерения, и народ быстро понял их действительные цели. Таким образом, нет ничего удивительного, что после милостивого Царского манифеста 17 октября 1905 года господство красных продолжалось всего только три дня (местами же и того меньше), а с 20 и 21 октября уже пошли быстро собравшиеся народные патриотические манифестации, по численности своих участников несравненно более значительные, чем демонстрации красносотенцев. Сначала онаглевшие красносотенцы по тупости и глупости никак не могли учесть этого народного движения и хотели настоять на своем, устраивая прежние свои демонстрации и издевательства над народным чувством и над патриотическими манифестациями.

Народ часто не выносил этого и гнал красносотенцев. Местами бывали и побоища, где красносотенцы открыто лезли на взрыв народного против них негодования. Только испытавши на своих боках силу растущего народного движения и действительного возрождения и сознавая свое бессилие, красносотенцы поспешили из-за угла опозорить это народное движение, прозвавши патриотов черносотенцами, погромщиками, человеконенавистниками. А так как предусмотрительно забранная жидами в свои руки вся передовая пресса была к услугам революционеров, то она и обливала помоями и клеветой все проявления глубокого чувства народного патриотизма, не стесняясь красками, тем более, что и власть все еще не могла учесть великой силы нарождавшегося тогда народного объединения. Так как, далее, большинство особенно нашей беспочвенной интеллигенции живет чужим мнением и руководится больше чувством страха иудейского или европейского, то через эту всемирную державу-газету и пошло гулять по России клеветническое слово «черносотенец» и «погромщик». И многие, многие трусливые и малосмысленные поверили клевете. Даже там, где уже до очевидности было ясно, что по-

гром начали жидаы или революционеры-красносотенцы, как, например, в Белостоке, в Киеве, в Никольской Слободе, русские колпаки все-таки с удовольствием верили клевете на свой Русский терпеливый и смиренный народ, который, обороняясь от нахалов, вооруженных бомбами и браунингами, и будучи выведен ими из терпения, гнал их своими лопатами и оглоблями, попадая ими, конечно, и по шеям красносотенцев. Вот почва, на которой возник «Союз Русского Народа». Он дал первый отпрыск тогда, когда все русское изгонялось из России. Народ решил отстоять свое достояние от внутренних врагов и не уступить даже перед насмешками, угрозами и избиваниями со стороны красносотенцев. Теперь вполне определилось, что убитых и избитых за верность Царю и народу во много раз больше, чем красносотенцев, потерпевших от народного, вполне законного и естественного гнева.

Но не в силе Бог, а в правде: Русских избивают красносотенцы, на суде их пристрастно судят и ссылают. Но и без сочувствия и покровительства, а местами даже и при стеснениях от власть имущих, «Союз Русского Народа» растет и ширится по лицу земли Российской, и не далеко то время, когда весь народ объединится в «Союз». Под влиянием общего народного движения воспрянут духом и все малодушные и зачумленные заговорщиками, если только ссудил нам Господь возродиться, а не развалиться, как это теперь на наших глазах уже совершается над Турцией.

2. Что отстаивает и к чему стремится «Союз Русского Народа»

Итак, в настоящее время по всему фронту нашей отечественной жизни идет борьба двух противоположных направлений: красносотенцы стараются круто повернуть все в сторону от родных устоев

жизни, навязавши ей все возросшее на чужой почве и положившее начало духовному разложению тех народов, которые это восприяли, как, например, наша союзница Франция, совершенно разъеденная жидовским засилием и трепетно ищущая теперь свободы от него, при виде надвигающейся своей полной гибели. Наоборот, люди, по сердечному призыву нашего Самодержавного Царя объединившиеся в «Союз Русского Народа», собирают свои силы с целью отстоять историческое народное достояние от иноземщины и инородчины. А достояние это не материальное, могущее быть предметом обмена, купли и продажи, а высоко духовное, которым мы существенно отличаемся от других народов, как нами самими выношенным и выработанным и в истории снискавшим нам славу среди всех народов мира. Все равно как нельзя русскому человеку сделаться французом, хотя бы он на смех всем и перестал быть русским, или как нельзя одному человеку перенять все свойства другого, без того, чтобы не явиться при этом смешной обезьяной, недостойной и малейшего уважения, – так и народы существуют всякий со своими особенностями, при неизбежном взаимообщении лишь заимствуя лучшее и полезное один от другого. Народ, отступивший от этого закона природы, перестает быть народом, теряет свою духовную самостоятельность и разлагается или становится достоянием более его сильных народов. Живо чувствуя всем своим народным организмом опасность, грозящую от курса красносотенцев, русский народ, объединяющийся в «Союз» и ставит своею целию сохранить то, что нам досталось от великих наших предков, передавших нам величайшую в мире страну, и что за последние два века так существенно было затемнено ворвавшимся к нам европеизмом. Поэтому когда красносотенцы, желая подорвать у легковерных и несамостоятельных умом людей доверие к народничеству союзников, в бессильной своей злобе ругают их реакционерами, то они говорят и правду и неправду. Да, правда: союзники – реакционеры; они зовут всех возвратиться назад от

того, что теперь провозглашается как прогресс и благополучие, хотя бы только и приближающиеся. Но неправда то, что союзники темные реакционеры; нет, они зовут возвратиться к тому светлому родному, от чего мы ушли за последние два столетия европейничания, приведшего нас к последней тяжелой и постыдной смуте и кровавой междоусобице. Мы забросили то, что быстро сделало нас просвещенными еще в то далекое время, когда народы Европы пребывали почти все в дикости; что нас сделало богатыми и могучими до зависти и страха со стороны всех прочих окружающих нас народов; что обещало нам дальнейшую славу и благополучие, что нас, полоненных татарами, потом снова собрало и воодушевило на борьбу с ними до полного от них освобождения и покорения их себе; что дальше помогло нам победить и страшную смуту в то лихолетие, когда не стало на Руси Царя; тогда мы, за короткий срок пережившие и республику, и конституцию, и просто анархию, еще крепче схватились за то, что сами создавали и создали от времен самого Рюрика, – поставили сами над собою Самодержавного Царя и всем советом земли помогли ему крепко и бодренно держать скипетр этой самодержавной власти. Православие, Самодержавие Царское и Русская Народность – вот эти три исторические испытанные устои нашей народной жизни: Царю власть, Народу совет, но оба перед Богом и для Бога Всевидящего. Об этом и будет теперь наша речь.

3. Православие есть чистое христианство

Не имея намерения подробно говорить здесь о высоком достоинстве Православия сравнительно с папизмом и протестантством, мы должны, однако, сказать кратко, что оба эти еретические направления в христианстве сохранили от него лишь обрывки: у папистов

все свелось к внешнему авторитету папы или клира, получивших от кого-то власть вводить человека в рай без личного участия, через усвоение сверхдолжных заслуг святых, главное же – по власти папы; а у протестантов бесчисленных разветвлений христианство получило в жизни лишь некоторое местечко, между прочим украшающее ее и делающее ее культурною. Не то в чистом и непорочном христианстве – в Православии. Следуя непреложному слову Христа Спасца: *веруй в Мя имать живот вечный* (Ин. 6, 47), Православие смотрит на всю нашу жизнь земную с этой высочайшей точки зрения. Вся земная жизнь, как и весь мир, в руках Божиих и для Бога, здесь на земле полагается только начало тому, что откроется для всех в будущем, за гробом. А потому вся жизнь человека должна быть исполнена тончайшего чувства Бога, видящего все наше до глубины души.

Страх и ощущение Господня вседержительства должны быть законом, руководящим человека во всех его делах и намерениях. В идеале это должно быть доведено до такой степени, чтобы человек и без всяких иных побуждений и запрещений делал должное, как бы стоя перед Лицом Всевидящего, подобно ветхозаветному Иакову, который говорил Лавану, тестю своему: *вот, с нами нет никого; смотри, Бог свидетель между мною и тобою* (Быт. 31, 44).

В стремлении к этому-то высокому, ни с чем не сравнимому настроению наш Русский Народ с тех пор, как крестился при Святом Князе Владимире, имел одну святую и великую заботу – как бы устроить свою жизнь по-Божьему, как бы чем-либо не прогневить Господа Бога, а, напротив, всегда быть в Его неизреченном к нам недостойным милосердии. Вот эта набожность и самое скромное благочестие и были украшением нашей народной жизни; они приводили в умиление, удивление и восторг всех иностранцев, приезжавших к нам в старину и прозвавших нашу страну «Святою Русью», как поставившую идеал высокой христианской святости своим главнейшим идеалом и постоянною целью своих стремлений. Этим объясняется наша

исстари народная любовь к Храму Божию, к богослужению, к путешествию по святым местам и обителям, к посту и поклонам и ко всякому иному, нередко весьма трудному, подвигу; отсюда же и усердие – ставить свечки и возжигать лампы перед иконами, украшать храм богатыми прикладами и роскошную ризницу, наконец, любовь к громогласному торжественному бархатному звону колоколов. Во всем этом сказывается проявление высоконабожной души христианской, стремящейся к Богу и Его ищущей, заботящейся лишь об одном – чтобы все в жизни, а наипаче в храме Божиим напоминало о близком к нам Боге и исполняло христианина страха Божия и ревности о спасении по воле Божией.

Разве может что-либо земное идти в сравнение с этой христианской высотой и красотой жизни? И может ли что-либо иное обеспечить добро и порядок людской жизни в такой степени, как этот высший распорядок уклада ее по-христиански? Закон внешний, строгость наказания за его нарушение и т. п.? Но потерявший веру в Бога и свою совесть – обойдет все законы, а, главное, потерявши высокую цель своей жизни на земле, он не будет дорожить ни чужою, ни своею собственною жизнью и всегда будет готов с нею покончить, что мы, действительно, и наблюдаем во множестве над нынешними неверующими людьми, особенно же над современною молодежью, развращенною безрелигиозною школою и книгою. Это все прежде и лучше нас поняли враги наши, ищущие нашего развала и гибели, – поняли и приняли все меры к тому, чтобы расшатать в народе русском устои Православия, подорвать значение веры и вырвать самую эту веру из народного сердца. С этою целью через школу давно уже прививают нашим детям и особенно подрастающему поколению сомнение в вопросах веры, легкое отношение к делам и обязанностям веры, втравая вместо того лжеименный гуманизм, должный заменить будто бы уже отжившее свое время христианство. Но чтобы сразу не оттолкнуть от себя раскрытием своих намерений, стараются

ся действовать вкрадчиво и постепенно, и сначала внушают людям взгляд на религиозную жизнь, как на выполнение внешних христианских обязанностей, а не как на дело душевной потребности. С своей стороны печать, вся оказавшаяся в руках врагов веры и государства, усердно выставляет напоказ все недоброе, что только можно подметить у служителей Церкви; где же для этого нет никаких оснований, там не стесняются прибегать прямо к клевете, чтобы унижить в глазах народа все для него высокое и святое. Действуют так в полной уверенности, что многие легковверные и несамостоятельные поверят, если не всему, то хотя части сообщенного вымысла; а дальше при старании и умении надеются достигнуть и больших результатов. И, действительно, иногда добиваются своего: недавно, например, мы видели, как многие верили наглой лжи и клевете грязных жидовских газет даже на священное для всякого православного христианина имя отца Иоанна Кронштадтского.

О торжестве Православия во всей нашей жизни прежде всего и заботится «Союз Русского Народа». Он исходит из того убеждения, что вера ее и законы должны быть самым прочным обеспечением благополучия и порядка житейского; что все законы гражданские, основываясь на законах Божеских, должны служить верным указанием пути к исполнению воли Божией. В этом убеждении «Союз» ставит своей целью, чтобы ни школа, ни печать не развращали населения, приучая его ко всему низкому, грязному и срамному, а, напротив, внушали ему одно лишь высокое и святое. Отсюда школа должна быть христианскою, прежде всего и во всем заботящеюся о христианском воспитании. Истинная же христианская свобода – вот последняя цель как школьного воспитания, так и всего уклада народной жизни. А эта свобода заключается в том, чтобы человек свободно стремился и шел ко всему высокому и праведному, – свободно воздерживался от своих худых привычек и страстей, от соблазна и принуждения зла внешнего: конечно, свободен он последовать и второ-

му, но душе его, исполненной веры в бессмертную, загробную жизнь и страха Божьего, все это недоброе противно, как ненормальное и нездоровое.

Вот первое, что ставит своею целью «Союз»: с высоты христианского закона осветить и осмыслить всю жизнь народа и отдельного человека, ввести в жизнь все высокое и святое и, по мере уделенной нам от Господа возможности, еще здесь на земле начать Царствие Божие, пришедшее к нам в силе. Если это – «реакция» и «мракобесие» до «человеконенавистничества» включительно, то союзники охотно и с любовью принимают такой укор себе в похвалу, ибо сей «мрак» вот уже без малого две тысячи лет просвещает всю вселенную своим Божественным несозданным светом и благодаря ему мы имеем все то, что называется просвещением и добром.

Этого же желаем как всему нашему народу, так и всем прочим народам мира.

4. Царь самодержавен волею и советом народа

При Святом Князе Владимире раздавшаяся на Руси проповедь о Христе Спасе быстро пронеслась по всем областям ее и скоро была усвоена всем русским народом. Уже через столетие по крещении Русская земля исполнилась множеством богато украшенных храмов и обителей. Удивительно быстро и глубоко христианство всаждено было в самую душу русского народа. Это говорит о том, что, очевидно, мы – Русские – по природе своей, по складу своей души и прежде были близки к христианству; что и в язычестве мы молились неведомому нами Богу всеми своими добрыми душевными качествами – ласковостью, миролюбием, добротою, отзывчивостью и всем, чем богата

русская душа. Очевидно, и в пору язычества для нас начала духа были весьма высоки и ценны, и все прочее имело смысл более с этой стороны духа. А с принятием христианства жизнь одухотворилась в несравненно высшей степени, и народ русский скоро сделался христианнейшим, более христианским, чем какой-либо иной народ.

Этим основным свойством души русского народа объясняется и отношение наше к власти над нами князей, а потом царей. Тогда как у прочих народов Европы власть князей и королей завоевывала себе народы и по отношению к ним являлась стороннею поработительницей непокорных, но слабых, – мы, наоборот, сами создали свою власть и поставили сами над собой князей – прототипов наших царей. Так было еще при призвании Рюрика с братьями, которых наши предки здесь, около Ильменя озера, поставили над собою княжить в ту пору, когда только что начинали сознавать себя народом, когда зачиналась наша государственность. С принятием христианства это вверенная народом князьям власть получила высшее Божественное освящение: князья явились помазанниками Божиими, от Бога получившими высокую власть над народом, чтобы под Богом и править народом. Далее, чем более крепла и разрасталась Великая Россия, тем более возвышалась власть князей, потом названных Царями Самодержавными, обязанными ответом за переданную им народом власть перед Богом и своею совестью. Затем, когда попущением Божиим не стало у нас на Руси Царя, то, переживши лихолетие под разнородными управлениями и не найдя ни в одном из них спасения от угрожающей гибели, мы быстро и единодушно (за исключением немногочисленных властолюбцев и интриганов) восстановили испытанный наш родной вид власти над царством: избрав Михаила Феодоровича на царство, ему перед Богом и во имя Бога Всеведущего вручили все Царское над собою Самодержавие. И не ошиблись в своих мудрых соображениях и на этот раз: полуразрушенное и истощенное царство наше быстро собралось с силами и возродилось и усили-

лось во всех отношениях, достигши даже несравненно большей славы и процветания, чем в минувшие времена до смутных годов. Мы вышли на свою историческую дорогу.

Чем же крепка была эта самодержавная власть Царская? Тем, что она, основываясь на совести и на Божеском законе, поддерживалась близостью к земле, советом народа. Княжеская дружина, боярская Дума, Земский Собор – вот что хранило Царскую власть в полноте ее, не давало никому расхищать или отводить ее. С мест собравшиеся люди испытанной опытности и честности, исполненные одинаковой заботы об устройении земли Российской, возносили к Царю народный голос и совет о том, как и что устроить в стране. А Царю оставалось разобраться во всех голосах, сообразовать все с общеземскою пользою и повелеть к неукоснительному исполнению для общего народного блага то, за что он отвечает перед Богом Всевидящим и перед своею совестью. На неизменную до смерти верность этому закону Царь всенародно и клялся в час своего коронования и помазания на царство. Применительно к теперешнему положению, это была наша российская самобытная, исторически самим народом выработанная конституция, но как небо от земли отличающаяся от тех заморских конституций, о которых бредят наши разных оттенков красносотенцы. Она – наша конституция, наше Царское Самодержавие – покоится не на верности Царя случайному партийному большинству, то и дело меняющемуся по разным, иногда чисто случайным или искусственно создаваемым условиям, а на верности высшему и для Царя и для народа закону, закону вечному, Божескому и отголоску его – закону совести, которая умирает только с самим носителем ее, человеком. Припомните, как жестко мучился и казнил себя за отступление от этого вечного и неизменного закона Иван Грозный. А он ли был не Самодержец? Так – перед Богом Царь и народ, две взаимно обуславливающие части и объединенные части одного того, что издревле всюду называется Русью, Великою Россиею.

За происшедшее два века тому назад отступление от этого почти мистически-тайнственного, но действительного единства и за перенесение к нам с Запада того, что несвойственно нам и не имеет никакой почвы для себя в нашей истории и в народной душе, – за это мы и платимся теперь всеми бедами последнего лихолетия. Начало нашего, покоящегося на союзе с народом, Царского Самодержавия тогда было подменено так называемым западным абсолютизмом Императорской власти, при котором власть ушла от народа и заняла к нему положение завоевательницы, как это было в Европе с самого начала образования там разных государств, тогда как нас – опять повторяем – завоевывать не приходилось, – мы сами себя отдали поставленной нами власти Царя. В силу этой разъединенности с народом, власть волей-неволей перешла в руки отдельных правителей и ими естественно была расхищена, а в октябрьские дни смуты 1905 года она даже прямо была подменена захватом отдельных личностей, именем Царя совершивших тот переворот, который старается перетянуть нашу государственность на заморскую конституцию. Так, наша последняя революция есть прямое и естественное порождение того, что мы пережили за последние два века, увлекшись внешними порядками Запада и не заметивши, что у нас есть иной, лучший путь к устройению лучшего порядка.

Но не бывать тому, чтобы мы окончательно свернули со своего исторического пути на неизбежную себе и желанную врагам гибель. У Помазанного Богом Царя нашего не те намерения, что преподносят нам с 1905 года. Благодетельный Государь неоднократно уже говорил Своему народу, что «Самодержавие Его остается таким же, как было оно встарь», почему Он и призывает всех нас: «Объединяйтесь, Русские люди, Я на вас надеюсь». И услышал народ Русский сей Царский зов. На наших глазах совершается великое и удивительное по своей силе объединение великого Русского народа на защиту родного Царского Самодержавия от тайных и явных происков врагов его.

Целых два века мы разъединялись искусственно и насильно; а на протяжении последнего века все было сделано к тому, чтобы разлучить Царя с народом и на этом основании устроить российскую революцию. И революция эта, по камертону от жидовско-масонского всемирного заговора против нас, устроена была жидами и всеми инородцами вместе с русскими, изменившими своим историческим заветам. Все они издавна объединялись на борьбу со всем исконным народным делом, и потому изощрились в борьбе и в изыскании всяческих на то средств. Но они ошиблись в своих расчетах и, поспешивши открыть свои подлинные планы и намерения, тем самым помогли открыться народным глазам на дело и подняли народ на защиту исконных устоев нашей жизни. Всего только в течение трех лет народ собрался во всероссийское полчище на защиту Царского Самодержавия в единении с зовущим на то Царем. Этот удивительно быстрый рост и развитие «Союза Русского Народа» и прочих подобных ему союзов явно свидетельствует, что дело это самое народное идет из корней самого народа. Дивно и то, что там, где только узнают Россияне о «Союзе» и его подлинных народных стремлениях, вопреки издевательству жидовских газет, – там быстро разрастается и крепнет народное объединение, а красносотенные организации и партии слабеют, иногда же и вовсе умирают. Это тоже свидетельствует о глубоко народном деле «Союза». Близко то время, когда исчезнет нагнанный жидами туман на народное дело, и весь Русский народ узнает истинное значение и смысл «Союза» и как один человек объединится в сплошной народный «Союз» под скипетром Православного Самодержца на процветание Великой и богато одаренной Богом и чудесно Им водимой Российской страны нашей. Близок час этот, ибо народное самосознание пробуждается и крепнет на всем протяжении великой нашей страны. Народ делается «сознательным», только не в сторону «товарищей», а совершенно в обратную: он ищет возрождения России на исторических своих основах. Если

все это красносотенцы тоже считают реакцией и мракобесием, то союзники охотно принимают себе этот укор, ибо именно эта сила – самодержавие Царя в полнейшем духовном единении с народом – создала, скрепила и возвеличила Русь, из небольшого княжества сделавши ее Великою Державою, двуглавый орел которой властно распростирает свои крылья на шестую часть всего света. Об этой славе Отечества под Державным Скипетром Боговенчанного Самодержца усиленно и заботится восторгающийся ею «Союз Русского Народа».

5. Русский народ – хозяин великой страны

Всегда оправдывается жизнью непреложное слово Господа: *всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит* (Мф. 12, 25). Это так ясно и убедительно, что поймет всякий хозяин даже малого хозяйства. Если бы в хозяйстве или семье, вместо хозяина и семейных, стали распорядиться приживальщики, или пришельцы, или даже прислуга, то не устоял бы такой дом, не продержалась бы долго такая семья. Она развалилась бы от бесхозяйственности, от безвластия и многовластия, при котором всякий тянет в свою сторону и ждет не общей пользы и благоустройства дома, а лишь своей выгоды, и чем скорее получит ее, тем чувствует себя лучше. Государство, Отечество есть большое для всех нас хозяйство. Хозяин в нем тот, кто его и создал и под чей кров и власть пришли остальные добровольно или в силу обстоятельств и судеб истории, управляемой Тем, Кто держит все в Своей Божественной деснице. Таким хозяином в великой Российской Державе и является великий Русский Народ. Посреди всех исторических бурь и бед он не растерялся, а собрал свое достояние, преумножил его и расширил почти на две части света. Он собрал под свое пространное и теп-

лое крыло все прочие народы, ныне входящие в состав нашей страны. Одни из них силою истории вошли в состав России, а другие даже сами давно и неоднократно умоляли принять их в Российскую Державу, как грузины и другие. Только один народ мы не покоряли и не присоединяли его по его желанию, а он сам присосался к нашему великому народному организму в недавнее сравнительно время, – это евреи – наследие развалившейся Польши, и разваленной-то старанием или значительным участием в том евреев. Исстари их опасался и чуждался Русский народ, и все древнее законодательство бережно охраняло Россию от нашествия евреев, как червоточины. Но иное отношение и было и есть со стороны хозяина страны – русского народа – к прочим многочисленным подвластным народностям. Не предоставляя им вместо себя господства или владычества, он признает их полноправными гражданами, уделяя всякой из них одинаковое с собою право на участие в строительстве государственной жизни, как и в пользовании прочими благами ее. Даже того больше: об окраинах издревле мы заботились гораздо больше, чем о центре; окраины существовали и процветали всегда за счет центра. О каком-либо истреблении народностей, как это делали англичане и другие с индейцами и разными дикими и полудикими подвластными им народностями, – об этом у нас и от нас не может быть и речи. Только низкая неблагодарность инородцев может упрекнуть нас в насилиях каких-либо к ним, и только слепая тупость утративших живую связь со своим народом и народной историей наших образованных и полубразованных космополитов может поверить этим нареканиям на благоднейший и добрейший русский народ.

Мы должны сказать даже более того: наше добродушие и уступчивость подвластным народностям сделали то, что как важные отрасли управления с их разветвлениями, так и торговля, и промышленность, и наука, и школа, и печать и т. п. – все теперь оказывается больше в руках разных, даже враждебных к нам, инородцев, чем в на-

ших собственных. Приходится сознаться, что только благодаря последнему условию и дожили мы теперь до того, что русская народность сделалась предметом насмешек и издевательства для инородцев; что русский народ – хозяин страны – гонится от своего хозяйства, отстраняется пришельцами или подвластными народностями. И все это совершается под дикий радостный рев наших доморощенных космополитов, торжествующих позор народный, рукоплещущих инородческому засилию в Российской стране.

Возвратить державную власть в стране хозяину ее – великому Российскому народу – вот цель, которую преследует «Союз Русского Народа». Не насильствовали и не насильствуем мы никого из подвластных себе народов; всем даем, как и прежде, свободу во всех житейских делах на основе общего и равного для всех закона, как равно и свободу исповедания родной всякому веры. Но мы хозяева страны и желаем быть таковыми на деле, и поэтому никто не должен дерзнуть смеяться над нами, забирать силу над нами, посягать на наши верховные права. Тем более мы не позволим издеваться, ругаться, принижать или умалять достоинство нашего духовного богатства и важнейшего достояния – Веры Православной и Царя Самодержавного. Заселившие Россию инородцы, зная, что главная сила Русского народа в вере и Царском Самодержавии, на это главным образом и ринулись в разгар смуты 1905–1906 годов. Всякое надругательство, издевательство, клевета, высмеивание, бешеные с пеной у рта угрозы и многое худшее – все было пущено тогда в ход для подрыва в народе веры в Бога и благоговения к Царскому Самодержавию. Но ныне настал конец сему надругательству. Как собрались доселе при нашем добродушии и доверчивости разные наши инородцы и составили вражескую против нас силу, так ныне собираемся и мы – Россияне и говорим властное хозяйское всем им слово: «Если хотите, чтобы мы с вами говорили не как с низкими и подлыми холопами, а как с полноправными гражданами, то живите смирно под нашею Державою Двуглавого

Орла, наслаждаясь всеми благами властного его подъема и парения над всенародным великим и высоким достоянием. Мы вас не презираем и не отталкиваем от себя, но смотрим на вас, как на полноправных с собою граждан и верноподданных Державы Всероссийского Самодержца, вместе с собою предоставляя вам место и в Государственном строительстве».

В былую пору грузины сами просили нас принять их в российское подданство; ибо видели, что иначе они погибнут во взаимной на Кавказе борьбе или захвачены будут соседними турками или персами. И прочие народности великого нашего Царства пусть помнят, что, отделившись от России, они погибнут, захваченные сильнейшими соседями, того лишь только и ждущими. А какова власть этих соседей, пусть о том порасскажут искренно поляки, вспомнив о своих братьях в немецкой стране. О евреях разговор особый: их мы не принимали к себе и даже не завоевывали. Равноправия им дать мы не желаем и натурально не можем, вполне соглашаясь с пророчески предостерегающим словом великого писателя земли Российской Ф. М. Достоевского: «Жида погубят Россию». Не хотят они пользоваться тем, что мы их терпим среди себя, – пусть уходят, куда хотят: мы их за ворот не держим, и без них проживем свободно и безбедно. А если они остаются среди нас, то пусть будут, как иностранцы для нас, не имеющие права на участие в строительстве народном и государственном.

Волею Державного Самодержца созвана Государева Дума на совет Царю, чтобы поведать Ему нужды земли и пути к лучшему их уврачеванию и исправлению. Так и пусть будет, как было встарь: Царю власть, а народу совет. Этим и крепка власть Самодержца. Но не должно быть места в Государевой Думе тем, кто не признает самого Государя, Царя. Там должны быть верноподданные Россияне, озабоченные родным делом, а из инородцев, в соответствующем количестве, лишь те, кто не внушает сомнения в своей верноподданности,

сомнительным же с этой стороны не место в Государевой Думе; тем более до времени не должно быть там представителей от совершенно некультурных племен, а наипаче от евреев, как народа пришлого и совершенно нежелательного для нас. Пусть они живут среди нас, не посягая на наши права и достоинство. Но советоваться с ними в делах государственных мы не желаем. Это должно быть законом жизни. Мы их не преследуем, не изводим, но пусть они, как пришельцы, стоят в стороне, пользуясь тем, что им дается от щедрой и миролюбивой руки хозяина земли – народа.

Если это рассуждение – человеконенавистничество и мракобесие, то мы, «Союзники», охотно принимаем по отношению к себе такой укор, как принял бы его и тот хозяин, который желает процветания своего хозяйства от своих собственных трудов и стараний, без зложелательства к соседям, а тем более без коварства и насилия над ними. Мы желаем процветания страны нашей, процветания и славы народа Русского, а через то и всего Царства Российского, уверенные, что это есть наилучшее и необходимое обеспечение благополучия и прочих многочисленных народностей в составе его. Если силен, бодр, доволен, просвещен будет хозяин земли, это отразится и на всех подвластных ему. Поэтому пусть не заедает нас никакое иноязыческое засилие – ни инородческое, ни иностранное; пусть все в России будет русское, чтобы от него и всему инородческому нашему было светло и просторно. А если вместо хозяина будут хозяйничать пришлые и подвластные или принятые в подданство народы, то порядка у нас не будет и исполнится над нами слово Христово: *царство, разделившееся само в себе, опустеет*. Это желательно врагам нашим; о ссоре инородцев с нами они усиленно и стараются, чтобы, посеявши смуту, развалить все в стране и порасхватить то, что плохо лежит. Пример Турции у нас на глазах; доказательство налицо. «Союзники» понимают эту опасность и призывают всех благомыслящих объединиться и встать на защиту Отечества от всяких посягательств на его

целость и честь. Укор в таком человеконенавистничестве мы принимаем с истинным удовлетворением.

6. Пути конечной цели «Союза Русского Народа»

Сознательные враги Русского народа и из самих русских слабодушные и маломысленные, не понимающие скрытых замыслов своих врагов или ослепленные бешеным самолюбием, – все такие набросали много грязи на глубоко-народное, высоко-патриотическое, светлое и просветительное дело «Союза». Прославили они «Союзников» и погромщиками, и человеконенавистниками т. п. Но грязь не всегда пристаёт неискоренимо; нет: высохшая, она часто или отваливается сама собой, или отмывается, как наносная, а под ней по-прежнему открывается чистая материя одежды. Так случилось и с той грязью, которую хотели забросать спасительное для Отечества дело «Союза». Правда, малодушные и легковверные поддались ложному стыду, убоялись и «страха ради иудейска» перебежали на сторону врагов. Но таким ведь и цена-то грош. А народ Русский спокойно и без нервной торопливости собирается и собирается в многомиллионный «Союз». Он готовится стать уже всероссийским, принимая, правда, разные формы и являясь под разными наименованиями, но везде поставляя себе одни и те же цели. Совершенно мирным путем и без обычного врагам нашим коварства и хитрости Союз достиг того, что даже земство почти всюду высвободилось из рук заправил «освободительного движения» – кадет и оказалось в распоряжении не разрушителей-краснобаев, а людей скромных, но способных к истинно созидательной земской работе. Мало того: мы наблюдаем теперь, как это же земство вскрывает все язвы либеральных предшественников. Оказывается, деятельность их полна прискорбных и пора-

зительных злоупотреблений, скрывавшихся под маской служения народу. Мы не хотим этим сказать, что земство теперь состоит из «Союзников». Нет, но «Союз» сделал свое дело возрождения народного самосознания даже в той области, которая доселе для него была совершенно чуждою и закрытою.

Так и все дело «Союза» сводилось к совершенно мирному воспитанию народных масс, образованных и простых, в духе сознательной любви и привязанности к Отечеству. Путь для этого: газеты, журналы, книги, школа, чтения, беседы, вообще все то, что содействует образованию и просвещению народному. Во все это должно быть вложено национальное самосознание, сознание себя именно русским народом со всеми его особенностями, отличающими его от прочих народов. Это же высокое народное самосознание должно быть положено в основу и всего нашего законодательства. Вера в Бога и сохранение Царского Самодержавия – вот из каких начал должно исходить оно, и к тем же началам оно должно сводиться, как к исторически выношенным и бережно сохраненным и хранимым всею народною жизнью нашим высоким святыням. В этом великое богатство наше, та священная высота, которою мы решительно превосходим другие народы, та сила, которая создала нас, как народ, вынесла славно среди всех исторических бурь и невзгод и явила великою Державою Российской.

В былую пору на пути «великого переселения народов» в Европе погибли или расплылись в порабощении многие народности, утратившие духовную и физическую силу и самостоятельность. Поэтому и из чувства самосохранения мы желаем сохранить свою силу и самостоятельность и быть в состоянии отстоять себя перед лицом всех возможных случайностей, быть может, даже в недалеком будущем. Над народами мира, особенно Европы и Азии, собираются зловещие темные тучи, угрожающие разрядиться страшною всемирною катастрофою. Ближний Восток с Турцией и славянскими народами; «пан-

германизм», или стремление немцев к всегосподству, особенно на Ближнем Востоке и в родном нам славянстве; революция и брожение в Персии и Индии, давнее шипение дракона Поднебесной Империи, заставляющее думать, что этот дракон рано или поздно проснется и извергнет огонь и кровь на весь мир; тревожные осложнения во взаимных отношениях народов и государств и многое другое – все это внушает великие опасения за судьбу России. Нужно твердо и зорко стоять на своей исторически народной дороге, чтобы неустрашимо и самособранно всей духовной и грубо-материальной силой встретить всякие возможные случайности и всякого возможного врага, смертью нам угрожающего. Немец давно уже учел возможную развязку складывающихся событий мира и давно уже настойчиво готовится ко всяким роковым случайностям мировой истории. О своей народной целостности перед лицом угрожающих бед заботится «Союз Русского Народа».

Не время и не место той партийной борьбе, которую выше всего ставят теперь даже в Государственной Думе, в увлечении ею забывая весь свет и саму Россию с угрожающими ей опасностями. Никаких партий не должно быть; должен быть единый Русский народ и единые с ним все прочие народности нашего Царства, сплоченные в единый тесный Союз, объединенный одною заботою о целостности, силе и славе Российского Царства. Развитие всего этого, введение в народное сознание необходимости единения всех в России – вот тот путь, совершенно мирный и высокопатриотический, которым идет к своим высоким целям «Союз Русского Народа». Чем скорее совершится это раскрытие народного самосознания, это всероссийское объединение, тем ближе наше возрождение и спасение от угрожающей неизбежности опасности саморазложения при уже начавшемся было нашем разброде, и тем безопаснее и самоотстойчивее встретимся мы в недалеком будущем со всеми возможными и трудно наперед определяемыми случайностями в развитии мировых международ-

ных событий, которые видимо уготовляются по непостижимым, но властным путям Промысла Вышнего, владеющего царствами человеческими. Уже много раз разражались над миром такие стихийные катастрофы. Выстаивали перед ними лишь те, которые, мудро предвидя их, надлежаше готовились встретить их, а легкомысленные погибали. Да поможет нам Господь и ныне, как неоднократно прежде, не на беду, а на славу выдержать напор грозных мировых событий! Да соберется как один человек вся Русская земля!

7. Итак, «Союз Русского Народа» не есть партия

Итак, есть ли «Союз Русского Народа» партия в обычном смысле этого слова? То есть можно ли его приравнять к многочисленным, народившимся у нас за последнее время политическим партиям кадетов, октябристов, социал-демократов и т. п.? О том, чтобы занести «Союз» в список партий стараются многие, или не понимая дела, или, напротив, весьма хорошо понимая, но желая принизить и ополшить великие цели, поставленные себе «Союзом».

Однако на основании всего того, что подробно сказано выше, мы теперь должны твердо сказать и запомнить, что «Союз Русского Народа» не партия и не преследует никаких партийных целей и намерений. «Союз» есть сам Великий Русский народ, под впечатлением злосчастных освободительных событий последних трех лет приходящий в себя и постепенно собирающийся с духом, чтобы отстоять свое достоинство от всех возможных бед. Это есть сам народ, отгребающийся или освобождающийся от натиска всяких партий, от всего партийного и наносного, а не народного. Потому-то он так ненавистен всяким партиям, что опасен им своею беспартийностью и глубокою и исключительною народностью. Потому-то эти разные

партии и стараются забросать грязною клеветою самое имя «Союза»: они чувствуют его народную, а не наносную почву и силу и вместе с тем смертельную беду себе от роста и укрепления «Союза». Да, потому именно и растет с такою быстротою повсюду «Союз», что его дело не мертвое, чужое, а живое, свое родное, глубоко родное. Довольно лишь сказать, что вся пресса – газеты, или еврейские или обьевреившиеся, не могли удержать роста «Союза» и замолчать его дела.

Смотрите, сколько за последние три года народилось газет исключительно правых – русских. И поддерживаются они не банковскими или экспроприаторскими капиталами, а исключительно лишь наличными подписчиками, в то время как исчезли за недостатком подписчиков многие из левых газет, существовавшие на обильную субсидию со стороны.

Так возглашаемые «Союзом» светлые народные цели находят себе скорый отзыв в народной душе, и народ постепенно, но верно и надежно собирается. Даже в студенческой среде с удивительной быстротой развивается высоко-просветительное и народно-творческое дело «Союза» под разными его наименованиями и разветвлениями.

Итак, пусть ни один малодушный не смущается, когда враги народа или не понимающие истинного его блага закидывают клеветою имя «Союза», обзывая союзников черносотенцами и т. п. Стыдиться этого не приходится, ибо знаем мы, насколько «черно» и «погромно» наше мирное, творческое, просветительское и глубоко народное дело. Злобно выкрикивали прежде освободители клич свой: «В борьбе обрешь ты право свое», и мы видели, какую борьбу они объявили против всего народного и русского. Мы тоже ищем своего права, но не того, о котором мечтали освободители: мы желаем быть Русскими всегда, везде и во всем – в семье, школе, государстве, в общественной жизни, в церкви. И будем бороться за осуществление своего желания, но не бунтами и мятежами кровавыми, как освободители, а

совершенно мирным, хотя вместе с тем твердым и уверенным отстаиванием всего русского и народного от всяких на него посягательств.

Станем добре, станем со страхом, вонмем²⁰

Письма архиерея к иереям

I. Требования времени

Смута первых годов настоящего столетия затронула всю русскую жизнь и действительность. Со всех сторон раздаются жалобы на вольнодумство в народе, упадок веры, на сектантское брожение, на упадок жизни и нравов, на развал семьи, на озорство и хулиганство, на вольность и дерзость молодежи. Но за последнее время подмечается всеми и другое явление – обратное: замечается пробуждение духовной жажды в народе, почему и храмы Божии уже начинают заполняться, с вниманием народ слушает проповедь пастырскую, охотно посещает религиозно-нравственные чтения. Этим пробуждением духовной жажды после минувшего освобождения в значительной степени объясняется и успех разного рода сектантства.

Таким положением дела и надлежит воспользоваться пастырям Церкви Христовой как можно усерднее, чтобы православный народ, не найдя от нас ответа на свои духовные вопросы, не ушел на страну далеке – к разным лжеучителям. Принять нужно во внимание и весьма малую осведомленность народную, как в городах, так и в деревнях, с основными даже истинами христианского упования. Едва ли всякий сумеет толково рассказать – во что и как он верует. Нередко приходится видеть неисправность и внешнюю обрядовую. Многие не знают самых употребительных молитв, неправильно совершают

крестное знамение и другие православные обычаи. Все это нужно принять строго во внимание, принять решительные меры и усердно заняться духовным просвещением паствы, направлением в церковное русло духовного народного пробуждения, а где нужно – борьбою с начавшимся вольномыслием, сектантством или развалом жизни.

По данному вопросу мною в 1910 году были изданы «Письма архиерея к иереям». Они встретили трогательное от многих сочувствие. Но от издания не осталось ни одного экземпляра, кроме имеющегося у меня на руках. Между тем наблюдения над жизнью дали и еще некоторый материал в том же направлении. Поэтому и нахожу благовременным перепечатать вышеуказанные «Письма архиерея к иереям», но дополненные новыми шестью первыми главами.

2. Наша народная русская культура есть культура духа

Нашему пастырскому попечению вверен Богом и от Бога церковной властью благочестивый по своей природе русский народ. Для всякого внимательного к народной жизни наблюдателя с несомненностью очевидна особенность народной русской культуры. Наша народная культура есть исключительно культура духа. Во всем укладе жизни, в обычаях, в душевных исканиях. В народном и даже литературном творчестве непременно есть искание нравственной ценности жизни, отношение к ней именно с этой стороны. Все прочее, чисто внешнее, имеет уже второстепенный и попутный смысл и значение, обусловливаемое нравственными основаниями, как это и должно быть всюду и всегда. Конечно, и культура нерусская, хотя и христианская, не пренебрегает нравственными вопросами, прилагая нравственные мерки и ко всей жизни. Но разница глубокая и существенная, разница в самом существе дела. Просто говоря: в евро-

пейско-американской культуре вопросы духа, предметы нравственного порядка имеют лишь частичное значение, занимая как бы один уголок в этой культуре, а следовательно, и в носителях ее. Всеохватывающего значения они там не имеют. Просто без таких вопросов пока нельзя обходиться. Как нельзя, например, культурному человеку принимать пищу всей пятерней, неудобно и одеваться не по-европейски, так нельзя пока обходиться и без вопросов чисто духовных, обходиться без всякой религии и морали. Это все-таки только лишь порядочность, приличие, но не смысл жизни, не высшая для нее ценность и обоснование ее самой.

Иное представляет культура чисто русская. Для нее и самая жизнь не имеет ценности без ценностей духа, без ценностей нравственных. Только с нравственной стороны расценивается и самая жизнь человека со всеми его поступками и намерениями. Не будет этих нравственных оснований – не будет смысла и в самых высоких и полезных делах человека. Поэтому русский человек, даже испытавший на себе воздействие и нерусской культуры, все-таки смотрит на жизнь как на приложение к делу жизни нравственных запросов духа. В самой жизни поэтому ищет подвига, как несомненного оправдания и для существования человека на земле. Даже отрицательные элементы общества русского в самое свое отрицание вкладывают смысл нравственный. Даже революционеры, добиваясь всевозможных поворотов жизни, стоят за правду жизни, мечтают о том, чтобы только эта правда и была в ней, чтобы при ее господстве воцарилось всеобщее счастье.

Тем более все это нужно сказать о народе простом. Как бы он ни был сер и подавлен житейской тяготой, простой русский человек имеет единственную заботу, чтобы все было по совести, чтобы спасти свою душу для вечной жизни. Духовный мир – самое главное для него. А все остальное есть только неизбежное по пути к главной цели, что никак нельзя обойти в тех условиях, в которых здесь на зем-

ле поставлен человек. Поэтому он так спокойно и относится к самой смерти: она для него не только неизбежное нечто, но даже и желанное, к чему нужно достойно подготовиться, чтобы в мире совести перейти в вечную жизнь, где не будет внешней, часто тягостной и грязной для души жизни, но будет одна жизнь духа. Это не погружение в небытие, как сон. Нет, начало новой и истинной жизни духа.

К этой-то жизни духа за гробом в вечности и готовится верующий русский человек. Для этого он готов на всякий труд и подвиг. Готов идти во всякую пустыню, перенести все трудное на пути, лишь бы только найти себе духовное утешение, ободрение и даже вразумление и строгое обличение. Вот объяснение и старинной народной любви к далеким и трудным паломничествам, к длительным и бодрым церковным служениям. За сим же он идет к старцам и пустынникам, к строгим и учительным духовникам – как мудрым наставникам на жизнь и целителям жизни. Никакая трудность не удержит тогда человека, если он узнает о такой возможности духовно утешиться и ободриться, не пожалеет тогда он ни средств, ни сил, ни времени.

Трогательно в этом отношении наблюдать жизнь переселенцев нашего края. Лишь только успеют обзавестись хозяйством на новом месте, а иногда даже и сами еще из землянок не вышли, как уже стараются о церкви или молитвенном доме, о том, чтобы иметь им и батюшку своего. Конечно, многие стараются все это получить от казны, тем более, что казна часто нерасчетливо балует переселенцев, и в дальнейшем в таких случаях всего ожидающих от казны. Но, пожалуй, более часты случаи, когда, не дожидаясь очереди от казны, стараются все на свои средства устроить, только бы была возможность духовно утешиться, когда душа потребует того. Нужно принять во внимание темноту нашего крестьянина, которому редко кто вовремя и как следует объяснит и укажет все нужное в таких хлопотах. Вот они и толкаются и стучатся туда-сюда, все перепутают, сами запутаются, годами ждут и надеются и, наконец, добиваются просимого и

рады-радешеньки, когда поселок их украсится храмом, построенным на их трудовые сбережения, когда батюшка заведет у них службу Божию.

Все это говорит о том, что душа русского человека не может оставаться без утешения веры, без духовных нравственных переживаний, скрашивающих ее жизнь, влагающих не земной, а небесный смысл во всю жизнь, без чего не будет радости во всех хлопотах житейских, но с чем и все скорби и трудности жизни ничтожны.

Итак, наша народная русская культура есть культура духа, с какой стороны расценивается и вся земная жизнь и деятельность человека. Она есть подвиг нравственный, как подготовка для высокой духовной жизни за гробом в Божием Царстве. Верую так по своим многообразным наблюдениям над народами нашего мира, и что наш русский народ – единственный в этом отношении народ, и назначение которого от Бога в том, чтобы явить всем народам этот свой народный дух, сказать это свое слово всем и научить всех на жизнь смотреть со стороны ее нравственной ценности. В этом его провиденциальная миссия или назначение от Бога. Народ еврейский предназначен был от Бога на то, чтобы пронести через все испытания и сохранить для всех народов веру в Единого Истинного Бога, и он это сделал, передавши всему миру Божественное Откровение. Назначение же народа русского в том, чтобы изверившемуся и обезверившемуся современному христианскому миру, старательно воскрешающему древнюю языческую культуру «хлеба и зрелищ» в разных видах, – чтобы этому миру высоко являть культуру духа, научить на землю смотреть, как на мост к небу, в земной жизни и деятельности искать нравственного смысла, расценивать ее со стороны духовных ценностей.

3. Духовное пастырствование на почве русского народного духа

Все это представляет великолепную почву для нашей пастырской деятельности. Нужно бы только воспользоваться тем готовым и основанием, и материалом, что дает нам русская жизнь и действительность. Не нужно предварительно создавать подходящие для пастырской деятельности условия. Нужно лишь только воспользоваться тем, что уже дано и что само требует должного удовлетворения как цели самого пастырства.

Намерение Божие о священниках и о пастве таково. Священники должны быть посредниками между Богом и людьми в освящении их Божественной благодатью. Священство от Бога поставлено для того, чтобы освященные Кровью Христовой люди Божии сознали и на деле восчувствовали эту свою освященность, чтобы сами для себя являлись священниками, себя самих Богу принося в жертву и дар священный. Для сего, очевидно, они должны мыслить себя изъятыми из мира сего, не житием своим в мире, но заботами и стремлением своим. Как все освященное уже изъято из обыденного употребления, оставаясь, однако, рядом с вещами обычными, так и посвященные на служение Богу христиане должны быть с небесными стремлениями от обычной земной сутолоки житейской.

Но для сего уже все имеется в самом строе души народной у нас. Пастырство и должно сим воспользоваться и направлять людей Божиих к Жизни с Богом и для Бога здесь на земле. Посему пастырство должно иметь всякое попечение о том высочайшем духовном своем делании, для которого оно и поставлено на земле по намерениям Божиим для людей. И народ ничего иного не ждет от пастырей, как только чисто пастырской их деятельности, способствующей душе человеческой восходить к Богу и от Него получать себе освящающую благодать. Потому и пастырю самому нужно прежде и выше всего за-

ботиться о духовной своей работе. Пусть он сам себя не перестает чувствовать чадом Божиим, перед Богом ходящим. Молитва, чтение Слова Божия, чтение Святых Отцов и житий Святых, испытывание своей совести через возможно частую исповедь, знакомство и общение с людьми духовного склада жизни, общение с народом до сроднения с ним полного и духовного и, особенно, общение с народом у народных Святынь и все подобное – вот что может развить дух пастыря в должном направлении, что может сделать его чутким руководителем народной души, воодушевленным пастырем, опытно знающим запросы души человеческой и пути к их удовлетворению. Такой будет истинным пастырем народником, и только он будет делателем на ниве Божией, а не требоисправителем, что не есть еще пастырство в должном виде.

Очевидно, деятельность такого пастыря будет приближением Христа Спасителя к людям, Того Христа, Который за душу человеческую и Крест претерпел, Который стучит в двери души человеческой и к Которому льется скорбящая душа человеческая, как к своему Спасителю и Утешителю. Спешите же, пастырь церковного стада, спешите же привести Христа ко всякой душе человеческой. Не ленись на этом беспримерном по своей высоте и спасительности для других пути, не меняй этого делания ни на какое иное, тем более такое, в котором и намек нет на твое пастырствование. Не оставляй без Христа сиротой ни одной души человеческой, вверенной тебе от Пастыреначальника Спаса. Не давай врагу посмеяться и над душой человеческой, и над тобою, так унижающим свое высокое на земле для неба призвание. К небу руководи небесную в человеке душу и не оставляй ее быть оборванной и израненной от разбойников на пути. Явись даже и для такой милосердным самарянином и поимей о ней душевное попечение, передавши ее на руки Небесного Гостинника Христа, только и ищущего спасения человеческого. Да не смеется через тебя враг наш и Христов над святым и высоким нашим призвани-

ем по намерениям Божиим, но да будет он сам посмеян и поруган и в деле нашем, и в жизни паствы нашей. Тем более не унижай сего святого дела погоней за земными сокровищами или за мирскими развлечениями и удовольствиями, не меняй на них святого пастырствования твоего.

Поимей и то еще непременно в виду, что тебе вверен наш русский богобоязненный и чувствительный ко всему набожному народ, однако совершенно почти всеми заброшенный и предоставленный самому себе с его темнотой и непросвещенностью. Но за это-то и полюби его, и пожалей его. Помоги ему выбраться из того мрака, в котором он привык пребывать со своей светлой и Бога любящей душой. Полюби и детей его, в большинстве случаев тоже заброшенных и кое-как случайно воспитываемых. Тебе ближе, чем кому-либо, может быть, известна вся эта беспомощность духовная нашего народа. И сделай все для того, чтобы ходил он в том свете веры, к которому тянется его душа и по которому она тоскует, когда не находит. Только этим объясняется и быстрый, хотя и случайный, успех всевозможный сектантских учителей, умеющих задеть за живое душу народную, когда она открыта бывает для подобного влияния, как сиротливо оставленная от прямых или должных ее руководителей. Сам ты не будешь испытывать скуки, усталости и сытости в таком душевном деле, исполненном святого чувства любви к русскому темному, но мягкому по душе народу при его заброшенности и оставленности. Это будет высочайшее дело во исполнение заповеди Спасителя: *болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13).

4. Отрицательные черты в наблюдаемой современной действительности

Таково положение нашего дела со всеми наличными благами условиями его в самой народной душе. Кроме отрады, ничего все это не представляет. Конечно, трудности в прохождении пастырского делания в дальнейшем предстоят гораздо большие, чем у всякого другого дела. Но ведь для того и пастырство, чтобы бороться с такими вредными условиями. Если бы их не было, то не потребовалось бы и самого пастырства, как не нужен был бы и пастух для стада, если бы не было волков и воров.

Однако когда обратишься от этого к наблюдаемой самой нашей действительности, то приходишь в недоумение, а потом в ужас перед тем, что есть. Вот эти грустные наблюдения над беспощадной действительностью. Сплошь и рядом при расспросах как взрослых, так и малых приходится видеть, что именующиеся христианами не знают не только утренних и вечерних молитв, но и самых общеупотребительных и простых. Очевидно, и не молятся исправно, а в семье молиться не учат и молитвам не учат. В школах кое-каким молитвам научат. Но не влагают, очевидно, потребности молиться, не воспитывают святого чувства молитвы, как приближения нашего к Богу, как нашей с Ним беседы. Без этого же самого главного одно заучивание молитв для ответа ровно ничего еще не значит, и молитвы улетучиваются немедленно после оставления учащимся самой школы только лишь на летние месяцы. Очевидно, у самих родителей нет уже вовсе никакой заботы о том, молятся или нет их дети. Они и сами не научили тому детей своих, да и не наблюдают и за тем, соблюдают ли строго то, чему их в школе научили. В старину и школ было мало, и даже вовсе не было, но молиться все умели и свято соблюдали это. Ибо

тогда мать считала своей первой обязанностью научить детей молиться. Сама она молится, держа ребенка у своей груди и творя над ним своими или детскими перстами крестное знамение. А потом она же научает его со своих слов и всем молитвам, ставя ребенка вместе с собою и на молитву. Сама же она молилась со всяким благоговением, истинно предстоя во время молитвы пред Богом. Передавала она такое чувство и своему ребенку, и он не только заучивал молитвы с ее слов, но проникался тем же святым чувством молитвы, привыкая к молитве, как к святому своему долгу, который надлежит исполнять прежде всего и со всяким благоговением. Но, очевидно, в таком настроении тогда кто-то воспитывал и семью древнерусскую. И, конечно, это было делом исключительно пастырей, ибо иных руководителей тогда у народа не было.

Одинаковое незнание народом и житий Святых замечается, не знают даже жития своего Святого и даже дня памяти его. Следовательно, даже к своему Святому не имеют никакого личного отношения, кроме того, что его именем называются. И это даже у учившихся в школе. Очевидно, от современного поколения далеки все высокие примеры христианской добродетельной жизни, которые без слов способны научить тому же. Сама вера и все христианское упование без всякого книжного научения приближается к душе человека самым целостным образом, живым, а не отвлеченным. На житиях Святых да на Прологах и воспитывались старинные русские люди, и даже не по книжкам, а со слов других. Рассказы о святых были самыми любимыми рассказами, захватывавшими все внимание слушателей и впечатлевавшими слышанное глубоко в душах слушателей. Люди привыкали в своих размышлениях ходить по примерам Святых и даже как бы в их близком присутствии. Так и создавалось благоговейное и богобоязливое чувство в душах наших предков. Оно так и передавалось от поколения к поколению, между прочим, путем научения от житий Святых. Тут же одновременно учились и самой

вере христианской, двигавшей Святых и на жизнь по ней, воодушевлявшей их на исповедничество за Христа в жизни. К глубокому сожалению, теперь такого примерного научения христианству и христианской жизни на житиях Святых нет, а потому нет и того святого воодушевления, которое может дать всякий светлый пример действительной добродетели. Веры своей не знают, закона христианского отчетливо не представляют, светлых образцов веры и добродетели не испытывают. И редко-редко кто сумел бы вразумительно, ясно и отчетливо рассказать свою веру вопрошающему о ней. И это при всеобщей почти грамотности, при общедоступности дешевого книжного рынка, при всяких полезных книгоиздательствах! Невольно напрашивается смущающий вопрос: да что же в таких людях и христианского осталось? Даже по внешним-то приемам и обычаям иногда трудно узнать христианина. Ибо многие креститься не умеют как должно, отмахиваясь рукой вместо истового крестного знамения. Не знают православного обычая принятия благословения Божия от священника или архиерея, отвыкли и от этого. Следовательно, верующим сердцем не понимают истинного значения и силы крестного знамения, которым как Крестом Христовым демонов прогоняем от себя; не понимают и силы благословения священнического, которым благословение Божие призывается. Что же после всего этого говорить о духовной жизни, о благодати Божией и о прочих таинствах нашей веры спасительной?

5. Глубокая вера и чувствительная совесть у народа, мятущаяся при недостатке пастырского руководства

На грустные думы может наводить такая картина действительности. И, однако, это было бы совсем несправедливо или преждевременно. Присмотревшись ближе и пристальнее к самой же действительности народной жизни, мы усмотрим глубокую и живую веру, тонкую нравственную чувствительность и совесть такие, которых не найти и у испытавших Писание и книги о вере. Эта вера без слов светит от души русских людей там, где она нужна и где она проявляется. Это – у народных Святынь, при народных бедствиях, у Святых Таинств церковных, при таком духовном научении, которое душу захватывает и увлекает. Довольно посмотреть на такие проявления веры, даже только на лицо верующего народа, чтобы сказать, что вера в народе сильна, она живет в нем, она бьет ключом, когда это нужно и когда есть для того основание. Что влечет народ за сотни и тысячи верст пешего хождения к народным Святыням или к уединенным старцам подвижникам? Только одна святая и живая вера, а с нею и святая жажда духовного утешения и ободрения.

Наряду с этим монастырские духовники, да и умелые вдумчивые мирские священники с удивлением подмечают трогательную духовную чувствительность, строгую чуткость совести народной. На исповеди с такой аккуратностью и тонкостью рассказывают не только малейшие свои грехи, на которые обычно люди мира сего не обращают внимания, но и самые сокровенные свои помышления как основу греховной жизни. Это уже внутренняя духовная жизнь человека, его внутренняя борьба или то, что составляет главное делание строгих духовных подвижников, на то определивших себя. И все это народ православный проявляет среди суеты житейской; следовательно

– сколько трудной внутренней работы стоит ему это? Все это наблюдается на тех бесчисленных наших благочестивых паломниках, которые с котомками на плечах бывают в святых обителях, вместе с трудовыми грошами оставляя там и свои от совести раскрытые грехи. Это лучшие при всей своей внешней невзрачности русские люди, своим духовным и телесным трудом себя приносящие Богу в жертву живую, как бы от лица всей в корне благочестивой Русской Земли. Начиная с «хождения Даниила Заточника», от всей Земли Русской приносившего лампаду ко Святому Гробу, и до днесь русские богомольцы всегда душевно предстательствуют за всех православных соотечественников, в этом полагая и главную цель своего паломничества наряду со смирением своего духа таким трудом для Господа. Такова душа русского человека в своем основном существе. Она вся способна стоять перед Господом и для сего достойного предстояния Ему способна до самой тонкости испытать и очистить свою совесть, заглядывая во все сокровенные изгибы души, чтобы там не оставить ничего не освещенного светом благодати Божией, но все извести наружу и – как недостойное Бога – выбросить вон от себя.

И при всем том все чаще и чаще наблюдается уродливая, слепая исповедь в народе. Приходят на исповедь и буквально не знают, в чем им каяться. Очевидно, потребность покаяния, а следовательно, и внимательное отношение к своей душе в значительной степени помирались и потеряли свою силу. Но, очевидно, и должного научения тому не было от кого следует, то есть от пастырей и от родителей. Следовательно, наряду с описанной выше тонкой духовной чувствительностью растут поколения такие, которые уже в достаточной степени искалечили свою душу рядом разных условий, погрузивших ее в достаточную грубость и сделавших ее мало чувствительной. Очевидно, в достаточной степени ослабело и то духовное руководство, под которым воспитывалась душа старинных русских людей, когда без совета и благословения отца духовного ничего не делалось, ког-

да к нему шли со своими и житейскими и тем более с душевными затруднениями и смущениями, когда Патерики, Прологи, Златоструи, Маргариты и подобная духовная литература были воспитателями народной совести после Святого Писания и Святых Отцов. Именно этим путем и создавалась та культура духа, которая составляет отличительное и господствующее свойство народной русской души. Именно таким путем умягчалась душа человеческая, на страже которой ставилась бодренная совесть, делавшая всего человека бодрым на дела благие и подвиги благие.

Но это же все приходит в силу, хотя и не в желательном направлении, тогда, когда соприкасается с посторонним влиянием, обращаясь именно к душе человеческой. Таково влияние сектантской проповеди. Правда, в уродливой и опасной форме проявляется тогда духовное пробуждение человека в виде непомерной самодовольной и самоуверенной гордыни от сознания своей спасенности, оправданности и даже святости ради заслуг Христа. Но все-таки это опять заговорил уснувший было дух в человеке. И он первым делом своим поставляет свое исправление, свою исправность, чтобы и соответствовать тому идеалу святости, который в той или иной степени и виде предстал перед душой совращенного в сектантство. Правда, гордыня сектанта не дает ему возможности видеть не исключительно только малейшую соринку в глазу соседа, но и большое бревно в своем глазу; но все-таки перед сознанием человека встают запросы нравственные, требующие своего удовлетворения. В силу этих двух противоположных, но все-таки нравственных влияний душа сектанта, прежде спавшая в своих грехопадениях и пороках, и обращается на искания исправности в жизни, хотя бы и исключительно внешней, как более бросающейся в глаза. Для примера возьмем хотя бы пьяный вопрос. Никакие хозяйственные, медицинские и общественные соображения и основания не имеют в этом деле того значения, какое имеет пробуждение чисто нравственное. В то время как

гражданские попечительные комитеты о народной трезвости не имеют ровно никакого положительного значения, располагая и средствами, и деятелями, и всякими пособиями для насаждения трезвости, в это же время наши церковные общества и братства трезвости, при полном отсутствии средств и деятелей, кроме одного священника, не только возрастают и процветают, но они-то именно и отрезвляют тех, которых коснется отсюда нравственный призыв к трезвости духовной и телесной. Не расчет какой-либо на умеренное и разумное употребление спиртных напитков здесь проповедуется, а исключительно духовная бодрость человека, которая должна сопровождаться и телесной трезвостью его. Значит, и уснувшая душа просыпается, когда ее затронет бодрый нравственный призыв к чистоте и святости. То же самое и у сектантов, только в ином, как сказано, соображении. Призыв к обновлению и очищению прежде всего, а часто и исключительно только, сказывается в призыве к трезвости, которая обязательно требуется от сектанта и которой они погибельно для себя гордятся над православными, безразлично терпящими среди себя и пьяниц. Даже в этом требовании обязательной трезвости для сектанта как истинного, по их пониманию, евангельского духовного христианина, – и в этом очевидно несомненное искание души русского человека строгой определенности в душевном делании как поддержки себе в исправлении своей слабой души, для которой несвойственно такое низкое падение. Ищут люди этой определенности, этой ясности должной для христианина жизни, не найдя ее у освященных и на то поставленных пастырей, охотно поддаются первому сильному влиянию сектантскому, сумевшему определенно, ясно, решительно и душевно явить в доступном виде идеал должной жизни и непрременной трезвости.

Итак, чувствительная к вопросам духа с тонкой совестью душа русского человека, оставленная сама себе без должного руководства, засыпает и грубеет; разбуженная же разнородными влияниями, не

найдя себе руководства и ободрения от поставленных именно и только на то церковных пастырей, легко подпадает под воздействие сектантское, находя в нем то, что все-таки ободряет, примиряет и воодушевляет способную к высоким переживаниям, но ослабевшую во грехе душу.

Вот то, о чем говорит мне наблюдаемая наша народная действительность в рассматриваемом отношении нашего пастырского душепопечительства. Действительность эта, как видно, полна противоречий. По существу она прекрасная почва для нашего пастырства. Но по являемым ее обнаружениям она полна болезней, неправильностей, заблуждений и погибели. Последнее все исключительно от недостатка или неумелости пастырского воздействия, чем в значительной степени обуславливается и сравнительный успех несвойственного смиренной русской душе гордого, как сам сатана, сектантства, исполненного высокомерного презрения к немощам православных, которые ими и признаются за неверующих язычников, еще только нуждающихся в крещении, почему господствующие среди сектантов и называются баптистами, в отличие от всех прочих, еще не крещенных по их учению и не оправданных, хотя бы они были и православными христианами.

6. Постепенность и жизненность пастырских начинаний

О богослужении

Всякий из нас обычно на школьной скамье задается широкими и всеохватывающими планами – непременно перестроить всю жизнь, которая, как кажется, только и ждет таких великих преобразовате-

лей и только без их услуг она и плоха. Но мечты мечтами большей частью и остаются. Ибо их нужно совсем с другого конца исполнять. А именно: не нужно задаваться великими задачами, но к ним приближаться постепенно и совершенно обычным исполнением прямого и простого своего долга. Тогда, наверное, Богу содействующу, преобразуется прежде всего личная жизнь самого высокого деятеля на ниве Христовой, а вместе с тем и именно ради того, наверное, с помощью Божией приведется направить к лучшему многое и в окружающей жизни. Без этого же главного условия все великие и широкие начинания останутся неосуществимыми мечтами, праздными затеями, конец которых – смех. Так и в данном случае. Всякий пастырь, близко принимающий к сердцу врученное ему священническое дело, скорбящий о неустройстве его, пусть постарается исполнять только лишь то, что ближе к нему, что просто и доступно, что проверено опытом многих прежних церковных работников, а лучше сказать – историей всей Христовой Церкви.

Прежде всего он должен сам для себя, а отсюда – и для всего своего священнического дела обратить святое внимание на наше церковное богослужение (эту таинственную область, исполненную назидания, умиления, восторга, поэзии, духовной красоты), низводящее незыблемый мир и духовную бодрость в сердца молящихся, но главнее всего – приводящее их в таинственное и действительное общение с Живым Богом, всякого, конечно, в свою меру веры и усердия. Это такая область, в которой христианин может истинно жить во Христе со всеми Святыми, восходить в этот духовный мир, как бы спускающийся к нам в виде тех икон и прочих святых изображений, которыми расписываются наши храмы (как жаль, что теперь роспись храмов и высокие многоярусные иконостасы отходят в область предания, заменяясь резьбой, позолотой, фигурами, колоннами и прочим). Но для этого таинственного восхождения христианина в храм к Богу пусть все и соответствует такой высокой цели. В храме

и вообще за богослужением все должно быть совершаемо с полным благоговением и стройной чинностью. Посему пусть прежде всего совершитель богослужения будет исполнен искреннего сознания своего предстояния пред Богом впереди всех молящихся и для их и своего душевного спасения. Ни спешности и небрежности, ни невнятности и холодности равнодушной и скучной, ни вычурности и манерности, как в действиях, так и в голосе, быть не должно. Это все будет профанацией святого дела, принижением его, оскорбительным для святого чувства. Все должно совершаться в присутствии Бога, нас к Себе приемлющего, и потому с должной и возможной по средствам торжественностью. Посему и пение должно быть чуждо всякой небрежности, но и чувственной и игровой светскости, которыми заполнилась было наша Церковь в виде отвратительных для сердечной молитвы концертов, которым не должно быть места в храме. Нет, пение должно быть молитвенным, для чего нет распевов лучших, чем распевы знаменные, греческие, болгарские, киевские, валаамские, как созданные не песенными и, может быть, безрелигиозными композиторами, а церковно-народным гением, как порождение молящегося духа народного. Затем, так как в богослужении все свято и исполнено высоких целей, то и выбрасывать это святое и пропускать, по меньшей мере, не благоговейно; и конечно, делается это без достаточного понимания и от лени и небрежности человеческой. Мало того: наше богослужение имеет всегда строго законченный и цельный характер. Посему всякое сокращение его бессмысленное есть нарушение этой цельности и стройности. Что сказали бы меломаны, любители театра, если бы выбросить из пьесы несколько отделений или даже строк? Так для понимающего весь строй богослужения совершенно недопустимо бессмысленное сокращение его. Теперь же дошло дело до того, что можно выслушать совершенно одинаковое богослужение и в Преображение, и в Успение: все характерное и существенное для всякого в отдельности из

сих праздников выброшено, остались одни постоянные части богослужения, одинаково входящие в богослужение всякого праздника, то есть остался один остов богослужения без его характерного для праздника содержания.

Между тем наше богослужение во всей его целостности может дать неиссякаемый источник и для научения народа, да оно и само будет научением и без проповеди. Посему всячески нужно стараться совершать богослужение не только в сельском храме, но и по поселкам, чтобы все имели возможность помолиться, а не отставать от богослужения и не заделываться в беспоповцев. Смотри по местным условиям, можно в одном поселке совершить с вечера бдение, а в селе с утра другое бдение и обедню. Вечером же съездить в другой поселок и совершить там вечерню или акафист с беседой. На неделе же случающиеся праздники тоже можно использовать для богослужения по поселкам. Конечно, все это нужно заблаговременно наметить, оповестить население, чтобы все знали и готовились. Конечно, не без хлопот это будет, и прежде всего по делу о подводе. Обычно говорят, что теперь крестьянин с расчетом и подводы не дает. Но этот-то самый расчет и заставит его дать подводу, только бы он увидел действительное старание для него батюшки, да и смысл и пользу от того для самого себя. Знаю случаи, когда так и было, что сначала крестьяне неохотно давали подводу и даже отказывали, но потом, увидавши для самих себя духовное утешение, никогда не отказывали и даже заранее спрашивали батюшку, когда подавать им подводу.

Затем поставить нужно за правило, чтобы привлекать к участию за богослужением и самих молящихся, как в чтении, так и в пении. Еще лучше, чтобы пение было общим. Это, конечно, затруднительно будет вначале, ибо прежде всего молящиеся от непривычки будут стесняться петь, будут и путать. Но всему учатся и ко всему привыкают. Так и в данном святом деле. Но когда привыкнут и войдут во вкус, а это непременно будет, то никогда уже не отстанут от церковного

пения. Народу общее пение весьма нравится, как об этом свидетельствуют все случаи заведения его. А дело это весьма простое. Руководить им может всякий, знающий простое пение, и пусть такой явится для народа лишь запевалой, конечно после предварительного объяснения этого дела и приглашения со стороны священника. Начинать нужно с простейших молитв и песнопений: Верую, Отче наш, Богородице, ектении и т.д., прибавляя по мере опыта. А потом можно будет приступить и к пению на гласы стихир. Таким путем и в жизнь пойдут церковные песнопения, в старину заполнявшие жизнь народную; и теперь они вытеснят собою все грязные расплодившиеся в народе песни мирские; научат и благоговению в самом поведении. А когда это дело разовьется и к народу привьется, тогда православные уже не пойдут на зазывные соблазны разных сектантов евангеликов и пашковцев. Им будет родным, дорогим и понятным и бодрящим душу свое православное богослужение. Эта великая сила в наших руках. Через богослужение истовое, торжественное, благоговейное воспитывалась в вере и в христианственности вся наша древняя Русь, когда школьное просвещение было слабо и условия жизни были далеко не содействовавшими просвещению. Кроме того, ведь все богослужение, весь чин его, все молитвы и песнопения его – это есть творение богомудрых людей, в молитве и духовном подвиге проводивших жизнь, Господу угодивших и душу свою набожную и богопреданную вложивших в эти свои творения. Значит, их святыми молитвами, их устами, вместе с их душами и молящиеся молятся в церкви за богослужением. А вместе с тем и самый Дух Божий сходит к душам так молящихся, как он был носившимся над молитвенниками Святыми. Таким же путем общенародного пения создастся и общая сосредоточенность в молитве, которой часто не бывает при пении платных певчих с их возможной безучастностью к распеваемому. Затем, таким порядком народ будет ближе вникать в смысл церковных песнопений и естественно заучит и самые молитвы, распе-

вая их за другими, а особенно, если бы устроить пение с канонархом. И какое воодушевление тогда создается у всех молящихся! Подлинно им не захочется и уйти из храма, в котором они так воспевали дивного во Святых Бога и к Нему востекали своею душой. Тут же и дети привыкают петь вместе со взрослыми, а лучше, пожалуй, с них и начинать это дело. Пением непременно должны руководить диаконы и псаломщики. Никто из них не должен ничем отговариваться и тем более лениться. Не умеющих петь псаломщиков не должно быть, как невозможно представить не умеющего играть музыканта. Для сего и устраиваются по епархии краткосрочные для низших клириков курсы пения, чтобы на них могли подучиться и плохо поющие. Пение должно быть простое, особенно общенародное.

Пусть сам священник на богослужение, прежде всего, смотрит, как на свое собственное молитвенное дело, для него спасительное. Тогда он все сделает, чтобы исправить его благоплодно и воодушевленно и для молящихся. Тогда он сумеет и к пению расположить их, и ко всякому участию за богослужением. И тогда богослужение будет источником и средством освящения, и научения, и утешения, и ободрения.

7. Проповедь Евангелия жизни

Затем настоятельно нужно усилить дело проповеди. Конечно, лучше будет изустная проповедь. Особенно в деревнях это просто бы устроить, народ не требовательный, но жаждущий назидания. Пусть бы всякий священник говорил с молящимися совершенно безыскусственно, как пастырь и отец своих духовных чад, наставляя их на жизнь по вере, по Евангелию. Сначала это, конечно, будет трудно, но после первого опыта робость спадет, особенно если проповедник

поставит себе целью говорить как можно проще и душевнее, не задаваясь никакими чрезмерными планами. Если же это невозможно, пусть расскажет чужую проповедь, но прочитает внятно, слышно, выразительно, без вычурностей, с чувством и наглядностью. Содержанием проповеди должна быть не только нравственная жизнь, но и целая катехизация, наставление в христианских истинах и обрядах. Пусть это все будет предлагаемо проще, жизненнее, нагляднее, прочувственнее. Пусть священник поставит себе целью, чтобы пасомые его хоть приблизительно могли рассказать, как и во что они веруют, чтобы взрослые потом и детям это могли передать, научить их жить по-Божьему, научить молитвам. Ведь в старину так и было, что взрослые, научившись от батюшки, да от книг отеческих, да от грамотных людей, в этом и детей своих воспитывали и растили, с детства действительно воцерковляя их христианским научением и воспитанием. Стесняющиеся пастыри пусть для своего ободрения знают, что ведь никак не мудрые, сравнительно с ними, все сектантские начетчики – большей частью простые люди, они умеют назидать своих слушателей, воодушевить их любовью к Евангелию и отвлечь от Матери Церкви. Пусть священники приложат свое старание к этому делу. Для сего пусть обязательно читают Святую Библию – живое слово Божие. Там они найдут и источник воодушевления, и собственного умудрения, и назидания для слушателей судьбами управляющего всеми Промысла Божия, и противовес односторонним вычитываниям сектантским. Пусть чтение Библии, особенно Нового Завета, будет ежедневным благоговейным уроком, пусть оно будет беседой с Самим Богом.

Но не следует ограничиваться только проповедью за литургией. Нет, помня завет святого Апостола Павла святому Апостолу Тимофею (2 Тим. 4, 2), пусть всякий священник помнит, что ему нужно своих духовных чад умудрить во спасение, просветить светом Евангелия Христова, привести ко Христу и сказать ему: *се аз и дети, ихже дал*

ми еси. Поэтому пусть он постарается и за другими богослужениями хоть краткое слово назидания от Евангелия предлагать молящимся, питать их душу хлебом Божиим. Кроме того, непременно нужны внебогослужebные чтения и беседы – в храме, в школе или в ином подходящем месте. Чтения эти нужно разнообразить и оживлять как содержанием их, так и самым ведением чтения. На них уместно и следует завести пение хоровое и общенародное. Тут будет и чтение от Божественного, и рассказ из жизни Святых или из истории поучительной. На сих чтениях удобно может исполняться и сама катехизация народа. Тут может быть и борьба с народным пьянством, и с вольномыслием, и с хулиганством и прочее. На чтениях таких пусть принимают участие не только члены причта, кто как может, но и учителя и учительницы, особенно церковных школ. Тут явятся пособницами и жены, и дети клириков и учителей. Тут и сами учащиеся дети у умелого устроителя чтений будут участвовать в чтениях. Такие чтения следует устраивать не только в селе при храме, но и в приходских деревнях, по очереди их посещая с такой целью, конечно, по вечерам, когда народ бывает свободен от работ. Там, где священник прилагает усердие к этому делу, там чтения привлекают живое внимание и участие прихожан. А это помимо прямого христианского просвещения принесет и косвенную пользу – отвлечет праздных людей от искушения разными соблазнами праздного провождения времени, особенно праздничного. Конечно, следует пожелать, чтобы окружные благочинные наблюдали за таким делом и малодетельных подвигали на дело силой своего авторитета и полномочий, им данных.

Разумеется, пастырская ревность и благоговение перед своим высоким служением и ответственностью подскажут священнику и научат его не ограничиваться только указанными путями и средствами к научению пасомых. При всяком сообщении с прихожанами или отдельными из них, например при требоисправлениях на дому или в

церкви, он найдет возможность и умение сделать соответствующее наставление или проверить степень христианской просвещенности и настроенности прихожан. А случаи браковенчаний и крещений дают возможность и тем более научить пасомых вере. Есть приходы, где собирающиеся быть кумовьями при крестинах или вступить в брак предварительно заявляются к священнику, такой и порядок заведен. И священник испытывает их в знании молитв и только после того ведет окончательный разговор о предстоящем важном деле в жизни. Пусть бы это было и сделалось обязательным правилом и порядком во всяком приходе. Это большую пользу духовную принесло бы приходскому делу. Пусть только помнит священник, что он духовный отец своих чад, чтобы заботиться о них, как о самых родных детях перед вверившим их ему Богом. Да всего и не перечислить, что может помочь священнику христиански устраивать приходскую жизнь. Например, обычно в деревнях между утреней и обедней причт совершает случившиеся требы, а народ не знает, куда ему употребить это время. Вот тут и хорошо бы вести чтения и беседы. Вместо занятых делом священноцерковнослужителей могли бы этим заниматься учительствующие в школах, любители и семейные клириков, конечно под руководством священника. Местами так и бывает, где находится усердие и согласие у всех указанных лиц. На таких чтениях можно и Закону Божию всех учить, и на христианскую жизнь наставлять, и молитвы разучивать, разъяснять и распевать, и на современные веяния и запросы ответы давать, и просто хорошую книжку прочитать на досуге.

8. Содружество ревнителей веры и жизни по вере

Но не следует довольствоваться всем вышесказанным. Непременно нужно проводить все это и в жизнь, чтобы она в разных отношениях и с разных сторон проникалась евангельскими начинаниями. Несомненно, во всяком приходе, даже в самом распропагандированном, найдется много таких, которые скучают и скорбят о всем нехорошем в жизни. Вот с них-то и пусть священник начнет дело церковной миссии. Пусть он соберет около себя таких ревнителей благочестия, христианского научения и книжного доброго чтения. Из них можно составить постепенно как бы миссионерский кружок или кружок ревнителей. Собирая их по временам вместе, беседовать о вере и жизни, читать Слово Божие и о Божественном, возбуждать в них самих ревность о том, чтобы и других привлечь к своему содружеству, научать их, как действовать на других и на кого именно, с какой стороны и что предлагать другим ко вниманию, чтобы возбудить жажду духовной жизни. Десять таких душ постепенно при усердии и умении приведут других десять, а затем придут за ними и сотни; наконец, за общим течением придут и все прихожане. Конечно, это не так будет скоро и легко, как написано в сих словах. Но на то мы, пастыри, и поставлены. Только не следует задаваться большими и быстрыми успехами непременно сразу и на всех подействовать; этого не было даже на примере нашего Первоархиерея Христа. А начавши с нескольких душ, как с малого зерна, с Божьей помощью и своим старанием пастырь возвратит и всех ко Христу – сознательно и деятельно жить перед Ним. По времени дело покажет – не следует ли в таком воодушевленном на добро содружестве сделать подразделения с определенными целями влиять на всю жизнь прихода с разных сторон. Например, старшие могут составить содружество или общество с целью бороться с непорядками в общественной жизни, с хулиганст-

вом и озорством, с шинкарством, воровством и тому подобным. Женщины пусть поставят себе сообща целью следить за добрым поведением детей и молодежи, общим советом и уговорами отводить мужчин от пьянства и т. п. Девицы пусть украшают и за чистотой наблюдают в церкви приходской, предпринимают разные работы на украшение храма, в пользу или помощь бедных и нуждающихся и т.п. Молодцы пусть составляют содружества для изучения Слова Божия, для чтения умных книг, для борьбы с пьянством, для взаимного укрепления в добром поведении с целью привлечь к тому и товарищей, для разумного и хорошего обзаведения сельского хозяйства и т.п. Жизнь и дело постепенно наметят и укажут цели частные; в жизни всегда одно цепляется за другое. Понятно, что в таком деле нужны руководители и вдохновители. Во главе всего дела стоит священник. А ближайшими пособниками ему и должны явиться как прочие клирики и их семейные, так и учительствующие в школах с их семейными, а равно и все образованные в приходе лица. Пусть, например, матушка встанет руководительницей всех крестьянских женщин, как образованная женщина. В прежние времена так и было, что матушка была первой советницей для всех прихожан; к ней прежде всего направлялись и с телесными болезнями, и с семейными начинаниями и дразгами. Матушка для прихожан была действительно как мать родная. Ее авторитет был весьма высок. Да подражает прежней матушке и матушка нынешнего времени: теперь ее дело еще плодотворнее может быть, только бы она приложила старание к тому и любовь возрела в себе к меньшей братии. Пусть она не чуждается крестьянства, не являет себя барыней, а будет проста, приветлива, доступна, внимательна. А образованность ее научит ее, чем она может быть полезна крестьянству темному. Или, например, как было бы полезно, если бы летом, когда все взрослые бывают на работе, а в деревне остаются одни дети да беспомощные старики, – если бы в это время попovны и поповичи взяли под свое покровительство беспризорных

детей, лишь к разным нехорошим привычкам пристращающихся на свободе, по чужим огородам лазящих, а иногда и пожары устраивающих. Таких-то детей и прибрать бы к рукам разумными развлечениями и играми, прогулками, рукоделием, ремеслом и т.п.; а малых, грудных детей, можно бы ухаживать и прямо, как в яслях, – тогда бы не было бы той ужасной смертности детской именно в летнюю пору от неприсмотра, от плохого питания и т.п. И опять всего и не перечить, что можно завести при воодушевлении и усердии. А все это именно и подействует возрождению приходской жизни, всех объединит в одну приходскую семью, из которой никому не захочется уходить куда-либо в сторону. Все это облагородит нравы, поднимет общее благосостояние деревни. А главное – проведет в самую жизнь начала церковности, заветы Евангелия, дух любви и взаимопомощи. И перед этой жизненной стеной рушатся все нападки вольномыслия, сектантства и прочего, враждебного Христу и Церкви; им не к чему будет привязаться в приходской жизни, нечем будет заманить к себе, когда в приходе все устраивается по Евангелию.²¹

9. Благотворительность

Все отъединяющиеся от Церкви общества прежде всего стремятся объединиться между собой и к себе привлечь других на почве благотворительности и взаимопомощи. Да это и естественно, ибо нужда бьет чувствительность всякого и заставляет идти к тем, кто может прийти на помощь. У русских сердце доброе и отзывчивое, но, к сожалению, все это часто проявляется вздор и без толку. Сколько, например, бедная деревня раздаст нищим хлеба в виде милостыни – ломтей хлеба. Правда, нищие-то накормлены. Но иногда настоящие-то нуждающиеся остаются обойденными ради тунеядцев. По-

этому было бы ближе к делу и разумнее – устроить, например, мирскую избу или богадельню, где на общественные подаяния и содержались бы нищие. Сюда всякий охотно приносил бы от своих избытков, и богадельню недорого было бы и содержать. Она была бы мирской. Важно в данном случае то, что и обычная благотворительность будет сосредоточиваться около церкви и священник будет хозяином как всего церковного дела, так и этого. Так создадутся отдельные ячейки или гнезда и всей церковноприходской жизни. Так и вся жизнь устроится по заветам Евангелия, по-церковному. А ведь недостаток этого в нашей приходской жизни прежде всего и заставляет многих искать прибежища и утешения духовного на стороне; и идут люди к раскольникам, к сектантам и даже к освободителям, сплоченным между собой и воодушевленным, по крайней мере вначале, заботой о лучшем в том или другом отношении. Такому порядку и нужно противопоставить наш во многом лучший и превосходнейший порядок церковный – устроить жизнь по Евангелию.

10. Народная школа

Народная школа должна быть в самом серьезном внимании священника. Это катехизаторское училище в самом широком смысле. Здесь священник готовит будущих сознательных членов его приходской семьи. Здесь он полагает начало христианскому просвещению своих духовных чад. Здесь он может заложить в душу своих пасомых добрые начала жизни, добрые навыки навсегда. Так он и должен смотреть на школу, как на начальную и необходимую пособницу ему и Церкви Христовой. Умелым преподаванием, настойчивыми и отеческими напоминаниями, пастырскими беседами с детьми, умелым подбором книг и рассказов как для классного, так и для домашнего

чтения, расположением детей читать Евангелие, жития Святых и подобное, – всем этим священник может приготовить из своих учеников сознательных и деятельных воодушевленных работников церковноприходской миссии. Как это сделать – трудно сказать; пастырская ревность и отеческое заботливое чутье научат пастыря, как это устроить благоднее. Один только совет надлежит помнить – не относиться к школьному делу чисто формально, холодно, только по обязанности. Нет, пусть это будет возгрето отеческой ответственностью перед Богом за вверенные души. Тогда из школы будут выходить и добрые ревностные христиане, сознательно и горячо верующие, и борцы за веру и Церковь против неверия, вольномыслия, раскола, сектантства, нетрезвости, хулиганства и прочего. Подметивши душевные способности некоторых из школьников, священник и сознательно может готовить из своих учеников умелых и начитанных миссионеров в приходе. А кроме того, все доброе из школы дети принесут домой и здесь могут явиться и живыми проводниками пастырских начинаний в народную жизнь. Через них священник может благотворно действовать на всю жизнь народную. Особенно это нужно сказать об ученицах – девочках. Женщины по природе своей больше склонны к религиозности. Тем более набожность разовьется в девочке, если умело и внимательно стараться воспитать ее в христианском духе. А она потом будет матерью семейства и сумеет похристиански воспитать своих детей, с детства прививая им все христианские начала жизни. Особенно красноречиво свидетельствует о сем наша древнерусская жизнь, когда именно мать и была главной и почти единственной воспитательницей своих детей, ибо тогда не было современных учебных и воспитательных заведений. О том же свидетельствует и практика католического духовенства, которое усердно старается прежде всего забрать под свое влияние и руководство школьное дело. И через школу именно больше оно и ведет свою пропаганду католичества в нашем западном крае. Ибо ведь справед-

ливо сказано: что посеешь с детства, то и пожнешь в жизни. Поэтому-то и наши освободители так горячо ухватились за школьное дело и спешат забрать его в свои руки, стараясь отстранить духовенство. Осужден будет от Господа тот пастырь, который, забывая свой пастырский долг, окажется невнимателен к школьному делу, и еще более осудится, если по лености или намеренно опустит из своего прихода церковноприходскую школу – первую свою помощницу в пастырстве. Да, отцы и братие, душу свою всякому священнику нужно вкладывать в приходскую школу, чтобы с молодых лет не выпустить пасомых из своих рук, а, напротив, и их воспитать добрыми христианами и через них влиять на всю приходскую жизнь.

11. Библиотека, читальня и вообще о печатном слове

Обычно клин клином и вышибается. Так и с врагами нашими следует бороться их же оружием. Обычно все враги Церкви действуют через печатное слово. Дешево распродается, а часто и вовсе бесплатно раздается всякая враждебная Церкви и вере литература. Так действуют как освободители, так и сектанты. Поэтому все меры нужно приложить к тому, чтобы заводить при церквях и школах доступные и интересные для народа библиотеки и читальни. Интерес к книге и вообще к печатному слову теперь весьма возбуждился. Пусть только это печатное слово будет созидательным, а не разрушительным. А созидательная добрая литература теперь весьма богата. Небольшие средства на это всегда можно изыскать на месте – в церкви, у благодетелей, сбором с прихожан. А потом постепенно увеличивать состав библиотеки, выписывая такие прежде всего издания, которые отвечают на потребности времени и прихода и несомненно возбуждают интерес у читателей и их слушателей. А возбудится этот ин-

терес, тогда и средств прихожане не пожалеют, лишь бы прочесть занятную книжку. Конечно, трудно крестьянину дать на это деньгами, хотя и немного, а хлебом при сборе его он даст много больше; собранный хлеб можно продать и на вырученные деньги выписывать книги, журналы и прочие издания; таким же путем и вообще лучше и ближе к делу собирать средства и на прочие полезные заведения в приходе. Постепенно можно будет затем завести и читальню народную в школе, в сторожке или еще где-либо. Конечно, все это должно быть под наблюдением и попечением священника. Но при расширении дела найдутся и помощники даже из простых крестьян, которые с охотой, старанием и умением будут наблюдать – кто за библиотекой, кто за читальней, кто еще за чем-либо в таком же роде. Выдаваемые на прочтения книги, конечно, должны быть записаны в особую книгу, чтобы не пропадали и возвращались в целости и сохранности. Умело оборудованная библиотека, хотя бы и в малом своем составе, принесет великую пользу в деле всякого доброго просвещения в народе. Так исподволь, не задаваясь широкими планами, и следует ее заводить во всяком приходе. Наряду с этим следует обратить внимание самое высокое к раздаче и распродаже разных религиозно-нравственных листков. Известны по своей распространенности и народности листки: Троицкие, Почаевские, Воскресного дня, Кормчаго, Братские (Петроградского Миссионерного Совета) и другие. При московском книгоиздательстве «Верность» издаются очень маленькие и весьма дешевые книжечки. Вот такими дешевыми изданиями и можно пользоваться в деле. В церкви всегда найдется 3–5 рублей свободных, а с них можно купить 1–2 тысячи указанных изданий самого разнообразного содержания. Конечно, для раздачи народу этого количества недостаточно. Но и такие листки могут иметь влияние на весь приход и сделать большое дело, если священник умело и с разбором будет их давать при каких-либо важных случаях или после какой-либо беседы серьезной с отдельными прихожанами, прося их не-

пременно прочесть листок и другим. Известно, что заинтересовавшая прихожан книжка, листок, газета или журнал из рук в руки передаются по приходу и всех занимают. Так будет и в данном случае, если дать собеседнику именно то, что его ближе в данный момент касается, чтобы ответить ему на душевный его запрос. При такой раздаче и 1–2 тысячи листов разойдутся по всему приходу в течение года и принесут большую пользу. Пастырская ревность и умение научат священника, как проверить, читают ли и другим передают ли листки и книжки получившие их. Заинтересуются прихожане подобными изданиями – наверное, и покупать их будут. А тогда постепенно может составляться капитал и на расширение всего книжного дела: купить листок за 1 копейку – недорого, а при гуртовой выписке листов это составит уже значительную прибыль, и так дело постепенно разрастется, было бы старание. Местами, наверное, найдутся, хотя и не крупные, и жертвователи на это полезное дело. Наверное, не откажутся пожертвовать и крестьяне, конечно хлебом, который можно продать на деньги.

12. Борьба с пьянством

Общества трезвости

По нуждам нашего времени более, чем когда-либо, необходима настойчивая и разносторонняя борьба с ужасающим народным пьянством. Размеры и виды этого зла нашей страны всем известны, и сельским, и вообще пастырям Церкви более, чем кому-либо. Известны и наглядны все худые последствия этого горя и в семейной, и в народной жизни. И болезни, и расстройства семейной жизни, и бед-

ность, и упадок хозяйства, и некультурность, и убийства, и драки, и скандалы – все это в значительной степени, если не почти исключительно, плод пьянства. Упадок благочестия, невоспитанность общая и религиозная у детей, неимение средств на самые неотложные просветительные и благотворительные или иные полезные общественные и личные дела – опять тоже от пьянства. Золотой человек и по характеру, и по работоспособности совершенно пропадает и погибает, делается невыносимым и нетерпимым для жизни, когда предается пьянству. И наоборот, не узнать человека, когда он бросает, хотя и с борьбой, этот свой бесовский недуг. Даже внешний вид его совершенно изменяется, не говоря уже о внутреннем его настроении. Такой воспрянувший духом трезвенник действительно приходит в себя, возвращается и к делу, и к Богу. Это он и сам сознает, и другие видят в нем. Это все прекрасно сознает и сам наш русский простой народ. При поездках по епархии приходилось встречать в этом отношении трогательные картины. Когда беседуешь с крестьянами о пьянстве, особенно на деревенских праздниках, то не только женщины, эти истинные страдальцы ради мужицкого пьянства, но сами мужчины горячо выкрикивали из толпы мольбы похлопотать, чтобы закрыли у них винную лавку, от которой они погибают ради своей слабости. Крестьяне одного селения представили мне свой общественный приговор, сполна всеми подписанный, о закрытии у них винной лавки. Подавали они приговор в прошлом году, пришел отказ на это. Они, однако, тотчас же на другой день по получении отказа снова составили приговор о том же. Народ сам сознает ужасный вред от пьянства, но глубоко сознает и слабость своего характера – устоять против близкого и заманчивого искушения. В этой своей беспомощности он ищет себе всякой помощи и поддержки на стороне. И наш пастырский долг – прийти к нему на помощь, взять в свои руки выношенное народным горем его желание бороться с пьянством. И там, где священник понимает и принимает это к сердцу, там начинается,

сначала неуверенно и робко, а потом все смелее и бодрее, общество трезвости. Общества трезвости церковные – это истинные спасительные маяки среди нашей темной действительности. Прямой долг священников – взять в свои руки все более и более пробуждающееся в народе желание отрезвиться, встать во главе этого движения и около себя под покровом приходского храма объединить всех ищущих трезвости. Здесь необходим первый совет в данном деле: не записывать сразу на большие сроки. Ослабевшую волю нетрезвенника нужно постепенно укреплять и приводить в бодрость. Поэтому пусть сначала выдержит короткий, например месячный, срок трезвости; выдержавши, пусть записывается на новый срок, наконец, на более продолжительный, пока такой борьбой со своей привычкой постепенно не победит ее. Если он после такого краткого срока и не выдержит и непременно напьется ради слабости своей воли, то совесть его не так замучит, как замучила бы, если бы он среди длинного срока обещания не выдержал и запил. Тогда он от уныния счел бы себя совсем безнадежным и уже перестал бы и думать о трезвости. А бывают случаи, что не выдержавшие продолжительного срока и мучимые своей совестью от отчаяния прямо готовы в петлю. Да, великую силу имеет молитва и обещание молитвенное перед Господом Богом. Эта сила превосходно выше всяких хороших разговоров о трезвости и о вреде пьянства и алкоголя. Весьма ободряющее значение имеет и самое имя «Общество трезвости»: значит, отрезвляющийся не один, а в многолюдном обществе, у которого и беда, и добрая цель одна и та же. Постепенно создается бодрящее воодушевление в «Обществе», число членов прибывает, это еще большую бодрость придает всем. Общее воодушевление сейчас же вызывает к жизни и на дело всевозможные добрые начинания для укрепления начал трезвости, для взаимной поддержки на начатом добром и трудном пути, а вместе и как проявление пробуждающейся правильной жизнедеятельности. Находится и помещение для собраний «Общества», и дело, вместе с

ростом «Общества» расширяющееся, заводятся чтения, туманные картины, библиотека, читальня, книжная торговля, школа для христианского воспитания и обучения детей, между прочим и в началах трезвости, воскресная школа для взрослых, мастерские для трезвенников, встающих на ноги, открываются приюты, богадельни, больницы, лечебницы, для взаимного утешения и ободрения устраиваются богомоления, крестные ходы, поездки и путешествия по святым местам, деятельное участие в богослужении и т.д. и т.п., смотря по составу трезвенников и по местным и временным условиям. Ведь с ничего началось и Петроградское Александро-Невское Общество трезвости, а теперь это – великое дело. Радостно и ободрительно смотреть и на добрый и сравнительно быстрый рост и развитие и Новгородского Иоанно-Предтеченского Общества трезвости под руководством усердного о. Александра Ваученского. Отцы и братие! Возьмем все за это неотложное и доброе дело трезвости. Пусть всякий священник, конечно прежде всего сам, являя пример трезвости и борясь с этой слабостью, если сам ее имеет, – пусть всякий священник в своем приходе начинает дело трезвости, подражая другим, сначала в самых скромных размерах, но без робости и не падая духом при возможных незадачах и неуспехе: терпение и труд все перетрут. Пять или десять трезвенников в приходе, при их и священника усердии и сочувствии горю других, привлекут и десятки, а потом и сотни, а сотни составят тысячи и миллионы. И общим воодушевлением и трудом, общей борьбой убит будет зеленый отвратительный погубительный змий, расплзшийся по лицу Земли Русской. Для дела поставляйте и себя, и всех отрезвляющихся перед Господом Богом с молитвенным обещанием пред Ним и с прошением о Его помощи. И Бог сделает Свое, видя наше к Нему моление, наше на Него упование. И возродится наша родная жизнь и процветет яко крин в поле, и свет велий узрят многие, совсем было погибавшие от пьянства. Итак, из любви к Отечеству, с Божиею помощью дружно на врага се-

го поспешим, в поход против пьянства. С этой стороны непременно следует обратить внимание и на детей, еще на школьной скамье всячески воспитывая их в сознательном отвращении к вину, чтобы они и в жизнь выходили трезвенниками и борцами за трезвость.

13. Народные богомоления и паломничества

По поводу борьбы с пьянством заговорил я о народных богомолениях. Это вопрос весьма важный. Влияние на народ таких народных торжественных богомолений весьма велико и несомненно. Особенно, если такие богомоления устраиваются вовремя, с предварительной подготовкой, с личным воодушевлением священника. Нужно пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вызвать народ на это. Засуха, ненастье затяжное, мор скота, червь напал на хлеб и т.п. – все это дает священнику повод обратиться к душе своих прихожан, чтобы возбудить в них дух сокрушения, искание Божьего заступления, желание молиться Ему и его Угодникам. Концом этого и будет нарочитое богомоление, поднятие икон в деревне, крестный ход вокруг села или на поле и т.п. Тут и место проповеди, и общенародному пению, и обещание на трезвость, и усердие на общее доброе дело и т.п.! Вовремя устроенное, все это будет иметь весьма важное значение и надолго сохранится с благоговением в народной памяти. Такое же значение имеют и путешествия по святым местам. Издревле это было весьма воспитывающим средством на Святой Руси. К народным святыням нес наш народ и горе, и радость. У народных же святынь он заполучал и выносил в жизнь все высокое и святое. Хорошо известно, с каким благоговением хранит набожный человек вынесенную из святой обители икону, крестик, листок, книжечку, расписанную ложку деревянную, даже камешек с реки или источника. А с каким благоговением и набожностью вспоминает он все, что слышал

и видел там хорошего, какое слово сказал ему духовник или какой-либо отец из братии, даже гостинник монастырский. Это все и нужно использовать священнику в пастырском деле. Как бы было хорошо устраивать общенародные, конечно из усердствующих только, путешествия к местным святыням. Как бы хорошо привлечь и увлечь на это и школьников. Прочитайте у покойного народного труженика С. А. Рачинского описание паломничества его со школьниками к преподобному Нилу Столбенскому. Без сердечного волнения нельзя читать эти дивные строки. А как дорого было это паломничество для детских душ, и сказать нельзя. Выбрать бы заранее удобное и свободное от полевых работ время, собраться всем усердствующим в церковь, помолиться и идти вместе в обитель к Угоднику или к Владычице. На дорогу запастись книжками, житиями, рассказами, а если можно, то живыми из прихожан же рассказчиками. По дороге знакомить с достопримечательностями, с историей из народной жизни и т.п. И время, и трудная дальняя дорога покажутся незаметными, веселыми и легкими. А в попутных церквях и часовнях останавливаться и устраивать богомоления вместе с местными жителями, делиться впечатлениями, привлекать их к своему делу. Да ведь это богатейшее дело по своим жизненно-христианским последствиям. Припоминаю, как новгородские трезвенники уже несколько лет подряд в день Вознесения Господня совершали крестный ход за десять верст к преподобному Савве Вишерскому. А летом 1909 года на двух пароходах устроили паломничество в г. Старую Руссу. Все это с молитвой, с пением, с назиданием. Это такое сильное впечатление на всех участников производит, что крестный ход с каждым годом привлекает все больше богомольцев, несмотря на то, что этот молитвенный день начинается обедней в 5 часов утра в городе и оканчивается возвращением в город около 5 часов вечера после обедни и крестного хода в Саввином монастыре. А паломничество новгородских трезвенников в г. Старую Руссу подняло на таковое же паломничество к новгородским

святыням старорусских трезвенников, и тоже на двух пароходах. Все такие народные паломничества и экскурсии поначалу как будто трудно устраивать; а потом первый же опыт научит многому, и дело наладится прекрасно. Припоминается мне наблюдение японской жизни. Там это дело весьма развито в народе даже самом простом. Кончились полевые работы у крестьян, и поднимается деревня в путь из разных концов Японии. Путешествуют и одиночно, но больше партиями для удобства и дешевизны. И крестьяне, и крестьянки, и старые, и малые посетят все достопримечательности в том или другом городе или округе страны, побывают у всех своих заветных языческих мест и храмов, все высмотрят, все заметят, чему можно поучиться у других, и домой возвращаются довольные путешествием, богатые воспоминаниями и впечатлениями, приносят с собой или редкости, или полезные вещи и т.п. И от этого, между прочим, самая жизнь деревни японской возвышается и улучшается. Не хуже же мы и не беднее духовными дарованиями, чем японцы. Напротив, скажу по истинной правде на основании своих наблюдений не только над японцами, но и над другими народами: наш русский народ весьма богато одарен, способен на все высокое и доброе, и при случае все это проявляется так богато, как ни у кого. Но беда наша в том, что на все это богатство природы народной мы не обращаем внимания, не пускаем все это в дело, действуем вразброд без определенных планов и намерений. Итак, со вниманием и усердно возьмемся за это дело и увидим богатый плод от того. Так и религиозное чувство возбудим и поднимем, и с народными святыми познакомим и сродним, и родную историю приблизим к народной душе, и общее благосостояние народной жизни поднимем, и от многого праздного и дурного отвлечем, и вообще в жизнь вложим серьезность и сознательность. Не могу без волнения представить эту величественную картину воодушевленных народных паломничеств при разумном руководстве священника или еще кого-либо понимающего и усердствующего.

14. Приходские праздники

По однохарактерности дела нельзя обойти и еще одного предмета. Есть у духовенства старинный обычай приезжать друг к другу на праздник сельский. Обыкновенно это делается только лишь для праздничного развлечения среди однообразной деревенской жизни. Вот этим обычаем и хорошо бы воспользоваться для дела церковного. Хорошо бы причтам соседних церквей при возможности приезжать на сельский праздник, чтобы принять участие в праздничном богослужении, в крестном ходе, в проповеди собирающемуся во множестве народу. В некоторые праздники в соседних селах и богослужения не бывает, так что причты свободны; а когда бывает неотложное богослужение, то можно приезжать к концу богослужения. Для народа такое общение соборного духовенства в молитве весьма важно. Польза от этого усугубится еще проповедничеством съехавшихся священников. В юго-западном крае борьба с воинствующим католичеством научила духовенство весьма усердно пользоваться этим средством. Там даже нарочно приглашают известных проповедников и усердно утешают во множестве собирающийся народ и богослужением, и проповедью, и раздачей листков, и дешевой продажей книг и брошюр. Тогда, наверное, и народ не будет так пьянственно проводить сельские праздники, как это в обычае. Конечно, духовенство само должно показывать пример в этом отношении. А потом после богослужения всем съехавшимся и открыть бы пастырское совещание о всех недоуменных или интересных вопросах пастырской жизни и деятельности. Тут многое можно решить и наметить общим советом в самой непосредственной братской беседе. Например, жалуются теперь часто, что многие из прихожан редко ходят в церковь или и совсем не ходят, многие давно не исповедуются и т.п. А между тем 80-е правило VI Вселенского Собора гласит: «аще кто епископ,

или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, или мирянин, не имея никакой настоятельной нужды или препятствия, которым надолго был бы устранен от своей церкви, но пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжение трех седмиц не придет в церковное собрание, то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения». Вот на подобных пастырских собраниях и обсудить бы это дело. Тут сопастыри порассказали бы о своем опыте в таких случаях, что они со своей стороны предпринимали и как поступали. Тогда и другие увидели бы, что, может быть, часто такая неисправность прихожан бывает и от самого пастыря, от того, что он в свое время со своей стороны ничего не сделал для уврачевания и для исправления греха. Тут обсудили бы и вопрос об отпадающих от Церкви или в сектантство, или в раскол, или в вольномыслие. Изыскали бы один за другим и согласные меры для таких случаев. Тут одобрили и воодушевили бы на дело друг друга. Конечно, об этом писать легче, чем завести и устроить подобное. Но опять повторяю: без труда и никакое дело не заводится. А теперь время не такое, чтобы нам всем пастырям сидеть сложа руки или рассчитывать на миссионеров приезжих. Миссионеру не угоняться по всем селам и деревням, да настроения и движений в приходе он никогда и не узнает при своих временных наездах. Поэтому всякому священнику нужно быть на страже своего приходского дела, чтобы какой-либо волк не похитил хотя одну из его овец. А миссионер будет только пособником и руководителем в миссионерском и вообще приходском деле, когда сил приходского священника недостаточно. Поэтому-то и нужно всем пастырям и самостоятельно, и сообща изыскивать все, что только может помочь пастырствованию. Как на одно из таких средств я и указываю теперь в виде пастырских собраний по поводу сельских праздников. В некоторых местах это уже и заведено. На таких собраниях выяснится вопрос и о библиотеке с читальней, и о том, какие книги и руководства нужны для борьбы с современными

веяниями и движениями в народной жизни, какие издания действительно полезными оказались и на деле и т.п. Это понятно само собой. Я напоминаю об этом только для того, чтобы возбудить у кого-либо, а если Бог поможет, то и у всех пастырей желание воспользоваться таким совершенно обыденным делом и использовать его для Церкви, для пастырства, для исправления разных недочетов. Даже все, что доселе я изложил в данных письмах, и это все может быть с пользой всесторонне рассмотрено на таких пастырских собраниях, на которых выяснится, что много уже и на деле оправдалось, а многое нужно заводить несколько иначе и т.п. Такое же значение могут иметь и наши монастырские праздники.

15. Нынешний соблазн о видимости сектантского благочестия

Конечно, не обрисовать всего, что нужно и полезно для приходской жизни, для успеха в ней веры Христовой. Ибо это все необъемлемо силами человеческими, как дело духа Божия, разнообразно и многосторонне. Но этой цели я и не имею в виду. Мое намерение – поделиться с пастырями Церкви Божией всем, что приходит на сердце как необходимое и многополезное по настоящему времени. Одно только всегда имею в виду и желаю всем другим вложить в сердце: нужно нам, отцы и братие, стоять впереди народа, чтобы руководить им, чтобы иметь в своем влиянии, чтобы не забрали его в свою власть враги Церкви и Христа, чтобы нам за это не быть в тяжком ответе перед Богом и перед людьми в истории. После бурного периода всяких переворотов теперь народ сильно ищет определенности, уравновешенности, ясного пути жизни, средств к разумному человеческому существованию на земле перед Богом. И находятся учителя, которые так или иначе уже вместо нас отвечают на народные запро-

сы. И смотрите, многие достойные сожаления православные, омытые Пречистой Кровью Христовой, идут в погибель, прикрытую евангельской будто бы видимостью. Так и над нами исполняется грозное слово Господне к народу Израильскому: *два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды* (Иер. 2, 13). А ведь эти-то водоемы имеют библейскую видимость. Ведь в сектантство соблазняют будто бы на основании Св. Библии – Слова Божия. А между тем у всякого ли пастыря и Библия-то есть? Вот и рассуди всякий сам со своею перед Богом совестью: не будешь ли ты виновен, что у тебя разумные овцы стада Христова ослабевают в благочестии, теряют веру, предаются пьянству, распутству, душегубству, уловляются в раскол и секту и т.п.? Сделал ли ты со своей стороны все, что нужно? Даже, узнал ли у других, что нужно для дела и что уже некоторым помогло даже и отпадших возвратить в Церковь? Уверен по себе, что никто не скажет, что он все со своей стороны сделал. А если так, то и будь внимателен и ищи случая воодушевиться на пастырство, умудриться в пастырствовании, найти совет и указание у более опытных людей, приложи все это к делу.

16. Священник-миссионер

Да не речет опять кто-либо после всего сказанного, что это все составляет преимущественно дело особых миссионеров. Нет, помимо того, что это было бы и на деле вовсе не осуществимо, так как миссионеры, как их много не будь, только наезжие и случайные для прихода люди. Если пастырство и по существу есть апостольство, то это следует сказать теперь более, чем когда-либо прежде, исключая времена начала веры в каждом народе. Теперь новое язычество в раз-

ных самых благовидных и культурных формах посягает на самые основы веры в Христа Спаса. Оно стремится заменить собою христианскую закваску жизни христианских народов. Для сего оно с особым расчетом покровительствует временно всякому иному исповеданию, всякому сектантству, всякой иной вере, только бы в России развалить господствующее Православие, а во Франции господствующее католичество, в уверенности, что после того ему со всеми иными верованиями и толками и считаться уже не придется: они сами исчезнут в своей внутренней бессмыслице. А посему и пастырям Церкви надлежит принять это к сведению и возложить на себя церковное послушание миссионерствования среди современных условий жизни в христианской стране. Поэтому нельзя благодушно выжидать, что приедет миссионер и своими беседами всех уговорит остаться в Православии. Нет, пусть всякий священник на месте сам постарается все прежде сделать для христианского просвещения пасомых, для наставления их на жизнь по Евангелию, для уврачевания ослабевших в исполнении христианского долга, для вразумления смущаемых и уклоняющихся от Церкви, а следовательно, и от Христа Жизнодавца. По истинной правде не должно бы быть существующего теперь такого порядка, что епархиальное начальство представляет к приходскому священнику на увещание заявивших о своем намерении уйти из Церкви в раскол или сектантство. Нет, пастырь сам должен знать всякую свою овцу, все меры принять и других прихожан привлечь к тому, чтобы смущаемые не уклонились от двора Христова. И только уже действительно, когда все его личные старания исчерпаны и оказались недостаточными, тогда просить помощи миссионера и епархиального начальства. Например, в случаях отпадения в раскол обычно говорят, что отпадают не православные, а те, что только числились в Церкви, а сами были раскольниками. Но что же доселе со своей стороны сделал для таких слабых священник? Какие со своей стороны принимал меры, чтобы такие люди не уклоня-

лись от посещения богослужения, от исповеди и Причастия? Почему он доселе ни словом не сообщил епархиальному начальству о таком беспорядке в его приходе как о скорби своей пастырской? Конечно, отписаться на бумаге можно, но будет ли это по правде? Тем более не должно быть таких случаев, чтобы приезжий миссионер докладывал священнику, что у него в приходе появился сектант и смущает других. Нет, священник должен бодро следить за настроением в своем приходе и делать все, что есть в его силах и распоряжении для сохранения овец стада от волков, губящих их. А с недоумениями своими, или за советом, или с сообщениями о беспорядках или начавшемся новом движении в приходе пусть всякий священник спешит сообщить руководителям епархиальной миссии, чтобы получить от них указание и помощь. Только после того все спокойно предавать в руки Божии. Предавать же в руки Божии самому, мало соработничая Христу, нельзя, не извинительно, не разумно. Только *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы; яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10).

17. Различные обнаружения церковности в деревне и в городе

Все доселе мною высказанное, разумеется, в своем виде выполнимо в деревне и в своем виде приложимо к городу. Пастырская осмотрительность подскажет городскому священнику, что и как можно осуществить в городских или посадских условиях жизни. Важно, чтобы приходской священник был во главе и впереди своей паствы, чтобы она не отделялась, не удалялась от него не только в своих прегрешениях, но даже и в самых лучших своих начинаниях. Пусть и городской пастырь явится хозяином и руководителем всей христианской жизни своей паствы. Нарочитую в этом отношении деятельность и

он должен начинать, прежде всего, с тех христиан, которые не по имени таковы, которые сами льнут ко всему набожному и ищут, как бы лучше осуществить в своей жизни заветы Евангелия. С них, их объединения около приходского храма пусть и начинается он упорядочение и украшение богослужения и храма, благотворительность, трезвость и т.д. Пусть вначале это будет малая лишь дружина, но под руководством усердного и боящегося Бога пастыря и эта малая дружина сумеет воодушевить других, возвратит к Церкви и тех, которые уже почти или совсем отпали от нее. Важно, прежде всего, то, чтобы ярко и высоко была поставлена цель для дела, это – приведение всех *в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), чтобы сие мудрствовалося во всех, *еже и во Христе Иисусе*, так, чтобы *Бог был действующий в христианах, и еже хотети, и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 5, 13), *да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован* (2 Тим. 3, 17), чтобы исполнялось над всяким христианином слово Святого Апостола Иоанна Богослова: *и вы помазание имате от Святаго и весте вся* (1 Ин. 2, 20). Пусть в сердце всякого христианина нетленными буквами будут написаны следующие высокие слова Святого Апостола Павла: *Христос же за всех умре, да живущии не к тому себе живут, но умершему за них и воскресшему. Темже и мы отныне ни единого ведем по плоти; аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем. Темже аще кто во Христе, нова тварь; древняя мимоидоша, се быша вся нова. Всяческая же от Бога, примирившаго нас Себе Иисус Христом и давшего нам служение примирения; зане Бог бе во Христе мир примиряя Себе, не вменя им согрешений их и положив в нас слово примирения. По Христе убо молим, яко Богу молящу нами, молим по Христе: примиритесь с Богом. Не ведевшаго бо греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. 5, 15–21). Пусть эти же слова святого Апостола Павла будут путеводной звездой и для самого пастыря, проходящего именно служение примирения людей с Богом, приведения снова всех к Богу, всех отпадших от Него, *еда ка-*

ко даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети, живи уловлены от него в свою его волю (2 Тим. 2, 25–26).

18. Евангелие Христово должно быть закваской всей жизни по нему

Как видим, по существу своему церковная жизнь совершенно противоположна жизни мира. Как церковная жизнь, так и церковная деятельность есть строение духовного царства совести и правды. В тех же самых условиях, в которых проходит вся жизнь мирская, по завету Христа Спасителя нужно устраивать порядки царства чистоты, любви и праведности высокой. И Сам Он – Господь наш и Учитель – среди мира жил и действовал и Свое Царство Божие уподоблял закваске, вложенной в смешение муки с водой. Так и должно быть, чтобы начала жизни по духу Евангелия заквасили все смешения жизни человеческой, претворивши ее из богопротивной в богопреданную. Недостатком именно этого часто объясняется и нарождение разных сект. Начало их всегда почти полагают люди, ищущие именно религии совести, то есть веры, оправдываемой в жизни верующих. Правда, потом это протестующее против сложившегося уклада настроение почти всегда сбивается с дороги и вырождается в полное сектантство. Но все-таки вина того есть и в сокрытии под спудом света, светло сияющего в жизни Церкви и в отдельных высоких носителях Духа Христова. Так свеча остается под спудом, а ходящие в темноте естественно бранят хозяев за сокрытие света и как бы ненависть к нему. И откроем эту свечу, поставим ее на высоком *свещнице*, да светит всем, иже в храме Дома Божия суть (Мф. 5, 15). Пусть свет Христов просвещает всякого человека, грядущего в мир, всякий уголок и отрасль жизни этого мира. Пусть учителя Царствия Божия проникают во все области именно как носители духа Евангельского,

чуждого обычно-житейского духа. Тогда внешнее все будет управляться внутренним, не внешним каким-либо правом, а внутренней правдой, которую нельзя обойти, как обходят всякое внешнее право, когда то бывает нужно. Делом следует явить всему внешнему для Церкви миру, что все чаяния и искания лучших людей мира сего – искания правды жизни исполнимы только в Церкви, как носительнице вверенной ей от Христа жизни новой евангельской. Пусть на самом церковном деле, охватившем силой своей все отправления жизни мира, пусть на этом все увидят, что искомое ими есть именно у нас – в евангельском духе чистоты, любви и правды, что, попросту говоря, они ищут на стороне, как идеального и высокого, тех самых рукавиц, которые у нас и у них за поясом, ибо все то доброе, что влекло их по дебрям неведомых исканий, к сожалению часто доводя их до ненормальностей, они могли бы получить от Церкви, от христианства, от Евангелия, которое не желает допустить, чтобы могло существовать что-либо из созданного Богом доброго, не находящегося у Него; *все, еже дает Мне Отец, ко Мне приидет* (Ин. 6, 37).

19. Оцерковление жизни во всех ее отправлениях

Поэтому-то, опять повторяю, теперь священство есть вместе с тем и апостольство. Теперь пастырю настает долг не только поддерживать ревность о душевном спасении в пасомых, но и внедрять таковую в сердца и многих христиан вместо прежнего окаменения. Он обязан на деле, в самой жизни, воцерковить тех, которые отлучаются от Христа часто по полному неведению Его, ими же всюду искомого. Из таковых современный пастырь обязан приобретать новых деятельных сынов Христу, сея в их сердца семя евангельского учения. Понятно, что для этого требуется много труда и высокие полномо-

чия. Поэтому-то святой Апостол Павел даже своему ученику святому Апостолу Тимофею настоятельно воспоминает: *возгревати дар Божий, живущий в нем возложением руку его* – Павла (2 Тим. 1, 6). Да возгревает и всякий пастырь Церкви сей дар благодати священничества, молитвенно в смирении поставляя себя пред Первоархиреем Христом. Пусть и его, как Моисея голос из тернового куста некогда, сознание и чувство неотложно от Бога возложенной и им добровольно воспринятой обязанности *пастыи Церковь Господа и Бога* (Деян. 20, 28) подвигнет бороться с целой вселенной, в слепоте восстающей на своего Создателя и Вседержителя. Вместе с тем, пастырь Церкви пусть смиренно сознает себя лишь ратником, воином великого воинства, одним из многих носителей и выразителей не своей, но Божией силы, победоносно исполняющей чрез неодолимую адовыми вратами Церковь спасительные предначертания Божественного Промысла – домостроительства спасения. Ходя и работая в этом настроении, пусть пастырь Церкви пребывает бодрым, уверенный, что и после его кончины не перестанет действовать та сила, одним из носителей которой и он является во времени, – сила Церкви с живущим в ней Христом, по неложному Его обетованию в Евангелии. Овец Моих, сказал Господь в Евангелии, *не восхитит никтоже от руки Моея. Отец Мой, Иже даде Мне, болий всех есть, и никтоже может восхитити их от руки Отца Моего* (Ин. 10, 28–29). Пусть во имя Христово и пастырь пребывает уверенным, что стадо, пасомое и охраняемое им от врагов, есть стадо не его собственное, но то же стадо Христово, которое в Нем и в Отце Его имеет свою охрану и чрез то дает и земному пастырю дерзновенную надежду на победоносный исход духовной борьбы. Это-то именно и делает способным пастыря Церкви спострадать и сраспинаться своей пастве. Ибо как у отдельного христианина, так и у всего общества церковного одна забота и цель – это духовное постепенное возрождение в одном цельном и вполне определенном настроении, вмещающем в себя всю сущность еван-

гельского закона. С положительной стороны это есть постепенно проясняющееся предвкушение Царства Небесного – общения с Богом и ближними в любви, ибо Царствие Божие есть *праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17). А с отрицательной стороны жизнь христианского подвижника есть скорбь о своей греховности, борьба с нею и постепенная духовная победа над ней. Вот в этом великом и неустанном деле пастырь Церкви и является сострадающим своей пастве, сраспинающимся ей против греха во имя Христово, ибо духовное возрождение, как и телесное рождение, болезненно и трудно. В этом задача его пастырской деятельности, для этого он нужен пастве и всякому отдельному христианину, уподобляясь великому святому Апостолу Павлу, сказавшему своим ученикам: *дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19).

20. Благодатная почва для Евангелия в духе русского народа

Для такого пастырствования в нашей Русской Православной стране почва более благодатная, чем где-либо. Природная глубокая богобоязливость Русского народа, его покорность Божественному Промышлению как самому действительному закону жизни, его скромность и смиренномудрие, чуждое всякого высокомерия, внушаемого со стороны, его несравненная горячая жажда веры и духовного набожного утешения, его умиленное искание подвига и труда Господа ради и чтобы «душеньку спасти», его жалостливость к несчастным, забывающая личные невзгоды и трудности жизни, его задушевность в общении со всяким и чужим человеком, как с родным братом, именно от утонченного сознания святого братства всех во Христе, его богомольность и духовное сокрушение сердечное – все

это такое богатство, которое само бросается в глаза всякому непредубежденному наблюдателю. Это-то духовное наше богатство и надлежит нам изнести блистательно на свет Божий, чтобы не воспользовались им другие. Недаром лучшие люди и лучшие писатели заграницы с упованием засматриваются на русский народ, от него именно ожидая проявления жизненного света Христова во всей его светлости, давно уже утраченного инославными народами, идущими, так сказать, лишь по трафарету христианства, силы же его не имеющими и не могущими найти снова (2 Тим. 3, 5). Да, без вредной гордости, но с радостным и твердым упованием мы можем и должны сказать, что обладаем истинным светом жизни, который есть чистая, непорочная наша Святая Православная вера Христова как Евангелие Царствия. Припоминается по этому поводу рассказ в сочинениях Преосвященного Харьковского архиепископа Антония: «Мы стояли с католическим ксендзом невдали от одного знаменитого южно-русского монастыря; гудел тысячепудовый колокол, и пестрая тысячная разнокалиберная толпа представителей всей сотни русских губерний дружно потянулась из гостиниц в прекрасный собор на вершину живописнейшей горы. Мы говорили что-то о польском вопросе, причем ксендз, вопреки обычаю, разоткровенничался в своих суждениях о России. «Ну посмотрите, посмотрите! – вскричал он, указывая на открывшуюся грандиозную картину. – Если бы да нам эти лавры и соборы, что имеют дурни-москали, то мы взяли бы всю вашу Русь и увели бы, как Моисей Израиля, куда бы только захотели. Мы бы унесли ее на небо, как на орлиных крыльях, а вы сидите сложа руки, как сидели прежде, и будете сидеть, пока штунда и раскол не оберет вас до последнего человека». (2-й том, с. 414–415) Да, стоит над чем задуматься по поводу приведенных слов постороннего нам наблюдателя. И эту воистину Святую Русь уже не расхищают ли на наших глазах всякие в овечьей шкуре, прикидывающиеся носителями евангельского духа, силы же его отметшиися? Восстанем на них

силой этого самого Евангелия Христова и поведем ко Христу Спасу наш народ верующий, богопреданный и любящий Христа Иисуса Сладчайшего.

Помните, отцы и братие, что как прошло и исчезло религиозное смятение последних лет, заменившись сильным религиозным воодушевлением народным за самое последнее время на наших глазах, так по времени уляжется и оно, это религиозное воодушевление, и уляжется в спокойную жизнь. Тогда в жизни самой будет проявляться то, что нажили люди за время особенно повышенного их духовного состояния. Вот тогда-то, при более спокойном течении религиозной жизни, пусть народ наш окажется в Церкви Святой Православной, как уже насыщенный именно нами, служителями ее от Христовой непорочной веры Евангельской. Пусть они, как подобает здоровому уравновешенному человеку, пьют воду чистую и живую из водоемов неразбитых – от Церкви Святой, как привыкшие от нее лишь получать себе всякое назидание и руководство. Пусть они не окажутся тогда в числе отделяющихся от Церкви сектантов, именующих себя евангеликами, а появившихся всего только полусотню лет тому назад. Пусть ради нашего невнимания и неответа на их душевные теперь запросы, пусть тогда они не окажутся уже привыкшими к сектантским собраниям, как услаждавшим в свое время их слух и утешавшим сердце мятущееся. Да не будет того, чтобы кто прельстил их не покориться истине. А для сего да преднаписан будет пред очима их Иисус Христос – в нас и в них распят (Гал. 3, 1).

21. Пастырские посещения домов прихожан

При прочтении этого заголовка многие, вероятно, с недоумением скажут или подумают: да есть ли когда нам делать это? У нас те-

перь так много всяких требований от вас – и немедленных и обязательных и экстренных, что только успеть бы отписаться. Да и приходы наши разбросаны, сколько времени нужно на разъезды, лошадь не у всякого есть своя.

Конечно, отчасти это все и справедливо. Но, говоря по совести-то, ведь находится же время и в гости к кому-либо сходить, да и нередко, а в праздник-то непременно: успевают и к соседу съездить, побывать да время провести разнообразно. И, конечно, там в гостях-то вовсе мало бывает бесед и дел чисто пастырских. Напротив, там именно это-то вовсе и забывается, там спешат забытья от своей обычной работы, всю ее часто полагая в требоисправлениях и бумажной отписке туда-сюда.

Вот хотя бы всего только это время и употребить на посещение домов прихожан. Это ведь тоже было бы своего рода хождение в гости. Ибо кто же не рад будет принять к себе такого дорогого гостя, как батюшка?! Да и кроме того: поехал батюшка в какую-либо деревню с требой, вот и воспользоваться бы сим случаем – зайти там в один-другой дом, да и побеседовать с остающимися дома православными, расспросить их о житейских делах, незаметно перейти отсюда и к делам душевным. И как рады были бы православные таким посещениям батюшки! Я не могу поверить нареканиям самого духовенства на себя, что прихожане будто бы сторонятся священника, который-де за всякое свое посещение только и знает пятаки собирать. Но даже если и унизились мы до этого, то и следа не осталось бы от таких опасений, если бы сам народ на деле увидел, что священник не только за требамы для собирания пятак ходит по домам.

По сходству с сим расскажу о своих посещениях домов христиан, когда приводил мне Господь в Японии сотрудничать в миссионерстве покойному славному Апостолу нашего времени архиепископу Николаю (умер 3 февраля 1912 г.). У меня там был такой порядок заведен. В будни ежедневно с 5 часов вечера я ходил по домам христи-

ан. Вечером обычно уже сравнительно все свободны от занятий житейских. Сначала, конечно, знакомлюсь со всеми в семье. Узнаю, когда и при каких обстоятельствах и где приняли христианство, от кого, когда дети крещены, если не коренные жители, то почему сюда переселились, как там жили, как там веру соблюдали, как здесь исправны в хождении в церковь, в исполнении христианского долга. Из разговоров выясняется постепенно подробная картина и семейного, и хозяйственного положения посещаемого дома, их благочестие, их твердость в вере... И вот среди обычного простого угощения чаем и начинается, и продолжается пастырская беседа, начавшись иногда совершенно обычной беседой о предметах житейских. Тут и высказываешь слушателям и назидание, и ободрение, и обличение, и вразумление, и радость, и угрозы. Тут расскажешь и о жизни первых христиан, о Святых и о молитве. Тут побеседуешь и о вере, проверишь и знание молитв, научишь и христианским обычаям в жизни... Незаметно идет такая беседа. И сам, и слушатели заняты ею душевно. Бывает, что и поплачут при обличениях. Бывает, что и сам с ними и за них поплачешь и посетуешь. И как благодарны за такие посещения христиане! Смотря по обстоятельствам, вечером часов до 9-10 и побываешь в трех-четырех домах, разбросанных по разным концам города среди подавляющего господства языческого населения. Без сердечной отрады не могу вспоминать эти чудные хождения по домам христиан. Только такими хождениями я постепенно нашел затерявшихся в громадном городе Осака христиан, узнал их состояние, собрал около церкви и воодушевил на общую работу для успеха проповеди о спасении всех во Христе. Не более десяти душ собралось в церковь сначала, а потом число их все увеличивалось, постепенно заполнивши всю церковь. Вместо одного псаломщика, на клиросе с удовольствием распевали мужчины и женщины большим хором, находя время и для спевков среди обычного японского трудолюбия и при непризнании в Японии наших православных праздников.

Вот такой опыт и приложить бы хоть в некоторой степени к нашим приходам, хотя бы только в праздничные дни. И сколько несравнимого ни с чем духовного утешения было бы у всякого пастыря от таких посещений! Да при обычной нашей народной общительности для сего не потребовалось бы и ходить отдельно по домам: только бы узнали православные, что батюшка пришел к тому-то и беседует, что можно и другим там побывать, – полна изба людей! И польется беседа рекой, беседа самая душевная, откровенная, как перед Богом. Тут все выскажут, все свои скорби поведают, обо всем спросят. И таким простым порядком весь приход у пастыря в сердце и на руках будет.

Для той же цели нужно пользоваться и всяким посещением домов с требами, и особенно с постной молитвой. Покойный священник родного моего села обыкновенно, ходя по домам, например, на святках, на Святой, между прочим попросту ребятишек выспросит: знают ли молитвы, у молодежи допросит, почему редко в церкви бывают и прочее, и тут же всем по-отечески, а иногда и строгонько, и выговор сделает. И пользовался этот священник уважением от прихожан, к нему за советом ходили во всех, особенно важных, случаях жизни и личной, и семейной. И сим примером следует воспользоваться для целей пастырства. Да и нетрудно это. И многое худое исчезает из жизни христиан.

22. Научение обрядам и обычаям церковным

В четвертом письме было сказано, что в последнее время народ будто разучивается строго держать и исполнять церковные обряды и обычаи. Говорить много о важности такого дела не приходится. Строгость и стройность содержания и исполнения церковных обря-

дов и обычаев объединяет всех повсюду православных христиан. Ибо во всех обрядах при всей их внешности содержится глубокий догматический и нравственный смысл, который и некнижным делается через это понятен и некнижных делает осмысленными в христианском уповании. Поэтому и небрежное, неправильное и невнимательное исполнение церковных обрядов и обычаев равносильно тому, как если бы неправильно читать, излагать и толковать письменно изложенное христианское упование о спасении. Что же после этого и говорить о том, как крайне неблагоговейно неправильное или небрежное исполнение обрядов и обычаев церковных ?!

Доброе старое время все это прекрасно понимало и содержало. Поэтому тогда и пастыри, и родители одинаково заботились о научении детей всем церковным обрядам и обычаям. Вместе с развитием сознания у ребенка уже учат его правильному изображению крестного знамения, потом простейшим молитвам, а вместе и другим обычаям. Дети видят сызмальства, как взрослые, входя в дом, первоначально трижды помолятся перед образами, конечно снявши шапку, а потом уже здороваются по-доброму со всеми в доме и по приглашению старших садятся к столу беседовать. Видят дети, как утром и вечером старшие исправно молятся перед образами, а на праздники и лампадку перед ними засвечивают. Видят, как старшие и дома, и на улице приветствуют священника, при первой же возможности спеша принять от него Божие благословение. Видят, как старшие у церкви или у иных священных мест творят крестное знамение, а проходящих почтительно и ласково приветствуют. Видят, как взрослые перед всяким делом прежде помолятся или, по крайней мере, перекрестятся. Видят все это дети и сами на примере взрослых научаются делать то же. Так из рода в род передавалась эта святая истовость и чинность в народе, исполнявшая особым духом благоговения всю жизнь народную, создававшая в нем святую набожность, чуткое хождение перед Вездеприсущим Богом. Путем такой обрядовой истовости и са-

мое настроение души народной получало тот благодатный дух, за который по справедливости народ Русский назван богоносным, а вся страна наша – Русью Святой, привлекавшей к себе удивленное, но невольного благоговения исполненное внимание иноземцев.

И все это было делом духовных руководителей народа – священников, ставивших своею священной обязанностью – научить свою духовную паству всему церковному поведению, пользовавшихся для сего научения всяким временем и случаем. Теперь же родители, как показывает наблюдение, и сами редко соблюдают церковные обряды и обычаи, и тем более не приучают к ним детей своих. А это, несомненно, потому, что и пастыри о том не учат взрослых, не внушают им такую святую заботу о научении детей и, мало того, вовсе не следят за тем, как взрослые-то исполняют все указанное.

Очевидно, отцам духовным и нужно взять на свое попечение это святое дело. Кроме проповеди с церковной кафедры при всяком удобном случае следует внушать важность и необходимость соблюдения тех или иных церковных обрядов и обычаев, а равно и приучать к тому и детей: какой труд при связанной с тем или другим праздником службе наблюсти, как православные подходят ко Кресту, как крестятся, принимают благословение у священника. Тут же и сделать соответствующее научение, попутно выспросивши и молитвы у детей, да и у молодежи, последнюю укоривши за незнание молитв и прочее и угрозивши недопущением к кумовству при крещении детей и даже к совершению брака. Знаю приходы, где умелым и настойчивым трудом священники добились, что последняя угроза имела самые благие последствия.

Упразднился, кажется, везде добрый обычай – благословляться весной при начатии полевых работ. И, может быть, не потому ли, что теперь редко кто из духовенства занимается полевыми работами, все дальше уходя от народа и с этой стороны, а вместе с тем таким путем все больше теряя нравственное влияние на народ. А, меж-

ду тем, как бы было хорошо подсказать умело прихожанам святость такого дела; только бы увидали в истовом совершении молебна над полями и душу молящуюся, возблагодарят щедрее даже, чем по предварительному уговору. Смотрите, с каким усердием и благоговением несет народ свои сбережения в обители, где он видит внимание к себе и истовое богомоление, но сим богомолением на полях как благодарно может воспользоваться священник для воодушевления народа на набожное поведение перед Великим Богом, в природе раскрывающимся!

А как плодотворно можно бы воспользоваться для всякого научения на благочестие временем исповеди! Дожидаясь очереди исповеди, сидят обычно православные тут же в церкви и от скуки занимаются часто вовсе не полезными разговорами, а ребята тут же и шалостями занимают время. Тут пусть и выступают по поручению священника младшие члены клира: они читают с народом молитвы и заучивают их, учатся церковному простому пению, читают жития Святых, Пролог и подобное. Можно даже катехизацию вести, хотя бы по книжкам. Тут же хорошо рассказывать и вычитывать о том, как детей воспитывать, приучать их к молитве и ко всякому церковному поведению. Тут же с имеющими вступить в наступающем году в брак можно и об этом побеседовать, научивши их необходимым христианским молитвам.

Так все это просто, а между тем так это все плодотворно может быть использовано при желании и усердии. И достоверно знаю, что есть много таких священников, которые с успехом все это давно и к делу прилагают. И процветает у них приходская жизнь и деятельность. Там при наученности прихожан всему – духовность, и сестричества, и братства, и трезвость, и благотворительность, и просвещение... И все усердием священника около храма и под сенью храма, милостью Божией! Да будет сие всюду во славу Божию и во спасение душ людских!

23. Тайна христианского благочестия – воодушевление пастыря Церкви

Святочное приветствие духовенству Пермской епархии

Отцы и братие! Все мы хорошо научились знать всю спасительную важность Рождественных Христа Спаса праздников. Ибо бесспорно – великая благочестия тайна, что Бог явился во плоти. Великий Бог, от века промышляющий о своем создании – человеке, помогавший ему побеждать злокозненного древнего врага человеческого спасения – диавола, – Сей Великий Бог Сам напоследок времен явился человеком посреди людей, чтобы и Самому принять на Себя все злостное восстание диавола на естество человеческое.

Правда, когда совершилось это великое чудо снисхождения Бога к людям, то почти одна только неразумная природа ответствовала своим пристальным и благоговейным вниманием. Именно неодушевленная природа устремила свой взор яркой и необычной звездой с востока, животные теплым дыханием волов и овнов согревали от зимнего холода Тело рожденного Богомладенца Иисуса, Которому не нашлось места среди людей. Род же человеческий пребывал в обычном усыплении духа и не заметил того, что заметила природа. И только немногие души скромных пастырей да богомудрых волхвов смирились перед снисшедшим к людям Богом и припали к Его яслям.

Но прошло время и времена, и мир преклонился перед Богочеловеком Иисусом Христом. И теперь славит из года в год это обнищание Бога. Для христианина дороги и любезны ясли Христа, вертеп скотский, где Он возлег, брошенный целым миром. Теперь из года в год все мы радуемся и торжествуем Рождество Христа Спаса, святые дни. И приветствуем друг друга с праздником, радуясь тому,

что мы христиане, что ради нас Сын Божий сделался Сыном Девы Марии, нам всем своим Человеком. Ибо веруем несомненно, что через Него и мы Своими сделались Богу, как говорит святой Апостол Павел: твердое основание Божие стоит, имея печать сию: познал Господь Своих. Но твердо знаем, по тому же Апостолу, и для чего это произошло: *да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа* (2 Тим. 2, 19).

Так в празднике Рождества Христова мы празднуем и торжествуем свою собственную свободу духовного приближения к Богу – Творцу. Мы знаем теперь, что Бог не только наш Творец, далекий от нас и гневающийся на нас за наше богоотступничество. Нет, Он близок к нам. Он любит нас до величайшего снисхождения к нам Сына Его Единородного. Мы видели и познали эту Божественную спасительную любовь Его к нам и веруем, что только в ней, в приближении к Богу и наше спасение от того зла, которое нас всюду окружает. Это вражеское зло всюду нас соблазняет, искушает и ставит нам препятствия на пути к Богу. Темная сила вражеская всюду нас преследует своими чарами. Но все это только попутное, а не подлинная жизнь и блаженство человека. Посему мы все это теперь ни во что вменяем ради превосходства познания Христа Иисуса Господа нашего, чтобы приобрести Его (Флп. 3, 8).

И совершилось, и совершается, и будет совершаться это величайшее чудо возрождения и обожения человеческого естества верой во Христа. Началось оно мученичеством и продолжается всем христианским подвижничеством в разных его проявлениях. Оно в той святости духа человеческого, до которой доходили и доходят свободным подвигом верующие в Христа Сына Божия вочеловечившегося. Это торжество не только Христа в людях над диаволом и всей силой темной, нет, это торжество и победа самого человека над темной силой и самим сатаной – князем мира сего. Христос, победивший его на Кресте Своею смертью, теперь побеждает его, сатану, в самую го-

лову подвигом верующих в Него, во Христа. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия победа, победившая мир, есть вера наша. Так мы веруем, и, веруя, эту самую свою веру мы и торжествуем и празднуем в святые дни Рождественных Спаса праздников.

Возлюбленные о Господе отцы и братие! Исполнимся сами такой нашей верой во Христа, чтобы, ею дыша и ею водясь в жизни, и других всех наших пасомых ею приводить ко Христу, для всякой человеческой души и в мир сей на диавола пришедшему. Да будет сия вера святой дыханием нашего духа, смыслом нашей жизни, воодушевляющим началом в нашем пастырствовании. Да бежит далеко-далеко к самому диаволу все несовместимое с этой верой, все унижающее ее, а через это оскверняющее и наше христианское и пастырское призвание. Об этом напоминает нам всякий год праздник Рождества Христова, обновляя тем в нашем сознании нашу спасительную веру. Но сия вера и сие воодушевление верой в Бога, во плоти явившегося, да будет нашим постоянным воодушевлением, с которым мы проходили бы победоносно мимо всех соблазнов темной силы по пути до Самого Господа.

И как бы был близок к нам Христос Господь, если бы все пастыри Церкви были проникнуты такой святой заботой. Как бы преуспевало дело Христово в нас и в людях, если бы все работники на ниве церковной, благоговей перед своим пастырским спасительным служением, взаимно охраняли друг друга от всех соблазнов силы темной, братски отводили бы от ее сетей. Если же кто не послушает слова, того, по Апостолу, имели бы на замечании и не сообщались бы с ним, чтобы устыдить его (2 Сол. 3, 14). Ибо при виде всего не создающего дела спасения пасомых плакать надлежит всем нам, дабы изъят был из среды нас соделавший такое дело, которое унижает нашу веру и отвращает людей от Бога (1 Кор. 5, 2). Почему и советует Апостол словом Писания: *извергните развращенного из среды вас* (1 Кор. 5, 13).

Да не будет нужды всем, но да будет общей всех святой заботой, чтобы без взаимного преткновения *единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа* (Рим. 15, 6), чтобы никто не желал хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для нас мир распят и мы для мира, чтобы всем нам, которые поступаем по сему правилу, был мир и милость (Гал. 6, 14–16). О сем самом главном будем всякой молитвой и прошением молиться во всякое время духом; и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, дабы я смело проповедовал, как мне должно (Еф. 6, 18–20).

Пермь. 12 декабря 1914 года, день святителя Спиридона, епископа Тримифунтского

24. Заключение

В одном месте своей «Христианской науки» блаженный Августин говорит: «Пять только хлебов было у Апостолов; но когда их стали раздавать во имя любви голодным, то остатков собрали двенадцать корзин; поэтому буду и я делиться малым запасом своей духовной опытности, чтобы тем умножить любовь и самый ее запас». Этими словами блаженного Августина руководился и я в своих кончающихся теперь письмах о бодренном нашем общем соработничестве Христу, Великому Первоархиерею и Спасителю. «Аще что не дописал», покройте то своею любовью и дополните своею опытностью, а все примите к сердцу и возгрейте в нем тот дар священничества, который все мы – пастыри Христовой Церкви – получаем преизобильно от Раздаятеля всяких благ. Да не будет он в ком-либо из нас яко

свеча под спудом, но да светит всем, иже в храмине суть (Мф. 5, 15). Да дерзаем мы в свое время сказать вместе со Святым Апостолом Павлом ко всем своим христианам: *послание бо наше вы есте, написаное в сердцах наших, знаемое и прочитаемое от всех человек; являеми, яко есте послание Христово служеное нами, написано не чернилом, но Духом Бога Жива, не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердца плотяных. Надеяние же таково имамы Христом к Богу, не тако довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но доволство наше от Бога, Иже и удоволи нас служители быти Нову Завету, ни писмени, но духу: писма бо убивает, а дух животворит... Имуще убо таково упование, многим дерзновением действуем... Господь же Дух есть; а идеже Дух Господень, ту свобода. Мы же вси откровенным лицом славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа (2 Кор. 3, 2–6, 12, 17–18). Сею свободою духа о Господе действовали все до нас бывшие церковные праведники труженики – Угодники Господни, к Нему дерзновенно возлетавшие в своих созерцаниях и других к Нему же поднимавшие на крыльях своей высокой христианской свободы духа. Им и последуем в своем церковном делании; да с ними прославимся от Господа и вместе с трудолюбным рабом притчи услышим радостный глас Господень: *добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего (Мф. 25, 21). Аминь.**

Наша церковно-народная жизнь как она есть²²

**Размышления епископа, возвратившегося
из путешествия по епархии**

1. Благоговение народное перед архиерейским саном

Всякий год обычно приводит Бог сделать не менее двух путешествий для посещения православных приходов епархии. В течение двух-трех недель всякого путешествия можно бывает посетить не менее двадцати преимущественно сельских приходских церквей. Таким образом, приходится за короткое время видеть несколько десятков мест, побывать в стольких же церковных общинах, входить хотя в кратковременное общение с людьми иных условий жизни и иных разносторонних местных влияний. Люблю я такие путешествия. Иногда и погода не благоприятствует, и дороги трудные, тем более, что в большинстве случаев приходится проезжать по типичному проселку, почему сопровождающие чины полиции обычно предупреждают, что с трудом можно проехать. Обычно и поднимаюсь с места каждый день рано – с 6–7 часов утра, кончаю же осенью часов около 7 вечера, редко позднее за полнейшей непроглядной тьмой, весной же приходилось кончать и около полуночи. Сна приходилось иметь не более 6 часов в сутки; целый день нужно

трястись в открытом экипаже от церкви до церкви с остановками в попутных деревнях, где крестьяне встречают обычно хлебом-солью в своих часовнях. Целый день в напряжении, ежедневно приходится говорить громко не менее шести часов, причем в поучениях приспособливаться к местным требованиям, о которых умело и неумело докладывают в своих рапортах сопровождающие благочинные. И, однако, при всем этом я совершенно обновляюсь духом и телом за такие по видимости трудные путешествия. Конечно, много значит в данном случае и пребывание по целым дням на чистом воздухе, которым так мало приходится дышать в обычной обстановке нашей архиерейской жизни.

Но самое главное в данном случае имеет благотворное влияние сама смена впечатлений, соприкосновение с новыми лицами, тот праздник, который если не у причтов, опасющихся ревизии, то несомненно у православного народа создает прибытие архиерея, и то воодушевление и даже молитвенное и торжественное благоговение, какое приходится принимать архиерею от встречающего народа. Даже по пути крестьяне, завидевши проезжающего архиерея, сбегают из самых дальних углов своих полей на дорогу, побросавши свои работы полевые, позабывши и свою усталость, и как один человек опускаются на колени, нимало не беспокоясь, что стоят в самой грязи. Многие плачут, даже и мужчины; все набожно и благоговейно крестятся, когда получают даже издали благословение. А с каким благоговением разделяют крестьяне благословленный и отведенный архиереем ими же принесенный хлеб! Или с какой трогательной благодарностью выслушивают они благожелательные расспросы об их крестьянском хозяйстве! А как благоговейно встречают они «со кресты и хоругви» в своем приходском храме, увлекая с собой и всех детей своих! Все набожно крестятся, многие плачут от благоговейной радости. Многие и таяся, и открыто просят совета, молитв, готовы тут же исповедать всю свою душу, умоляют принять от них –

кто полотенце, кто деньги, кто даже иконку или еще что-либо от святого места принесенное. Да всего подобного и не перечесть. И все это до глубины души трогает, настраивая ее на благоговейный и торжественный тон от сознания раскрывающегося перед тобой благодатного Царства Божия из глубин смиренного, простого, по видимости грубого, а на деле нежного и мягкого народа русского. Это ли не счастье – быть участником в таком явлении духа и силы! Это ли не самое жизненное ободрение для архиерея от соприкосновения с самой живой народной верой! Это ли не богатый источник для воодушевления на новые и новые труды пастырствования среди такого церковного народа! Да, среди всего этого и быть не может ни малейшей усталости. Скажу более: даже удивляешься, когда спрашивают о ней добрые люди. Да разве возможно уставать на таком веселом празднике веры? Нет и нет. И благодарю Бога, приводящего переживать все это и участвовать на таких праздниках.

2. По видимости все обстоит благополучно

Перейдем и к тем наблюдениям, которые приходится делать над видимым в посещаемых церквях.

По внешней видимости обычно, конечно, все везде найдено в порядке и исправности, ибо к приезду архиерея всегда и самые неисправные стараются все привести в благоприличие; и только разве иногда можно подметить на некоторых мелочах, что порядок навен на скорую руку во всех отношениях. Да кроме того, в течение нескольких часов пребывания в каждой церкви трудно рассмотреть все с полным вниманием. Большим же временем, к сожалению, мы не можем располагать при своих путешествиях по церквям епархии. И это не одна отговорка, а сущая правда: ведь в это время там, в городе

заведенная машина епархиального управления не может быть оставлена без ущерба для всего дела. Итак, о всех почти посещаемых церквях можно бывает сказать, что церкви содержатся в чистоте и благоукрашенности, некоторые же и в полном благолепии. За редкими исключениями теперь во всех церквях имеются певчие – любители из взрослых и школьников, к сожалению часто подражающие малоцерковным наемным хорам городских церквей, усвоивших неправильный и бесцветный бахметевский распев и всякие концертные «птички». Но утешительно в этом отношении то, что теперь в большинстве случаев руководителями певчих бывают псаломщики или диаконы и даже священники, у которых есть подручные помощники, да и пение хотя с трудом, но постепенно принимает более упорядоченный и церковный характер. Это несомненное следствие неоднократных за последние пять лет напоминаний духовенству епархии о том, чтобы клирики считали своей обязанностью устраивать хоровое и церковное пение. Прежде же чаще приходилось видеть мирян управителями хоров, тогда как псаломщики иногда не могли даже участвовать в хоре по полной неспособности к тому, как это ни странно; ибо что же это за псаломщик, который и петь не способен. По видимости и причты везде найдены исправными в своем деле и поведении. Церковные Летописи и богослужебные журналы везде ведутся в исправности, и даже редко можно подметить, что записаны они лишь к приезду архиерея. Богослужебные журналы свидетельствуют, конечно без посторонних свидетелей, и о том, что духовенство усердно проповедует Слово Божие как в храме, так и по приходским деревням. Везде и народ усердно собирается к встрече архиерея по предварительному зову своего пастыря. Непременно собирались и учащиеся школ, как церковных, так и гражданских, вместе с учащими. Во многих случаях учащиеся приходили даже из отдаленных от церкви школ, – и это несмотря на холод, дождь и грязь. Народ везде с благоговением встречает архиерея, как носителя великой

благодати Божией, как святителя Христова и даже (о, наше недостойнство и нищета!) как святого. В попутных деревнях почти везде крестьяне собираются у часовен, просят благословить и окропить принесенной ими Святой Водой хлеб-соль. Часто же у всякого дома по деревне вынесены и поставлены на украшенном столике иконы и хлеб-соль для того же архиерейского освящения. И это одинаково как в праздники, так и в будни, несмотря на рабочую пору и ненастную погоду. В некоторых же селениях, особенно торговых, по случаю прибытия архиерея украшают дома национальными флагами, церковные же ворота почти везде украшают зеленью, по дороге под ноги бросают траву и цветы или постилают холсты. Все это, конечно, весьма трогательно, умилительно и утешительно, судя только по одной внешности. Отношение же народа к архиерею истинно подобно отношению детей к своим дорогим родителям.

Да не подумает кто, что мы – архиереи – только этим и довольствуемся, что почти упиваемся всем описанным почетом и преклонением народа пред нами. Конечно, много силы духа нужно иметь, чтобы ко всему этому быть совершенно равнодушным и встречаемое преклонение переносить на Самого нашего Великого Архиерея Христа. Но мы ведь тут же получаем и разочарование, когда встречаемся и с отрицательными сторонами жизни как клира, так и мирян. Тогда больно бывает на душе. Тогда невольно чувствуешь и свою собственную немощь и недостойнство носить великое служение апостольское здесь на земле, освященной стопами ног Самого Христа Жизнодавца, вручившего нам искупленное Им достояние Божие – верующий в Него народ христианский. Тогда бывает не до упоения встречаемым почетом и преклонением народа перед архиереем... Но это все незримо происходит в душе архиерея да в его соответствующих разговорах с иереями и прочими клириками. Видимость же по-прежнему остается торжественная и величественная, набожная и молитвенная.

3. Безотрадное в религиозном и житейском быту народном

Итак, наблюдаемая архиереем при его путешествиях по епархии внешность, кратко изображенная выше, все-таки является большей частью отрадной: в большинстве случаев все обстоит благополучно, чему оставалось бы только радоваться даже до сознания, что жизнь христианская полна верности заветам Евангелия Христова.

Между тем жизнь сама по себе, жизнь как она есть – эта действительная жизнь не дает оснований для такой радости. Она явственно свидетельствует о своем духовном понижении, может быть угрожающем полным разложением ее. И вот тут-то с грустью приходится всматриваться в то малое отрадное духовное содержание, которое проглядывает из описанной видимости или о котором приходится догадываться на основании видимого. Имея такие наблюдения, с грустью приходится отметить следующее.

Недостаток даже простейшего христианского просвещения в народе – вот что прежде всего приходится отметить. Светские, конечно, этому тотчас же обрадуются и скажут, что народ наш невежествен, не умеет отличить Троицы от Богородицы, знает только суеверия, а не веру, и т. п. Да умолкнут таковые, и для собственного смирения пусть они сами себе дадут отчет: да сами-то знают ли хоть что-нибудь в вере христианской, да знают ли даже молитвы-то, которыми следовало бы и им молиться, чего они, наверное, однако, не делают... Но оставим таковых самим себе. Будем же говорить только о нашем простом народе. Не говорю о взрослых, – даже учащиеся в разных школах дети не знают молитв, Священной Истории, начатков веры. Отрадные же исключения в этом отношении очень редки, к сожалению. Не знают житий Святых, имена которых носят, даже дней памяти их не знают. И это при всеобщем-то обучении, тогда как прежде при высмеиваемом прогрессистами мраке и невежестве все

это прекрасно знали и все могли сознательно рассказать и прочесть. Не развито сознательной привычки молиться дома утром и вечером, почему за лето, не ходя в школу, почти все дети вовсе забывают выученные в школе зимой молитвы. Не заметно и зачатков любви и обычая благочестивого – читать Слово Божие, хотя бы Евангелие. Не заметно и строго сознательного держания благочестивых обычаев старины. Например, в храм большей частью входят не помолвившись в притворе или трапезной части церкви с установленным числом поклонов, хотя бы поясных; в церкви стоят христиане обоих полов вместе на обеих сторонах, часто оглядываясь рассеянно кругом. Мимо храма часто проходят не перекрестившись. Весьма-весьма часто и взрослые и дети не умеют подходить под благословение, – очевидно, и священники не считают нужным непременно благословлять пасомых при встрече с ними, не приучают брать благословение и детей. Часто бросается в глаза и неправильно совершаемое крестное знамение. Даже взрослые часто не молятся при входе в дом и даже шапки не снимают, о молодом поколении не приходится и говорить с этой стороны. Богослужение и в великие праздники посещают редко многие из христиан, летом же в рабочую пору почти и вовсе не ходят в церковь. Долг исповеди и Святого Причастия уже многие не исполняют по нескольку лет. Слышно, что и посты не со всей строгостью соблюдаются, в чем пример берет народ, конечно, у образованных и вообще чиновного люда; ибо теперь даже урядник и почтарь считают себя образованными и почитают предрассудком поститься. К священникам уже многие не с должным уважением относятся, даже и на улице часто не кланяются, тем более не благословляются, да и священники, особенно молодые, не считают долгом непременно благословлять и тем призывать и Божие благословение на свое духовное чадо.

Отсутствие всего этого отпечатка набожности грустно отражается и в жизни народной. Общая теперь жалоба на народное пьянст-

во, на безобразное, даже со смертоубийствами и непременно с драками, проведение деревенских праздников, разгул, особенно молодежи, деревенские посиделки, часто толкающие молодежь на беспутство, падение семейных нравов и почтительной покорности младших старшим, тем более родителям, франтовство, бесчестность, озорство и хулиганство, мстительность и жестокость, вероломство и лживость до лжесвидетельства под присягой, что говорит уже об утрате и самой веры, ибо верующий побоится нарушать присягу. Молодое поколение и даже дети растут без всяких положительных и строгих правил жизни: какое-то одичание духовное отпечатывается и на их лицах. А что с ними будет впоследствии, когда и сама жестокая жизнь наложит на них свой немилосердный отпечаток, особенно если принять в соображение ту погоню за материальным или, лучше сказать, животным довольством, которое сделалось характерным признаком и духом последнего времени, освободившегося от духовных высоких начал жизни.

Наряду с этим необходимо отметить и все более развивающееся в народе сутяжничество и бесчестность. Как это ни странным покажется, но значительную долю в приучении народа к сутяжничеству и кляузничеству имеет грамотность. Теперь газеты читаются во всякой деревне грамотеями, а от грамотеев из газет все передается и неграмотным. Газеты же полны почти исключительно духом критицизма и осуждения всего и всех, без указания положительных свойств у явлений и людей и в их поступках. В первую же голову такое осуждение направлено на всякое начальство и тем более духовенство. Деревенские читари и слушатели все это подмечают и сами естественно набираются того же самого осуждения, и, конечно, прежде всего осуждения духовенства под впечатлением газетных пасквилей. А так как грамотность наша и в школе не вкладывает в детские души почти никаких положительных свойств, то у детей она, прежде всего, спешит проявиться в нецензурных надписях на заборах и стенах, а у

взрослых – в доносах, в кляузах, в жалобах, и прежде всего на ближе к ним стоящее духовенство. За последнее время постоянно приходится разбираться в таком кляузничестве. В большинстве случаев по проверке донос оказывается редко соответствующим действительности. Но злая воля доносителей не боится кары за клевету, ибо архиерей не может за нее наказать, а оклеветанный едва ли пожелает судиться, ибо, прежде всего, это дело длинное. Между тем пятно доноса все-таки остается на том, на кого доносили, да и настроение у него портится, и зло увеличивается во взаимоотношениях между оклеветанным и доносителем. А все это свидетельствует о том, что старинные патриархальные порядки и взаимоотношения духовенства и прихожан теперь уже значительно поколебались. В значительной степени виновато в этом и само духовенство, все более удаляющееся от паствы и ради перегруженности всяким делом, например школьным и перепиской, исключительно по лености и небрежению о своем пастырском долге.

Кроме кляузничества, поразительная бесчестность проявилась и развивается в народе всего только за время войны, преимущественно с осени 1915 года. Под влиянием естественной и злонамеренной дороговизны на все в настоящее военное время и простой народ спешит нажиться теперь на своем труде и на своих продуктах. Одни беспредельно удорожают свой труд, другие поразительно небрежничают и ленятся в принятом на себя труде, третьи до недоступности поднимают цены на предметы даже самой первой необходимости. Проснулись стихийным и неудержным порядком самые алчные инстинкты и стремления. Поразительна та бессовестность, отсутствие страха Божия, что проявляет теперь наш обычно в глубине души богобоязливый народ. Обуяла всех страсть наживы, до бесчувственности к общему горю в военное время, до неспособности понять и принять к сердцу, что и гнев Божий разразился над нами за неверность воле Божией, за незаконную жизнь.

Это все более чем безотрадные, зловещие признаки, при виде которых жутко становится за будущее нашей народной жизни.

4. Живая могучая народная вера как великая духовная сила

Но при всем том, однако, несомненна и глубокая народная вера у того же народа, полного и пьяниц, и хулиганов, и прочего. Она могуче, захватывающе и отрадно проявляется в дни святых достопамятных праздников народных, и в дни богомолений по случаю каких-либо несчастных народных бедствий, или при встрече народной Святыни, например у Чудотворной Иконы Владычицы или Угодников Спасовых. Та же вера проявляется и когда случается что-либо поразительное. В той же, полной грубых недостатков деревне – какая воодушевленная тогда проявляется вера! С какой горячностью тут все, и стар и млад, собираются, побросавши все и позабывши все свои худости! Тогда весь народ, как один человек, живо стоит перед Святыней и сердечными очами созерцает, с несомненностью как живую, Владычицу или Святого Угодника. Тут он изливает из своей загрубевшей повидимому души все свои скорби и болезни и с самым трогательным и нежным смирением повергает к Богу себя и весь живот свой. И это все захватывает и тех озорников и хулиганов, на которых так жалуются теперь. Тогда и у них исчезает эта бессмысленная «оголтелость» и они полны общего народного благоговейного воодушевления. И тогда эта духовная мягкость и даже нежность под грубой внешностью куда выше духовной грубости и холодности под мягкой и приятной внешностью у образованных светских людей...

Навсегда в памяти останутся дивные народные крестные ходы в июне-июле сего 1916 года по уездам Кунгурского, Красноуфимского, Осинского, Оханского и Пермского уездов Пермской епархии. Еще

минувшей зимой мною было сделано предложение всему духовенству епархии устраивать торжественные крестные ходы в пределах епархии, приурочивая их к местным праздникам или к особенным торжествам, например освящения и закладки храмов. Духовенство внимательно отнеслось к этому святому делу; по округам выработаны были расписания таких крестных ходов, намечены были проповедники, заготовлена была духовная литература для раздачи и продажи народу, сделаны были оповещения православным христианам. Начиная с мая месяца такие крестные ходы и прошли согласно расписанию. Мне лично привел Бог участвовать на таких народных торжествах в указанных уездах по пути моего маршрута при путешествии по епархии. Многие тысячи православных собирались у многих приходо-в. Духовенство и миссионеры усердно и умело использовали такие народные собрания и обильно предлагали свою проповедь и все прочее для духовного утешения народа. Воодушевление народное достигало до высокой степени умиления. Можно сказать, что все чувствовали себя, как на одной непрерывной народной Пасхе. Некоторые крестные ходы проходили почти исключительно среди поселков со старообрядческим или языческим населением. Но общим народным торжественным и молитвенным настроением крестоходов воодушевлялись и старообрядцы с язычниками и присоединялись к крестоходам, вместе с ними вслушиваясь в раздававшуюся пастырскую проповедь, а многие – принимая участие и в народном церковном пении. С уверенностью можно сказать, что таким порядком может совершаться прочное миссионерское дело, навсегда почти оставляющее глубокий след и светлую память в сердцах всех участников в подобных торжественных и воодушевленных крестных ходах. Таким порядком создается потребное для христианина настроение, научающее его хождению перед Богом. И приобщаясь к такой народной вере, растворяешься тогда ощутительно в ней, преисполняешься этого охватывающего народного воодушевления и как на легких

крыльях носишься на восхождениях народной соборной молитвы и благодарения ко Господу Богу, дивному во Святых Своих. Тут и сторонний, может быть даже только любопытствующий, наблюдатель, смешиваясь с толпой верующих, живо чувствует незримые, но ощутимые потоки веры, от верующего народа переливающиеся и в его душу и исполняющие его новой, прежде неведомой для него духовной жизни, вливающей смысл и отраду и в обычную его суетную или беззаботную жизнь. Это все несомненно и действительно. И это все весьма отраднo и животворно. И сподоблял бы Бог возможно чаще приобщаться к такой народной воодушевленной и воодушевляющей вере и пламенной скромной молитве, долу всех повергающей, но ко Господу возносящей.

Сюда направляли бы свои искания современные «богоискатели» и «теософы»; вместо того чтобы блуждать в пустопорожном пространстве своих измышлений и бредней беспочвенных, пусть бы они опускались вот в эту толщу народную, погружались бы не в измышленную, а в самую действительную жизнь верующего народа, не мечтательно, а в самой реальной действительности входящего в общение с потусторонним миром – с Богом и со Святыми Его. Это не парение пустое, это не погружение в нирвану, это не мечтательное общение с духами на спиритических сеансах скучающих людей, во что верят и в чем упражняются современные светские праздные люди, – нет, это сознательное и ощутимое переживание того, что дает сама действительность, сама жизнь духа человека, дышащего Духом Божиим, исполняющим всю вселенную и незримо сходящим к людям, когда они к Нему обращают свой верующий взор. И какими счастливыми и полными жизни и смысла ее чувствуют себя те «искатели», которые находят все это, смиренно сродняясь с верующим и молящимся народом. Да, тогда и в таких источники воды живой от Бога текут, и они сознают себя чадами Божиими, своими для Бога и Бога своим Спасителем и Промыслителем.

Итак, вера в народе, вера самая живая, исполняющая все существо верующего живым упованием на Живого Бога Промыслителя, – эта вера несомненна и очевидна. Но не прикрепленная к благочестивым навыкам, как проявлениям душевного содержания вовне, не уясненная в сознании соответственным научением и духовным образованием, эта вера является как скрытая стихийная сила в народе, имеющая глубокие корни в душе народной и проявляющаяся обильным потоком, всех захватывающим в свои прохладительные живые струи и уносящим всех в безбрежный океан молитвенного самого ощутительного общения с Вездесущим и Сострадательным к грешному человеку Богом. «Бог видит, Христос с нами, Владычица слышит, Угодник – наш молитвенник» – вот что с живостью переживает всякий участник в таком проявлении народной торжественной веры в Бога. С уверенностью высказываю мое всегдашнее убеждение, что такое проявление народной веры в соборной личности народа – оно и воспитывало русских людей прошлого времени в вере, в хождении под Богом. За недостатком просвещения и книжности, за отсутствием живой проповеди, даже за недостатком потребного числа архиереев и иереев, однако, народ весь воспитывался в вере. Не было отчетливости в ней, не могли ясно и сознательно рассказать свое упование, как едва ли кто и из образованных отчетливо и ясно расскажет и то, что он живет и дышит воздухом, что он, однако, чувствует всеми частями своего сложного существа. Так и душа всякого сына своего родного народа была полна чувства веры, ибо она воспитывалась в ней через участие в соборной народной вере у Святынь народных, в церковные умиленные и захватывающие праздники, когда соборная народная душа живет единой жизнью Божественной, по обетованию Самого Спасителя, в саду Гефсиманском молившегося ко Отцу о верующих: *Да будут едино, якоже и Мы* (Ин. 17, 11).

5. Не уныние, но бодрость навевает живая народная вера

Такое впечатление обычно выношу я из путешествий по епархии для обозрения приходских церквей ее. И такие думы навеяло на меня особенно последнее осеннее мое путешествие, чем дерзнул поделиться со всеми церковными деятелями для взаимного соутешения нашей общей верой и общими чаяниями (Рим. 1, 12). Действительность являет себя двояко: по видимости как будто все обстоит благополучно, тогда как сама жизнь выдает себя с худой стороны; а вместе с тем эта же самая жизнь выявляет и высокое жизненное богатство народное – живую народную веру, не ключом, а целым обильным потоком бьющую повсюду, где только и когда только душа народная входит в соприкосновение со Святыней – как явлением духа и жизни о Христе Спасе. Для меня последнее более могуче и действительно по своим проявлениям, чем первое. Но беда наша в том, что это второе идет само по себе, а мы – церковные работники – идем сами по себе от него, или довольствуясь видимым благополучием и на нем успокаиваясь в своей деятельности, или мечемся, плачем и охаем да ахаем под впечатлением отрицательных явлений жизни, готовые объявить все пропащим и безнадежным. Ни того, ни другого, ни третьего быть не должно. С нами Бог, обещавший сохранить Церковь Свою не одаленной и силами ада. Дерзайте убо, дерзайте, люди Божии: ибо Той победит враги, яко Всесилен (догматик 1 глас).

Однако нельзя останавливаться на такой вере. Ибо она относится ко всей Христовой Церкви, *которую и врата ада не одолеют*, по слову Спасителя. Но сама Церковь и от нас – русских – может уйти, как ушла она, например, от Египта и других стран за неверствие их. И с нами это может быть, и даже весьма скоро. Стоит только восторжествовать тому либеральному течению, что по масонской указке умело и последовательно проводится через школу и через разные обще-

ственные учреждения и организации, как народная душа будет охвачена тем же течением и пойдет против Церкви Божией стихийно. Особенно же быстро пойдет эта переделка народной души через народную школу, когда она сделается монополией текущего земского элемента. Это и учитывают серьезно все ревнители земской и вообще гражданской народной школы: таким путем народная душа будет захвачена либеральным течением и в одно поколение будет переделана в желанном виде, особенно когда постепенно из школы удален будет и священник как законоучитель, сначала под предлогом невозможности для него совместить законоучительство в многочисленных народных школах, а потом и на основании сего – из-за возможности обходиться и вовсе без него. Это все понимая, мы, церковные работники, со всяческой ревностью и твердостью должны отстаивать свое неперемное участие и в гражданской народной школе, где обучаются наши духовные дети, от ответа за которых нас не освобождает никакая школа. Посему и описанное положение дела опять не уныние, но бодрость должно навевать во всяком церковном деятеле.

6. Настоятельная потребность неустанной проповеди для народа

На алтарь Отечества нужно приносить все лучшее и полезное. Тем паче на алтарь Божий, для Церкви нужно приносить все, что еще есть святого на душе. Это имея в виду, и решаюсь высказать свои лучшие пожелания о том, что нам следовало бы делать всегда и тем более теперь для уврачевания тех церковных немощей, которые так очевидны в нашей народно-церковной жизни. Не с целью учить кого-либо – да не осудит меня кто-либо за сие, – нет, но исключительно для ободрения на святое дело дерзаю поведать свои собственные по-

желания. И прежде всего, разумеется, следует сказать о том, о чем неоднократно приходилось говорить: о неустанной проповеди по заповеди Святого Апостола Павла. Златоустых проповедников, конечно, немного. Но не этого и ждет от нас верующий и жаждущий духовной пищи народ. Ведь не златоусты и к сектантам увлекают наших христиан. Нет, всего только простые и задушевно рассказывающие о спасении во Христе собеседники – вот кто умеет отвечать на запросы народа в различных сектах. И пусть такая простая, задушевная, трогательная и жизненная проповедь раздается всюду и всегда в слух народа от нас – его духовных руководителей. Мы благодать Святого Духа получили для водительства народа; мы волю Божию познали для научения ей народа. И будем передавать сию волю Божию людям; будем при свете ее велений рассматривать всю нашу человеческую жизнь, чтобы дух Христов проник в нее, чтобы все в ней было устроено и осмыслено по заветам Евангелия. Благоговеющая и богобоязливая родная наша старина так и научала православных рассматривать все в жизни со стороны верности воле Божией. И в малом боялись тогда отступить от Божьего закона, чтобы не прогневить Бога. Была трогательная осторожность и бережность к жизни, чтобы сохранить ее на Божием пути. Это же все потому так было, что отцы духовные научили своих духовных чад так смотреть на жизнь. Тогда же и проповеди в современном смысле не было; было лишь чтение творений и житий Святых Отцов с Прологами да постоянное общение пастырей с паствой, сопровождавшееся при всяком случае отеческой беседой с христианами о том, чтобы жили по Божьему закону, чтобы боялись Бога. И таким путем и научали людей страху Божию со всеми благими в жизни последствиями. И это делали простые необразованные священники и даже прочие клирики. Пусть бы это же делало и современное образованное духовенство, да прибавило бы к этому и церковную живую и умиленную проповедь. Это поможет нашему в глубине души верующему народу опознать свою веру, уяснить ее для

себя до способности дать ответ всякому вопрошающему об уповании или разъяснить то колеблющимся и сомневающимся. Следовательно, проповедь пастырская должна быть и оглашением, и нравоучением, и указанием примеров в жизни Святых, и воодушевлением на подвиг христианской жизни, и обличением в нехристианском поведении, и призывом к покаянию, и к добрым делам, и к духовному возрождению... Но, разумеется, для сего самому проповеднику нужно быть лично воодушевленным на дело спасения, а вместе с тем любить и жалеть своих духовных чад, в неведении христианской непросвещенности пребывающих и потому на всякое искушение падких. Нужно, чтобы пастырь был исполнен хотя бы такой же заботы о своих пасомых, какую он имеет о естественных чадах своих, о том, *идежи положити птенцы своя*. Умеет он с сими детьми и разговор вести, умеет и влиять на них, – пусть же найдет все это и для своих духовных чад. Ведь всякий пастырь умеет вести житейский разговор почти даже бесконечный, пусть позаботится такой же душевный разговор или беседу иметь и с духовными своими чадами о предметах веры и душевного спасения. Итак, *проповедь преимущественно собеседовательного характера* – вот что прежде всего необходимо по нуждам времени. Такая проповедь возможна и естественна при всяком посещении домов прихожан во святом облачении, с требами. Припоминаю из детства, как священник моего родного прихода при хождении во святом облачении обычно тут же проверял детей в знании молитв, их и взрослых укорял, например, в неисправном хождении в церковь и т. п., тут же учил всех, как молиться, как детей по-христиански воспитывать. Обычно это была самая простая отеческая беседа, оставлявшая в душах слушателей след даже более глубокий, чем красноречивая проповедь. Не ошибусь, если скажу, что, между прочим, таким путем и создавался высокий авторитет у народа, как этого, так и всех старинных священников, обычно действительно бывших руководителями народной души. Без совета с батюшкой тогда ни одного

важного дела православные не начинали, а с благословением его все спокойно делали, как перед Богом. Этот порядок и следует всячески восстанавливать современному духовенству, чтобы было самое простое, жизненное апостольство через их отеческую собеседовательность и учительство среди прихожан.

7. Воспитывающее народную веру православное богослужение

Но проповедь все-таки по преимуществу внешнее дело, хотя и возбуждающее к внутренней душевной деятельности. Однако как тело наше, питаемое разными снедами дышит и требует воздуха для самой своей деятельности, так и душа христианина требует духовного воздуха, который обновлял бы ее внутреннюю работу, давал бы крылья и простор для высокой духовной деятельности. Это и дает наше православное богослужение. О, как прекрасно, как восторженно, как усладительно это наше богослужение, какое высокое утешение, восторг и умиление оно приносит всякому, кто с душевным вниманием присутствует во время совершения богослужения, молитвенно следя за развитием его, благоговейно прислушиваясь к возглашаемым молитвам и песнопениям. Какое захватывающее впечатление производит оно, когда совершается торжественно, умирительно, отчетливо! В данном случае разумеется не та торжественность, которая вся превращается в искусственную помпезность, в поразительную церемониальность, в ущерб содержанию богослужения, даже в сокращение его молитвенного трогательного состава. Такая помпезность, несомненно, может бить по нервам любителей сильных ощущений, она, несомненно, привлечет их внимание совершенно с одинаковой силой театральных и вообще сценических представлений, — но молиться она не даст возможности и таковым, и тем более тем, ко-

торые и пришли только для молитвы. Такая помпезность лишь развлечет всех, разрушит ту тихую сосредоточенность, самособранность, которая единственно необходима для действительности молитвы. Поэтому смиренные и усердные молитвенники не любят бывать за такими помпезными служениями, разрушающими у них и то, что они принесли в храм. Много значит в этом случае и то, что такой совершитель богослужения, к сожалению, больше рисуется и любит себя собой, как бы плавающим в рассчитанной помпе, чем молится и предстательствует Богу о людях.

Нет, в данном случае разумеется та торжественность богослужения, когда сам совершитель его исполнен торжественного духовного предстояния пред престолом Божиим, когда душа его полна молитвенной благоговейной сосредоточенности, когда поэтому ему дорога как святыня всякая подробность как в составе, так и в обрядности богослужения. Тогда он служит и с внешней торжественностью, но совершенно естественной, как естественно всякое высокое захватывающее чувство, настраивающее человека на высокий тон и проявляющееся в соответствующих внешних торжественных и важных обнаружениях. Такой торжественности нимало не препятствует и скромная обстановка, как, наоборот, не препятствует и величественности этой последней. Тогда наисовершеннейше исполняется заветное слово Христа: *иже кланяется Ему, Богу, духом и истинною достоинством кланяться* (Ин. 4, 24). Тогда наилучше дух молитвы укладывается в чудные внешние формы проявления, и чудные внешние формы содействуют молитвенному возвышенному настроению души. Тогда богослужение всех объединяет, всех возвышает, всех молитвенного дерзновения исполняет, ибо всем своим целым составом и совершением вводит душу в предощущение Божественного Царства. Тогда Бог в светлостях Святых Своих близким и слышащим веруется всеми молящимися, и Святые вместе с Пречистой Богородицей как живые веруются предстоящими и внемлющими нашим молитвам, чтобы

приносить их к престолу Вседержителя. Тогда всякий молящийся во истину исполнен торжественного чувства в своей душе и вместе с ветхозаветным патриархом Иаковом готов восклицать от избытка чувства торжественно: *Как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные* (Быт. 28, 17).

Вот такую торжественность богослужения и нужно вводить нам всеми силами. Она захватывает всех своей духовной силой. Она всех настраивает на мирную, но торжественную и дерзновенную молитву к живо ощущаемому Богу. Пусть всякий совершитель богослужения помнит, что он великой важности дело совершает во время богослужения. Он не только себя перед Богом поставляет, он и всех предстоящих людей к Богу приводит и к ним Бога низводит, к ним небеса ниспускает, дабы и их на небо возводить. Тогда он сам найдет соответствующий в себе тон, создаст и соответствующую внешнюю обстановку, как выразительницу молитвенного предстояния Богу. О, как торжественен был при самой скромной обстановке, при отсутствии всякой внешней помпы покойный отец Иоанн Кронштадтский, когда он совершал богослужение, весь уходя в его дивные молитвы и песнопения, всем своим существом переживая их высокое духовное содержание, в них как живых созерцая тех Святых, которых прославляют эти церковные песнопения! Да, это есть истинное торжество духа человеческого. И оно всех исполняет того же торжества молитвенного. За таким торжественно-молитвенным богослужением умереть хочется, – так оно упоительно, так оно отрадно, такую новую и вечную жизнь оно подает. Конечно, исчезнет из памяти само содержание выслушанных молитв и песнопений, позабудется и научение от проповеди даже самой златоустовской. Но то впечатление, тот восторг духовный, то высокое чувство, которое создает в нашей душе торжественное, молитвенное богослужение, – это останется в душе, как высокое чувство близости к Богу, как умиление и радость не земные, а небесные. И это-то именно создаст в человеке необходи-

мое чувство богосыновства, благоговения, богопреданности, молитвы, сокрушения, веры и упования, делающих его христианином сознательным и твердым.

8. Воодушевленные молитвенные крестохождения, воспитывающие живую народную веру

Говоря о богослужении, нельзя не упомянуть и о тех торжественных народных богомолениях и крестных ходах, которые так любит наш народ. Нужно поучаствовать в таких богомолениях, чтобы видеть то молитвенное благоговение и восторг, которые преисполняют сердца молящихся. И поэтому усталости и стар и млад не чувствуют, хотя бы и под дождем прошли со Святыней несколько часов. Святое и отрадное чувство богомоления крестоходцев заражает и любопытствующих, и мимо проходящих, и эти увлекаются святым чувством и идут, смешавшись со всей толпой или – лучше – слившись с ней в общем благоговейном чувстве. Особенно если крестохождение совершается с Чудотворной Святыней, неоднократно и дивно являвшей благодатную помощь людям; тогда все идут за нею, как за живой Владычицей или за живым Угодником. Конечно, такие крестохождения должны быть обставлены возможно торжественнее, умильнее и молитвеннее. Крестный ход должен быть полон неумолкаемого и самого разнообразного молитвенного пения, особенно общенародного. Пусть это будет торжественный неустанный гимн от сердец богомольцев во славу Бога, или Богоматери, или Угодника. Пусть в этом пении душа народная возносится к Создателю и от Него испрашивает благодати в слух всего мира. В это время можно и всем знакомые песнопения распевать, и при помощи более умеющих приучать

и весь народ к гласовому пению стихир с канонархом, а акафисты громогласно читать с общенародным распеванием заключительных припевов. Такой опыт наших в Новгороде крестных ходов вполне говорит о возможности всего этого. При таком совершении крестохождений совершенно исчезает всякая возможность разговоров от скуки, не бывает и отстающих от процессии. И под палящими лучами солнца, и в пыли, и под дождем и ветром одинаково усердно все до единого человека идут с начала до конца крестного хода, умиляясь общим пением, увлекаемые и общим молитвенным настроением. Поэтому-то так и любит наш народ такие крестные ходы. Они составляют приговор, прося, чтобы разрешили им крестный ход, чтобы разрешили им принести к себе в селение ту или иную Святыню. И скорбят, если почему-либо не разрешат сего.

Да, это дивное воспитательное средство в нашем распоряжении. И всячески следует развивать такие крестохождения, разумеется принимая все меры к упорядочению сего и к возможно большей духовной полезности крестохождений. Тем более когда сами православные просят, чтобы разрешили им совершить крестный ход, например, в соседнее село или обитель или для встречи выписанной, например, с Афона иконы, – в таких случаях без всяких препятствий следует непременно разрешать крестные ходы. Кроме высокой духовной пользы, кроме молитвенного воодушевления в народе, кроме подъема духа в православных и торжества их над всеми насмехающимися над верой и Святынями – кроме всего этого полезного, ничего худого не могут принести народные крестные ходы. Наоборот, тогда все отрицательное, безрелигиозное, смеющееся над верой, – все это или скрывается от такого народного воодушевления, самого умирительного, не вынося его, или же само присоединяется к нему, захватываемое общим воодушевлением и общей верой.

Конечно, для утешительности и плодотворности таких крестных ходов заранее и обдуманно нужно приготовить и проповедни-

ков, и руководителей народным пением, и духовных картин, и листов с книжками для раздачи и продажи. Причем предпочтительно следует продавать хотя бы за самую дешевую цену, а не раздавать обильно указанное: ибо купленное всегда ценят выше, чем полученное бесплатно. Только бы умело был составлен подбор потребной литературы, умело производилась бы продажа ее; покупать непременно будут, говорю это от неоднократного опыта. Приобрести же все нужное для указанного дела теперь так легко, – так обильно подобное издательство теперь.

Но и здесь следует оговориться. Крестные ходы должны быть совершаемы торжественно, стройно. Но торжественность опять должна заключаться не в какой-либо церемониальности, граничащей с напыщенностью, с бессодержательностью; нет, это должна быть торжественность молитвенная, благоговейная от сознания всех и прежде всего духовенства, что во славу Божию и пред Его очами совершается это крестохождение. А потому восторженная и усердная молитва и пение, пение и молитва – вот что должно сообщать торжество духовное крестохождениям. От искусственности же и любования красивой помпезностью и стройной церемониальностью да хранит Господь всякого из нас – служителей Тайн Божиих, которыми мы людей вводим в общение с Самим Вседержителем. Да не соблазнится о нас никто из молящихся.

9. Необходимость самых частых путешествий архиереев по епархии

То трогательное благоговение народа к нам – архиереям, о котором сказано выше, дает мне смелость высказать пожелание, чтобы возможно чаще и возможно воодушевленное совершались архиерейские поездки по епархии. Носителем сугубой благодати является для

верующих архиерей, как это и есть на деле милостью Божией. И поэтому для православных архиерей есть и раздаятель этой благодати освящающей, предстатель и молитвенник пред Богом о *людских невзданиях*, разъяснитель воли Божией для людей, почему слово его свято, как слово Самого Бога, от имени Которого он говорит и действует. И нужно видеть и на деле, с какой верой и благоговением все это приемлется от архиерея народом. Поэтому для православных пришествие к ним архиерея составляет событие великой важности, это радостный праздник, на котором забываются все невзгоды житейские. Если же где-либо в провинции, в уездном городе или в селе, архиерей совершает богослужение, то православные за десятки верст собираются сюда, несмотря на будни, на рабочую пору, на плохую погоду. Конечно, привлекает сюда и невиданная или редко виданная торжественность архиерейского служения. Но ведь в деревне эту торжественность вполне-то невозможно и устроить, и по тому одному, что служащие в большинстве случаев и сами не видели архиерейского служения со дня собственной хиротонии. Нет, не столько торжественность архиерейского служения привлекает народ сюда, сколько благоговейное уважение народа к архиерею. Да, не забыть тех умиленных лиц богомольцев, которые обращены бываюи тогда на архиерея от окружающего народа. Как перед Самим Христом открыты сии молящиеся души христиан. Восторг написан неземной на их лицах. Многие плачут от радости. И, кажется, призови тогда архиерей этот умиленный и послушный народ на самый высокий подвиг – все как один человек пойдут за ним. И с какой верой слушают эти простецы во Христе беседу архиерея. Особенно если эта беседа проста, удобопонятна, поучает о спасении во Христе, затрагивает не вымышленную, а действительную жизнь мирскую, указывает, как в обычных-то условиях жизни человеческой жить по-христиански, как обычные-то дела посвящать для спасения души и делать как перед Богом.

Это все сама правда. И благодарение Господу, что Он пока сохранил все это для нашего недостойнства. Мы же должны возможно лучше использовать это для духовного водительства наших словесных овец, чтобы в свое время иметь возможность непостыдно сказать Пастыреначальнику: *Се, аз и дети, яже ми дал есть Бог* (Евр. 2, 13). И прежде всего возможно чаще совершать архиерейские посещения церквей епархии. Разумеется, удобнее это делать в свободную от крестьянских работ пору. Плодотворнее были бы такие путешествия, если бы совершались они не с такой поспешностью, как обычно бывает. Припоминаю наши миссионерские путешествия в Японии. Там мы обычно во всякой отдельной церкви живем день-два. За это время можно побеседовать со всеми христианами, узнать их исправность и настроение, увидеть и труд самого причта церкви. За это время обычно можно бывает посетить всех христиан города или селения, чтобы на дому преподать им соответствующее назидание, сообщаясь с тем, что говорит о посещаемых христианах священник или катехизатор. Это оставляет глубокий след в настроении поместной церкви или прихода. Посещать дома всех христиан в наших епархиях, разумеется, нет возможности. Но есть возможность помолиться со всеми или даже совершить богослужение. Есть возможность – узнать от благочинного и от священника о состоянии приходского дела, христианского поведения в данном приходе, о чем благочинные со священниками должны заблаговременно составлять обстоятельные, деловые доклады соответственно действительности. Доклады такие должны указывать как положительное, так и отрицательное в жизни прихода, чтобы архиерею иметь возможность беседовать с христианами не на общие темы, а на соответствующие действительному положению вещей. Если же окажется, что пастырь приходской бессилен что-либо сделать с тем или иным отдельным прихожанином и группами их или с каким-либо нежелательным направлением в их настроении и жизни, тогда архиерей имел бы воз-

возможность оказать соответствующее воздействие и на это, не исключая посещения и отдельных христиан, если то окажется нужным для беседы с ними. За такое время пребывания на приходе архиереев вникает и в те просветительные, благотворительные и иные организации, которые заведены в приходе и нуждаются в руководстве или исправлении по случайным каким-либо обстоятельствам. Имеет он возможность и указать прихожанам вместе с их пастырем на необходимость и полезность таких организаций, указать и путь, каким проще и легче завести и устроить все подобное. С уверенностью можно сказать, что такое участие архиерея в приходской жизни ее в значительной степени оживит. Только благодаря предложению и указанию архиерея многие добрые дела и начинания могут начаться и привиться в самом лучшем виде. И то нужно иметь в виду, что это внесет оживление и отраду в деятельность даже самых лучших приходских священников. Нередко они в безвестности и без всякой поддержки, одобрения, указания и руководства со стороны высших трудятся и заводят многое преполезное в церковной икономии. Встречают и препятствия неизбежные, даже прямо тормозы и противление, – и невольно впадают в малодушие, поддержать же некому. Да и кроме того к ним привыкают на местах, их слово уже не кажется особенно авторитетным. И тут необходим голос со стороны, чтобы привлечь внимание к делу. Но ничего подобного часто не находят такие труженики не только от архиерея, которого видят редко, но и от благочинного. И падают духом, и не спорится дело или и совсем разваливается. Вот в таких-то случаях какую бодрость волеет в души таких тружеников слово и участие архиерея! Сколько это может предупредить или исправить и ошибок, возможных во всяком деле. И с какой после того новой ревностью будут трудиться и пастыри, а вместе с каким воодушевлением примутся за нужное и душеспасительное дело и сами пасомые, слышавшие призыв и благословение на то не только от своего пастыря, но и от самого архиерея! И учесть невоз-

можно всех благих последствий от подобных посещений архиереем приходов своей епархии.

Еще усугубится плодотворность этого, если архиерей будет возможно чаще служить в посещаемых церквях. Это не так трудно, как думается издали. Мне в поездках по епархии приходится с собой иметь только одного диакона, опытного в архиерейском служении. И, однако, редко бывают резко в глаза бросающиеся непорядки в сложном архиерейском служении. Обыкновенно заблаговременно рассылается маршрут путешествия, в котором обозначены те церкви, где и когда предполагается служение (недели за две пути обычно приходится служить пять и более раз). Иногда и кроме того приходится написать местному священнику по данному случаю для порядка. Заблаговременно назначаются и сослужащие из соседних приходов. В качестве руководства указывается составленная Омским ключарем священником Сокальским книжка о порядке архиерейского служения для сослужащих, хотя в ней, к сожалению, и имеются некоторые неправильности. Затем на месте приходится всем сослужащим разъяснить и рассказать порядок служения, да и во время служения следить, подсказывать и незаметно предупреждать погрешности, чтобы все получилось возможно стройнее. Певчие же везде теперь имеются исправные. Во избежание недоразумений обыкновенно им говорится, чтобы не пели того из особенностей архиерейского служения, чего не знают, чтобы непорядок не бросался в глаза; например, вместо «Да возрадуется» при облачении могут пропеть или догматик, или ирмосы. Но обычно и этого не бывает, певчие везде готовятся с охотой и бывают исправны. Иногда напрашиваются даже певчие соседних приходов, так что проявляется трогательное соревнование. При таких предосторожностях почти всегда служение проходит в порядке и всех трогает и радует. Если же иметь для сего еще одного понимающего в архиерейском служении, то и всегда оно будет стройно. А народ-то как рад бывает этому! Собираются издале-

ка, уставши, не пивши, не евши подолгу, без необходимого покойного сна, в тесноте и жару, – и, однако, радостны и восторженны, как в Светлый Христов день. И ради этого святого чувства можно пожертвовать многим, лишь бы только доставить такое утешение православным.

10. Желательная картина архиерейских путешествий по епархии

После всего сказанного мне представляется такая картина. В хороший июньский или сентябрьский день православные вместе со своим и соседних церквей причтами крестным ходом вышли на околицу села для встречи своего архиерея. Последний облачается в архиерейскую мантию и при общем народном пении следует в село. По пути на подходящем по обстановке месте архиерей останавливает народ и поучает своей первой беседой, как бы в ответственную речь приходского священника, который, предполагается, говорил о состоянии жизни христианской в приходе. Это воистину беседа, подобная беседам Самого Спасителя, среди природы обычно поучавшего собравшихся к Нему. Не только люди, но и сама природа внимлет такой отеческой беседе архипастыря с его паствой. На народ же это произведет неотразимое умиленное впечатление. Кончивши беседу, архиерей следует далее. По селу у каждого дома или от нескольких домов вместе поставлены столы с хлебом-солью на чистых скатертях. Архиерей благословляет сии хлебы, призывая Божие благоволение на труды земледельцев-христиан. Тут же, как и естественно, кратко спрашивает о их житье-бытье, о их работах и прочем, давая свое простое от сердца слово или сочувствия, или совета и ободрения. По входе в храм и по обычной молитве архиерей ведет уже подробную беседу, направляя ее на действительные

нужды в приходской жизни, о чем подробно докладывают ему благочинные, указывая и отрадные, и печальные стороны в жизни посещаемого прихода. Далее архиерей беседует с детьми, хотя бы школьниками только, расспрашивая у них знание молитв и вообще Закона Божия и церковных правил и обычаев жизни. Несомненно, тут же ему придется сделать и соответствующее указание родителям – как следует воспитывать детей по-христиански, на что обращать внимание в их духовном росте и к чему поведет невнимание с этой стороны. Покончив с этим, архиерей приглашает всех пропеть известные всем церковные песнопения, а сам в это время благословляет детей крестиками, взрослых же духовными листиками, которые как святыню навсегда сохраняют и дети, и взрослые. При этом, может быть, и еще придется побеседовать, например, по поводу общенародного пения или о том, как следует принимать благословение, как относиться к крестикам и листикам, которыми благословляются. Наконец, архиерей осматривает весь храм и делает необходимые указания при этом. Отсюда идет в школу начальную, затем, посетивши дома причта и благотворительно-просветительные учреждения, если таковые имеются, отправляется далее в путь. Там же, где по местным условиям возможно и должно или случится какой-либо праздник, архиерей служит бдение и литургию. Хорошо бы и во всякой церкви посещаемой служить молебен, например водосвятный, чтобы доставить и еще большее утешение православным, с усердием и радостью встречающим архиерея.

В приходах же с раскольническим или сектантским населением следовало бы хоть иногда назначать и миссионерские беседы вместе с прибытием архиерея. Тогда и значение таких бесед поднялось бы высоко, ибо тогда и православные, и сектанты, и сомневающиеся видели бы, что и архиерей вполне одобряет то, что говорит миссионер. Для утверждения веры и добрых нравов это имело бы весьма большое значение.

Да, с уверенностью можно сказать, что от таких путешествий архиерея по своей епархии был бы весьма значительный плод. Вместе с тем, это весьма сближало бы с ним как духовенство, так и паству мирскую.

Конечно, для таких путешествий нужно иметь много времени, да и немислимо одному архиерею сделать это в таких обширных епархиях, каковы наши. Но теперь почти во всякой епархии есть викарии. К сожалению, по действующему положению, они лишь только именуются по разным городам, сами же не имеют никакого касательства хотя бы только к тому уезду епархии, по городу которого они называются. О том, как использовать для церковного дела существующие викариатства вместо совершенно неосуществимого теперь увеличения числа настоятельно нужных новых епархий и возможного сокращения всех существующих теперь епархий, – об этом мне пришлось уже высказываться, кажется, в мае сего года в «Санкт-Петербургских Ведомостях»; номера газеты не помню, но содержание этой моей статьи подробно изложено в «Церковном Вестнике» № 20 за 1912 год в «Мнениях и отзывах». В таком отношении пусть бы пока Святейшим Синодом было узаконено для всех епархий то, что на свою ответственность для несомненной пользы дела устроил в своей епархии Волынский владыка Антоний, о чем он и сообщает в № 40 «Церковного Вестника» за 1912 год. Таким порядком ни власть, ни авторитет епархиальных архиереев нисколько не умалятся, хотя дело у них сократится; но будет несомненная польза для всего церковного дела, что мной подробно и было разъяснено в вышеуказанной статье моей. И осуществление этого мероприятия может совершенно свободно проведено и Святейшим Синодом до того Поместного Собора, который предназначен, но неизвестно, когда будет, тогда как изменившаяся жизнь с ее трудными и требовательными от нас условиями не ждет, дальнейшая же потеря времени может быть «смерти подобна».

11. Необходимость подготовки к пастырскому служению

Все высказанные пожелания о живой неустанной проповеди для народа, о православном богослужении, о совершении воодушевленных народных крестохождений, о самых частых путешествиях архиереев по епархиям, – все это, несомненно, прекрасно. Но это предполагает уже высоко поставленную развитую пастырскую ревность у самих служителей Церкви Христовой. К сожалению, должны мы сознаться, что этого далеко нет, и нет не по личной небрежности служителей церковных, а по самым пока неустранимым условиям нашей русской церковной жизни. Нет необходимости говорить об этих условиях, ибо не такая и цель наших замечаний. Обратимся к наличности.

Всякое служение, всякая деятельность предполагает само собой, что к ней люди готовятся, изошряя свои силы и способности, чтобы оказаться на высоте положения в самой принятой деятельности. Тем более это требуется для такого высокого и тонкого по своей духовности и святости дела, как пастырское душепопечение. Воистину, оно искусство из искусств, к упражнению в котором нужно приступать с устроенными духовными способностями, с изошренными силами духа. Знаем, с какой тщательностью готовятся, например, к врачебному искусству, особенно к искусству хирургическому. Тем более должна быть особенная, нарочитая, тщательная до благоговейности подготовка к искусству духовного врачевания душ христианских, руководимых не ко временной, но к вечной жизни верующих в нее. Но все мы хорошо знаем и по опыту, и по наблюдениям, что этого у нас, к великому прискорбию, нет и нет. Да, и у нас есть духовная школа, имеющая целью «приготовление юношества к служению православной Церкви», как гласит параграф 1 Устава о ней. Но и на деле, а теперь и по дополнительным узаконениям, духовная школа

только между прочим готовит юношей для прямого служения православной Церкви. Конечно, большая цель и заслуга духовной школы, что она дает возможность своим питомцам трудиться не только в пастырстве церковном, но и на иных, чисто светских гражданских и военных поприщах. Но тогда и назвали бы такую школу «христианским училищем», цель которого – дать христианское образование и воспитание юношам, чтобы после в жизни на всех поприщах ее они могли быть крепкими христианами. Для Церкви же весьма важно это назначение ее «христианского училища», но совершенно необходимо, чтобы была и нарочитая школа для подготовки духовных врачей душ человеческих, именно пастырей Церкви. Этого-то мы и не имеем. Все вопли и воздыхания наши об этом остаются тщетными, как и все неотложно нужное в нашей Русской земле, которая от самого чудного начала «велика и обильна, а порядка нет в ней». И видим, что если шестая-седьмая лишь часть прошедших нашу духовную школу отдает себя на пастырское служение в Церкви, то это уже большое дело. А остальные идут на разные поприща чисто внешней деятельности в стране. Церковь же остается без должно подготовленных к делу пастырей. И это при усложнившихся и видоизменившихся требованиях времени. В верхах же давно-давно все спорят пока только о том направлении, в котором должна быть преобразована вся духовная школа, чтобы наилучше отвечать ей своему церковному назначению. По пословице: «паны дерутся, а у хлопцев чубы летят»... А воз и ныне там...

Но так как не в нашей власти изменить все это, так что может быть и до приближающегося второго пришествия Христова это дело останется в таком положении, то надлежит что-то сделать, чтобы в существующих условиях, однако, пастырство наилучше могло отвечать своему высокому святому назначению. Тем более нужно иметь в виду и то, что за недостатком лиц с нарочитым пастырским образованием и подготовкой в большинстве случаев приходится ставить

священнослужителями лиц, можно сказать, всякого образования, а иногда и без всякого образования, но желающих по должному, хотя и условно, испытании послужить Церкви Христовой в составе клира. Конечно, таковые лица подвергаются особому испытанию, а кроме того постепенно подготавливаются к священству на низших степенях клира. Но все это и условно, и быстро, а потому может быть и не прочно, чтобы пастырь Церкви был богат духом ревности пастырской. Без этого же духа он все равно что светильник без елея.

12. Пастырско-миссионерские съезды и курсы

При указанных выше условиях надлежит самим пастырям все сделать, чтобы поднять свой пастырский дух, возвысить свое образование, восполнить свои силы и средства для пастырского делания. В этом направлении особенную ценность имеют устраиваемые в пределах нашей Пермской епархии миссионерские съезды и курсы для духовенства епархии. На таких съездах собравшиеся прежде всего выясняют наличную приходско-церковную действительность. Посему для всякого такого съезда составляется определенная программа, по которой участниками съезда представляются на съезд доклад о положении дела в приходе с указанием тех или иных мероприятий к улучшению или исправлению дела. Такие доклады подвергаются общему обсуждению. Скрывать или прикрашивать положение дела не придется, ибо все соседи тут же и уличат в том докладчика. Поэтому съезд само собой получает в высокой степени серьезный характер. Наряду с недочетами выясняются и положительные стороны. Вместе со вскрытием неустройства или недостатков общим советом и обменом мнений об отдельных опытах, предлагаются и всем, и каждому жизненные меры и советы для устроения и исправления дела в приходе. Кроме того, таким путем, может быть, и не особенно вооду-

шевленные на дело на примере других и при общем воодушевлении исполнятся ревности и усердия к делу на своем приходе. Не невозможно, что и не худой человек, но долго оставаясь одиноким на деле, среди обыденщины особенно нашей деревенской жизни, и сам заведется этой обыденщиной, и отлетают от него, может быть, когда-то и бывшие на душе светлые мысли и намерения, как мечты юности чистого. Тут же на таких миссионерских съездах увидит таких деятелей воодушевленных, умелых, опытных, не мечтателей, понаслышится о живой их пастырско-народной деятельности и сам сначала задумается над своим положением, а потом и духом возревнует о пастырской работе на приходе.

Таково жизненное значение миссионерских съездов. Они весьма важны, воспитательны для духовенства. Помимо того, путем таких съездов выясняется подробная картина положения церковно-приходского дела по всей епархии. Посему такие миссионерские съезды должны происходить по крайней мере однажды в год по всем благочиниям епархии. Руководителями таких съездов должны быть или миссионеры, или, в случае невозможности для них, благочинные. Съезды должны собираться не для праздных разговоров, не для отбытия повинности, а для строго определенной цели. Посему для таких съездов предварительно должна быть предлагаема программа, на вопросы которой все причты и должны представлять продуманные доклады для предъявления съезду. По обсуждении же таких докладов и по обмену мнениями должны быть составляемы особые журналы или протоколы, с указанием общих суждений по заслушанным докладам, с указанием выработанных мер для улучшения или исправления дела. Такие журналы и должны представляться епархиальному архиерею на внимание и заключение.

И самостоятельно, и вместе с такими миссионерскими съездами должны устраиваться миссионерские курсы для духовенства по образцу устраиваемых уже в нашей епархии. Предметом этих курсов

должны быть и общие богословские и пастырские вопросы, и проповедничество, и миссионерство среди старообрядчества с сектантством, и противостояние погибельному духу неверия и практического материализма, и подобное. Никто из пастырей не может считать себя вполне осведомленным в таких предметах. Если специалисты ученые постоянно следят за своей наукой и испытывают всякую новинку в этой области, чтобы быть на уровне времени и науки, то тем более это надлежит делать пастырю Церкви, так как его деятельность шире и глубже всякой научной деятельности, – она идет вместе с текущей и изменчивой жизнью, – чтобы воздействовать на эту жизнь началами вечными, приспособлявая ее к ним, а не их приспособлявая к ней. Посему ни один, даже получивший полное богословское образование пастырь, не может счесть себя не нуждающимся в указанном обновлении, восполнении, расширении своих познаний, тем более в возвышении пастырского воодушевления. Как на съездах, так и на курсах совершается общая дружная, откровенная работа с одной высокой целью – быть во всеоружии и в святом воодушевлении для пастырского служения среди мира сего в целях руководства пасомых к вечной жизни.

Опыт таких курсов свидетельствует, что после первых же курсов участники их непременно просят, чтобы ежегодно у них были такие курсы. Они на деле увидели – как много вопросов и знаний весьма важных и нужных, которых они не знали. Тут они, один другого воодушевляя, все исполнились совершенно юношеского рвения – учиться и учиться, чтобы стоять твердо на своем деле. Пастырское служение им раскрылось как жизненное и все обновляющееся дело, а посему такое высокое, светлое, чистое, имеющее целью духовный рост и спасение души человеческой, уготовляемой к вечной жизни во Царстве Христа, за нее пострадавшего.

Так из года в год повторяемые такие курсы высоко поднимут пастырское настроение духовенства и восполнят в значительной сте-

пени недостающее у каждого. Еще лучше такие курсы приурочивать к местным народным празднествам, чтобы участием в богослужении, в проповеди, в крестном ходе усугубить народное торжество. Народ непременно отзовется на такой подъем духа. Помню, в Омской епархии такой миссионерский съезд с курсами был устроен на масляной неделе в одном селе, где немало было и сектантов. Конечно, предполагали, что народ даже и не заметит такого съезда, потому что на масляной идет обычный языческий карнавал-веселье. Оказалось обратное: народ испросил разрешение послушать беседы собравшихся отцов, да постепенно так увлекся ими, что не хотели и домой уходить, говоря духовенству: «Вы, батюшки, пойдите пообедайте, а мы подождем здесь вас, чтобы и еще послушать». Видя такую ревность народа к духовной беседе, сами участники съезда оценили все высокое значение подобных съездов и курсов для них самих. Так и должно быть везде и всегда.

13. С чего начинать поднятие церковности на приходе

Подробно мной было объяснено все, касающееся данного вопроса, в «Письмах архиерея к иереям» (Пермь, 1915 год) и в «Архипастырском послании к духовенству Пермской епархии о мероприятиях ко введению в жизнь закона об устройстве православных приходов» (Пермь, 17 февраля 1916 года). Из того и другого, да и помимо них, всякий пастырь хорошо знать может, что ему принадлежит высокая и разнообразная деятельность в приходе. В условиях наших обширных и многолюдных приходов, в совокупности с трудными путями сообщения между отдельными частями прихода, не под силу одному священнику сделать все, что нужно в чисто пастырском отношении. Да и помимо сего, самое существо дела требует лишь, чтобы

священник был руководителем церковной жизни в приходе, как и мать в семье не ведет же на поводке всякого из своих детей, стараясь приучить их к самостоятельной, но благовоспитанной жизни. Надо так поставить дело, чтобы приход под воздействием и руководством священника сам собой устроил и поддерживал в своем составе церковную жизнь.

Начать же следует с небольшого дела. В пределах самого даже запущенного прихода всегда во всяком поселке найдется несколько благочестивцев, которые скорбят об упадке веры и нравов в народе, сами же горячо прилежат святой Церкви. Вот их-то и взять себе в помощники или сотрудники следует священнику. Руководя их в чтении духовных книжек, направляя их усердие в должном направлении, всячески следует воодушевлять их на братолюбную миссионерскую самую простую работу среди односельчан, в целях воодушевления их на благочестие. Таковые ревнители и под личным руководством священника, и по его указанию будут собираться в свободное время для чтения духовных книг и для братских бесед, как собираются обычно поселяне для пустого препровождения времени, не наученные осмысленно распоряжаться своим досугом. Воодушевляемые своим священником, они стараются привлечь на свои собрания своих соседей, хотя бы каждый только по одному человеку. Братство их постепенно растет. В нем опять всякий в свою очередь привлекает других сочувствующих. Так постепенно, медленно, но верно, вначале весьма «малое стадо» охватывает весь поселок, а затем и весь приход.

Через таких-то доброхотных, за спасение души, сотрудников священник знает все, что делается в приходе, хотя бы сам и не мог часто бывать во всех поселках своего прихода. Ревнители, по заданным им от духовного отца заданиям, своевременно сообщают ему обо всем, что требует его внимания и руководства. Так естественно сократится его личный труд, совершенно непосильный для одного человека при всем его личном усердии к святому делу.

Через такие именно братства и кружки ревнителей священник наилучше и ближе к делу может поставить и самое утверждение христиан в христианском уповании, в знании веры, молитв, в приучении к церковным обрядам и обычаям и все дальнейшее духовное научение и просвещение. Как руководитель, он может таким кружкам поставить определенные задания для их братских собраний, – например, прочитать такую-то книжку, выучить такие-то молитвы, утвердиться в таких-то благочестивых упражнениях, обсудить такую-то меру для поднятия добрых нравов в приходе, предпринять дело помощи бедным и сиротам или нуждающимся в помощи учащимся в школе.

Когда зачнется такая здоровая правильная жизнедеятельность в отдельных частях прихода, найдутся нужные на всякое церковно-приходское дело и люди. Скучающие от безделья и неумения найти смысл своей жизни и осмысленное приложение своих дремлющих духовных и телесных сил – все такие, как полевые цветы головками тянутся к оживляющему их солнцу, потянутся к проблескам живой жизни и работы преползной. Так дело, развиваясь и разрастаясь, постепенно подразделится на отдельные свои отрасли с определенным составом деятелей. И окажется, что одни занялись совместным чтением духовных книг и ведением братских бесед, другие – благотворительностью в приходе, третьи – заняты церковно-школьным делом, иные – заботой о благолепии храма, о церковном пении, о порядке на приходском кладбище, иные хлопочут об улучшении народного хозяйства, о трезвости, об искоренении худых навыков и о насаждении добрых нравов и доброго препровождения времени детьми, молодежью и взрослыми и т.д., и т.д.

Так семя слова Божия, брошенное на почву душ человеческих, не умирает, но начинает произрастать и приносить свой плод в людях и в их жизни. Так зачинается возрождение отдельных душ, а через это и всего прихода, как живой Церкви Божией. Пастырь Церк-

ви насаждает и напояет, а воспринимающие это души человеческие сами возрастают под благодатным действием Святого Духа Божия (1 Кор. 3, 5–7).

14. Посещение домов прихожан

Под таким делом разумеется не то, чтобы священник ходил из дома в дом. Конечно, это было бы весьма хорошее дело – пастырю Церкви посещать своих пасомых, чтобы руководить их духовной жизнью. Но это в редких случаях возможно при обширности и разбросанности наших приходов, при множестве всяких побочных, но обязательных дел у пастыря. Нет, в данном случае разумеется другое и более простое, а следовательно, и возможное для священника. Дело в том, что священник часто приглашается прихожанами для совершения всяких треб на дому. Такими обязательными посещениями и следует непременно воспользоваться для духовного назидания православных. Тут и нужно вникнуть в жизнь и распорядок жизни семьи. Тут и нужно расспросить всех так, чтобы вылилась душа человеческая с ее запросами и надеждами. Тут обратим внимание и на воспитание детей, на их молитвенное делание, на их поведение. Тут же попутно и о духовном побеседовать, не в виде обычной проповеди, но именно непосредственной отеческой простой беседой. Припоминается священник доброго старого времени в родном моем приходе. В таких случаях он обо всем выпросит в семье, все выскажет, что знает об этой семье, детей переспросит в знании молитв, одних похвалит, а другим выговорит и строго запретит. И таким порядком священник знал всех своих прихожан и с хорошей, и с дурной стороны. Помню, что я тогда еще подростком знал тоже почти всех прихожан и всякого из них по настроению и поведению только потому, что, хо-

дя с причтом по приходу на Пасхе и на Святках, обычно прислушивался вот к таким попутным беседам священника с прихожанами. И, конечно, тогда не только священник, но и я хорошо знал – кто в приходе когда вступает в брак или выходит замуж, тогда как теперь священник об этом часто узнает только тогда, когда к нему от архиерея направляется на отзыв бестолково написанное прихожанином прошение о разрешении ему вступить в брак, например, при недостатке возраста или в известных степенях родства. Такова простая старина и такова мудреная современность. Первая не гналась за большим, но достигала весьма существенного конца; а вторая считает это все мало важным, опускает же и все важное, почему жизнь христианская и понижается, хотя разные отчеты да доклады и уверяют, что все делается лучше и лучше. Подтверждений тому не требуется, их дает сама действительность.

Итак, указываю первое самое простое средство – духовно влиять пастырю на свою паству безо всякой затраты особого времени и сил. Указываю попутный способ – руководить жизнью и настроением своих пасомых. Таким путем установятся сами собой чисто пастырские или, лучше сказать, отеческие отношения у пастыря к пастве, взаимно вызывающие детское отношение к нему со стороны пасомых. Исчезнет та взаимная отчужденность, на которую теперь одинаково жалуются и духовенство и миряне. Весь приход будет на виду у пастыря, явится одною большою семьей, возглавляемой и руководимой священником – духовным отцом. Ему Бог дал духовную паству, и он Богом дан в отца этой пастве. За святое послушание Пастыреначальнику Христу Спасу пастырь с паствой и будут в едином духе по одинаковой заботе о душевном спасении. Духовное значение или авторитет такого Богом поставленного и свято соблюдающего такое свое от Него поставление – как высоко оно и перед Богом, и пред людьми! Насколько выше оно того взаимоотношения, которое хотят укрепить выборами священников самой паствой! «Мы тебя выбрали, ну

так и делай по-нашему, а не будешь делать – так ты нам и не нужен, мы выберем другого». Так было, так и будет в конце таких выборов. Так было и в древней нашей Святой Руси, когда при выборном духовенстве были несчастные «крестцовые попы», составлявшие обузу для Церкви Божией и соблазн для христиан. Правда, было выборное духовенство в древней гонимой Церкви. Но тогда самое имя христианина было уже геройством. Всякий христианин должен был всегда быть готовым к ответу и мучению за свое христианство. Посему тогда все христиане естественно заботились, чтобы в передовых рядах их стояли истинные герои духа, для которых священство есть высшее доброе дело, то есть готовность на мученичество за себя и за паству свою. Тогда и выбирали в клир лучших и сильнейших духом людей. Земных и корыстных расчетов тут и быть не могло и у выбирающих, и у выбираемого. Расчет был один: выбирают готового и на смерть за выбравшую паству. Теперь же, когда, независимо от душевного спасения, выгодно числиться христианином безо всякого подвига в христианстве, когда числящиеся христианами ищут не строгости в подвиге, а послабления и принижения высоких начал Христова Евангелия, когда, пожалуй, большинство христиан не бывают в церкви на исповеди со Святым Причастием и, однако, считаются полноправными христианами-прихожанами, – при таких условиях предоставлять «сборищу народа избирать имеющих произвестися во священство» (Лаодик. Соб. 13 прав.) – это по меньшей мере неосмотрительное дело в отношении ко всей церковной икономии. И недопустимое дело проявит церковная власть, если попустит это крайне опасное для всей Церкви нововведение древнего обычая при совершенно изменившихся условиях времени. Подождите, все поспешные реформаторы святой Церкви: независимо от нашего желания произойдет и у нас отделение Церкви от государства, а после того и неизбежное гонение на Церковь не только от безрелигиозного, но и от антихристианского государства, – тогда и будем выбирать клири-

ков на церковноприходских собраниях, выбирать будем крадучись от гонителей, и выберем, конечно, не по земным соображениям, а только по церковным, ибо тогда земные расчеты сами собой исчезнут для гонимых христиан. Хотим мы или не хотим, но такое время к нам приближается. К нему и нужно готовиться, как к огненному испытанию для нашей веры сначала от духа антихристового, а потом и от самого Антихриста, *которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду* (2 Сол. 2, 9–12).

15. Благовременные поводы к научению прихожан

К таковым прежде всего следует отнести благое время Великого поста. Разумеется не в собственном смысле церковная живая проповедь с кафедры, о чем было сказано раньше. Нет, разумею самое время исповеди, когда православные долго ждут своей очереди в ряду других подойти к духовнику на откровение своей совести. Тут свободного времени бывает очень много. Обычно в это время псаломщики или диаконы производят отметку в исповедных ведомостях пришедших на исповедь. Затем прочитывают вечернее правило для причастников. А остальное время исповедники сидят праздно, пожалуй и разговорами неподобающими занимаясь. Вот это время и следует использовать для всякого душеполезного научения прихожан.

Заняться таким делом должны ближайшие помощники священника – диаконы и псаломщики. Но можно привлечь к этому и благочестивых грамотных и поющих мирян, даже учащихся. В то время

как там в таинственном уголке храма у алтаря его идет святая исповедь, здесь в трапезной части храма и учить выжидающих исповеди молитвам, житиям Святых, пению церковному. Как преполезно будет занято это праздное время! Как размягчатся и сердца человеческие для откровенной исповеди перед духовником!

Таким порядком и грамотные, и неграмотные одинаково простым способом научатся тому, что нужно знать всякому христианину, но чего, к сожалению, не знают и прошедшие школу. Это было бы настоящим оглашением православных христиан, приступающих к исповеди и Святому Причастию. И особенной премудрости для этого не нужно, а необходимо только иметь святое усердие к делу да уметь читать и петь, чтобы научить указанному и прихожан.

Можно и иным способом учить прихожан тому же. При помощи вышеописанных братств и кружков ревнителей в приходе следует устраивать воскресные школы или вечерние занятия для всех желающих посещать таковые. Под руководством священника и его ближайших сотрудников ревнители и займутся тем же самым научением христиан молитвам, Закону Божию, житиям Святых, церковному пению. Все лично воодушевленные церковноприходскою работою, как своим душевным подвигом во спасение, душу свою вложат во все указанное дело, и плодотворная живая работа закипит, найдутся сочувствующие и соратники в деле. Таким порядком единоличный труд священника будет разделен между самими его прихожанами, которые не за страх, а для спасения своей души, за совесть, вместе с ним и под его руководством будут усердствовать для поднятия церковной жизни в приходе.

Этих же целей можно достигать разумным использованием приходских крестных ходов. Тут непременно следует постепенно привлекать и народ к общему пению сначала простейших молитв, а потом и расширять круг таких молитв и песнопений. Таким порядком научатся и церковному пению, научатся попутно и церковным мо-

литвам. Всем хорошо известна певучесть нашего народа и усердие его именно к церковному пению. Только бы умело и с воодушевлением это было предложено и указано, – непременно народ откликнется с душой.

Всеми указанными путями и будет достигаться одна святая цель: научение православных знанию веры и умению дать ответ посильный о своем уповании, научение молитвам и церковному пению, а вместе с тем создание святого воодушевления на благочестие, как на благоговейное хождение пред Богом. А это великое и основное дело. Без него все красивые и горячие речи о приходской благотворительности, о просвещении и прочем, – все это будет бесцельно и непрочное. И воспринятое оно исчезнет, как праздное, хотя и красивое увлечение. Научивши же всему вышеуказанному, создав святое воодушевление на благочестие, и можно будет прочно и плодотворно начинать призыв и к благотворительности приходской, и к просвещению, и ко всему прочему, в чем может и должна проявляться приходская жизнь. Все это будет проявлением созданного, прочного, святого воодушевления на благочестие и на устроение жизни по Евангелию Христову.

Вот в кратких словах – что желательно видеть в деятельности нашего духовенства в уврачевание той действительности нашей церковноприходской жизни, как она представляется нашему взору при наблюдении ее. Не о коренных и сомнительных по своей приложимости преобразованиях идет речь, а всего только о том, что следовало бы и можно бы предпринять в создавшихся действительных условиях пастырской жизни и деятельности. Будут или не будут сделаны в нашей Церкви самые высокие преобразования, которые все вытекают, по существу, из возвращения Церкви Божией ее подлинной, а не призрачной свободы, из возвращения Российской Православной Христовой Церкви ее главы – Святейшего Всероссийского Патриарха, – это неизвестно, да от нас и не зависит: возвратить взятое может

и должна только взявшая от Церкви патриарха гражданская власть. Но и при наличной действительности нам, архиереям и иереям, надлежит ответственность за вверенное нам стадо церковное, а потому никто и оправдываться неканоничными порядками в Церкви не может и не должен. Положение первенствующей гонимой Церкви куда хуже было, но тогдашние Отцы Церкви сим положением не оправдывались, но не покладая рук за совесть перед Всевидящим Первоархиереем Христом трудились, изводя на истинную свободу духа тогдашних христиан. И сумели среди гонений, крестов и костров так извести на эту прекрасную свободу духа, что сам гордый гонитель и мучитель – тогдашний языческий мир – побежден был этой свободой преследуемых христиан и преклонился перед высотой их духа, Крест Христов воссиял над миром языческим и из позорного орудия казни явился добропобедным знаменем царей и народов, смиренно преклоняющихся перед силою Распятого на нем Царя царей. Среди разных неустройств церковных, среди тяжелых и унижительных для Церкви Божией условий в современной государственной и общественной жизни дерзновенно, отцы и братие, понесем возложенное на нас послушание церковное, бодро и воодушевленно будем руководить христиан к Царствию Божию, высоко вознося Животворящий Крест Христов, как символ Божией силы и Божией премудрости.

Послесловие

Вот что вылилось у меня от души о «жизни нашей церковной как она есть» под впечатлением последнего осеннего путешествия для обозрения некоторых церквей и монастырей епархии. Никаких проектов о новых реформах я не сочиняю. Говорю же лишь о том, что возможно и следует нам делать только при наличных условиях

нашей церковной жизни и чего требует от нас эта самая жизнь. Да и об этом-то говорю лишь применительно к обычным взаимоотношениям между архиереями, духовенством и паствой. И все высказываемое, конечно, местами в той или иной мере и существует, и заведено. Да оно не так и трудно для своего осуществления, – было бы лишь усердие...

Конечно, я умолчал о многом, что следовало бы делать по нуждам времени для поднятия веры и нравов в народе. Но в данном случае я говорю только применительно к впечатлениям после путешествия по приходам епархии. Подробнее же о разных церковных вопросах мною сказано было в моих письмах «Станем добре», припечатанных в «Новгородских Епархиальных Ведомостях» за 1910 год, отдельным приложением к журналу «Пастырь-Проповедник» за 1912 год (Верхне-Уфалейский завод, Пермской губ.) и отдельными оттисками, издание 2-е, переделанное и значительно дополненное. Пермь. 1915 год.

Примечания

- ¹ Архиепископ Николай (в миру Иван Дмитриевич Касаткин; 1836–1912). Канонизирован Русской Православной Церковью в 1970 году.
- ² Аналог комитета по делам религий в условиях думской демократии.
- ³ В собрании среди прочих участвовали председатель Пермской ЧК Малков, Иванченко, Сорокин, Окулов, Жужгов.
- ⁴ Мясников Г.И. С 1917 года председатель Мотовилихинского Совета рабочих депутатов.
- ⁵ Теперь это место находится в черте города Перми.
- ⁶ Первая публикация в журнале «Православный собеседник» (Казань, 1899 г.), в 1900 г. перепечатывается под названием «Миссионерский год в Японии» журналом «Уфимские епархиальные ведомости».
- ⁷ На будущее.
- ⁸ Бытописец, историк.
- ⁹ Святитель Нектарий Эгинский, митрополит Пентапольский (1846–1920). Причислен к лику святых Греческой Православной Церкви.
- ¹⁰ Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе (Флп. 3, 13–14).
- ¹¹ Уфа, 1904.
- ¹² См. нашу книгу «Миссионерский путь в Японию».
- ¹³ То есть избираемых от отдельных общин представителей, имеющих задачу и руководить христианами в жизни христианской.
- ¹⁴ Как прибавку к маленькому их жалованью в 3–5 иен.
- ¹⁵ Сиракава Мануил, Намбу Евфимий и Огасавара Иоаким.
- ¹⁶ Женское религиозное собрание.
- ¹⁷ Даже жена его сказала ему: «Ты все одно и то же» – и с укором посмотрела на него.
- ¹⁸ Первоначально напечатано в «Колоколе» за 1907 г., №№ 480, 481, 483 и 484. Печатается по изданию: Епископ Андроник (Никольский). Русский гражданский строй жизни перед судом христианина. Фрязино, 1995.
- ¹⁹ Епископ Андроник. Беседы о «Союзе Русского Народа». Старая Русса, 1909.

Печатается по изданию: Архиепископ Андроник. «О Церкви, России». Сост. В.А. Королев. Фрязино, 1997. С. 126–142.

²⁰ Помимо публикации в «Новгородских епархиальных ведомостях» (1910 г.), письма печатались отдельной брошюрой в Новгороде (1910 г.) и в значительно дополненном виде в «Пермских епархиальных ведомостях» (1914 г.) и в 1915 г. отдельной брошюрой в Перми.

²¹ 1915 г. **Примечание.** На докладе Пермской духовной Консистории, от 4 сего декабря за № 1178, по вопросу об открытии при одной из церквей Пермской епархии общества ревнителей чистоты и опрятности храма и любителей церковного пения, по прилагаемому проекту устава, резолюция Его Преосвященства Преосвященнейшего АНДРОНИКА, епископа Пермского и Соликамского от 4 сего же декабря за № 9710 последовала таковая: «Представленный устав утверждается, но общество ревнителей назвать «Сестричеством» ревнительниц. В исправленном виде устав припечатать в «Епархиальных Ведомостях» с пропуском пунктиром слов, касающихся данного «Сестричества» – как примерным. Подобные «Сестричества» весьма важны и желательны во всех приходах. Они будут содействовать укреплению в приходе веры и любви к Церкви и богослужению, насадят добрые нравы среди прихожанок, а через них и в их семьях, облагодетят храм Божий, сократят и многие хозяйственные расходы по церквям. Лучше бы во главе таких «Сестриществ» встать женам священноцерковнослужителей, учительницам, чтобы около себя собирать всех лучших среди прихожан, а через них вносить все доброе и благочестивое и во весь приход. Во всяком приходе таких ревнителей найдется множество, но, не объединенные, они не знают, к чему и как приложить свои силы и усердие. Позаботьтесь же, отцы, братие и сестры, об учреждении по приходам таких «Сестриществ», хотя бы по данному уставу. И из малого сделайте постепенно великое дело поднятия религиозности, благочестия, добронравия, благородства, трезвости, благоприличия в приходе. Воодушевляйте сестер и поставляйте им в заботу привлечь каждой хоть одну сестру в «Сестричество», как добрую жертву Богу и Его храму. И таким путем одна за другой в «Сестричество» войдут все женщины и девицы прихода, и для всех достанет самого живого и святого.»

²² «Голос Церкви». 1913. № 2, с. 28–36; № 3, с. 22–32; № 4, с. 19–21; № 6, с. 34–43.
«Пермские епархиальные ведомости». 1916. № 31, с. 749–753; № 32–33, с. 773–780.

Содержание

Предисловие	5
Житие священномученика Андроника (Никольского)	6
Миссионерский путь в Японию	60
Миссионерский год в Японии	180
Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или основания и смысл царского самодержавия	350
Беседы о «Союзе Русского Народа»	376
Станем добре, станем со страхом, вонмем. Письма архиерея к иереям	400
Наша церковно-народная жизнь как она есть	462
<i>Примечания</i>	508
<i>Содержание</i>	510

Издание подготовлено Фондом

«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

В задачи Фонда входит подготовка материалов, касающихся подвига мучеников и исповедников XX столетия, и в соответствии с этим — изучение архивных документов, личных свидетельств и составление жизнеописаний.

ФОНД ВЫПУСТИЛ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

- **Игумен Дамаскин (Орловский)**. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. В 7 книгах. Тверь, 1992–2002.
- **Иеромонах Дамаскин (Орловский)**. Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского. Тверь, 1997.
- **Иеромонах Дамаскин (Орловский)**. Житие священномученика Феодора и иже с ним пострадавших. Тверь, 1998.
- **Иеромонах Дамаскин (Орловский)**. Новомученики Тверской епархии XX столетия. Тверь, 1999.
- **Игумен Дамаскин (Орловский)**. Житие священноисповедника Романа (Медведя; 1874–1937). Тверь, 2000.
- **Священник Олег Митров**. Житие священномученика Арсения. Тверь, 2001.
- **Б. П. Балугев**. Споры о судьбах России. Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001.
- **Игумен Дамаскин (Орловский)**. Житие священномученика Петра (Зверева). Тверь, 2001.
- **Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь–Декабрь**. В 5 книгах. Тверь, 2002–2004.
- **Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской**. ТВОРЕНИЯ. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Книга I. Проповеди. Книга II. Записки по дидактике. Тверь, 2002–2003.
- **Священноисповедник Амвросий (Полянский), епископ Каменец-Подольский и Брацлавский**. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Учение о Царстве Божиим по сочинению блаженного Августина «О Граде Божиим». Тверь, 2003.
- **Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский**. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Экзегетический анализ первых двух глав Послания апостола Павла к Евреям. Тверь, 2004.

Электронную версию всех изданий Фонда, сведения о его деятельности, календарь новомучеников и аудиоматериалы можно найти на сайте Фонда в Интернете:

www.fond.ru

Тел. Фонда: 363 01 26

Духовное наследие
мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви

Священномученик Андроник (Никольский; 1870–1918), архиепископ Пермский
Творения. Книга I. Статьи и заметки

Издание регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»

Редакторы – Новикова Г. В., Новиков Н. М.

Оформление и верстка – Новиков Н. М.

Фотоматериалы предоставлены Королевым В. А.

*Духовное наследие
мучеников и исповедников
Русской Православной
Церкви*